

83141

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

и

ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

300. № 450

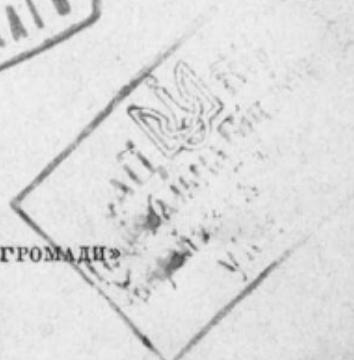
М. Драчманова.

ЖЕНЕВА

ТИПОГРАФІЯ «РАБОТНИКА» И «ГРОМАДИ»

1881

Анк 829

9
35р

КОЛЛЕКЦИЯ
ДОРОГОВ. НЕСТАЛЬН.
ВИДАНЬ

(Отпечатки изб „Вольного Слова“
пересмотренные и дополненные)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

и

ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТИЯ.

Наступила чорна хмара, настала
шче ј синя:
Була Польща, була Польща,
та стала ј Россія...
Ізъ украинск. народн. пѣсни.

I.

Настоящее революционное и вообще оппозиционное движение въ Россіи напоминаетъ то, котораго мы были свидѣтелями въ 1860—1863 гг., хотя, конечно, представляеть и крупныя различія. Какъ тогда, такъ и теперь, главнѣйшие вопросы, которые занимаютъ мыслящихъ людей въ странѣ, — это вопросы соціально-экономические. Но такъ какъ опыть доказываетъ и теперь, какъ доказывалъ это въ шестидесятые годы, когда главнымъ вопросомъ было дѣло осво-

Публічна
БІБЛІОТЕКА УРСР

ІНВ. 860754

бождения крестьянъ, что самодержавный царь съ своими еще болѣе самодержавными чиновниками не можетъ рѣшить хоть сколько нибудь удовлетворительно насущныхъ вопросовъ страны, то сама собою передъ мыслящими людьми ставится задача—перемѣны политического устройства государства такимъ образомъ, чтобы страна сама могла управляться съ своими дѣлами. Кромѣ того подобной перемѣны требуютъ самыя элементарные потребности личности: личной неприкосновенности, свободы совѣсти, національности и т. п. интересы, ежедневно нарушаляемые властями, стоящими виѣ контроля населенія.

Но кто помнитъ 60-е годы, тотъ, конечно, не забылъ, какое живое участіе принималъ въ тогдашнемъ оппозиціонномъ движении элементъ польскій въ Россіи и заграницей. Поляки тогда готовились къ своей революції,—а потому всячески торопили революціонную вспышку и въ остальной Россіи. Теперь не то: Варшава почти спокойна. Если и въ ней происходятъ аресты соціалистовъ, то происходятъ какъ то въ тихомолку. Широкая публика даже не знаетъ, за что тамъ арестовываютъ людей, тѣмъ

болѣе, что догадливое правительство избѣгаетъ дѣлать судебные процессы польскимъ соціалистамъ, а расправляетъ съ ними административнымъ порядкомъ. Польская за- граничная печать или молчитъ объ этихъ арестахъ, или сообщаетъ о нихъ краткія свѣдѣнія, по которымъ нельзя составить себѣ яснаго понятія объ оттѣнкахъ политическихъ мнѣній тѣхъ поляковъ, которые навлекли на себя административныя преслѣдованія царскаго правительства. Эмиграціонный соціалистический органъ польской, который было началь выходить нѣсколько времени тому назадъ въ Швейцаріи, выржалъ, конечно, нѣсколько разъ сочувствие „руссскимъ революціонерамъ“, но не высказался ясно относительно послѣдняго, явно политического, направленія, принятаго наиболѣе дѣятельными изъ „руssкихъ революціонеровъ“. Еще болѣе темнымъ остается отношеніе польскихъ соціалистическихъ круговъ, даже такихъ, которые имѣютъ случай высказываться печатно, къ политическому, и неизбѣжно и національному, вопросу въ Польшѣ. Нѣсколько голосовъ, какіе можно видѣть въ брошюрахъ г. Болеслава Лимановскаго („Sozializm jako konczny ob-

jaw dziejowego roswoju“ и „Patriotyzm i Socialyzm“), а также въ газетѣ „Równość“, довольно абстрактны и несовсѣмъ ясны, а часто и противорѣчивы даже на страницахъ одного и того же изданія.

Можно сказать, что поляки,—какъ поляки, —не только не принимаютъ активнаго участія въ теперешнемъ политическомъ движении въ Россіи, но и не составили себѣ опредѣленнаго мнѣнія о томъ, какъ отнести къ этому движенію.

Съ другой стороны, читая заявленія представителей этого движенія (газеты: „Земля и Воля“, „Народная Воля“, прокламаціи „исполнительнаго комитета“), мы понимаемъ, что полякамъ трудновато иначе и относиться къ нему, какъ сдержанно, — не зависимо даже отъ той или другой частной формы, которую оно принимаетъ по временамъ. Полякамъ трудно выбрать себѣ мѣсто въ этомъ движеніи, — которое носить на себѣ слишкомъ исключительный, „русскій“, характеръ. Само собою разумѣется, что время отъ времени русскіе революціонеры произносятъ въ своихъ заявленіяхъ слова сочувствія „несчастной Польшѣ“ или „своимъ польскимъ братьямъ“, — но слова эти сдѣлались общими

мѣстомъ всякой революціонной группы въ Европѣ,— и „русскими“ революціонерами послѣдняго времени произносятся столь абстрактнымъ образомъ, что, собственно говоря, теряютъ всякое реальное значеніе. Правда также, что послѣднія печатныя программы „русскихъ“ революціонеровъ обѣщаютъ самоуправлѣніе каждой мѣстности, хотя на счетъ национальныхъ правъ говорятъ все таки темно. Но вообще эти программы говорятъ исключительно отъ имени „русскаго“ народа, обѣ „русскомъ“ народѣ, — и изъ немногихъ частныхъ объясненій, которыхъ проскальзываютъ въ этихъ программахъ и заявленіяхъ органовъ „русскихъ революціонеровъ“, — напр. изъ ссылокъ на исторію, народный бытъ и его учрежденія и преданія, — оказывается, что подъ словомъ „русскій“ народъ они разумѣютъ, какъ это обыкновенно и бываетъ въ разговорномъ языке,— народъ великорусскій, хотя страннымъ образомъ, они тутъ же насчитываютъ то 70, то 80, то 90 миллионовъ этого „русскаго“ народа, вмѣсто 40, каковые находятся въ дѣйствительности. Можно предположить, что „русскіе“ революціонеры разумѣютъ въ послѣднемъ случаѣ всѣхъ гражданъ (поддан-

ныхъ) Россіи, называемой иначе „русскимъ“ государствомъ, хотя въ этомъ случаѣ уже не можетъ быть мѣста ссылкамъ на народные преданія, бытъ, учрежденія и исторію, — вещи, которыя у разныхъ народовъ Россіи разныя. Но дѣло въ томъ, что есть народы, которыхъ самая принадлежность къ Россіи, — а тѣмъ болѣе выражаемая словомъ „русское“, великорусское, государство, — сопровождается нарушеніемъ ихъ интересовъ, столь вопіющимъ, что одно уже напоминаніе объ этой принадлежности вызываетъ у нихъ болѣзньное чувство. Народы эти могли бы отказаться отъ желанія вырваться изъ стѣнъ этого государства только тогда, если бы имъ предложена была возможность такого преобразованія этого государства, при которомъ всѣ существенные интересы ихъ нравственной и материальной жизни были бы вполнѣ обеспечены. Само собою, что въ такомъ случаѣ они бы принесли сть своей стороны и всѣ возможныя пожертвованія, чтобы и отъ себя помочь достиженію такого преобразованія „русскаго“ государства.

По видимому теперешніе „русскіе“ революціонеры и предполагаютъ подобное преобразованіе, когда обращаются къ восьми-

десетимильонному русскому народу. И если бы исходъ дѣла зависѣлъ отъ доброй воли обращающихся лицъ, — людей, сколько известно, чуждыхъ всякаго честолюбія и національныхъ предразсудковъ, — то отъ торжества ихъ надъ „русскимъ“ же правительствомъ эти восемьдесятъ миллионовъ „русскихъ“ могли бы ожидать всякаго счастія, въ томъ числѣ и областной, и національной независимости. Но бѣда въ томъ, что ходъ исторіи мало зависитъ отъ добрыхъ чувствъ отдѣльныхъ личностей и что даже исходъ революцій мало зависитъ отъ чувствъ и расчетовъ ихъ инициаторовъ, — и даже болѣе: по большей части завтрашнее поведеніе самыхъ политическихъ дѣятелей не зависитъ отъ ихъ сегодняшнихъ обѣщаній, такъ какъ, даже при полной ихъ личной честности, они могутъ быть увлечены совсѣмъ на неожиданный путь обстоятельствами, желаніемъ овладѣть ими, наконецъ интересами и привычками тѣхъ сферъ, изъ которыхъ вышли эти дѣятели и на которыхъ они должны по необходимости опираться и т. д.

„Исполнительный комитетъ“, который побѣдилъ до сихъ поръ личность императо-

ра Александра II, хотя еще не побѣдилъ самодержавія въ русскомъ государствѣ, ставить ближайшою цѣлью переворота въ Россіи созывъ „учредительного собранія“, избраннаго поголовною подачею голосовъ. Но мы уже знаемъ изъ исторіи Франціи, что центральныя представительныя собранія не ведутъ за собою непремѣнно даже личной политической свободы, не говоря уже о неприкосновенности негосударственныхъ національностей или объ областномъ самоуправлениі. Примѣръ Германіи показываетъ намъ прогрессистовъ и республиканцевъ 1848 г. отвергающихъ „отдѣльное положеніе“ польской Познани и вотиравшихъ включение я въ нѣмецкую имперію и слѣдовательно предоставление ея политикѣ германизації. *)

*) Даже сеціалисты нѣмецкіе партіи Либкнахта,— которые примірились съ мыслью, что поляки могутъ имѣть равныя права съ нѣмцами, не поднялись еще до признанія подобныхъ правъ и за другими славянами и въ послѣднюю войну кричали о необходимости „поставить (въ Австріи) нѣмецкую плотину для остановки славянской волны“. (См. Либкнахта — *Zur orientalischen Frage, oder soll Europa kosakisch werden* и пр.). О томъ, какъ Ласаль говоритъ противъ національныхъ правъ малыхъ націй и противъ федерализма, см. *Brieffe von Lasalle an C. Rodbertus-Jagetzow*, 56—57.

Въ Австріи мы видимъ, какъ цѣлые наро-
ды отказываются посыпать депутатовъ въ
центральный парламентъ, пока не будетъ
обеспечена неприкосновенность ихъ націо-
нальности и мѣстное самоуправліе, ко-
торыя могутъ быть затерты извѣстнымъ
составомъ центрального парламента. Повсю-
ду мы видимъ примѣры политиковъ, кото-
рые начинали свою карьеру радикальнымъ
направленіемъ и даже баррикадами и кото-
рые становились деспотами, спасая „единство
государства“, необходимое, какъ имъ каза-
лось, для огражденія „свободы и прогресса“
отъ поползновеній „сепаратизма“, по ихъ
мнѣнію, символа „реакціи“. Мы не видимъ
причины, почему бы не повториться всему
этому и въ Россіи, если только отмѣна
царскаго самодержавія не будетъ сопровож-
даться широкой мѣстной свободой и серьоз-
ными гарантіями для неприкосновенности
національностей, — что невозможно, если са-
мая борьба противъ теперешняго политичес-
каго строя не будетъ устроена на федера-
тивномъ началѣ, т. е. на отрицаніи „единства
Россіи“ или „единства русскаго народа“.

Но обѣ этомъ послѣднемъ „русскіе рево-
люціонеры“, кажется, мало думали,—а цент-

ралистическая терминология ихъ прокламаций („русскій народъ“ вмѣсто „народы Россіи“) заставляетъ думать, что не совсѣмъ неправы были иностранныя газеты, (въ томъ числѣ благопріятная русской революціи газета г. Рошфора) которыя говорили, что „исполнительный комитетъ“ старается о сохраненіи за собою „русскаго“ національного характера. А между тѣмъ именно эта великорусская исключительность „исполнительнаго комитета“, памѣренная, или иѣтъ,—но вдвойнѣ странная, при преобладаніи среди членовъ его украинцевъ и евреевъ по происхожденію, и есть одна изъ причинъ поверхности его вліянія на массы населеній Россіи: массы великорусскія, по развитому въ нихъ 500 лѣтнею исторіею поклоненію царю, не сочувствуютъ борьбѣ русскихъ революціонеровъ именно съ царемъ;—не великоруссіе же народы революціонеры не сумѣли заинтересовать въ этой борьбѣ. Понятно, почему поляки, которые до сихъ поръ желали не преобразованія Россіи въ интересахъ ихъ народности, а полнаго отдѣленія отъ Россіи,—съ сохраненіемъ Романова польскимъ королемъ, или же безъ онаго,—теперь не могутъ принимать близко къ серд-

цу движение, которое не идетъ открыто противъ единства Россіи.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ поляки не выступаютъ и съ прежней своей программой отдѣленія отъ Россіи. Такимъ образомъ можно сказать, что „русскіе“ революціонеры не имѣютъ ясной программы касательно перусскихъ областей, въ томъ числѣ и Польши,—а поляки не имѣютъ ясной программы касательно теперешняго кризиса въ Россіи,—а это обстоятельство, отнимая возможность дружнаго дѣйствія всѣхъ элементовъ противныхъ русскому самодержавію, — не можетъ не быть благопріятно для продленія дней этого послѣдняго.

Впрочемъ эта безпрограмность или неимѣніе программы, отвѣчающей реальному положенію вещей, составляетъ давнюю особенность польско-великорусскихъ отношеній. Эти обстоятельства въ значительной степени способствовали самому развитію централизаціи и деспотизма въ области великорусской и превращенію ея въ центръ деспотической Россійской имперіи,— а за тѣмъ способствовали развитію и сохраненію царской диктатуры и чиновническаго деспотизма въ этой имперіи. Эти же обстоятельства

спасли деспотизмъ и централизацію и въ шестидесятые годы, — обусловивъ собою крупныя ошибки польскихъ и великорусскихъ революціонеровъ въ 1860—1863 гг.

Мы постараемся доказать это краткимъ обзоромъ польско-московскихъ отношеній въ старыя времена и болѣе подробнымъ обзоромъ отношеній польскихъ и великорусскихъ революціонеровъ въ эпоху къ намъ ближайшую, — чтобы подъ конецъ вывести заключеніе, логически вытекающее изъ уроковъ исторіи и могущее, по нашему мнѣнію, служить практическимъ наставлениемъ для дѣятельности въ настоящемъ и ближайшемъ будущемъ.

II.

Исторія каждого народа обусловливается географіей страны, какую онъ занимаетъ, или иначе почвою, на какой онъ живетъ. Счастливы тѣ народы, которымъ довелось занять земли удобныя и, такъ сказать, удобопонятныя, т. е. такія, свойства и отношенія которыхъ легко понимаемы даже и тогда, когда народъ еще находится на невысокой степени развитія. Но бѣда тому

народу, которому доведется жить въ стра-
нѣ, географическія свойства которой увле-
каютъ его въ отношенія сложныя, спра-
виться съ которыми можно только при вы-
сокомъ уровнѣ нравственномъ: при тонкости
пониманія, настойчивости и послѣдователь-
ности. Такія весьма „трудныя“ страны до-
стались почти всѣмъ славянамъ, въ томъ
числѣ и тѣмъ, которые занимаютъ великую
Восточную равнину Европы съ ея продол-
женiemъ на Западъ до нижней Эльбы: т. е.
полякамъ, бѣлоруссамъ, украинцамъ и вели-
коруссамъ. Равнинный характеръ страны
манитъ ея жителей къ распространенію въ
шире. Нитями собирательными служатъ
только рѣки, но такъ какъ онѣ переплетены
въ своихъ притокахъ, то бассейны ихъ
легко переходятъ одинъ въ другой, — и
рубежи народовъ, ихъ населяющихъ, пере-
путываются между собою.

Взглянувъ на карту рѣкъ, горъ и болотъ
вышеупомянутой страны, не трудно замѣ-
тить, что она распадается на естественные
области именно по рѣчнымъ бассейнамъ:
Одера и Вислы, Нѣмана, З. Двины, Диѣпра
съ Диѣстромъ, Ладожскаго озера и Волги.
Десять-одинадцать вѣковъ тому назадъ мы

видимъ здѣсь соотвѣтственное распределеніе племенъ: поляки на Одерѣ и въ значительной части на Вислѣ, литовцы на Нѣманѣ, кривичи (белоруссы) на верхнемъ Днѣпрѣ съ верхней же Двиною, поляне (украинцы) съ родичами своими на среднемъ Днѣпрѣ съ соѣдними областями; въ ладожскомъ бассейнѣ, а также на верхней Окѣ сѣли славянскіе колонисты, которые, подвигаясь на югъ и на востокъ и смѣшиваясь съ разными финноалтайскими и турanskими племенами, образовали многочисленное племя великоруссовъ. Линіи рѣкъ опредѣлили здѣсь и дороги международныхъ отношеній и ближайшіе племенные союзы: таковы: а) линія Невско-Волжская,—Новгородско-Болгарская, —теперь Петербуржско-Астраханская, б и с) Двинско и Нѣманско-Днѣпровская, —теперь Рижско и Кенигсберско-Кievская, —д и е) Висло и Одеро-Днѣпровско-Днѣстровская, —теперь Данцигъ - Штетинъ - Варшава, Краковъ, Львовъ, Одесса, съ вѣтвію черезъ Брестъ, Пинскъ къ Киеву и продолженіемъ на Галацъ. Уже находки новоперсидскихъ, арабскихъ, греческихъ, франкскихъ и англо-саксонскихъ монетъ въ разныхъ этихъ областяхъ опредѣляютъ раздѣленія и связи

этихъ бассейновъ между собою, — бассейновъ: великорусско-азиатского, литовско-белорусско-украинского и польско-украинского съ присоединениемъ теперь румынской области Прута.

Но почти въ каждомъ изъ этихъ рѣчныхъ бассейновъ и по каждой изъ этихъ между рѣчныхъ линій, природа помѣстила — по одному по два условія пертурбациі отношеній. Такъ, начиная отъ колѣна Нѣмана, примѣрно отъ Гродна, по линіи на Торунь по Вислѣ и далѣе по теченію Нетцы она помѣстила рядъ нѣкогда почти непроходимыхъ болотъ и мелкихъ озеръ, которыя отдѣляли поляковъ собственной польской равнины отъ ихъ Поморскихъ братьевъ на столько, что политическій союзъ ихъ между собою почти никогда не существовалъ сколько нибудь прочно. Поморяне находились въ болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ по морю и по сушѣ съ западомъ, чѣмъ съ единоплеменнымъ имъ югомъ, — и за тѣмъ были подчинены съ этого запада нѣмецкому вторженію, которое превратило ихъ въ „Померанцевъ“ и лишило польское плейя Балтійскаго моря между Одеромъ и Вислой. На востокъ отъ устья Вислы такія же, если не худшія, болота

совсѣмъ не пускали польской колонизаціи къ морю, а предоставили заболотную страну колонизаціи по-нѣманскихъ (по-русскихъ. Нѣманъ—Русь) литовцевъ, пруссовъ, которыхъ тщетно силились одолѣть первые польские короли и князья верхне и средневислянского округа. Желаніе сломить здѣсь литовцевъ, усиленное католическою политикою, заставило этихъ польскихъ князей пригласить сюда нѣмцевъ же, — которые положили на литовской землѣ зерно государства, со временемъ сломавшаго саму Польшу. Распространяясь дальше по поморью, нѣмцы захватили и Ригу, на устьѣ рѣки, которая течетъ долго въ бѣлорусской области, но потомъ, перешедши тоже линію болотъ и мелкихъ озеръ, втекаетъ въ область литовскую же (латышей). Соперничество полоцкихъ бѣлоруссовъ съ латышами и латышей съ эстами, какъ и соперничество поляковъ и литовцевъ, — помогаетъ утвержденію пришлыхъ нѣмцевъ тѣа всемъ южномъ берегу балтійского моря, во всѣхъ пунктахъ, которые составляютъ исходные точки великихъ между—бассейныхъ коммуникаціонныхъ линій: въ Данцигѣ, Кенигсбергѣ, Ригѣ. Международныя отношенія на балтійскомъ побережїи такимъ образомъ

слишкомъ усложнились, къ явной невыгодѣ поляковъ, литовцевъ, бѣлоруссовъ,— требуя отъ нихъ, для своего улаживанья, слишкомъ большихъ нравственныхъ ресурсовъ.

Нелегкія условія оказались и на южныхъ концахъ вышеупомянутыхъ линій, по берегу Чернаго моря. Тутъ полоса степей, все распроstrаивающаяся по направлению къ востоку, привлекаетъ съ востока кочевниковъ, которые несолько разъ отрѣзываютъ украинскую колонизацію отъ Чернаго моря и по временамъ почти уничтожаютъ великое международное значеніе Днѣпра, едва сохраняя транзитную линію отъ Данцига на Варшаву, Галичъ (или Львовъ), Галацъ, которую и стремятся поляки отобрать у украинцевъ, ослабленныхъ натискомъ кочевниковъ.

Такимъ образомъ географическо-историческая условія странъ между Балтійскимъ и Чернымъ морями вели къ тому, что народы тамошніе, будучи отталкиваемы отъ морскихъ береговъ, должны были наталкиваться одинъ на другой къ явной своей невыгодѣ. И дѣйствительно, мы видимъ, что оттираемые съ запада немцами поляки еще въ X—XI в. напираютъ на украинскую Галицію, а оттираемые отъ черноморскихъ степей

волынцы въ XII—XIII ст. ведутъ истребительную войну съ нѣманскими ятвягами и литовцами, на которыхъ въ свою очередь напираютъ и поляки. Но окончательно бѣдственнымъ для всѣхъ оказывается этотъ взаимный напоръ народовъ въ Диңгровско-Нѣманско-Вислянской области послѣ того, какъ поляки окончательно теряютъ передъ нѣмцами Поморье и область Одера и начинаютъ рѣшительно искать себѣ вознагражденія на Бостокѣ, т. е. съ половины XIV в.

А между тѣмъ временно на восточной европейской равнинѣ были установлены отношения между племенами, довольно выгодные для нихъ самихъ и для цивилизациіи вообще. Съ XIII в. установились тѣсныя федеративныя связи между нѣманскими литовцами и двинско-диңгровскими белоруссами; въ XIV в. въ этотъ союзъ входятъ и припетско-диңгровские и деснянские украинцы, — и союзное государство Гедиминовичей успѣваетъ отбить отъ татаръ бугско-диңгровскую Подолію и довести славянскую колонизацію до самаго Чернаго моря, — до земли старыхъ тиверцевъ и улучай, гдѣ въ началѣ XV в. является гавань Ходжебей, (нынѣшняя Одесса), которая уже тогда

посылаетъ хлѣбъ въ Византію. Тѣмъ часомъ оживляются итальянскія колоніи на Черномъ морѣ, въ то время какъ на Балтийскомъ находится въ полномъ цвѣту союзъ городовъ ганзейскихъ, который черезъ Ригу входитъ въ тѣсную связь съ городами бѣлорусскими.

Обширная, съ значительнымъ развитиемъ довольно свободной городской жизни, держава Гедиминовичей даетъ собою образецъ культурнаго бѣлорусско-украинскаго государства съ довольно естественными границами (бассейны Нѣмана, Двины и Днѣпра) и представляетъ опору для болѣе свободныхъ или болѣе культурныхъ элементовъ и великороссийской области (Рязани, Твери, Новгорода), угрожаемыхъ Москвою, которую московскій ученый (проф. Буслаевъ) называлъ полудикимъ, полутатарскимъ военнымъ лагеремъ. Просуществуя подобныхъ отношенія два-три столѣтія и вся судьба Востока Европы была бы совсѣмъ иная, конечно, болѣе счастливая, чѣмъ теперь. Но равновѣсіе было нарушено движениемъ на Востокъ Польши, а также захватомъ береговъ Чернаго моря турками. Послѣднее имѣло значительное влияніе на окончательное утвержденіе такъ называемой унії Литвы съ

Польшой въ 1569 г. Эту унію и до сихъ почти всѣ польскіе историки и политики зовутъ братскимъ союзомъ трехъ народовъ (Польши, Литвы и Руси). Между тѣмъ собственно: въ одной тогдашней Литвѣ было три народа (литовцы, бѣлоруссы, неправильно называемые Литвой, и украинцы, или „Русь“). Но что еще важиѣе, — унія 1569 г. была собственно раздѣломъ федераціи, основанной Гедиминовичами, и подчиненiemъ южной, украинской, части ея Польшѣ, — такъ какъ за Литвою, — которой сохранены были иѣкотрыя, второстепенные автономныя права, оставлены были только собственно — литовскія и бѣлорусскія области, — а Украина-Русь (Волынь, Кіевъ и Черниговъ) были прямо присоединены къ числу мало-польскихъ воеводствъ безъ всякой цѣльной областной, или национальной автономіи и цѣльного представительства. За злополучною унію политическою 1569 г. послѣдовала не менѣе злополучная унія церковная 1596 г.

Совокупность этихъ уній показала, что тогдашніе польскіе политики взяли на себя, — сознательно, или иѣть, — задачу, которая была совсѣмъ не по силамъ Польшѣ. Во первыхъ, поставивъ столь обширный край

въ зависимость отъ польской короны, а южные области даже въ прямое ей подчинение, они брались удовлетворить всѣмъ политическими нуждамъ края, начиная отъ вѣшней его защиты, — главнымъ образомъ отъ Турціи. Во вторыхъ Польша взялась распространить на край, котораго соціальный строй былъ совсѣмъ не похожъ на польский, — свои соціальные порядки, признававшіе, вѣдь городовъ, только два класса населенія: шляхту и подчиненное ей поспольство. На первыхъ порахъ литовская, особенно украинская, мелкая шляхта была довольна получениемъ правъ польской шляхты, уравнивавшихъ ее юридически съ магнатами. Но на Украинѣ сложился новый классъ вооруженныхъ людей, казаки, которые пожелали и себѣ уравняться въ правахъ съ шляхтой. А за казаками и крестьянство, еще далеко не подчиненное панамъ, какъ въ Польшѣ, особенно въ близкихъ къ степямъ мѣстахъ, считало себя достойнымъ той же вольности. Польскому правительству пришлось или признать шляхетскія права за всѣмъ населеніемъ Украины, или же попробовать сразу подчинить громадную массу народа ничтожному меньшинству. Стефанъ Баторій по-

пробовалъ выдѣлить изъ массы казаковъ 6000 семействъ, дать имъ шляхетскія права, —а остальныхъ повернуть въ послольство, —которое должно было подчиниться шляхтѣ. Но изъ этого проекта, который долго выставлялся и польскими, и русскими писателями, какъ благодѣтельное дарованіе правъ казакамъ, вышла только путаница: шляхта не признавала правъ новыхъ своихъ товарищѣй,—непопавшіе въ реестры казаки не хотѣли обращаться въ послольство, а послольство все хотѣло быть казаками, т. е. вольными и самоуправляющимися людьми. Отсюда рядъ казацко-польскихъ войнъ съ конца XVI до $\frac{1}{2}$ XVII ст.

Въ довершеніе всего, религіозная унія была явнымъ приступомъ не только къ окотоличенію, но и къ ополяченію мильоновъ белоруссовъ и украинцевъ и какъ разъ въ то время, когда начатая въ городахъ (Львовѣ, Вильнѣ, Луцкѣ, Острогѣ, Киевѣ, и др.) правильная школьная наука, не чуждая и вліяній европейскаго вѣка возрожденія и реформаціи, пробудила въ мѣстномъ обществѣ,—особенно въ мѣщанскомъ,—сознаніе національное и традиціи національной независимости,—и когда значительная часть

населенія въ Литвѣ и Бѣлоруссіи отпала пря-
мо въ протестантство. Очевидно, что унія
Бѣлоруссіи и Україны съ Польшой,—и то
исключительно политическая,—могла бы
удержаться только тогда, когда бы эта унія
была дѣйствительно федеральною,—на сколь-
ко возможна была федерація уже шляхет-
ской Польши съ еще разношерстно-феодаль-
ными Литвою и Бѣлоруссіей и довольно демо-
кратичной Україною. Но польскіе политики
хотѣли не федераціи, а ассимиляціи,—а пото-
му приготовили распаденіе унії, которое дол-
жно было увлечь къ гибели и самую Поль-
шу, уже слишкомъ притянутую къ восточ-
нымъ областямъ и оттянутую отъ болѣе
естественныхъ ей союзовъ съ Силезіей,
съ Чехіей и Венгріей,—гдѣ тѣмъ часомъ
успѣлъ пустить корни нѣмецкій элементъ,
который долженъ былъ возобновиить на-
ступленіе и на новую Польшу.

Какъ неизбѣжная реакція противъ непрак-
тичной централістической программы Польши
относительно Литвы, Бѣлоруссіи и Україны
явилось центробѣжное стремленіе, — при
чемъ династическая и церковная тра-
диція, а также потребность въ союзникѣ,
заставили центробѣжные элементы обратить

взоры на Москву. Уже при первомъ напискѣ Польши на Литву, Сѣверщина поколебалась и потянулась къ Москвѣ.. Затѣмъ католическая политика Ягеллоновъ, хотя въ началѣ и слабая,—послужила для Ивана III, московскаго, предлогомъ придать характеръ крестового похода своей войнѣ съ Новгородомъ, когда этотъ послѣдній призвалъ себѣкнязя изъ Литвы, между тѣмъ какъ въ XIV в. это дѣлали не разъ и Псковъ, и Новгородъ, не возбуждая ни въ комъ опасенія за неприкословимость православія. Послѣ брестской унії Москва явилась естественнымъ прибѣжищемъ надеждъ православной интеллигенціи, а дальше и казаковъ, и поспольства украинскаго и мѣщанъ бѣлорусскихъ. Переговоры съ Москвой о поступлениі всего „русскаго“ народа подъ высокую царскую руку изъ подъ „польской неволи“ начались за долго до Богдана Хмельницкаго и Переяславской унії 1654 г. Практически дѣло началось съ того, что на востокъ отъ границъ новой Польши, на порожнихъ и номинально принадлежащихъ Москвѣ земляхъ,—образовалась новая, Слободская Украина, которая собственно привела въ непосредственное сопѣдство старую Украину съ Московіей,—а

далъше и вся старая Украина рѣшила въ Переяславлѣ приступить „въ союзъ и протекцію царя восточнаго“. Польша сама своею неумѣлостію подарила обширную провинцію своему будущему могущественному сопернику.

Но теперь наступила очередь неумѣлости за Москвою,—которая тоже не была въ состояніи иначе отнестись къ новымъ провинціямъ, какъ по своему шаблону. Польскіе политики прикладывали къ Бѣлоруссіи и Українѣ мѣрку шляхетской республики и католической административной нетерпимости; московскіе стали примѣнять къ нимъ аршинъ боярской монархіи и нетерпимости православно-обрядовой.

Людямъ, которые приходятъ въ восторгъ отъ „русскаго единства“, установленнаго московско-потербургскимъ царствомъ на развалинахъ Польши въ 1773—1795 гг. (хотя и съ потерей Галиціи), слѣдовало бы почаше думать, отчего это единство не уставновилось въ 1654—1657 гг., когда вся Україна была въ возстаніи противъ Польши за Москву и когда бѣлорусскіе города до самой Вильны отворяли свои ворота московско-му царю?—Не почему другому, какъ потому,

что Москва—была Москва и не могла себѣ представить иной жизни, кромѣ своей, московской. Начать съ того, что Москва, какъ теперь Россія, была всегда болѣе разбухшою, чѣмъ дѣйствительно-великою, внутренне-сильною державою. Къ ней всегда были примѣнимы слова представителей ея южныхъ провинцій, сказанныя на земскомъ соборѣ 1642 г.: „а разорены мы пуще (нежели отъ) турскихъ и крымскихъ бусурмановъ московскою волокитою, отъ неправдѣи отъ неправедныхъ судовъ“, — а потому она неспособна была къ большому финансовому напряженію, необходимому для того, чтобы сразу покончить съ поднятымъ вопросомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ московскіе люди не въ состояніи были сойтись съ людьми, которымъ они должны были помогать освободиться отъ чужой державы, напр. нѣкогда Польши, потомъ Турціи. Какъ тупоголовы были московскіе политики въ моментъ, когда Україна обращалась къ ихъ „союзу и протекціи“, видно изъ того манифеста, съ которымъ обратился Алексѣй Михайловичъ къ православнымъ жителямъ Польши и Литвы, вступая въ ихъ предѣлы въ 1654 г.: „и вы бы, православные христіане, освобо-

дились отъ злыхъ (отъ зла, „нечестія“ церковнааго), въ мирѣ и благоденствіи прочее житіе провождали; и сколько васъ Господь Богъ на то доброе дѣло возставилъ, прежде нашего царскаго пришествія раздѣленіе съ Поляками сотворите, какъ вѣрою, такъ и чиномъ (наружностью), *хохлы, которые у васъ на головахъ постригите,. .^{*}*) При такой обрядовой тупости, которую повторяютъ и на нашихъ глазахъ московскіе лже-славянофилы, гдѣ же было москвичамъ, не говоримъ уже понять мѣстные политическіе и культурные интересы присоединявшихся къ нимъ народовъ, но попросту ужиться съ ними въ ежедневной жизни. И дѣйствительно, едва сошло московское войско съ украинскими казаками, какъ мы встрѣчаемъ жалобы послѣднихъ на то, что москвичи имъ рѣжутъ „хохлы“ и всячески издѣваются надъ ними. Прибавьте къ этому холопско-монархическія понятія, по которымъ московскій посолъ

^{*}) Соловьевъ. Ист. Россіи, X, 318. О возможности привлечь на свою сторону и протестантовъ въ Москвѣ и недумали, а между тѣмъ литовскіе и белорусскіе протестанты еще въ XVI в. заключили союзы съ православными противъ католической политики.

Кунаковъ огорчился, и въ чужѣ, какъ это смѣль Богданъ Хмельницкій отвѣтить королю по просту „*гаразд, кролю, мовиш*“,— и при этомъ „вѣжества и учтивости никакія всловесне и ни въ чомъ не учинилъ“—*) холопско монархическія привычки, которыя тѣмъ паче должны были возмущаться, когда уже поддавшіеся „православному царю“ украинцы смѣли называть себя „вольными“, а не „вѣчными“ подданными царя.***) Прибавьте къ такимъ холопскимъ понятіямъ естественное ихъ дополненіе—нахальство ближайшаго къ царю холопа, которое заставило воеводу Хитрова говорить казакамъ обѣ ихъ выборномъ человѣкѣ: „онъ, вашъ полковникъ (непечатныя слова). Я су тутъ отъ государя посланъ болѣй всѣхъ, а вы (непечатное слово) всѣ подчерти!“ ***) Вспомните также неизбѣжное въ деспотіяхъ отношеніе чиновника къ страшнѣ, которой ему поручено управлять, отношеніе, по которому воевода кн. Борятинскій говорилъ: „ѣхать де мнѣ вскорѣ къ Москвѣ; послѣ де мене въ Киевѣ, хотя и

*) Акты отн. къ ист. Зап. и Южн. Россіи, III, стр. 397.

**) Тамже, IV, стр 96.

***) Акты Зап. и Южн. Росс. VI, № 47.

трава не рости“.*) — Сообразите все это, и вы поймете, почему не могло состояться во времена Богдана Хмельницкаго „единство русское“, — и почему уже черезъ четыре-пять лѣтъ послѣ приступа Украины „въ союзъ и протекцію царя восточнаго“ сербъ Крижаничъ засталъ у украинцевъ сильную „политичную ересь, что жить подъ преславнымъ царствомъ московскимъ горше турецкой муки и египетской работы“,**) — и почему, не успѣлъ еще окончиться споръ между Москвою и Польшею за обладанье Поднѣпровьемъ, какъ среди самаго поднѣпровскаго населенія явились партіи, которыя предпочитали православной Москвѣ даже уже испытанную Польшу, или мусульманскую Турцію.

Украинскіе историки не щадятъ своихъ предковъ, выставляя аристократическія идеи у казацкихъ либераловъ и федералистовъ отъ Виговскаго до Мазепы, — но не уравновѣшивая (благодаря цензурѣ) эти недостатки антимосковскихъ партій яркимъ изображеніемъ прелестей московской политики и

*) Акты Зап. и Южн. Росс., VI, № 111.

**) Солов., XI, 70—71.

ея предательства относительно Запорожья и черни, поддержавшихъ Москву изъ ненависти къ панству, хотя бы и либеральному. Московскіе же историки съ удовольствіемъ подхватываютъ обличенія демократовъ противъ „измѣнниковъ“ Москвѣ, но не считаютъ нужнымъ примѣнять и къ послѣдней какого бы то ни было логического критеріума: у нихъ все дурно, что идетъ противъ царя и централизаціи, и все хорошо, что изъ нея исходитъ,—а потому во всей крови, пролитой отъ смерти Богдана Хмельницкаго до паденія Мазепы, у нихъ выходятъ виноваты только украинцы, особенно привыкшіе къ „шатости“ и буйству казаки. Но въ тогдашней драмѣ участвовалъ еще одинъ элементъ, котораго почему то не принимаютъ во вниманіе, хотя факты о немъ можно найти и у адвоката Москвы, С. М. Соловьева. Элементъ этотъ—бѣлорусскіе мѣщане, —не военные люди, не бунтари по промыслу,—а люди труда, а если хотите, то и капитала, люди и не безъ школьнай науки. Бѣлорусскіе города сначала охотно переходили на сторону Москвы, при чёмъ порознь заключали съ нею договоры, подобные тѣмъ, какие заключали украинскіе ка-

заки разомъ за всю Украину. Такъ напр. жители города Могилева въ 1654 г. выговорили себѣ: волю по прежне му управляться по магдебургскому праву, носить одежду по прежнему, не ходить на войну, не быть выселяемымъ въ другіе города, освобожденіе отъ военныхъ постоеvъ, выборъ своихъ шаферовъ для завѣдыванія приходами и расходами въ городѣ, держаніе школъ по образцу киевскому и т. п. (Соловьевъ, Ист. Россіи, X, 321). Подобныя условія были заключены и другими бѣлорусскими городами. И что же? — прошелъ всего годъ, — и бѣлоруссы говорили, что они „вмѣсто лучшаго въ пущую неволю попали“: города стали „измѣнять“ одинъ за другимъ, — а могилевцы устроили настоящую Сицилійскую Вечерню, перебивъ въ 1661 г. семи тысячный московский гарнизонъ (за что въ 1708 г. Петръ Великій, — который было сначала самъ сказалъ могилевскому войту, что „тогда Москва дурна была“, — отмстилъ городу, приказавъ своимъ солдатамъ, татарамъ и калмыкамъ зажечь его съ четырехъ концовъ). *)

*) Безкорниловичъ. Истор. съ примѣч. мѣст. въ Бѣлоруссіи, 160, 166—170.

БІБЛІОТЕКА УРСР
860754

Крестьяне бѣлорусскіе въ свою очередь сначала охотно возставали противъ Польши, такъ что поляки-современники жаловались, что „мужики очень имъ враждебны; вездѣ на царское имя сдаются и дѣлаютъ больше вреда, чѣмъ сама Москва; надобно опасаться чего нибудь въ родѣ казацкой войны“. И дѣйствительно скоро цѣлые уѣзды въ Могилевскомъ воеводствѣ „покозачѣли“. Но московское правительство, въ расчетѣ на то, что оно завладѣть краемъ, предпочитало имѣть дѣло съ неорганизованными и неправными хлопами, чѣмъ съ казаками, и потому само остановило развитіе казачества въ Бѣлоруссіи, ссылаясь на то, что по старымъ польскимъ правамъ и договорамъ здѣсь не положено было быть казакамъ.

И такъ значитъ, не одни буйные и своевольные украинскіе казаки не могли ужиться съ московскимъ „порядкомъ“ — и вовсе не одна „шатость“ украинскихъ людей, а и деспотизмъ и бездѣйность Москвы были причиною, почему она не могла совершить въ XVII в. „раздѣла Польши“, который, будучи собственно только ампутацией отъ Польши не польскихъ земель, которыми она оказалась не въ состояніи управлять, быть мо-

жеть, спасть бы самостоятельное существование остальныхъ, чисто-польскихъ земель. Разъ оказавшись не въ состояніи удержать за собою симпатіи населеній Литвы, Бѣлоруссіи и Украины, московскіе политики должны были вступить въ переговоры съ польскими о томъ, какъ бы хоть подѣлиться ими, да при этомъ съобща укротить не поддающійся безусловно ни Польшѣ, ни Москвѣ казацкій элементъ.

Оба государства заключили наконецъ въ 1667 г. договоръ, по которому Москва отказалась отъ Бѣлоруссіи и Правобочной Украины, чтобъ върнѣе управиться съ Украиной Лѣвобочной. Этотъ договоръ, котораго первымъ послѣствіемъ было обращеніе Правобочной Украины подъ покровительство Турціи, вскорѣ былъ дополненъ гениально-нелѣпыми договорами съ Турціей и Польшей, по которымъ половина Правобочной Украины (почти вся теперешняя Кіевская губернія и часть Подольской) была осуждена оставаться пустынею между тремя державами, чтобъ каждая изъ нихъ могла управляться съ остальными своими владѣніями, не будучи беспокоима непокорными казаками. Этотъ „раздѣль“ Украины былъ смертнымъ уда-

ромъ ея самостоятельному развитію, на которое налегли Польша, Москва и Турція, каждая по своему. Украинскіе подданные каждой державы рвались отъ нихъ и по неволѣ обращали взоры къ сосѣднему государству, — какъ напр. правобочній герой Палій, который тянуль къ Москвѣ, въ то время, когда лѣвобочній гетманъ Мазепа тянуль къ Польшѣ. Украинская интеллигенція, сокращавшаяся подъ ударами невѣжества, на которое была осуждена страна, лишенная школъ опустошеніемъ и политическою централизациею,* а также подъ вліяніемъ денационализаціи высшихъ классовъ, все болѣе теряла цѣлостность национально-политического идеала, — въ то время, какъ массы народа подпадали господству крѣпостного права польского, а потомъ и московского. Национальность украинская замерла до самаго XIX в., когда она была открыта горстью поэтовъ и ученыхъ, да и они получили себѣ точку опоры только послѣ освобожденія крестьянъ въ Галиціи и Буковинѣ въ 1848 г., а въ остальной, большей части

*) Школы не переставали заботить козаковъ украинскихъ, какъ видно и изъ договоровъ гетмановъ Виговскаго (1658), Дорошенка (1679), Орлика (1710).

Україны, только въ 1861г. Что касается до Бѣлоруссіи, то здѣсь московско-польско-шведскія войны совершенно опустошили города и между прочимъ истребили наиболѣе культурный, протестантскій элементъ, — который преслѣдовала московская оккупациѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ и при Иванѣ IV, — такъ что правительству польскому, которое получило обратно этотъ край, легко было заселить города его евреями, а протестантскія (городскія) школы и учрежденія замѣнить іезуитскими (панским) и такимъ образомъ обратить бѣлорусскую націю исключительно въ жителей разбросанныхъ среди лѣсовъ деревень.

Польское государство, хоть и лишалось Лѣвобережной Украины и Киева, — но могло торжествовать, что отдалось дешево отъ кризиса, поднятаго казацкими войнами: оно получило назадъ большую часть спорныхъ земель, да еще очищенную отъ оппозиціонныхъ элементовъ, при помощи самого его соперника. Еще столѣтіе владѣла Польша Бѣлоруссіей и Правобочной Украиной, довольно безпрепятственно, если не считать крестьянско-гайдамацкихъ волненій на юго-восточномъ концѣ послѣдней. Между тѣмъ такое полученіе обратно нѣкогда волновав-

шихся странъ было гибельно для самой Польши. Казацкія возстанія заставляли многихъ поляковъ относиться критически къ политикѣ своего правительства, и быть можетъ, указали бы большинству польского общества на необходимость серьозныхъ реформъ въ странѣ. Теперь же ничто не напоминало объ ихъ необходимости, и польское общество уснуло, предоставивъ своей олигархіи, іезуитамъ и евреямъ обрабатывать Украину, Бѣлоруссію съ Жмудью и, конечно, и самую Польшу. А между тѣмъ окончательно обработать не только Украину, но даже совсѣмъ разбитую Бѣлоруссію польская политика все таки была не въ силахъ. Еще менѣе она была въ силахъ удержать эти провинціи отъ захвата Москвы, которая во всякое время могла воспользоваться тлѣвшимъ въ нихъ ненавистью къ польскому государству.

Это отсутствіе цѣльной національно-политической программы въ Украинѣ и Бѣлоруссії и слѣдованіе ошибочной программѣ со стороны Польши очень было на руку Москвѣ, какъ государству, которое все болѣе и болѣе дѣлалось завоевательнымъ. А такимъ оно должно было стать послѣ того, какъ присоединеніе Украины

и голоса кіескихъ ученыхъ показали ему перспективу возможности овладѣть всѣмъ прежнимъ достояніемъ дома св. Владимира, и съ тѣхъ поръ, какъ, по присоединеніи Украины же, стали чаще доноситься къ нему и черезъ украинцевъ, и прямо, голоса запрутскихъ и задунайскихъ христіанъ, приглашавшіе Москву взять на себя роль разрушителя и Турціи. Москва по прежнему не имѣла широкой политico-соціальной программы, способной привлечь и сразу упрочить за нею присоединеніе столь обширныхъ и разнообразныхъ странъ, недовольныхъ существующимъ порядкомъ вещей. Но за чѣмъ же присоединять сразу, когда можно присоединять по немножку, и за чѣмъ ломать голову надъ политico-соціальными программами, когда одна ненависть могущихъ быть присоединенными земель противъ правящихъ ими системъ, можетъ облегчить присоединеніе?! Вместо политики дѣйствительно политической и соціальной Москва развиваетъ у себя политику военно-дипломатическую. Кой какъ поправивши послѣдствіе ослабленія русского элемента на берегахъ Балтійскаго моря черезъ разрушеніе Новгорода „мудрою“ политикою двухъ грозныхъ цент-

рализаторовъ, Ивановъ III и IV, и утвердившись вновь на берегахъ Невы, Москва принимается за Турцію и Польшу. При этомъ, правда, въ войнахъ съ первою Москва подвигается медленно, потому что долго не можетъ опираться на украинскую колонизацію, опустошенную „мудрыми“ договорами конца XVII в. и первымъ разореніемъ Сѣчи въ 1709 г., — но все таки подвигается, — къ удовольствію и самой Украины, которая получаетъ таки чрезъ 300 лѣтъ берега Чернаго моря. Что до Польши, то это кусокъ вѣрный, — надо только постараться какъ можно больше удержать изъ него для себя, при дѣлежѣ съ западными соперниками. Но на то и существуетъ дипломатія.

Какъ и слѣдовало ожидать, всего куска получить Москвѣ не удалось; — дѣлежъ состоялся, и при томъ такъ, что бывшій вассалъ славянской Польши получилъ добрые куски славянскихъ земель, — а одно изъ достояній св. Владимира получила королева Венгріи, внукъ которой сталъ императоромъ Австрійскимъ. Но не мало „губерній возвратилось“ отъ Польши и къ Москвѣ, — хотя, — (новое торжество логики!) — въ этихъ губерніяхъ пришлось удовольствовать поль-

скихъ пановъ утверждениемъ и развитиемъ крѣпостнаго права надъ „вовоединеніемъ православнымъ населеніемъ!“ Какъ бы тамъ ни было, — а послѣ этихъ присоединеній на Востокѣ Европы образовалась имперія, „превосходящая по величинѣ Римскую въ самыя ея цвѣтущія эпохи.“ И эта имперія образовалась на развалинахъ соединенныхъ Литвы и Польши и единственно благодаря неудачному ихъ соединенію!

Само собою разумѣется, что столь обширная и такимъ способомъ образовавшаяся имперія не могла быть ни свободною, ни благоустроеною. Когда въ XVI в. московскіе князья всѣми правдами и неправдами соединили подъ своимъ скипетромъ все великорусское населеніе, они почувствовали необходимость, для какого нибудь благоустройства своихъ старыхъ и новыхъ вотчинъ, созывать земскіе соборы. Земскіе же совѣты и соборы спасли національную независимость Великороссіи и въ эпоху самозванцевъ. Конечно, и цари московскіе со временемъ должны были, подобно другимъ государямъ Европы, постараться обходиться безъ созванія этихъ, всегда неудобныхъ для претендующей на самодержавіе власти, совѣтниковъ, которые

естественно стремятся перейти въ контролеровъ. И действительно, къ концу XVII в. земскіе соборы въ Москвѣ все становятся рѣже и рѣже, — подобно тому, какъ въ это времѧ ослабляется значеніе такихъ же собораній и въ другихъ большихъ государствахъ Европы, кромѣ Англіи, въ которой парламентъ укрѣпляетъ свою силу двумя революціями. Но совершенно уничтожить всякий слѣдъ представительныхъ учрежденій государи не успѣли нигдѣ въ западной Европѣ и, конечно, не успѣли бы уничтожить его и въ Московскомъ государствѣ, если бъ оно сохранило болѣе цѣльный національный составъ и не стало столь завоевательнымъ, — тѣмъ болѣе, что кромѣ боярского либерализма, проявившагося при случаѣ попыткою ограничить власть Анны Ивановны, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка и въ купеческой и раскольнической средѣ ходили идеи о необходимости „народосовѣтія“. Но съ постепенно возрастающимъ количествомъ не-великорусскихъ провинцій, которая въ добавокъ еще стояли выше по культурѣ, чѣмъ провинціи „коренные“, — съ украинцами и белорусами на епископскихъ кафедрахъ, которая должны были обезоружи-

вать національно-старовѣрческую оппозицію, — съ возрастаніемъ разнотаціонального элемента въ шляхетской бюрократіи, — земскіе соборы и вообще совѣщающееся съ населеніемъ управление стало затруднительнымъ. По мѣрѣ расширенія Московскаго царства, ставшаго Петербургскою, Россійскою имперіей, государственная машина должна была все больше и больше принимать видъ организма съ гипертрофіей вѣдомствъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ, всегда и вездѣ наиболѣе уклоняющихся отъ общественного контроля, особенно контроля предварительного. Бюрократія въ администраціи, и диктатура въ политикѣ стали неизбѣжными формами въ государственной жизни обширной имперіи. Сначала администрація имѣла до известной степени децентрализованный характеръ, приоравливаясь къ разнообразнымъ условіямъ новоприсоединенныхъ странъ, — болѣе впрочемъ къ ихъ болѣзненнымъ условіямъ, которыя можно было эксплуатировать въ интересахъ политической централизациі. Такъ напр. петровская администрація покровительствовала аристократическому немецкому элементу въ Остзейскомъ краѣ передъ народнымъ, эсто-латышскимъ, который было

начало поднимать шведское правительство,— а въ то же время въ Малороссіи старалось эксплуатировать въ свою пользу нерасположеніе черни противъ казацкой старшины, но при этомъ вовсе не поднимая правъ черни, а насаживая надъ нею чиновниковъ великорусскихъ. Такъ администрація Екатерины II считала нужнымъ въ новоприсоединенной Бѣлоруссіи покровительствовать польской аристократіи, чтобы парализовать вліяніе на нее демократического патріотизма Костюшки и въ тоже время не давать соблазна сосѣднимъ великорусскимъ крестьянамъ относительной вольностью бѣлорусскихъ крестьянъ. При иѣкоторомъ либеральномъ вѣяніи, идя далѣе въ томъ же направлениі, можно было дать парламентское правленіе Финляндіи и Конгрессовой Польшѣ, чтобы сначала отдѣлить ихъ отъ Швеціи и польскихъ земель подъ Пруссіей и Австріей, а потомъ уже стѣснить дальнѣйшее развитіе автономныхъ учрежденій Финляндіи и совсѣмъ ихъ отмѣнить въ царствѣ Польскомъ. Мало по малу,— когда политическая централизація брала верхъ, когда автономныя партіи теряли свою центробѣжную силу,— бюрократія должна была принять направление рѣшительно цент-

ралистическое, нивелирующее, обrusительное. Направление это намѣчено вполнѣ сознательно уже пѣмкою Екатериной II, — которая писала въ инструкціи генералъ-прокурору, кн. Вяземскому: „Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыхъ правятся конфирмованными имъ привилегіями; нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма не пристойно бѣ было, однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше, нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностію глупостію. Сіи провинціи, также Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобы они обрусили и перестали бы глядѣть какъ волки къ лѣсу.“*) Мы были свидѣтелями, какъ эти слова стали лозунгомъ Катковыхъ, Самаринъ, Аксаковыхъ,—и основой цѣлаго ряда государственныхъ мѣропріятій централистического и обrusительного характера.

Между этими мѣропріятіями было иѣсколько такихъ, которыхъ имѣли демократический оттѣнокъ. Весьма многіе склонны думать, будто бюрократически-централизационная дикта-

*) Соловьевъ, XXVI. 39.

тура способна болѣе ужиться съ демократическими интересами, нежели автономный либерализмъ, который будтобы благопріятствуетъ интересамъ аристократіи. Но даже оставляя въ сторонѣ примѣры въ прежней Россіи, въ которой диктатура помогала именно развитію аристократіи,— (въ Остзейскомъ краѣ, въ западныхъ провинціяхъ, въ Украинѣ, Крыму, на Кавказѣ, у юговосточныхъ инородцевъ,) можно доказать примѣромъ древнихъ государствъ, Франціи, и самой недавней Россіи, что играющій въ демократію цезаризмъ только до тѣхъ поръ боролся съ аристократіей, пока она не отрекалась отъ политической независимости, и не обращалась въ его слугъ; — въ послѣднемъ случаѣ онъ сейчасъ же предавалъ ей демосъ, если не заводилъ себѣ новую аристократію. И въ недавнее время въ Россіи мы видимъ, какъ недолговѣчно было въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ теченіе императорской демократіи, — Милютина съ Черкасскимъ, Муравьевымъ и Безакомъ; да и то еще вопросъ, было ли бы и оно возможно безъ того либерально-демократического движенія, которое проявлялось и въ русскомъ, и въ польскомъ обществѣ передъ 1863 г.?

V

Опытъ всѣхъ странъ показываетъ, что только свобода и самоуправлениѣ могутъ быть прочной гарантіей послѣдовательнаго развитія демократической политики. Девятнадцатое столѣтіе показало не мало людей и среди поляковъ, и среди великоруссовъ, которые желали приложить къ политикѣ своихъ странъ начала свободы и демократіи. Бѣда была только въ томъ, что имъ не удалось найти для той и другой такую формулу, которая бы вполнѣ подходила къ реальнымъ условіямъ странъ, составляющихъ бывшую Польшу и нынѣшнюю Россію. Для того, чтобы найти эту формулу, надо совершенно отрѣшиваться отъ всѣхъ традиціонныхъ политическихъ ідей и привычекъ мысли, какъ польскихъ, такъ и великорусскихъ, — да и вообще вмѣсто инстинктовъ, традицій и привычекъ поставить въ основу политики *изученіе*, въ данномъ случаѣ прежде всего изученіе особенностей тѣхъ странъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Никогда въ XIX ст. не было такъ возможно установленіе здравой политики въ Россіи съ польскими ея областями, какъ въ 1860—1863 гг., — но никогда такъ же ярко и не обнаружилось и въ польскомъ, и въ великорусскомъ обществѣ отсутствіе не-

обходимаго отрѣшенія отъ традиціонныхъ взглядовъ и отсутствіе изученія тѣхъ странъ, которые составляютъ предметъ спора между такъ называемой Польшей и такъ называемой Россіей. Мы это постараемся показать въ слѣдующихъ главахъ.

III.

Физическое и моральное опустошеніе и угнетеніе, которымъ подвергли Польша и Россія Бѣлоруссію и Правобочную Україну въ XVII—XVIII в., были таковы, что, когда въ концѣ XVIII в. эти области присоединяли отъ Польши къ Россіи, то въ нихъ почти не было замѣтно признаковъ народной жизни, и за аристократіей,—конечно, польской,—никто въ нихъ не видѣлъ массъ народа и ихъ націй, которая успѣли было обратить на себя вниманіе даже иностранныхъ писателей во время казацкихъ войнъ. (Beauplan, Description d'Ukranie, 1660. Chevalier, Histoire de la guerre des Cosaques contre la Pologne, 1663 и др.) Теперь это были „польскія провинціи“,—и если Екатерина II называла ихъ,—„отъ Польши возвращенными“, — то въ томъ же смыслѣ, въ какомъ

Марія Терезія, какъ королева Венгрии, называла еще раньше ея (въ 1770 г.) „возвращенными землями“ Спицкій округъ съ Величкой и Борисієй и на томъ же основаніи, на какомъ эта венгерская королева заняла въ 1772—1773 г. „Малую или Красную Русь или Галицию и Ладомирію“, по родству старыхъ венгерскихъ королей съ галицкими князьями дома св. Владимира, — наследницей котораго считала себя и ангальтцербстская принцесса на петербургскомъ тронѣ. Въ глубинѣ духа и Екатерина, какъ и Марія Терезія, считала „возвращенные провинції“ польскими и если усматривала въ нихъ что либо не польское, то развѣ „православіе“, да и то больше всего, благодаря агитации православныхъ духовныхъ изъ украинцевъ, въ родѣ известного белорусского епископа Георгія Конисскаго. Белорусский же католицизмъ и протестантизмъ считались такъ мало „русскими“ съ официальной великорусской точки зрѣнія, что они и ополячились окончательно именно послѣ перехода края подъ владычество Россіи. Даже униаты стали полячиться подъ этимъ владычествомъ еще болѣе, чѣмъ подъ польскимъ. Не только заурядные люди въ

Россії считали „губернії, отъ Польши возвращеныя“, польскими, хотя, пожалуй, и подлежащими „обрусенію“, но самъ императорскій исторіографъ Карамзинъ въ своей „Исторіи государства Россійскаго“ проглядѣлъ существование подъ не-русскою династіей Гедиминовичей своего рода русскихъ, хотя и не великорусскихъ, національныхъ элементовъ. Даже возставая противъ плана Александра I возстановить подъ своимъ скипетромъ Польшу въ границахъ 1772 г., чрезъ присоединеніе къ новообразованному королевству (царству) Польскому Литвы, Бѣлоруссіи и Правобочной Украины, Карамзинъ признаетъ этотъ планъ великодушнымъ, но только невыгоднымъ для Россіи, — при чемъ упоминаетъ о правѣ меча, о старой династической принадлежности этихъ краевъ Россіи, но ни словомъ не упоминаетъ о непольскихъ національностяхъ этихъ краевъ.*^{*)} Въ существѣ своемъ понятія Карамзина остались и до сихъ поръ понятіями средняго великорусского человѣка, для ко-

^{)} Карамзинъ писалъ: „Литва, Волынь хотять возстановленія королевства польскаго, — а мы желаемъ единства государства российскаго“.

тораго и до сихъ поръ за Смоленскомъ начинается „Польша“.

А между тѣмъ уже и въ первой четверти XIX в. успѣли прорѣзаться веходы непольскаго сознанія въ „губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ“. Прежде всего это сознаніе, конечно, должно было исходить изъ Лѣвобочнай Украины, въ которой преданія XVII вѣка не могли затереться окончательно и въ которой съ конца XVIII в. началось литературное изученіе еще свѣжей казацкой старины, а за тѣмъ и этнографіи, которое не могло, конечно, остановиться на днѣпровской границѣ. За тѣмъ, подъ вліяніемъ школьной науки, — хотя бы и польской (въ Виленскомъ университетѣ и Кременецкомъ лицѣ) и въ мѣстныхъ польскихъ кругахъ стали образовываться зародыши литво-бѣлоруссо — и украинофильства. — При этомъ въ столь явно оригиналной Литвѣ возобновились и попытки писать по литовски, — а въ переполненной казацкими преданіями Українѣ появилась не только украинская школа поэтовъ на польскомъ языкѣ (Мальчевскій, Б. Залѣскій, Гощинскій и др., которые соответствуютъ автору „Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки“ и „Тараса Бульбы“ въ русской

литературѣ) по и попытка писать на языкѣ украинскомъ (подобно лѣвобережнымъ Котляревскому, Гулаку, Квиткѣ и др.) и даже агитировать пѣснями на этомъ языкѣ народъ въ пользу Польши (Тымко Падура).

Но всѣ эти зачатки будущихъ національныхъ возрожденій, зачатки тѣхъ движений, которые должны стать центробѣжными и отъ Москвы, и отъ Польши, были еще на столько слабы, что ихъ почти не замѣчали образованные круги господствовавшихъ національностей,—которые не могли себѣ представить націй виѣ государствъ и аристократій. А между тѣмъ время ставило передъ этими кругами вопросы политические и соціальные, которые въ столь деспотическомъ государствѣ, какъ Россія, не могли быть подняты иначе, какъ путемъ революціоннымъ. Революціонныя общества образовались и среди поляковъ, и среди русскихъ, —при чёмъ сразу же намѣтилась и разница между тѣми и другими, разница, которая объясняется, главнымъ образомъ, различiemъ положенія націи побѣженной и господствующей: въ то время, какъ польскіе революціонеры на первый планъ ставили вопросы національно-политические,—у русскихъ пре-

обладали вопросы политico-социальные. Пункты соприкосновенія впрочемъ были, — и попытка соглашенія должна была быть сдѣлана уже ради удобства одновременной борьбы „съ общимъ врагомъ“, — т. е. съ царскимъ самодержаниемъ. При первой же попыткѣ этого соглашенія долженъ быть быть поднятъ и вопросъ о будущихъ политическихъ отношеніяхъ „Польши“ и „Россіи“. Но при этомъ оказалось, что обѣ стороны способны были обсуждать этотъ вопросъ только на основаніи господствующихъ, чисто-государственныхъ, т. е. узко-польскихъ и узко-великорусскихъ понятій, — такъ какъ между тогдашними поляками, даже украинцами, какъ С. Гощинскій, демократическая и центробѣжная идеи еще не созрѣли до полнаго разрыва съ традиціонными польскими стремленіями, — а среди русскихъ было совсѣмъ мало даже такихъ, которые бы, подобно Рыльеву, совмѣщали въ себѣ слабыя украинскія воспоминанія съ западнымъ либерализмомъ („Исповѣдь Наливайка“, „Войнаровскій“).

Когда въ 1824 и 1825 встрѣтились члены русскихъ и польскихъ тайныхъ обществъ въ Кіевѣ (Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ,

потомъ Пестель съ одной стороны и Кжыжановскій и Яблоновскій съ другой) то собственно обѣ стороны оказались стоящими не только на старыхъ государственныхъ точкахъ зреінія, но даже весьма упорными государственными унитаристами. Когда между Муравьевымъ и Кжыжановскимъ поднятъ былъ вопросъ о будущемъ Польши, то первый высказалъ, что среди русскихъ многіе стоять за цѣлость имперіи, хотя предлагаютъ федера-тивное устройство, въ родѣ С. Американ-скаго; — въ другой разъ Муравьевъ и Бесту-жеевъ предложили мысль о поголовной по-дачѣ голосовъ по вопросу о границахъ меж-ду Россіей и Польшой,— противъ чего Яблонскій выставилъ рѣшительное требованіе признанія нераздѣльности границъ „истори-ческой Польши“, т. е. границъ если не 1772, то 1793г.*). Ни съ одной стороны не было заявле-но и сомнѣнія относительно того, что спорные области собственно ни Россія, ни Польша! Это обстоятельство мало предвѣщало успѣха обѣимъ сторонамъ, — а разногласія ихъ въ вопросѣ о границѣ между ихъ Россіей и Польшой и темнота понятій насчетъ спор-

*) Lisicki. M. Wielopolski et son temps. I, 51—54.

ныхъ провинцій (Николай Тургеневъ напр. считалъ Киевъ Россіей, а Подолію — Польшой), — не обѣщали возможности солидарнаго дѣйствія противъ „общаго врага“. И дѣйствительно солидарности между польскими политиками и русскими „декабристами“ оказалось на дѣлѣ очень мало,— при чмъ даже повидимому и принципіальная разногласія ихъ могутъ быть сведены къ разногласіямъ по вопросу о границахъ Польши и Россіи: такъ нѣкоторые русскіе требовали отъ поляковъ, чтобъ они свергли и даже убили Константина Павловича въ то время, когда въ Петербургѣ будешь тоже сдѣлано съ Александромъ I. На это поляки отвѣчали, что цареубійство не въ нравахъ Польши,— и что въ ей бы лучше оставаться конституціонной монархіей, чмъ республикою. Но русскіе подозрѣвали, что поляки хотятъ, въ случаѣ революціи въ Петербургѣ, получить свое отъ остающагося во власти Романова, — который дѣйствительно могъ бы охотно взяться возстановить историческія границы Польши на Востокѣ, лишь бы сохранить за собою хоть какой нибудь тронъ.*)

*) О переговорахъ декабристовъ съ поляками см.

Какъ известно, оба русскіе „пронунса-
міенто“ 1825 г.,—петербургское и бѣлоцер-
ковское обошлись безъ всякой поддержки
поляковъ,—а за тѣмъ во время польского
повстанья 1830—31 гг., не произошло ни-
какого русскаго движенія. Возстаніе 1830—
31 гг. имѣло между прочими своими послѣдст-
віями закрытіе университетовъ въ Варшавѣ и
Вильнѣ и лицея въ Кременцѣ,—слабо воз-
награжденіе открытиемъ „для поляковъ“
университета въ Кіевѣ, въ которомъ долго
преподаваніе имѣло вполнѣ казенный ха-
рактеръ. Это осужденіе обширныхъ странъ на
невѣжество оказалось выгоднымъ прежде все-
го,—вовсе даже не русскому правительству
(въ полицейскомъ смыслѣ),—а польской цент-
ралистической исключительности. Центра-
лизмъ и исключительность всегда идутъ
объ руку съ невѣжествомъ. Изученіе прош-

Mochnacki, Powstanie narodu polskiego w roku 1830—1831, t. I, изд. 1863, 243—250. Тутъ видно,
какое смутное понятіе имѣли декабристы о наро-
дахъ Польши, Литвы, Бѣлой Руси и Украины и
какъ и тѣ изъ нихъ, которые желали сохраненія
единства Россіи, и тѣ, которые готовы были различ-
ными способами подѣлить ее съ поляками (Пестель),
—одинаково отправлялись не отъ „народныхъ“, а
отъ „историческихъ“ правъ.

лаго и настоящаго непольскихъ областей старой Польши сильно упало въ польскомъ обществѣ послѣ 1831 г.; вмѣстѣ съ тѣмъ критическое отношеніе такихъ ученыхъ и демократовъ, какъ Лелевель, къ старому польскому государству смѣнилось крайней его идеализаціей. Въ польскомъ обществѣ установилось мнѣніе, что козацко-украинскія возстанія не были дѣломъ естественной реакціи противъ магнатско-іезуитской политики, какъ признавали серьезные историки школы Лелевеля,—или же соціальной реакцией, осложненной реакцией національною, какъ учатъ продолжатели Лелевеля, историки украинскіе,—но дѣломъ разбойниковъ (козаковъ), подвинутыхъ московскою интригой, какъ не стыдится проповѣдывать напр. популярный у поляковъ историкъ, пр. Шуйскій. Украинская школа въ польской литературы съ 30-хъ годовъ замерла; постепенно стало замирать у поляковъ съ 1840 г. и этнографическое изученіе Украины, начатое Ходаковскимъ, Залѣскимъ, Паули и др. Совсѣмъ забыть о существованіи оригинальныхъ чертъ исторіи и быта украинскаго не могли и поляки, тѣмъ болѣе, что обѣ этомъ напоминало все болѣе увеличива-

вающееся национальное самосознание лѣвобережной Украины, перешедшее Максимовичемъ, Метлинскимъ и Костомаровымъ въ киевской университетъ. Но признаніе украинскихъ особенностей приняло у поляковъ странную форму извѣстнаго ученія г. Духинскаго, которое, усиливая различія украинцевъ отъ великоруссовъ до отнятія у послѣднихъ права на имя славянъ, въ тоже время стушевывало различіе украинцевъ отъ поляковъ. Наконецъ, въ польскомъ обществѣ установилось мнѣніе, которое видѣть въ политической границѣ Польши и Россіи 1772 г. границу и этнографическую, — мнѣніе, по которому Лѣвобережная Украина, уже не принадлежавшая Польшѣ въ 1772 г., совсѣмъ будто бы отличается по національности отъ Украины Правобережной, народъ которой польские этнографы записываютъ въ провинциальную разновидность націи польской наряду съ мазурами, малополянами и т. д. Туда же записывалась и національность белорусская, этнографическое изученіе которой все таки подвигалось у поляковъ, почти не встрѣчая себѣ соперничества съ „русской“ стороны.

На русской сторонѣ послѣ революціи

1830—1831 гг. стали образовываться о спорныхъ съ Польшею провинціяхъ своего рода ученія, похожія на сейчасъ упомянутыя польскія мнѣнія. Въ официальномъ-ученыхъ кругахъ Россіи поняли недостаточность карамзинской точки зрѣнія на эти провинціи, какъ на провинціи, принадлежащиЯ Россіи только по праву меча, или династическаго наслѣдства, но, конечно, круги эти не были въ состояніи уразумѣть и мысли о самостоятельныхъ отличіяхъ и правахъ этихъ провинцій и передъ Великороссіею, какъ и передъ Польшею. Императоръ Николай надумался (не знаемъ, самъ ли, или подъ чьимъ либо вліяніемъ), что самое лучшее — стирать съ западныхъ и южныхъ провинцій всякия мѣстныя отличія, начиная съ именъ ихъ, которые употреблялись со времени раздѣленія ихъ на губерніи при Екатеринѣ II. Въ 1840 г., когда ему поднесли для подписанія бумаги, въ которыхъ встрѣчались обычные названія „Литовскія губерніи“ (Виленская, — отъ которой въ 1842 г. отдѣлена была Ковенская, — Гродненская) и „Бѣлорусскія губерніи“ (Витебская и Могилевская), Николай I зачеркнулъ слова: „Литовскія и Бѣлорусскія“ и приказалъ переписать бумаги.

ги, надписаъ на нихъ резолюціо: „правила сего держаться и впредь, никогда иначе не прописывая, какъ поименно губерніи“. А еще раньше того Николай приказалъ называть Слободско-Украинскую губернію Харьковскою (1835) и уничтожилъ название „Малороссійскаго генералъ-губернаторства, обнимавшаго двѣ Лѣвобочныя губерніи (Черниговскую и Полтавскую) съ Слободско-Украинскою. Въ то же время историкъ Устряловъ дѣятельно хлопоталъ объ исправленіи упущенія Карамзина, настаивая на „рускомъ“ характерѣ населенія Литовскаго княжества въ XIV—XV вв., конечно „рускомъ“ въ великорусскомъ смыслѣ этого слова. Для этого ученія Устрялову было достаточно усвоить противу польскія идеи православно-украинскихъ писателей старой школы (Конисскаго, Бантыша-Каменскаго) съ исключениемъ всякихъ автономныхъ идей, которыя все таки пробивались у нихъ сквозь православную кору и проскачивали въ печать несмотря на всѣ цензурныя предосторожности. Любопытныя подробности на счетъ того, какъ хлопоталъ Устряловъ о томъ, чтобы выставить на видъ въ офиціальныхъ сферахъ эту новую для великорусской пуб-

лики антипольскую обработку исторіи Литовского княжества, находимъ въ запискахъ Устрялова, напечатанныхъ въ 1880 г. въ „Древней и Новой Россіи“. Но новая идея тут усваивала даже официальная публика.*). Что же до публики частной, то большинство ея слушало совершенно индифферентно обо всѣхъ этихъ Ягеллахъ и Свидригайлахъ,

*) Устряловъ говоритъ, что «Карамзинъ имѣлъ смутное понятіе о Литовскомъ княжествѣ», а «у насъ его привыкли считать коренною Польшею». Въ 1835 г. оберъ прокуроръ Синода Протасовъ и и мин. нар. просв. Уваровъ пришли «въ восторгъ», узнавъ отъ Устрялова, что Литовское княжество, которое «важно было для Протасова по политическимъ соображеніямъ», было тоже Русь,—и Уваровъ сказалъ Протасову (по французски), что объ этомъ надо доложить государю. Но въ 1840г., въ указѣ о замѣнѣ въ западныхъ губерніяхъ Литовскаго Статута Сводомъ Законовъ, — была напечатана глупость,— а именно будто Литовскій Статутъ ввели въ княжествѣ поляки, тогда какъ онъ былъ редактированъ до люблинской уніи и на бѣлорусскомъ языке! Дѣло въ томъ, что сама теорія Устрялова, по которой юго-западной Руси началась сейчасъ, какъ она отпалъ отъ Владимировичей до Гедиминовичей, и по которой уже бракъ Ягелла и Ядвиги (1386), а не Люблинскій сеймъ (1569) установилъ «унію Литвы и Польши», служила поддержаніемъ теоріи о силѣ польского вліянія на Литовское княжество и о польскомъ его характерѣ.

еще болѣе обезцѣченныхъ официальнымъ историкомъ, чѣмъ даже московскіе Иваны,— а болѣе независимое меньшинство считало антипольскую,— и вмѣстѣ съ тѣмъ и антилитовскую,— обработку исторіи „Югозападной Руси“, лишенную всякихъ указаний на жизненные особенности ея націй, новою выдумкою академического лакейства. Въ полякахъ же, которые тоже были обязаны выучивать въ школахъ эту обработку, она производила только отвращеніе. Сынъ Устрялова расказываетъ анекдотъ, какъ самъ историкъ нашелъ совершенно естественнымъ, что одинъ студентъ-полякъ не захотѣлъ отвѣтить на экзаменѣ попавшійся ему вопросъ изъ исторіи „возвращенія“ къ Россіи ея старыхъ провинцій. А мы помнимъ случай, когда на студентской сходкѣ въ Кіевѣ[®] въ 1860 г. одинъ украинецъ сказалъ: „исторія показываетъ, что здѣшній край не Польша“, — на что студентъ-полякъ воскликнулъ: „не исторія, а Устряловъ“. Восклицаніе было покрыто аплодисментами поляковъ, которые заглушили замѣчаніе другого украинца: „не одна исторія, а и статистика!“

Представить живо и въ тоже время правдиво исторію Понѣманья и Поднѣпровья

и ихъ этнографическую статистику могъ только нѣкто третій, а не сторонники офиціальныхъ идей, польскихъ и русскихъ. Судя по тому, что показываетъ намъ исторія національныхъ возрожденій у западныхъ славянъ, у которыхъ національныя партіи образовались даже около нѣмецкихъ университетовъ, — мы имѣемъ основаніе думать, что, если бы продолжалъ существовать даже польскій виленскій университетъ, то около него бы образовались вполнѣ автономныя партіи литовская и бѣлорусская. Вотъ почему русское правительство поступаетъ по своему вполнѣ умно, не заводя университетовъ ни въ Вильнѣ, ни въ Тифлісѣ. Но послѣ 1831 г. на всей славянской, но не великорусской, полосѣ Россіи университетъ существовалъ только въ Харьковѣ, а потомъ и въ Кіевѣ. А потому изъ всѣхъ западнороссійскихъ негосударственныхъ племенъ національное возрожденіе организовалось только у однихъ украинцевъ.

Начало оно организоваться сейчасъ послѣ открытія университета въ Харьковѣ въ началѣ XIXст. Мы уже сказали, что въ первое двадцатипятилѣтіе XIX ст., сдѣланы были попытки поэзіи и беллетристики на чисто народномъ

украинскомъ языке (писаніе на языке мѣстномъ, украинско-церковномъ, не прекращалось и въ XVIII в., и замерло только послѣ введенія въ киевскую академію „rossiйскаго краснорѣчія“ въ 1784 году и изгнанія изъ украинскихъ училищъ книгъ мѣстнаго изданія указомъ 1785 года). Затѣмъ появился на языке, близкомъ къ великорусскому, первый памятникъ ново-украинской политической мысли: „Исторія Русовъ или Малой Россіи“, долгое время приписываемая Георгію Коннисскому. Это исполненное ошибокъ въ историческомъ отношеніи произведеніе, представляетъ чрезвычайно замѣчательное соединеніе старой антиуніатской оппозиціи, но безъ вѣроисповѣдной православной исключительности, и козацкаго республиканства съ новымъ либерализмомъ и демократизмомъ, — украинскаго автономизма съ всероссійскимъ федерализмомъ. „Исторія Русовъ“ имѣла большое вліяніе на лѣвобережныхъ украинцевъ и даже, какъ признавался намъ одинъ старый польскій писатель, не осталась безъ вліянія и на правобережныхъ поляковъ, пробуждая хоть у нѣкоторыхъ изъ нихъ украинскія традиціи. Около 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія слободско-укра-

инскій, харьковскій, университетъ положилъ въ мѣстномъ обществѣ начало систематическаго изученія мѣстной народности въ связи съ изученіемъ всей славянщины. Къ слобожанамъ (Срезневскій, издатель Запорожской Старины, потомъ Костомаровъ) пристали полтавцы, перенесенные судьбою въ Москву (Максимовичъ, потомъ профессоръ въ Кіевѣ,—Бодянскій *). Эти первые ученые украинофилы вмѣстѣ съ подоляниномъ Григоровичемъ и съ венгерскимъ украинцемъ Венелинымъ,—подобно Бодянскому, Максимовичу и Срезневскому, писавшимъ объ украинскихъ народныхъ пѣсняхъ,—были основателями въ Россіи науки о славянствѣ, которая должна совершенно видоизмѣнить постановку въ Россіи польского вопроса. Подъ первомъ Костомарова уже въ 40-е годы украинофильство явно сложилось въ учение о федерально-демократическомъ панславизмѣ.

Въ такомъ видѣ перешло лѣвобережное

*) Здѣсь нельзя не упомянуть и харьковца ки. Цертелева, издавшаго еще въ 1819 г. «Опытъ соображенія старинныхъ малороссійскихъ пѣсень», въ которомъ впервые были напечатаны украинскія политическія пѣсни и «думы».

українофильство въ Кіевъ, гдѣ Костомаровъ и Шевченко начали организовывать Кирилло-Мефодіевське братство, которое должно было приступить къ практическому осуществленію ідей українскихъ федералистовъ посредствомъ народного образованія и освобожденія крестьянъ. Само собою, братство было захвачено поліцієй Николая I и размѣщено по мѣстамъ столь и не столь отдаленнымъ. Но созданное первыми украинофилами литературное движение не исчезло, по крайней мѣрѣ для науки объ исторіи и этнографії Україны. Казацкія лѣтописи и документы, напечатанные въ Москвѣ Бодянскимъ, изданія Кіевской археографической комиссіи, основанной по мысли Максимовича, — пѣсни, собранныя Максимовичемъ, Лукашевичемъ, Метлинскимъ, — показали по крайней мѣрѣ учопому міру цѣльную украинскую національность отъ верхній Тиссы въ Венгрии до Кубани въ Россіи, существовавшую, не взирая на границы Россіи и Польши въ 1772 г., и существующую, не взирая на послѣдующія границы Австріи и Россіи съ ихъ административными подраздѣленіями. Национальность эта оказалась слишкомъ велика, чтобы образованіе ея отличій отъ великокорус-

ской можно было по старому объяснить польскимъ вліяніемъ, испортившимъ будто бы прежде „чистую русскую народность, которая сохранилась подъ господствомъ московскихъ князей“, ибо украинскія отличія существуютъ въ такомъ же самомъ видѣ, какъ напр. въ Галиціи или на Волыни, и въ такихъ странахъ, гдѣ никогда не было польской власти, какъ напр. въ Венгрии, или въ Буковинѣ. Въ то же время явно враждебное польскому государству настроение, которое бываетъ изъ каждой страницы украинскихъ народныхъ пѣсенъ, старыхъ и новыхъ, очевидно, не могло быть объяснено „московской интригой“. Признаніе органичности украинскихъ отличій обязывало ученыхъ передѣлать всѣ офиціальные польскія и московскія построения исторіи Восточной Европы—и, логически, должно было обязывать сообразоваться съ нимъ и практическихъ дѣятелей политики.

Само собою разумѣется, что для пріобрѣтенія практическаго значенія новыя украинскія идеи, особенно федерально-демократического оттѣнка, нуждались въ пропагандѣ,—а она то, какъ показала судьба Костомарова и Шевченка, и не была возможна

при николаевскихъ порядкахъ, которыя задерживали по нѣсколько лѣтъ въ цензурѣ даже сырой матеріалъ: пѣсни, собранныя Метлинскимъ и Максимовичемъ. Вотъ почему идеи эти мало распространились даже въ мѣстномъ обществѣ,—а въ Великороссіи кievskое братство осталось не понятымъ, но не смотря на то обруганнымъ и западникомъ Бѣлинскимъ, и восточникомъ Хомяковымъ, какъ это мы показали въ нашемъ предисловіи къ „Письму Бѣлинскаго къ Гоголю“. Поляки узнали о Шевченкѣ и Костомаровѣ только уже съ конца 50-хъ годовъ и тоже почти безъ исключения встрѣтили ихъ идеи враждебно *) Такимъ образомъ къ концу царствованія Николая I въ

*) Шевченко и до сихъ поръ имѣеть въ польской публикѣ репутацію врага поляковъ,— и еще недавно Сырокомля не рѣшился перевести его Гайдамаковъ. Даже въ настоящее время г. Спасовичъ увидѣлъ въ этой поэмѣ «выданіе звѣрства и безчеловѣчности за геройство». А между тѣмъ достаточно хладнокровно прочесть поэму Шевченка, чтобы замѣтить въ ней плачь надъ тѣмъ, что онъ описываетъ, и такія напр. слова:

Болитъ серце, як згадаєш:
Старихъ славjan діти
Впились кровju,— а хто винен?!
Къондзи, језуїти!

массъ, какъ русскаго, такъ и польскаго общества оставались почти петронутыми старыя церковно-государственныя идеи объ отношеніяхъ „Россіи“ и Польши. Когда въ началѣ царствованія Александра II наступила въ Россіи либеральная оттепель, великорусскіе круги, — дающіе и до сихъ поръ черезъ столицы сигналы общественному мнѣнію, — настроились благопріятно къ польскимъ стремлѣніямъ, — и не зная основательно границъ дѣйствительной Польши, готовы были признать Польшею все, что было не великорусское, исключая, конечно, тѣхъ краевъ, къ обладанію которыми слишкомъ уже привыкло россійское государство, — а именно Лѣвобережной Украины, которую одну привыкли въ Россіи звать Малороссіей, и Новороссіи, о которой никто уже и не зналъ, что она была населена и до Екатерины II и называлась „Вольностями Войска (или Товариства) Запорожскаго“. Только Кіевъ, — этотъ всероссійскій Римъ, — возбуждалъ иѣкоторыя сомнѣнія въ русскомъ литературномъ обществѣ, но край западиѣ отъ Кіева оно вполнѣ было готово признать Польшею. По крайней мѣрѣ самъ И. С. Аксаковъ помѣстилъ въ свое мѣсто либеральному „Парусѣ“ (1859 г.) довольно

тенденціозное „*Письмо изъ Польши*“ (какъ говорили тогда, принадлежащее перу известнаго польского беллетриста) съ помѣткою: *Житомир!* Даже въ послѣдствіи грозный бичъ „польской интриги“ М. Н. Катковъ, вель по польски переписку съ г. Киркоромъ, издававшимъ въ Вильнѣ журналъ съ обычными польскими „историческими“ тенденціями, — и только полемика, поднятая въ виленскихъ польскихъ изданіяхъ противъ появившагося въ 1857 — 59 гг. „Богдана Хмельницкаго“ Костомарова, на которую украинскій историкъ отвѣчалъ въ „Современикѣ“, предвѣщала тѣ бури, которыя не замедлили разразиться около польского вопроса иѣсколько времени спустя.

При такихъ условіяхъ пришлось выскаться обѣ этомъ вопросѣ „Колоколу“, тогдашнему органу всероссійскаго либерализма и великорусской демократіи.

IV.

По всему видно, что Герценъ не имѣлъ специальныхъ свѣдѣній обѣ исторіи и этнографіи „западныхъ провинцій“ Россіи и даже врядъ ли читаль труды напр. Костомаро-

ва. Запасъ фактическихъ свѣдѣній его по этому предмету не превосходилъ того, какой имѣлъ средній столичный русскій литераторъ того времени, т. е. былъ очень не великъ. Но за то Герценъ имѣлъ превосходное общее политическое образованіе и, кромѣ того, громадный и въ высшей степени чуткій къ реальнымъ чертамъ политическихъ явленій умъ,—и большой запасъ наблюденій надъ политическою жизнью разныхъ народовъ современной ему эпохи. Это же все, вмѣстѣ взятое, давало ему возможность въ спокойное время вѣрно угадывать основные черты польского вопроса въ Россіи,—правду и фальшь стремленій польскихъ „историческихъ“ патріотовъ всѣхъ оттѣнковъ, съ которыми ему приходилось встречаться. Теперь въ особенности, послѣ изданія его „Посмертныхъ статей“, видно, что идеиная солидарность Герцена съ польскими патріотами была въ сущности очень не велика. Кромѣ сильныхъ теоретическихъ разногласій и критического отношения Герцена къ основамъ польскихъ „историческихъ“ стремленій, основамъ, которыя польские патріоты принимали, какъ догматъ вѣры, солидарности этой мѣшала сильная примѣсь

специально великорусского национального элемента къ идеямъ этого по видимому крайняго западника. При всемъ своемъ западничествѣ и полуиностраннымъ происхожденіи, Герценъ, живо чувствовалъ свою кровную связь съ великорусскимъ племенемъ, къ которому (а вовсе не къ одному только правительству) накопилось слишкомъ много антиатѣй у средняго польскаго дѣятеля *). Кромѣ того Герценъ имѣлъ и общеисторическую философскую доктрину, которая мало гармонировала съ стремленіями польскихъ патріотовъ, потому что и подъ нею была подложена специфическая великорусская основа. При всемъ своемъ вольтеріанствѣ и сенсимонизмѣ, Герценъ былъ собственно московскій славянофилъ, или лучше великоруссофилъ,—который стремился и вольтеріанству, и соціализму придать великороссійскія основы, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ибѣмецъ Гакстгаузенъ открылъ великороссійскую общину. По своей историко-философской подготовкѣ Герценъ,—какъ и Константина Аксаковъ, и ихъ другіе московские товарищи, былъ гегеліанецъ. По

*) См. Сборникъ Посмертныхъ статей, 210—211.

ученію же Гегеля все развитіе человѣчества идетъ ступенями, но при томъ такъ, что каждая ступень воплощается въ одну известную націю. По Гегелю, послѣдняя ступень развитія представляется германцами,—(преимущественно пруссаками),—при чёмъ дальнѣйшей смѣны господствующей націи не предполагалось,—такъ что самъ Герценъ смѣялся, что, по гегеліанцамъ, богъ живетъ теперь въ Берлинѣ. Но московскіе гегеліанцы только перенесли этого бога отъ германцевъ къ славянамъ, а между ними, конечно, къ великоруссамъ,—при чёмъ соціалисты, какъ Герценъ, соединили учение о грядущей смѣнѣ германскаго периода исторіи славянскимъ съ учениемъ о предстоящей замѣнѣ господства буржуазіи торжествомъ рабочихъ классовъ. Такое учение, подпиравшее еще и до сихъ поръ не перестающее пугать Европу фразой Наполеона I: *dans 50 ans l'Europe sera république ou cosaque*, Герценъ развила въ нѣсколькихъ брошюрахъ на разныхъ языкахъ (Старый міръ и Россія, Соціализмъ и Россія и пр.) и постоянно возвращалася къ нему въ „Колоколѣ“. У самого Герцена это учение умѣрялось широкимъ образованіемъ и

терпимостью огромнаго ума,—но у многихъ москвичей, даже эмигрантовъ, какъ напр. Мартынова, оно доходило до отрицанія правъ певеликорусскихъ народовъ на отдѣльное существованіе. Во всякомъ случаѣ учение это дѣлало и изъ Герцена теоретическаго противника полнаго отдѣленія Польши, — такъ какъ, по этому ученію, Польша, хоть и славянская страна, но утратившая, подъ вліяніемъ Запада, сельскую общину, охранившуюся въ Великороссіи, нуждалась въ союзѣ съ послѣдней въ критической моментъ всемірно-исторического перелома.

Но не раздѣляя такимъ образомъ, по разнымъ соображеніямъ, идеи польскихъ патріотовъ, касательно необходимости отдѣленія Польши отъ Россіи, Герценъ, конечно, глубоко уважалъ въ полякахъ страданіе, любовь къ независимости и свободѣ и энергию въ борьбѣ за нее и признавалъ право на рѣшительное слово въ вопросѣ о судьбѣ Польши только за поляками: „Если Польша захочетъ другого рѣшенія, говорилъ онъ,— да будетъ ея воля!“ Вся бѣда была въ томъ, что Герценъ довольно смутно представлялъ, что собственно такое Польша,— и, при всемъ уваженіи къ народамъ передъ

государствомъ, все таки способенъ быль забыть, что слова „Польша“ и „Россія“,— а теперь особенно послѣдняя, представляютъ собою собственно государства, а не народы, и что, для уразумѣнія интересовъ этихъ послѣднихъ,—какъ напр. въ даниномъ случаѣ интересовъ литовцевъ, бѣлоруссовъ, и украинцевъ,—нужно прежде всего отрѣшиться отъ привычки поляковъ и великоруссовъ ставить вопросъ только между „Россіей“ и „Польшей“.

Съ самаго начала своей публицистической дѣятельности Герценъ не пропускалъ случая высказываться о польскомъ вопросѣ, — но до 1859 г. его слова не выходили за предѣлы общихъ выражений сочувствія къ Польшѣ, какъ къ странѣ страждущей подъ чужимъ игомъ. Систематически и съ подробностями высказался Герценъ о польскомъ вопросѣ въ первый разъ въ статьяхъ, озаглавленныхъ „Россія и Польша“, напечатанныхъ въ „Колоколѣ“ 1859 г., въ №№ 33, 34 и 37 и въ 1860 г., №№ 66 и 67. Первая двѣ статьи напечатаны по поводу брошюры „Aleksander Herzen i Wolna Rosyjska Drukarnia w Londynie“, которой, къ крайнему нашему сожалѣнію, мы не

видѣли. Всю первую статью московскій эмигрантъ посвятилъ защитѣ своего народа и даже государства отъ отрицательныхъ взглядовъ, распространенныхъ въ западноевропейскихъ обществахъ и въ польскомъ, налагая въ особенности на важность для Россіи соціально-экономического вопроса крестьянскаго, которымъ въ данный моментъ, по его мнѣнію, дѣятельно занялось и правительство Собственно только во второй статьѣ Герценъ разбираетъ вопросъ объ отношеніи Польши къ Россіи, т. е. къ россійскому государству. Онъ говоритъ: „Польша, какъ Италія, какъ Венгрія, имѣютъ неотъемлемое, полное право на государственное существование, независимое отъ Россіи. Желаемъ ли мы, чтобы свободная Польша оторглась отъ свободной Россіи, это другой вопросъ. Нѣтъ, мы этого не желаемъ и можно ли этого желать въ то время, какъ исключительныя національности, какъ международныя вражды, составляютъ одну изъ главныхъ плотинъ, удерживающихъ общечеловѣческое развитіе. Глубоко ненавидя всякую централизацію, я убѣжденъ, что соплеменные федераціи даютъ среду государственному несравненно болѣе широкую, чѣмъ

раздробленіе одного рода на отдѣльныя части. Федеральное соединеніе должно быть вольнымъ даромъ; Россія не имѣть правъ на Польшу, она должна заслужить то, что взяла насильно; она должна загладить то, что сдѣлали ея руками, и если Польша не хочетъ этого союза, мы можемъ обѣ этомъ скорбѣть, можемъ не соглашаться съ нею, но не предоставить ей воли мы не можемъ, не отрекаясь отъ всѣхъ убѣждений нашихъ. Мне кажется, что это ясно.

„Но если ясно, что мы признаемъ это право, то можетъ быть надо пояснить, почему мы не желаемъ полнаго расторженія двухъ народовъ. Намъ кажется, что Польша и Россія могутъ рука обѣ руку идти одной дорогой къ новой свободной соціальной жизни. Мы думаемъ, что Польша и Россія совсѣмъ не въ томъ положеніи, въ которомъ Ломбардія и Австрія... Австрія не народъ; Австрія полицейская мѣра, сводная администрація; она ни къ чему живому не примыкаетъ, не покоится на себѣ... Совсѣмъ напротивъ Россія—такая же живая личность, какъ Англія, какъ Франція, только съ той разницей, что тѣ „вѣтхія денъми“ съ своимъ богатствомъ и съ сво-

ими рубцами, съ шевронами на рукахъ и съ изстрѣленными, въ послѣдніе три вѣка, знаменами, покрытыя славой идутъ на отдыхъ(!!), а Россія только что вступаетъ на плацъ, на парадное мѣсто въ исторіи. Самое имя Россіи — начинаетъ повторяться въ Европѣ вмѣстѣ съ именемъ Америки.

„Россія, кромѣ закраинъ своихъ, представляеть сплошное единство, сходное по крови, по языку, по духу. Каждый русскій сознаетъ себя частью всей державы, сознать родство свое со всѣмъ народопаселеніемъ, воспитаннымъ въ томъ же сельскомъ быту, съ своимъ общиннымъ порядкомъ и раздѣленіемъ полей. Отъ того то гдѣ бы русскій ни жилъ въ огромныхъ пространствахъ между Балтикой и Тихимъ Океаномъ, онъ прислушивается, когда враги переходятъ русскую границу, и готовъ идти на помощь къ Москвѣ, такъ какъ шелъ въ 1612 и въ 1812 годахъ.

„Но что онъ считаетъ своей границей?... Что касается до главнаго вопроса, до самобытности Польши, онъ решенъ самимъ языкомъ; ни одинъ русскій крестьянинъ не считаетъ Польшу Россіей. Вся Русь говоритъ: „Въ Польшу, изъ Польши“. Но

гдѣ же черта, за которой оканчивается Русь и начинается Польша? Это опредѣлить труднѣе, по не изъ патріотизма, а изъ того, что у насъ не достаетъ самаго главнаго элемента для рѣшенія вопроса.

„Что мы возьмемъ за его основаніе: При соединеніе Червоной Руси къ Польшѣ, или присоединеніе Україны къ Россіи въ половинѣ XVII столѣтія; между ними цѣлый вѣкъ борьбы рѣчи Постолитой съ козаками *). Въ продолженіи ея два противоположныхъ потока обозначаются въ южной Россіи: шляхетство, паны—тянуть къ аристократической республикѣ; нижній слой, народъ, козаки напротивъ въ постоянной враждѣ съ Польшей. Хмельницкій не изъ любви къ Москвѣ, а изъ нелюбви къ Польшѣ отдался царю. Москва, или лучше Петербургъ, обманули Україну и заставили ее ненавидѣть москалей. Какъ

*) Червоная Русь (Галиція) была завоевана поляками окончательно въ 1387 г. Україна присоединилась къ московскому государству, которое Герцeцъ зоветъ преждевременно Россіей,—въ 1654 г., следовательно между этими событиями прошло гораздо болѣе вѣка и при томъ для большей части Україны два периода исторіи: литовскій ($2\frac{1}{2}$ вѣка) и польскій (вѣкъ).

же рѣшить вопросъ о ней? Давность владѣнія ничего не доказываетъ. Утраченное владѣніе еще меньше. Право завоеванія? Послѣдній захватившій будетъ владѣть, пока другая сила его сгонитъ. Завоеваніе фактъ, а не право. Естественныхъ границъ нѣтъ; ни цѣпи горъ, ни большихъ рѣкъ; остается искать новыхъ оснований въ самой жизни народа, въ его бытѣ... Тамъ, гдѣ народъ исповѣдуется православіе, говорить языкомъ болѣе близкимъ къ русскому, чѣмъ къ *польскому*, тамъ, гдѣ онъ сохранилъ русскій крестьянскій бытъ, міръ, сходку, общинное владѣніе землей,—тамъ онъ, вѣроятно, захочетъ быть русскимъ. Тамъ, гдѣ народъ исповѣдуется католицизмъ или унію, тамъ, гдѣ онъ утратилъ общину и общинное владѣніе землей, тамъ, вѣроятно, сочувствие съ Польшей сильнѣе и онъ пойдетъ съ ней.

„Но, скажите, что же мы за наслѣдники вѣнскаго конгресса, что будемъ расписывать, какая полоса земли, куда принадлежитъ, не спросясь людей на ней живущихъ... Ну, если послѣ всѣхъ нашихъ разсужденій, Украина, помнившая всѣ притѣсненія москалей, и крѣпостное состояніе, и наборы, и

безправіе, и грабежъ, и кнутъ съ одной стороны, и не забывая съ другой, каково ей было и за Рѣчью-Посполитой съ жолнерами, панами и коронными чиновниками, не захочеть быть ни польской, ни русской? По моему вопросъ рѣщается очень просто. Україну слѣдуетъ въ такомъ случаѣ признать свободной и независимой страной. У насть... не должно быть и рѣчи о томъ, кому должна принадлежать та, или другая часть населенной земли. Въ Малороссіи живутъ люди, люди подавленные рабствомъ, но не настолько сломанные правительствомъ и помѣщиками, чтобы потеряли всякое чувство народности; совсѣмъ напротивъ, родовое сознаніе у нихъ очень развито... что же это будетъ за шагъ къ ихъ освобожденію, когда, снимая московскія цѣпи, имъ скажутъ, что они должны принадлежать Польшѣ?

„Развяжемъ-те имъ руки, развяжемъ-те имъ языкъ; пусть рѣчь ихъ будетъ совершенно свободна и тогда пусть они скажутъ свое слово, перешагнуть черезъ кнутъ къ намъ, черезъ папежъ къ вамъ, или, если они умны, протянуть намъ обоимъ руки на братскій союзъ и на независимость отъ обоихъ. Вотъ потому то я такъ высоко цѣнию

федерализмъ. Федеральныя части связаны общимъ дѣломъ и никто никому не принадлежитъ, ни Женева Берну, ни Бернъ Женевѣ“...

Къ выписаннымъ словамъ (изъ 34 № Клокола) слѣдовало бы прибавить нѣсколько выдержокъ изъ послѣдующихъ статей Герцена (Клоколъ, №№ 66 и 67), въ которыхъ онъ подробнѣе развиваетъ мысль о необходимости для Польши держаться Россіи, ради крестьянско-общиннаго элемента послѣдней. Но глава наша выходитъ и такъ уже слишкомъ длинною,—а потому мы отсылаемъ болѣе любопытныхъ читателей прямо къ „Клоколу“, или къ сборнику „За пять лѣтъ“,—а здѣсь ограничимся только двумя, по нашему мнѣнію, главнѣйшими выдержками изъ статьи 66 и 67 №№ „Клокола“,

„Я только для *нерусскаго* славянскаго міра,—говорилъ Герценъ,—отъ всей души желалъ братскій союзъ съ Россіей, для того, чтобы, когда гроза, которую никакая мощь въ мірѣ не остановить, грянетъ, онъ не былъ бы взятъ въ расплохъ“,—и далѣе старается пояснить свою мысль обзоромъ исторіи Россіи, какъ „мужицкаго“ царства

и современаго настроения ея, въ эпоху приступа къ освобожденію крестьянъ. Думая, подобно многимъ русскимъ, будто только въ одной Россіи освобождаются крестьянъ съ землей (и, забывая примѣры Пруссіи, Галиціи, Скандинавскихъ державъ и даже Финляндіи, гдѣ аграрный вопросъ поставленъ едва ли не радикальнѣе, чѣмъ гдѣ либо) и заявивъ, будто въ Россіи даже правительство и помѣщики признаютъ право крестьянъ на землю (мы теперь знаемъ, точно ли всѣ крестьяне получили въ Россіи землю, по скольку и на какихъ условіяхъ,—и точно ли эмансипаторы 60-хъ годовъ предохранili Россію отъ пролетариата, даже сельскаго),—Герценъ переходитъ къ пророчеству о предстоящей Европѣ соціальной катастрофѣ, — въ которой Россія, по его вѣрованію, должна принять участіе, кажется, не переставая еще сама быть военною державою: „Подумайте, говоритъ онъ, когда эта шестая доля земного шара, со всѣми Туранскими и Чудскими примѣсями, съ соціальными инстинктами, освобожденная отъ нѣмецкихъ колодокъ и лишенная воспоминаній и наследства, перекликнется съ пролетаріемъ-работникомъ

и съ пролетаріемъ-батракомъ на Западѣ и они поймутъ, что собственно у нихъ дѣло одно.

„Кто можетъ предвидѣть всѣ столкновенія и борьбы, которыя вызовутся въ тѣ дни. Но что они будутъ страшны, въ этомъ пѣтъ сомнѣнія. Передъ борьбой памъ хотѣлось бы, чтобы славяне подали другъ другу руку на братскій союзъ,—не для помощи Россіи,—ужъ она то *para da se*, — не для составленія съ ней чудовищной имперіи, — мы ничего не знаемъ нелѣпѣ этихъ китообразныхъ государствъ, которымъ тяжело двигаться отъ роста,—а для того чтобы они не остались по ту сторону, по сторону прошедшаго, или не сдѣлались бы кровавымъ театромъ страшной борьбы“.

Читая вышеупомянутыя статьи Герцена видишь, какъ близко онъ къ истинному пониманію вопроса, по въ то же время, — особенно послѣ всего случившагося съ 1860 г., видишь, какъ примѣсь къ его здравымъ мыслямъ идей великокорусского мессіанизма, а также незнаніе деталей исторіи и положенія невеликорусскихъ народовъ и остатки привычки распоряжаться за другихъ ихъ судбою,—составили около вполнѣ вѣрныхъ и спасительныхъ зеренъ политическихъ идей

Герцена о польскомъ вопросѣ такую оболочку, которая должна была стать источникомъ послѣдующихъ бѣствій и ошибокъ. Начнемъ съ великороссійскаго мессіанизма, потому что хотя онъ только косвенно входитъ въ главный кругъ предметовъ, которымъ посвящены настоящія статьи, но все таки не можетъ быть оставленъ безъ обсужденія,—такъ какъ онъ, во первыхъ, составляетъ одну изъ характеристическихъ чертъ великорусского общества, въ томъ числѣ и его демократіи,—а, во вторыхъ, онъ имѣлъ и свое практическое значеніе въ польскомъ вопросѣ до и послѣ революціи 1863 г. На поляковъ онъ долженъ былъ производить отталкивающее впечатлѣніе, — не только изъ патріотовъ болѣе „бѣлыхъ“ отѣнковъ,—у которыхъ была своя національно-мессіанистическая религія, если и не такъ демократическая, то выражаемая еще съ большимъ мистицизмомъ, — но даже и на тѣхъ изъ „красныхъ“, которые способны были усвоить и федеральную, и соціалистическую сущность ученія Герцена, но только не въ той, по истинѣ, странной и претензіозной оболочкѣ, въ какой ее излагалъ московскій демократъ. Вотъ почему усвоено

было учение Герцена только великоруссами — и у последнихъ получило и практическое примѣненіе, которымъ врядъ ли доволенъ былъ самъ Герценъ.

Кто слѣдилъ за петербургскою и московскою печатью 1864—1868 гг., тотъ не могъ незамѣтить, какъ въ тогдашихъ органахъ императорскаго демократизма, постепенно перешедшихъ въ органы всеобру-
сительного бюрократизма („День“ „Москва“ и „Москвичъ“ И. Аксакова, „Голосъ“, — который сначала, въ 1863 г., представлялъ было собою въ польскомъ вопросѣ идеи петербургскихъ западниковъ и либераловъ) почти дословно излагались мысли Герцена „о старомъ мірѣ и Россії“, о спасеніи потерявшей славянской обликъ Польши чисто-славянскими начальами, сохранившимися въ Великороссіи и т. п. Теперь подобнаго рода мысли рѣже высказываются въ великороссійской печати, но они далеко не изчезли въ великорусскомъ обществѣ, а исповѣдываются многими учеными, членами славянскихъ комитетовъ, а также людьми и теперь довольно вліятельными, и которые со временемъ могутъ получить еще болѣе вліятельные положенія, какъ напр. кн. Ал. Василь-

чиковъ. Подобныя идеи вдохновляли дѣятельность въ Царствѣ Польскомъ Ю. Самарина, Черкасскаго, Н. Милютина, — и, конечно, въ ихъ рукахъ послужили опорой для проведения нѣсколькихъ полезныхъ для польского крестьянства аграрныхъ реформъ и сельскихъ учрежденій, — но также, особенно въ рукахъ менѣе образованныхъ людей, служили источникомъ и оправданіемъ всякаго рода централизаторскихъ и православно-обрусительныхъ безобразій надъ Польшею и поляками. (Впослѣдствіи въ болгарскій походъ у самаго Черкасскаго идеи великорусскаго мессіанизма, провозглашаемые въ то время г. Ив. Аксаковымъ въ московскомъ славянскомъ комитетѣ и кн. Ал. Васильчиковымъ въ петербургскомъ, — послужили оправданіемъ системы чистаго кнутогубства надъ „братушками“, уже не сопровождавшаго никакими аграрными реформами).

У Герцена мы встрѣчаемъ сильные противовѣсы великокороссійскому мессіанизму, и потому лично онъ, конечно, трижды чистъ отъ всѣхъ его безобразій, но не совсѣмъ не виновна въ нихъ самая его доктрина. Право, не только соціализмъ, но даже императорскій демократизмъ и аграрныя реформы

въ Царствѣ Польскомъ могли бы быть
весъма удобно проводимы безъ всякой при-
мѣси племеннаго мессіанизма; вѣдь обходится
же напр. безъ него практическій Гладстонъ
въ своей аграрной политикѣ въ Ирландіи. Но
великорусскіе демократы не обошлись безъ
него въ 1860 годах; не совсѣмъ они обходятся
безъ него и теперь, какъ это видно на писані-
яхъ многихъ русскихъ „народниковъ“, цен-
зурныхъ и безцензурныхъ. А между тѣмъ,
прослѣдивши генеалогію всѣхъ этихъ претен-
зій на сохраненіе въ Великороссіи основъ на-
иболѣе удобныхъ для торжества демократіи,
антиkapitalизма, соціализма, правдоискатель-
ства и т. п., — вы найдете въ кориѣ родослов-
наго древа ничто иное, какъ старомосковскій
китаизмъ и ученіе о томъ, что „Москва —
третій Римъ, а четвертаго не будетъ“. *)

*) Напомнимъ еще слова Герцена, написанныя во
время польского восстания въ отгѣтъ московскимъ
славянофиламъ. (Концы и начала. Колоколъ, стр.
1566): „Для васть русскій народъ преимущественно
народъ православный, т. е. наиболѣе христіанскій,
приближающійся къ веси небесной. Для насть рус-
скій народъ преимущественно соціальный, т. е. на-
иболѣе близкій къ осуществленію одной стороны
того экономического устройства, той земной веси,
къ которой стремятся всѣ соціальные ученія“.

Если такимъ образомъ однимъ своимъ бокомъ ученія Герцена, — такъ какъ они были имъ изложены въ 1859—1860 гг., представляли опору для такой политики, которая потомъ повела за собою, съ русской стороны, мѣры противъ національной индивидуальности Польши,—то другимъ своимъ бокомъ они открывали наклонную плоскость, по которой и самъ Герценъ, и его политические друзья, покатились еще раньше въ сторону польскихъ „историческихъ“ стремлений, по сущности своей завоевательныхъ, а не освободительныхъ, и противъ которыхъ самъ Герценъ выставилъ столько вѣскихъ соображеній и въ тѣхъ же вышеупомянутыхъ статьяхъ.

Изъ выписанныхъ выше словъ Герцена въ 34 № „Колокола“ видно прежде всего, что онъ разумѣеть подъ словомъ Россія — собственно только Великоруссію, ибо только къ ней „присоединилась Украина въ XVII ст.“, — и только она „сохраняетъ сплошное единство, сходное по крови, по языку, по духу“ (конечно, за исключеніемъ такъ называемыхъ инородцевъ). А между тѣмъ рядомъ Герценъ употребляетъ это слово и въ государственномъ смыслѣ и въ тоже

время неясно представляетъ себѣ численное отношеніе невеликорусскихъ элементовъ на-селенія русского государства къ элементу великороссийскому, — когда говоритъ, что „Рос-сія, кромѣ закраинъ своихъ представляетъ сплошное единство.“ На дѣлѣ эти „закраи-ны“ занимаютъ почти половину Европейской Россіи — отъ Финляндіи черезъ Петербургъ, Смоленскъ, почти подъ Воронежъ къ Н. Чер-каску и Ставрополю, — и представляетъ почти половину населенія страны. При этомъ важ-ное практическое значеніе имѣетъ то об-стоятельство, что почти всѣ невеликорусскія племена западной половины Европейской Россіи выходятъ своими частями за границы русского государства (литовцы, которыхъ болѣе сознательная часть и печать наход-ятся въ Пруссіи, — поляки, украинцы, румуны), а потому не могутъ быть подведены этимъ государствомъ подъ одну струну. (Тоже слѣдуетъ сказать о грузинахъ и ар-мянахъ за Кавказомъ). А изъ племенъ не-русскихъ, но помѣщающихся въ Россіи, — малыя племена латышей и эстовъ, которыхъ великорусские государственные демократы желають эмансирировать и въ тоже время русить, превосходить своимъ образованіемъ

и организацией русскихъ.*). Такимъ образомъ „закраины“ Россіи имѣютъ очень много шансовъ на измѣненіе всѣхъ разсчетовъ, которые могутъ быть сдѣланы великоруссами касательно судебъ всей Россіи. Противъ этого, конечно, люди въ родѣ Герцена (если бъ только ихъ было побольше!) ничего не станутъ и возражать. Но прежде всего имъ слѣдуетъ имѣть вполнѣ отчетливое понятіе о томъ, что такое „единство Россіи“ и что такое ея „закраины“.

У Герцена оказалось гораздо менѣе такихъ отчетливыхъ понятій, чѣмъ добрыхъ намѣреній, въ томъ случаѣ, когда онъ приступилъ къ вопросу о границахъ его „сплошной Россіи“ съ Польшею. Прежде всего онъ видалъ въ ошибку уже тѣмъ, что началъ,— по примѣру польскихъ „историческихъ“ патріотовъ опредѣлять границу своей Россіи, т. е. Великоруссіи отъ Польши, тогда какъ, по духу его идей, онъ долженъ бы

*) Въ началѣ 1881 г. эсты имѣли 6 періодическихъ изданій (въ теченіи года прибавилось еще 2) на 900,000 населенія, а латыши протестанты 10 на 1,100,000; русскихъ же было всѣхъ изданій, съ официальными, только 376 на 40,000,000 великоруссовъ, не считая обрублыхъ чиновниковъ.

былъ опредѣлять границу ея оть Латышіи, Бѣлоруссіи и Україны, — такъ какъ вѣдь великорусская нація нигдѣ съ польской не соприкасается. Между тѣмъ Герценъ, предполагая возможность, что напр. „Україна не захочетъ быть ни польской, ни русской“, — предполагаетъ и возможность, что западные области захотятъ быть то русскими, то польскими, при чёмъ опирается это предположеніе на разныя „бытовыя основанія“, которыхъ, за неимѣніемъ ни горъ, ни большихъ рѣкъ, могутъ, по его мнѣнію, опредѣлить границу,— границу все таки между Россіей и Польшой! Приглядѣвшись ближе къ этимъ „бытовымъ основаніямъ“, увидимъ, что ни одно изъ нихъ не опредѣляетъ никакой границы, а одно за другимъ даютъ линіи до смѣшного перепутывающіяся.

Возьмемъ языкъ. Литовскій языкъ напр. уже потому, что онъ совсѣмъ и не славянскій, не можетъ быть „ближе“ ни къ русскому, ни къ польскому; область его, значитъ, окажется ни Россіей, ни Польшой. За тѣмъ славянскіе языки: бѣлорусскій и украинскій въ основѣ своей вездѣ,—къ западу, какъ и къ востоку,—находятся въ одинаковомъ отношеніи какъ къ польскому, такъ

и къ русскому языку,— и если напр. дальше къ западу вы встрѣтите въ языкѣ больше культурныхъ словъ польскихъ (между которыми добрая половина слова иѣмецкія, зашедшія и къ полякамъ, и къ ихъ восточнымъ сосѣдямъ) а па востокѣ найдете слова русскія, то эти слова такъ же мало измѣняютъ массовой украинскій или бѣлорусскій характеръ какой нибудь Гродненской или Черниговской губерній, какъ и украинскія слова въ языкѣ орловской, или новгородской губерніи не измѣняютъ сути великорусского характера послѣднихъ. Рядомъ съ десятками — сотнями польскихъ и полонизированныхъ словъ встрѣтимъ въ языкѣ какой нибудь сѣдлецкой губерніи такія оригиналныя особенности основныхъ чертъ языка,— фонетики и грамматики, которые заставятъ всякаго,— знакомаго съ дѣломъ,— только улыбнуться надъ тѣмъ, кто вздумаетъ зачислять эти земли въ Польшу, на основаніи будто бы большей близости языка къ польскому, чѣмъ къ великорусскому. Ссылаемся на всѣхъ ученыхъ писавшихъ объ этомъ предметѣ. По языку во всей спорной области получишь границы: Польши, Литвы, Латышіи, Бѣлоруссіи, Ук-

райны, Великороссии, — а вовсе не Польши и России.

Не больше помогаетъ великорусскому демократу съ его польскими корреспондентами и религія: православіе, унія и даже католицизмъ. Во первыхъ, унія сохранилась въ 1860 г. только въ Царствѣ Польскомъ (около 500,000) да въ Галиції (б. 3,000,000), — значитъ громаднѣйшая часть земли отъ З. Буга и австрійской границы за Днѣпръ, т. е. всѣ „губерніи отъ Польши возвращенные“, какъ говорятъ въ Россіи, и весь „забраный край“, какъ говорятъ въ Польшѣ, окажутся Россіей, конечно, къ великому неудовольствію польскихъ историческихъ патріотовъ. А кроме того населеніе униатской Галиції по всѣмъ прочимъ „бытовымъ основаніямъ“ совсѣмъ подобно православному населенію кievской губерніи, которое по религіозно - бытовому основанію Герцена оказывается „русскимъ“, — и населенію Полтавской губерніи, которое „исторические“ польские патріоты не требуютъ въ Польшу на томъ основаніи, что оно уступлено Польшей трактатомъ 1667 г., а не 1773 г. Упатское населеніе Галиції и передъ 1860 г. десятки разъ доказало, между прочимъ уста-

ми крестьянскихъ депутатовъ въ австрійскомъ парламентѣ 1848 г., — что оно также не хочетъ „принадлежать“ Польшѣ, какъ и кіевское или полтавское, — о чёмъ и Герценъ могъ бы знать, если бы между Галиціей и имъ не стояли увѣренія польскихъ патріотовъ и нѣмецкихъ либераловъ, будто „русиновъ выдумалъ въ 1848 г. пам'ятникъ Галиції гр. Стадіонъ“. Наконецъ въ Правобочнай Українѣ есть села бѣдной шляхты и вообще чиншевиковъ, по религіи католиковъ, но по языку украинцевъ и которые ни въ 1831 г., ни въ 1863 г. не обнаружили никакой охоты возставать за Польшу. Община, — какъ мірская сходка, существуетъ во всей данной полосѣ, — а общиннаго землевладѣнія не существуетъ и въ Черниговской, и Полтавской губерніи (кромѣ казенныхъ крестьянъ). Оно существуетъ въ Слободской Українѣ и Новороссіи, какъ въ земляхъ новѣйшаго заселенія, но въ этихъ земляхъ, по всѣмъ другимъ „бытовымъ основаніямъ“, населеніе ничѣмъ не отличается отъ населенія напр. полтавской, кіевской и подольской губерніи, — а въ Новороссіи, при общинномъ землевладѣніи, подобномъ великороссійскому, сохранились наиболѣе жи-

выя воспоминанія о томъ, какъ „Москва Січъ руїновала“ и какъ „суча дочка, московська царица своїм генералам запорожські степи подаровала“ и т. п. Словомъ: 1) или не зачѣмъ вовсе поднимать вопроса о „бытовыхъ основаніяхъ“ для политическихъ границъ, а надо признать границы, „историческія“, т. е. проведенные мечемъ и перомъ дипломатовъ, — и тогда, право, трудно понять, чѣмъ это границы, установленные для Россійской имперіи вѣнскимъ конгресомъ 1815 г. хуже, чѣмъ границы между Московіей и Польшой, опредѣленные въ 1667 г. и существовавшія до 1772 г.? По здравому разуму, теперешнія „историческія“ границы Россіи, какъ Россійской имперіи, уже потому лучше „историческихъ“ границъ Польши 1667—1772 гг., что они существуютъ; или же 2) если уже начать передѣлывать границы Россійской имперіи, по совокупности бытовыхъ основъ, то опять таки получимъ не Россію и Польшу, — а Польшу, Україну, Бѣлоруссію, Литву и т. п.

Но въ концѣ концовъ великорусскій демократъ высказываетъ мысль, что не нужно предрѣшать вопроса о границахъ, — а слѣдуетъ предоставить рѣшить его населе-

ніямъ спорныхъ провинцій,— причемъ, говоря пока объ одномъ изъ нихъ, украинскомъ, говоритъ: „развяземъ-те имъ руки, развяземъ-те имъ языкъ, пусть рѣчь ихъ будетъ совершенно свободна и тогда пусть они скажутъ свое слово“ и т. д. На первый взглядъ пѣтъ ничего резониѣе, благопамѣренiѣе и даже самоотверженiѣе такихъ рѣчей,—и если бы политические дѣятели, не говоримъ уже правители, но даже революціонеры,—всѣ были Герцены, то не осталось бы ничего желать, какъ только того, чтобы они поставлены были въ возможность „развязать руки и языкъ“ населенiямъ Европы, „сдѣлать ихъ рѣчь *совершенно* свободно“, чтобы избавить эти населенiя по крайней мѣрѣ отъ национальныхъ споровъ. О такомъ непредрѣшенiи вопроса о „забранныхъ краяхъ“ и объ освобожденiи прежде всего языка и рукъ ихъ населенiй, для того, чтобы они могли совершенно свободно подать свой голосъ по вопросу о принадлежности къ Польшѣ, или о союзѣ съ нею,— говорили и во времена Герцена нѣкоторые польские политики, — говорятъ и теперь иногда польские публицисты. Мы увидимъ далѣе примѣры этихъ рѣчей.

Увы! не сомневаясь въ самыхъ добрыхъ намѣреніяхъ говорящихъ такія рѣчи, мы не можемъ не признать ихъ ничѣмъ инымъ, какъ только компромиссомъ между мнѣніями, съ которыми трудно бороться на открытомъ полѣ аргументаціи, мнѣніями отрицающими всякія „историческія“ права Польши и всякия издѣлія старой дипломатіи, Люблинскія, какъ и Вѣнскія,—и собственными привычками говорящихъ къ мысли объ этихъ „историческихъ“ правахъ. Это очень гуманно спрашивать населенія о политическихъ границахъ. Еще гуманнѣе поднять оружіе для того, чтобы „развязать имъ языкъ“. Но на бѣду въ иныхъ вопросахъ отвѣты зависятъ отъ того, кто, какъ и при какихъ условіяхъ предложить вопросъ,—а теперешнія массы народа во виѣшне-государственныхъ вопросахъ,—сущность которыхъ не сразу видна имъ въ повседневной жизни,—почти всегда высказываются за *status quo*,—т. е. на дѣлѣ за того, у кого въ рукахъ власть, войско. Тотъ же, у кого въ рукахъ власть, не расположено ставить вопросы иначе, какъ въ такой формѣ, чтобы получить на нихъ какъ разъ такие отвѣты, какіе ему нужны. Напомнимъ напр. *suffrage universel*, произве-

денный Наполеономъ III въ Ниццѣ, или хоть послѣднюю перепись, произведенную въ Галиціи польскими чиновниками, между которыми находится много приравнивавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи 60-хъ годовъ. За тѣмъ, есть положенія, когда приставать къ человѣку съ извѣстными вопросами, прося у него самыхъ свободныхъ отвѣтствъ, есть просто невѣжливость: въ числѣ такихъ невѣжливыхъ вопросовъ можно поставить вопросы: Лейпцигу: нѣмецкій ли онъ городъ, или чешскій? — Варшавѣ, — не русская ли она? и обитателямъ кіевскаго уѣзда, — не поляки ли они? А поднимать въ Лейпцигѣ возстаніе для того, чтобы развязать ему языкъ по вопросу: хочетъ ли онъ быть нѣмецкимъ, или чешскимъ городомъ? — было бы болѣе, чѣмъ невѣжливо. Но пусть предлагаются разные софистические и даже невѣжливые вопросы люди, власть имѣющіе. Прежде всего, они почти ничѣмъ не рискуютъ, имѣя въ рукахъ готовую власть. Революціонеры же, даже тѣ, которые хотятъ захватить власть, а не только тѣ, которые хотятъ „совершенной свободы“, — должны задавать вопросы самимъ себѣ прежде, — чѣмъ существующимъ быть освобожден-

ными населеніямъ, — и добиваться на нихъ отвѣтовъ положительно - научнымъ способомъ, на основаніи совокупности данныхъ, представляемыхъ исторіей и настоящимъ положеніемъ этихъ населеній. Такъ медикъ долженъ прежде всего дѣлать самъ діагнозъ болѣзни субъекта, котораго онъ думаетъ лечить, — имѣя при этомъ въ виду, что иногда этотъ субъектъ можетъ и не понимать его вопросовъ. Для революціи прежде всего нужна сила, — т. е. помошь самого населенія извѣстныхъ странъ, а потому революціонеръ, особенно если онъ не разсчитываетъ на постороннюю государственную помощь,— (въ какомъ случаѣ онъ собственно и не революціонеръ, а завоеватель) долженъ прежде всего сообразить, чѣмъ онъ можетъ поднять населеніе, и чѣмъ можетъ оттолкнуть его отъ себя? Революціонеръ же, который дѣйствительно чуждъ личнаго и даже національнаго эгоизма,— долженъ при этомъ сообразить, что такое дѣйствительно можетъ служить къ удовлетворенію нуждъ даннаго населенія? и долженъ затѣмъ направить въ эту сторону всю свою энергию. Всѣ эти требования мы вправѣ предъявлять къ дѣятельмъ настоящаго, „положительного“ времени.

Приложимъ эти соображенія къ двумъ крайнимъ и непохожимъ между собою провинціямъ изъ числа „забранныхъ“ нынѣшнеis Россіею отъ старой Польши, — къ Українѣ и Литвѣ. Въ первой мы увидимъ такое недвусмысленное и столько разъ съ XVI в. заявленное отвращеніе отъ всякой принадлежности къ польскому государству, что слѣдуетъ по истинѣ удивляться, какъ можно было людямъ, что нибудь знающимъ объ этой землѣ, допускать на одну секунду мысль, что населеніе ея можетъ, да еще при полной свѣжести памяти о крѣпостномъ правѣ у польскихъ пановъ,—пойти за польскимъ знаменемъ, даже если бы изъ подъ него обѣщались рѣки сытovыя и берега кисѣльныя. Во второй мы видимъ населеніе еще съ XV ст. затертое національно-политически и придавленное соціально, — такъ что ему теперь совершенно странно ставить вопросъ о томъ, хочетъ ли оно принадлежать къ тому, или другому государству, или даже къ тому, или другому политическому союзу. Какъ населеніе религіозное, и при томъ католическое, литовцы, конечно, не довольны принадлежностью къ еретичной Россіи, и ихъ, конечно, можно

убѣдить, что съ единовѣрной Польшей имъ было бы лучше, хотя сомнительно, чтобы ихъ можно было довести до поголовнаго восстания за отпаденіе отъ Россіи къ Польшѣ: по крайней мѣрѣ такого восстанія не было ни въ 1831 г., когда жмудины даже пробовали рѣзать польскихъ паповъ, какъ дѣлали это потомъ, въ 1846 г., польские крестьяне въ западной Галиції *), ни въ 1863 г., когда восстаніе въ Жмуди, несмотря на усиленія ксендзовъ, вовсе не было очень энергично, а тамъ, где ксендзъ былъ не изъ шляхты, а изъ крестьянъ, то, говорятъ, его и совсѣмъ не было.

Но допустимъ, что старое польское государство восстановлено,— и среди 30 миллионовъ населенія его (10—11 миллионовъ поляковъ) оказывается и $2\frac{1}{2}$ миллиона литовцевъ,— почти исключительно крестьянъ. Лучше ли бы съ ними обращался сеймъ Польши, чѣмъ парламентъ Германіи обращается съ познанскими поляками, или галиційской съ русинами? Сомнительно. А если такъ, то стоитъ ли мнѣть господина?!

*) О жмудской жаккери можно прочесть у Шмидта (*Geschichte der Polnischen Revolution 1830—31*), котораго мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ подъ рукою.

Но, говорять, такого не было бы, если бъ Польша была возстановлена революционнымъ путемъ, да еще при дѣятельномъ участіи не-польскихъ населеній, въ томъ числѣ и литовскаго,—которыя въ такомъ случаѣ имѣли бы достаточно силы, чтобы и не позволить поставить себя въ подчиненное положеніе, даже, если бы поляки и возымѣли неблагородное желаніе господствовать надъ ними. Литвины напр. имѣли бы областное самоуправленіе, свой языкъ въ школахъ, а если бы захотѣли, то и свой университетъ.

Если же такъ, то, спрашивается, почему подобный союзъ назывался бы Польшею? а следовательно непонятно, за чѣмъ это нужно приступать къ агитаціи среди литовскаго населения во имя возстановленія Польши и Люблинской унії, отъ которой собственно литовскому населенію было по меньшей мѣрѣ ни тепло, ни холодно,—а не прямо во имя интересовъ самаго литовскаго населенія?

Уже и опытъ 1830—31 гг., когда Царство Польское имѣло свою армію,—показалъ, что безъ поголовнаго восстания не только поляковъ, но и всѣхъ націй „забранныхъ краевъ“ невозможно освободить

отъ когтей Россійской имперіи даже Конгрессовую Польшу,—а, слѣдовательно, сторонники даже одного этого освобожденія, должны были въ 60-е годы употребить всевозможныя усилія, чтобы привлечь къ новому возстанію эти населенія. А для этого надо было, чтобъ сторонники эти, а также друзья ихъ въ польскихъ губерніяхъ, употребили больше усилий, чтобы изучить потребности и характеръ этихъ населеній, войти въ ихъ интересы, слиться съ ними языкомъ и трудомъ,—безъ чего невозможно приобрѣсти ихъ довѣрія,—а потомъ и поднимать эти населенія за ихъ, а не за польские интересы. Если же такъ, то опять спрашивается: почему такое возстаніе было бы польскимъ возстаніемъ,—а не польскимъ, литовскимъ, бѣлорусскимъ и украинскимъ возстаніемъ,—если говорить пока только о вопросѣ національной и областной автономіи и оставить вопросы чисто соціальные, о которыхъ будетъ рѣчь дальше. Необходимо принять во вниманіе, что украинцамъ нѣтъ интереса дѣлиться пополамъ, такъ чтобъ западная ихъ половина вошла бы въ союзъ,—положимъ, не похожій на все прежнее и на положеніе дѣлъ въ Галиціи,—

съ Польшею,—а восточная оставалась за Россіей, и что, если украинцамъ лить кровь за автономію, то за автономію всего своего цлемени. Значитъ предполагаемому возстанію населеній западной Россіи еще болѣе идѣтъ резона производиться подъ знаменемъ Польши. Наконецъ еще въ 1831 г. нашлись среди поляковъ люди, которые увидѣли необходиомость поддержки и въ Великороссіи, почему и написали на своихъ знаменахъ: „за нашу и вашу вольность“. И въ самомъ дѣлѣ,—не только трудно себѣ представить полное торжество возстанія въ западной половинѣ Россіи безъ поддержки свободнаго движенія въ Великороссіи, но разъ допустивши, что цѣлью вышеупомянутаго возстанія должно быть не возстановленіе старой Польши въ одной изъ ея историческихъ границъ, а установление великой федераціи поляковъ, литовцевъ, латышей, белоруссовъ и украинцевъ,—совсѣмъ непонятно исключение изъ нея и великоруссовъ.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ необходимости выработать широкую федеральную программу, независимую ни отъ какихъ „историческихъ“ преданій и государственныхъ претензій, программу вполнѣ достойную

освободительныхъ идей повѣйшаго времени
и могущую дѣйствительно удовлетворить
интересы всѣхъ племенъ Восточной Ев-
ропы.

Читатель можетъ замѣтить, что мы вы-
ходимъ за предѣлы предмета, о которомъ
начали рѣчь и говоримъ о настоящемъ и
будущемъ, вмѣсто обсужденія прошедшаго,
къ которому было бы слишкомъ строго
прилагать мѣрку, годную развѣ для насто-
ящаго или даже для будущаго. Это замѣ-
чаніе будетъ вѣрно только отчасти. Во
первыхъ для дѣятеля все таки недавняго
и при томъ для человѣка такого ума и
образованія, какими обладалъ Герценъ, ни-
какая теперешняя мѣрка не можетъ быть
строгою,—и если бы Герценъ явился и теперь
среди наскѣ такімъ, каковъ онъ былъ, то
врядъ ли бы онъ оказался позади мно-
гихъ изъ теперешнихъ дѣятелей, а не го-
раздо болѣе современнымъ, чѣмъ они. А
во вторыхъ въ своихъ статьяхъ „Польша
и Россія“ 1859—1860 г. Герценъ самъ
очень ясно намѣтилъ основы той широкой
федеральной программы, о которой мы сей-
часъ сказали. Онъ только не развилъ ее
въ деталяхъ,—и не обнаружилъ должной

настойчивости передъ претензіями „исторического“ польского патріотизма, а потомъ въ горячую минуту сдѣлалъ ему еще болѣе уступокъ. Причиною тому было главнымъ образомъ отсутствіе детальныхъ знаній относительно западныхъ провинцій Россіи и отсутствіе непосредственныхъ впечатлѣній отъ ихъ жизни,—хотя нельзя сказать, чтобы знаменитый великорусскій демократъ былъ совсѣмъ лишенъ предостереженій съ мѣста, по крайней мѣрѣ изъ одной изъ западныхъ провинцій.

Самое выдающееся изъ этихъ предостереженій было письмо, помѣщенное въ 61 листѣ „Колокола“ (1860 г., 15 Января) какъ передовая статья подъ заглавіемъ „Украина“, и вызванное прямо статьею Герцена въ 34 №, изъ которой мы привели выше выдержки. Письмо это, очевидно, принадлежитъ перу одного изъ главныхъ членовъ кievскаго братства 1847 г. и замѣчательно во многихъ отношеніяхъ,—такъ что мы рѣшились перепечатать его особо отдѣльной брошюрой. Здѣсь мы приведемъ изъ него нѣсколько выдержекъ, которыя наиболѣе прямо идутъ къ занимающему насть вопросу.

Начавъ съ благодарности издателю „Ко-

локола“ за слова его объ Україиѣ, сказанныя въ 34 №, какъ „за одну изъ многихъ истинъ, которая онъ первый высказалъ печатно на русскомъ языке“, авторъ письма приступаетъ къ изложению своихъ „задушевныхъ убѣждений“.

„Большинство великорусской и польской публики, говорить онъ, привыкло не считать насть (украинцевъ) отдельнымъ народомъ. Этотъ ошибочный взглядъ возникъ отъ того, что *дворянѣ*-малороссіянъ нѣть, за исключениемъ немногихъ, которые въ послѣднее время, вмѣстѣ съ сознаніемъ о несостоятельности дворянской институції, обращаются къ чистому народному источнику; и прежде у насть не было дворянъ: они были чужie, хотя и происходили отъ нашей крови; прежде они становились поляками, теперь—великороссіянами. Народность *малороссійская*, какъ привыкли ее называть съ легкой руки дьяковъ Алексѣя Михайловича, всегда оставалась достояніемъ угнетенного сословія, потомъ и кровю утучнявшаго и Вишневецкихъ и Разумовскихъ. Можно ли признать народомъ *мужиць*? Можно ли давать ему права самобытнаго существованія?“

„Такъ думали и думають многіе изстари. Намъ случалось слышать отъ либеральныхъ поляковъ, что о принадлежности Волыни и Подоли Польшѣ не можетъ быть и сомнѣнія, потому что весь образованный классъ народонаселенія этихъ краевъ—поляки и тянутъ къ Польшѣ душой и тѣломъ; что же касается до сплошной массы чорнаго народа, то его не слѣдуетъ о томъ и спрашивать, потому что онъ не можетъ отвѣтить, будучи невѣжественъ въ государственныхъ вопросахъ. Либералы-великоруссы, или паслышиавшихъ польскихъ доказательствъ и привыкшіе считать націями только такие народы, у которыхъ были государи, дворы и дипломаты, великодушно жертвуютъ полякамъ эти края,—или же, подъ вліяніемъ патріотизма, развитаго Устряловымъ, почитаютъ ихъ непререкаемо собственностью Россіи, и такимъ образомъ вопросъ о принадлежности земель, населенныхъ нашимъ народомъ составляетъ спорный пунктъ между свободолюбящими (людьми) обоихъ славянскихъ племенъ. А ларчикъ открывается просто: спорныя земли не принадлежать ни тѣмъ, ни другимъ,—они принадлежать тому народу, который издревле

ихъ населялъ, населяеть и обрабататы-
ваетъ“.

Сдѣлавъ за тѣмъ обзоръ исторіи Україны и
указавъ, какъ на главную причину ея упадка,
на раздѣлъ ея въ концѣ XVII в. между
Москою, Польшею и Турціей, авторъ пе-
реходитъ къ украинскому возрожденію въ
XIX столѣт. и къ появленію на Українѣ
идей панславизма. „Идея панславизма, го-
ворить онъ, принялась на Українѣ со-
всѣмъ не такъ, какъ въ Москвѣ, гдѣ она
проявлялась въ стремленіи уразумѣть смыслъ
тропарей и букварей, или въ риториче-
скихъ похвалахъ старомосковской Руси,
подъ которая боязливо подкладывалась все-
российскому престолу надежда простереть
когда нибудь царственную десницу на слав-
янские народы и уготовать имъ вожделѣн-
ную судьбу Україны и Польши. Въ Украї-
нѣ эта идея тотчасъ облеклась въ свѣтлую
форму федеративнаго союза славянъ, гдѣ бы
каждая народность сохраняла свои особенно-
сти при всеобщей личной и общественной сво-
бодѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ возникло убѣжденіе,
что только этимъ путемъ Украина можетъ
подняться изъ упадка и сохранить свой столь
несправедливо и безжалостно попранный об-

разъ“. Рассказавъ далѣе судьбу кіевскаго братства 1847 г. и его членовъ въ ссылкѣ и вліяніе на Украину оттепели, наступившей въ началѣ царствованія Александра II, — „весны, хотя не-постоянной, съ частыми рецидивами зимнихъ морозовъ“, — авторъ предлагаетъ нѣсколько украинскихъ требованій отъ русскаго правительства: дополненіе задуманнаго освобожденія крестьянъ полнымъ уравненіемъ правъ крестьянъ съ дворянствомъ, а также допущеніе украинскаго языка въ школы, — и за тѣмъ оканчиваетъ свою статью такъ: „Болѣе мы не станемъ требовать и желать собственно для себя, независимо отъ общихъ, совокупно со всей Россіей желаній. Никто изъ насъ не думаетъ обѣ оторженіи Южной Руси отъ связи съ остальной Россіей. Напротивъ, мы бы желали, чтобы всѣ другіе славяне соединились съ нами въ одинъ союзъ, даже подъ скипетромъ русскаго государя, если этотъ государь сдѣлается государемъ свободныхъ народовъ, а не всепожирающей татарско-немецкой московщины. Въ будущемъ славянскомъ союзѣ, вѣ нею же вѣряемъ и его же чаемъ, наша Южная Русь должна составить отдѣльное гражданское цѣлое на всемъ

пространствѣ, гдѣ народъ говоритъ южно-русскимъ языкомъ, съ сохраненiemъ единства, основаннаго не на губительной мертвящей централизаціи, а на ясномъ сознаніи равноправности и своихъ собственныхъ выгода. Чтобъ наши потомки увидѣли то, что едва ли какому нибудь Симеону изъ нашего поколѣнія суждено увидѣть,—надобно, чтобы славяне очищались отъ своихъ старыхъ предразсудковъ.

„Пусть же ни великоруссы, ни поляки не называютъ *своими* земли, заселенныя нашимъ народомъ“.

Въ 1863 г., въ самый разгаръ польского повстанья, послѣ того уже, какъ Герценъ принялъ программу делегатовъ варшавскаго революціоннаго правительства, онъ вспомнилъ эту статью, называя ее превосходною и говоря, что съ нимъ „согласны и сами украинцы“,—т. е. иначе, что онъ самъ согласенъ съ федералистомъ авторомъ статьи „Украина“ („Колоколъ“, № 167). На сколько это заявленіе Герцена было вѣрно,—увидимъ далѣе.

V.

Представленное выше критическое отношение Герцена къ польскому историческому патріотизму и его соціально-демократическое федеральное всеславяниство не встрѣчали себѣ ни малѣйшаго отзыва въ польскомъ обществѣ, ни даже,—какъ мы помнимъ по собственнымъ наблюденіямъ изъ временъ нашего студенчества (въ Кіевѣ, 1859—1863) среди молодежи. Въ польскомъ обществѣ и печати царствовало безъ соперника убѣженіе, что „Литва и Русь“ интегральныя части Польши,—а среди польскихъ демократовъ господствовало убѣженіе, что соціальный переворотъ и даже какія нибудь уступки крестьянамъ необходимо дѣлать, соображаясь съ ходомъ вопроса о возстановленіи Польши;—а такъ какъ это возстановленіе требовало дѣятельнаго участія помѣщиковъ и даже заграницкой дипломатіи, —то, понятно, что даже крайніе демократы и соціалисты не могли дать вполнѣ свободнаго хода своимъ соціально-экономическимъ идеямъ, какъ и своимъ свободнымъ мнѣніямъ о религіи *). Казалось бы, что

*) См. у Герцена обѣ отношеніяхъ Ворцеля къ

при такомъ коренному различіи въ идеяхъ, союзъ между „Колоколомъ“ и польскими революціонерами былъ не возможенъ. И однако жъ онъ состоялся.

Герценъ рассказалъ въ своихъ замѣткахъ, какъ это случилось. (Сборникъ посмертныхъ статей, 211—216).—„Если въ Россіи, говорилъ Герценъ делегатамъ варшавскаго революціоннаго комитета, — на вашемъ знамени не увидятъ *надълб земли (крестьянамъ) и волю провинціямъ*, то *наше сочувствіе вамъ не принесетъ никакой пользы, а насъ поубитѣ*“.—Вы будете нами довольны,—отвѣчали делегаты.—Такой разговоръ происходилъ уже послѣ редакціи прокламаціи, которая должна была появиться въ „Колоколѣ“, какъ отвѣтъ на письмо польскаго революціоннаго комитета. Въ отвѣтъ этомъ Герценъ написалъ слѣдующія рѣшительныя слова не только отъ себя, но и отъ всей своей группы: „тотъ русскій, который и на этомъ основаніи не подастъ руки полякамъ, тотъ не любить свободы“. Между тѣмъ, взглянувъ холод-

окружавшимъ его „революціоннымъ недорослямъ“, (Сборн. Посмертн. Статей. 123—125).

нимъ окомъ па „основанія“, начертанныя польскими делегатами,—нельзя не увидѣть, что между Герценомъ и этими послѣдними произошло крупное недоразумѣніе, граничившее чуть не съ мистификацией.

Авторы представленной Герцену декларации „отъ центрального народнаго польскаго комитета въ Варшавѣ“, („Колоколь“, 1 октября 1862) заявили, что признаютъ „право крестьянъ на землю, обрабатываемую ими и полную самоправность всякаго народа располагать судьбою своею“. Но дальше, при развитіи этого положенія, оказалось, что надѣль крестьянскій, размѣръ котораго не былъ опредѣленъ,—обѣщался „на основаніи выкупа“. Но на этомъ основаніи еще раньше назначены были крестьянамъ во всѣхъ западныхъ провинціяхъ надѣль „отъ царя“, по Положенію 19 Февраля 1861. Новаго польскіе революціонеры обѣщали крестьянамъ—развѣ т. наз. „прекращеніе обязательныхъ отношеній крестьянъ и помѣщиковъ и обязательный выкупъ“,—и 2) выкупъ за надѣлы, принятый прямо на государственный бюджетъ (какъ въ Австріи), а не на взносы однихъ крестьянъ. Но къ первому склонилось само правительство, въ

виду рѣшительнаго нежеланія крестьянъ, особенно на Украинѣ, продолжать какія бы то ни было обязательныя отношенія къ помѣщикамъ, и требованій „царскаго выкупа“, подъ которымъ крестьяне разумѣли совсѣмъ даровое для нихъ получение надѣловъ, а администрація разумѣла обязательный выкупъ (Основа, 1862, Сентябрь. Послѣ поѣздки на Волынь. 45) Второе напр. въ Австріи было въ сущности совсѣмъ видимымъ облегченіемъ крестьянъ,—такъ какъ общее повышеніе податей для покрытия выкупнаго долга наложило на нихъ такую же плату, какую крестьяне платили въ Россіи въ видѣ своихъ прямыхъ выкупныхъ взносовъ. Декретъ польскаго революціоннаго правительства, изданный въ духѣ декларациіи, помѣщеній въ „Колоколѣ“, если и могъ быть гдѣ нибудь полезенъ сравнительно съ *status quo*, такъ это въ Царствѣ Польскомъ,—такъ какъ тамъ совсѣмъ еще не было придумано ни патріотами—помѣщиками, ни правительствомъ общей мѣры о переходѣ надѣловъ въ крестьянскую собственность даже посредствомъ выкупа. Но тутъ этотъ декретъ имѣлъ другую слабую сторону. Онъ давалъ надѣлы, конечно, съ воз-

награждениемъ помѣщикамъ, только крестьянамъ, признаннымъ сидящими на землѣ;— что же касается до безземельныхъ крестьянъ и батраковъ,—то изъ нихъ должны были получить надѣлы только тѣ, которые поступятъ въ ряды повстанцевъ!! (Текстъ декрета см. Giller, Historja powstania narodu polskiego w 1861—1864 г. I, 312—312; переводы: въ Affaires de Pologne. Exposé de la situation suivi des documents et de pi ces justificatives. 1862. Издание кн. Чарторыйскаго съ видомъ официального. 41—42. Em. Knorr. Die polnischen Aufstaende seit 1830. Berlin. 1880. 312—313) *) Но по счету 1859 г. изъ 3.639.000 сельского населения въ Царствѣ было поземельныхъ собственниковъ 6% (218.528, изъ которыхъ крестьянъ 21.944); сидящихъ на землѣ за паничины и чиншъ—55%, и безземельныхъ 37%. (Za eski. Stat. porown. Kr. Polskiego. I, 84).

*) Въ „Золотой Грамотѣ“, изданной послѣ къ „сельскому люду Подоліи, Волыни и Україны“ (киевск. губ.) уже иѣтъ этого условія, но вопросъ о надѣлахъ безземельныхъ крестьянъ (которыхъ тутъ было гораздо меныше, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ) предоставленъ на рѣшеніе будущаго „наивысшаго сейма государственнаго“. (Giller, I 315).

Эти 37%, т. е. 1.339.403 человѣка, оставались собственno виѣ благодѣяній декрета польскаго революціоннаго правительства. Русское правительство нашло потомъ для части ихъ земли, только конфисковавъ монастырскія имѣнія,—на что революціонное правительство не рѣшалось, по той простой причинѣ, что тогда бы оно лишилось поддержки духовенства, на которое всегда расчитывали самые красивые и самые вольнодумные польскіе революціонеры. Такимъ образомъ вопросъ о надѣлахъ крестьянамъ у польскихъ революціонеровъ 1862—1863 гг. оказывался сильно подчиненнымъ политическимъ соображеніямъ, въ совершиенную противность всему тому, что по этому вопросу учили Герценъ и его друзья,—которые не замедлили бы назвать варшавскій декретъ 22 Января 1863 г. совершенно недостаточнымъ, если бы онъ вышелъ напр. отъ русскаго правительства.

Но если декларациіи польскихъ революціонеровъ по первому пункту требованій великорусскихъ демократовъ, по аграрному вопросу, были недостаточны,—то уступки ихъ по второму пункту,—по вопросу о „волѣ (западныхъ) провинцій“,—были совсѣмъ призрачны. Уже въ самомъ заявлениі

„центрального комитета“, напечатанномъ въ „Колоколь“ вопросъ о „полной самоправности всякаго народа располагать судьбою своею“ оказывался предрѣшенніемъ въ пользу союза литовцевъ, латышей (витебской и курляндской губ.), белоруссовъ и правобочныхъ украинцевъ съ Польшей, по крайней мѣрѣ на время войны ея съ „Москвою“. Казалось бы „полная самоправность всякаго народа располагать своею судьбою“ должна бы обнимать собою не только свободу жить, съ сохраненіемъ автономіи, въ извѣстномъ союзѣ, но и свободу не приставать къ нему,—свободу не принимать вовсе участія въ кровопролитіи, поднятому по соображеніямъ одного изъ своихъ сосѣдей, который добивается съ ними союза,—а если уже возставать противъ существующей политической комбинаціи, то прежде всего для себя, по своимъ соображеніямъ. Но не такъ понимали эту самоправность польские революціонеры: у нихъ восточные соѣди поляковъ должны были возставать противъ „Москвы“—потому что это нужно для *Польши*, потому что *поляки*—не могутъ отъ нихъ отказаться,—а потомъ уже, восстановивъ Польшу,—и непремѣнно Поль-

шу 1772 г.,—сосѣди эти должны были получить свободу распоряжаться собою. Чтение самихъ декларацій 1862—1863 г.,—не говоря уже о положеніи дѣлъ въ Галиції, позволяетъ намъ прибавить къ словамъ „распорядиться собою“... „если только имъ это позволяетъ поляки“ *).

*) Въ виду того, что иѣкоторые польскіе патріоты иногда указываютъ на иѣкоторыя права украинской національности въ Галиції, тогда какъ русское правительство запрещаетъ печатаніе даже самыхъ невинныхъ украинскихъ книгъ, мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что всѣ права, какими пользуются украинцы въ Галиції, существуютъ не благодаря польскимъ политикамъ, а на зло имъ, признаны не польскими законами и учрежденіями, а австрійскими, и постоянно нарушаются и атакуются всею мѣстною польскою печатью, въ которой дѣйствуетъ много демократовъ—революціонеровъ 1863 г. Галицкая полиція (польская),—въ числѣ агентовъ которой есть тоже не мало участниковъ революціи 1863 г., позволяетъ себѣ арестовывать у крестьянъ и сельскихъ учителей самыя невинныя книжки украинскія, какъ это дѣлаетъ и русская полиція,—а свободная польская печать не только не порицаетъ этого, какъ это все таки, хоть изрѣдка, дѣлаетъ подцензурная русская печать, а вполнѣ поддерживаетъ совершенно противозаконныя дѣйствія польской полиціи противъ русиновъ-украинцевъ.

Вотъ въ самомъ, дѣлѣ какимъ языккомъ говорить декларациѣ „центрального комитета“ о непольскихъ народахъ Польши даже въ „Колоколѣ“: „*Мы* (т. е. поляки) были лишены политическаго существованія на- сильственno. *Мы* этого насилия никогда не признавали и не можемъ признать. Поэтому *мы* не признаемъ ни новыхъ границъ, ни правительствъ, основанныхъ на развалинахъ *нашей* свободы. Для *нас* нѣть *Польши* раздѣленной, для *нас* *Польша* единая, та, которая состоитъ въ соединеніи Польши, Литвы и Русиновъ (каково уравненіе: $x = x + y + z$, если только y и z не равны нулю!) безъ всякой гегемоніи котораго нибудь изъ трехъ народовъ. (Почему же тогда это будетъ Польша,— и почему тутъ говорится о трехъ народахъ, когда въ одной Литвѣ 1569—1772 г., было ихъ три: литовцы, латыши и бѣлоруссы?) Выходя изъ этой точки зреія, *мы* стремимся къ возстановленію *Польши* въ прежнихъ границахъ, оставляя народамъ въ нихъ обитающимъ, т. е. литвинамъ и русинамъ (только?) полную свободу оставаться въ союзѣ съ Польшею, или распорядиться собою согласно ихъ волѣ“. По

истинѣ нельзя не удивляться наивности субъективизма и противорѣчіямъ, заключающимся въ этой тирадѣ,—но дальше исчезаетъ даже противорѣчивое признаніе самостоятельности „Литвы и Руси“,—и документъ просто заявляетъ, что „союзъ членовъ“ искомой Польши „существуетъ и въ настоящее время“ и что „требовать отъ *насб*, поляковъ, чтобы *мы* не стремились къ возстановленію Польши въ прежнихъ(?) границахъ, значитъ, требовать отъ *насб* признания раздѣловъ и отреченія отъ силы, которую придаетъ дѣлу *нашей* свободы союзъ трехъ, въ одно цѣлое соединенныхъ народовъ“. Такимъ образомъ даже въ декларации, представлennой такимъ людямъ, какъ Герценъ, вопросъ о непольскихъ народахъ старой Польши былъ поставленъ и даже собственно уже разрѣшены съ совершеніо субъективной, исключительно польской точки зренія. Но не смотря на это, даже среди демократической партіи, оказались люди, которые находили, что польские делегаты въ Лондонѣ уступили слишкомъ много. Такъ генералъ Мѣрославскій,—лицо, какъ известно, вліятельное, кандидатъ демократической партіи въ диктаторы Польши,—на-

зывалъ делегатовъ, которые совѣщались съ редакціей „Колокола“, — „радикальными чиновниками Бакунина, панславистами, которые согласились на новый раздѣлъ Польши“. (См. Мѣрославскаго: „*Lettre du général Mieroslawski au major Brażewicz*“, и Бакунина: *Un dernier mot sur M. L. Mieroslawski*. Genève. 1868).

Конечно, въ виду совершенно централистического характера понятій польскаго общества о народахъ старой Польши, — въ прокламациі 22 Января 1863, изданий варшавскимъ центральнымъ комитетомъ, который выступалъ теперь, какъ „народное правительство“, — изчезли совсѣмъ даже тѣ „три народа“, которые показывались въ лондонской декларациі,—а признавался только одинъ „народъ Польши, Литвы и Руси“ около „народа московскаго“ (*Do broni więc Narodzie Polski, Litwy!... A teraz odzywamy się do ciebie Narodzie Moskiewski!*). И такой рѣшительный унитаризмъ находился въполномъ соотвѣтствіи со всѣмъ тѣмъ, что говорилось и писалось въ польскомъ обществѣ всѣхъ партій въ теченіи всего времени, предшествовавшаго возстанію, особен-

но послѣ 1848 г. (со времени „изобрѣтенія Русиновъ“ въ Галиціи), когда польскіе ораторы и писатели развивали на всякие лады тему: «*nicta Rusi, a jest tylko Polska i Moskwa*». Только уже послѣ, когда замѣчено было противорѣчіе манифеста 22 Января 1863 г., который говорилъ только о „равенствѣ и вольности всѣхъ сыновъ Польши безъ различія вѣры и племени (*rodu*), происхожденія и сословія“ въ одномъ „народѣ Польши, Литвы и Руси“,—съ идеей о самостоятельности непольскихъ народовъ, которыхъ тоже требовалось привлечь къ возстанію,—варшавское „народное правительство“ издало 5 Февраля особую прокламацію къ „братьямъ русинамъ“, (сочинена г. Гиллеромъ), но и въ ней не рѣшился не только признать русиновъ вполнѣ самостоятельнымъ народомъ, — но даже обращался къ нимъ съ напоминаніемъ о томъ, будто „земля ихъ дѣлила съ (польскою) республикою общее счастье и несчастіе“ (не во время ли Хмельницкаго, Палія или гайдамаковъ?) и приглашалъ ихъ не становиться виновными въ задержкѣ „возрожденія общей родины“ (Giller, I, 155). Когда въ концѣ

апрѣля 1863 г. поляки приступили къ восстанію и подъ Киевомъ и когда вопросъ объ отношеніяхъ дѣйствительной Польши къ „Руси“ получилъ особенную важность, то даже и тогда въ изданной „народнымъ правительствомъ“ на украинскомъ языкѣ „во имя отца и сына и святаго духа“ „Золотой грамотѣ“ вопросъ о самостоятельности „Руси“ постарались поставить какъ можно менѣе ясно. Грамота озаглавлена только: „къ люду сельскому“, — въ концѣ говорится: „къ сельскому люду Подоліи, Волыніи и України“, — и только этому сельскому люду обѣщано между прочимъ „употребленіе его языка въ школахъ, судахъ и земскихъ учрежденіяхъ“, (Giller, I, 312 —316)*) Подобнымъ же образомъ относились

*) Считаемъ нужнымъ замѣтить, что вставка словъ о „свободномъ развитіи народностей какъ польской, такъ и украинской“ въ адресѣ, который подали подольские дворяне въ 1862 г. 1 октября въ текстѣ его, напечатанномъ у г. Гиллера, (II, 398) есть просто фальсификатъ (чай??). Въ официальномъ изданіи *Les affaires de Pologne* этихъ словъ нѣтъ.

Приводимыхъ у г. Гиллера словъ уже потому не могли сказать подольскіе дворяне, что у поляковъ слово Украина — употребляется только для означенія кievской губ. (см. сейчасъ въ выдержкѣ

польские революционеры и къ бѣлоруссамъ. Такъ Константина Калиновскій, искреннѣйшій демократъ, печаталъ въ Бѣлостокѣ въ тайной типографіи по бѣлорусски листки: *Pismo ad Jaśka haspadara z pał Wilni*“,— но озаглавилъ ихъ: „da mužikow ziemli polskoj“ . Въ пѣсни, для бѣлоруссовъ назначенной, писалось: „bywaj zdarowy, mužicki narodzie“,—въ другой взывалось „hu-ha wierniem Polszcze!“ и т. д. (Giller, I, 326, 334, 194) *) Только 10

изъ „Золотой Грамоты“) а для обозначенія „украинской“ народности у нихъ употребляется слово *ruski* (отлично отъ *rossyjski*, *moskiewski*, великорусскій),—а также потому, что иѣкоторые изъ подписавшихъ адресъ предводителей, во время суда надъ ними въ сенатѣ, объявили, что въ присоединеніи къ Царству Польскому видятъ единственную гарантію отъ происковъ партіи „хлопомановъ“, какъ тогда поляки называли сознательныхъ „украинцевъ“.

*) Кстати замѣтимъ, что пѣсни и прокламации, писанныя поляками въ 1863—63 гг. для бѣлорусскихъ и украинскихъ крестьянъ показываютъ северченное отсутствіе реального изученія жизни и поэзіи этихъ крестьянъ и отличаются, кроме плохого, часто помосковленного языка, еще фальшивымъ тономъ: то притори -сантиментальнымъ и салонно-клерикальнымъ, то ухорски-ка-

мая, когда уже опредѣлился (сразу) не-успѣхъ возстанія подъ Кіевомъ,—варшавскій комитетъ редактировалъ новую прокламацію, въ которой, все таки, конечно, не отступая отъ польскаго унитаризма, заговорилъ яснѣе объ „обеспеченіи братскимъ народамъ Литвы и Руси, соединеннымъ съ Польшею, самое широкое развитіе ихъ народности и языка“ (Giller, 322—323). Но это заявленіе было столь же запоздалымъ, какъ запоздалымъ было (1849 г.), послѣ всѣхъ проявленій мадьярскаго централизма и исключительности, провозглашеніе равноправности народовъ Венгрии правительствомъ Кошути уже тогда, когда Паскевичъ вступилъ въ Венгрию. Мадьярамъ надо было сдѣлать подобное заявленіе по крайней мѣрѣ еще въ 1840 г., а полякамъ по крайней мѣрѣ въ 1848 г., да и согласиться съ нимъ всѣ предреволюціонныя дѣйствія съ того самаго времени. Тогда бы конечно, не погибло почти напрасно столько благородной крови,—но тогда бы и воз-

бацкимъ. Тонъ этотъ вполнѣ отвѣчаетъ характеру тогдашней пейзанско-хлопской литературы польской, которой не доставало вовсе здороваго народничества украинской и великорусской литературы.

звание 22 Января не было пропитано такимъ польско-централистическимъ духомъ и въ декларациі, напечатанной въ „Колоколѣ“, не было бы столько софистики, которая тѣмъ печальнѣе, чѣмъ болѣе она была искрѣнна.

Но Герценъ по видимому не замѣчалъ ни этой софистики, ни уклоненій варшавскаго „народнаго правительства“ даже отъ тѣхъ уступокъ, какія сдѣлали делегаты послѣдняго въ декларациі, напечатанной въ „Колоколѣ“. Въ статьяхъ своихъ, напечатанныхъ вслѣдъ за этою декларациею („Центральному польскому комитету въ Варшавѣ“, — „Къ русскимъ офицерамъ въ Польшѣ“ и пр.) Герценъ вполнѣ становится на польскую субъективную точку зренія: „Что *Польша желаетъ* остаться въ федеральномъ (?) союзѣ со всѣми народами, входившими въ цѣлость Рѣчи Посполитой,— говоритъ онъ,— это совершенно естественно, какъ и то, что *она* не можетъ признать насильственнаго раздѣленія, не отрекаясь отъ самостоятельности своей, тоже ясно. Если бы было иначе,— то Варшава, какъ и Петербургъ, призналъ бы Галицию—Австріей, Познань—Пруссіей“. Въ словахъ этихъ, кромѣ общаго исхода съ

точки зреїнія только Польши да Варшавы,— видно еще и незнаніе того, что напр. Галиція прежде всего совсѣмъ не Польша,— какъ напр. Познань. Галиція—прежде всего „Галицкая Русь“ и даже во время существованія польского государства называлась воеводствомъ „руськимъ“. Какъ „Червоная или Малая Русь“ она была присоединена къ наслѣдственнымъ владѣніямъ венгерско-австрійской короны, и только послѣ того соединена была административно съ чисто польскими землями воеводства краковскаго, —отъ которого впрочемъ иѣкоторое время была и вновь отдѣлена. И если теперь обыкновенно всѣ земли, доставшіяся Австріи отъ польского государства называютъ Галицией (офиціальный ихъ титулъ: Королевство Галицкое и Владимірское съ Великимъ княжествомъ Краковскимъ), то все таки восточная ихъ часть, Галиція собственно, такая же Польша, какъ и Кіевская губернія.

Эту же Кіевскую губернію Герценъ все же не былъ расположенъ такъ легко уступать Польшѣ, какъ легко думали забирать ее польскіе делегаты. Вообще Герценъ, даже и принявши въ общей основѣ программу варшавскихъ делегатовъ,— все же не могъ

совершенно отказаться отъ своихъ прежнихъ взглядовъ, но черезъ это только запутывался въ непримиримыя противорѣчія. Онъ напр. возвращается къ прежнимъ своимъ федеральчымъ идеямъ. „Съ своей стороны, пишетъ онъ, — поляки должны понять, что сохранить тотъ же федеративный союзъ (съ „западными губерніями“) будетъ стремлениемъ не только правительства русскаго, но и всего русскаго народа. Какой же русскій не считаетъ,—и при томъ совершенно справедливо,—*Кievъ* такимъ же русскимъ городомъ, какъ и *Москву*“. Выходило бы такимъ образомъ, что Кіевъ, — федеративную связь съ которымъ желаютъ сохранить и поляки, и русскіе, долженъ бы соединить между собою федеративною связью и Варшаву съ Москвою. Но „варшавское правительство“ и думать не хотѣло о такой связи, а просто хотѣло отдѣлить отъ Москвы и Варшаву, и Кіевъ, который, по господствовавшимъ тогда (да и теперь) понятіямъ въ польской литературѣ, только случайно отпалъ отъ Польши, благодаря трудному положенію послѣдней при королѣ Янѣ III (L. Chodzko. La Pologne historique, etc. ст. 9. Полякъ-профессоръ даже вовсе ничего не

говорить европейской публикѣ о Б. Хмельницкомъ). Самъ же Герценъ разсказываетъ, что польскіе дѣятели 1861—64 гг. страхъ боялись всякихъ уступокъ со стороны русскаго правительства, которымъ могли бы остановить возстаніе и, какъ думалось, отдѣленіе отъ Москвы всей Польши 1772 г. (Сборн. Посм. сочиненій, 211—212). Какимъ образомъ „русскій, подавшій руку полякамъ“ на поддержку ихъ возстанія, имѣвшаго цѣлью отдѣленіе Кіева къ Варшавѣ могъ въ тоже время защищать федеральную связь Кіева съ Москвою, — совершенно непостижимо.

Но Герценъ простираетъ свои колебанія далѣе: написавши свое присоединеніе къ декларациіи варшавскихъ делегатовъ, онъ считаетъ однажды нужнымъ напомнить имъ о томъ, о чёмъ новая польская литература избѣгала говорить,—о старой войнѣ Украины съ польскимъ государствомъ, о Б. Хмельницикомъ, и предостерегаетъ поляковъ, чтобы Хмельничина послужила имъ урокомъ. Оказывается, что для Герцена „союзъ Украины съ Польшею“ является все таки не такимъ решеннымъ дѣломъ, какъ для варшавцевъ. Издатель Колокола говоритъ: „При теперешнемъ положеніи дѣлъ, узнать, чего же-

лаеть Литва, Бѣлоруссія, Малороссія, очень трудно. Гнетъ русскаго правительства не даетъ имъ возможности высказаться..... Изъ этого ясно видно, что самыи вопросъ надобно оставить, не предрѣшай его безъ тѣхъ, кто единственno имѣетъ право его решить. Скажемъ вмѣстѣ съ поляками (?) — быть *Литвѣ, Бѣлоруссіи и Українѣ, сбѣльмѣ они захотятъ, или ни сбѣльмѣ, лишь бы волю ихъ узнатъ не поддѣльную, а дѣйствительную*“. Впрочемъ тутъ же Герценъ гадалъ,—что „народъ, села, массы, если не противъ Польши, то, вѣроятно и не за нее“, —и сейчасъ же допускалъ: „тутъ мѣсто самому широкому, законному вліянію польской цивилизації“, —и выражалъ вѣру въ польскую „пропаганду искупленія и отреченія отъ старыхъ злоупотребленій, отъ своихъ правъ на поземельную собственность“ и т. п.

Но дѣло въ томъ, что по крайней мѣрѣ относительно Украины трудно было сомнѣваться въ томъ, что она не хочетъ присоединяться къ Польшѣ. Герценъ, видимо, не зналъ, что въ Галиціи,—т. е. виѣ „гнета русскаго правительства“ украинская журналистика и старой партіи („Слово“), и молодой („Вечерныци“) уже въ 1862 г. вы-

сказалась противъ возстановленія Польши въ границахъ 1772 г. И въ самой Россіи, не смотря на цензуру, польская сторона успѣла довольно вразумительно поставить вопросъ о принадлежности западныхъ губерній Польшѣ (въ „*Słowo*“ г. Огрызко, „*Kurier Wileński*“ г. Киркора, *Biblioteka Warszawska* и даже въ Аксаковскомъ „Днѣ“, въ статьѣ М. Грабовскаго), — на что украинская сторона отвѣчала въ „Основѣ“ статьями гг. Костомарова, Кулиша и молодыхъ „хлопомановъ“ Антоновича и Рыльского, которые сами вышли изъ рядовъ польской демократіи, но разошлись съ нею именно передъ началомъ повстанскаго движенія за возстановленіе исторической Польши. Всѣ украинскія статьи на разные лады развивали казацкую тему: „маєте собі свою Польщу, а нам наша Україна останеться“. Что же касается до самыхъ „хлоповъ“ украинскихъ, о которыхъ Герценъ предполагалъ, что они „не противъ Польши“, то они напр. въ своихъ пѣсняхъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ высказались именно „противъ Польши“.*.) Въ 1862-63 гг., „хлопы“,

*.) Отсылаемъ читателя къ оканчиваемой теперь

будучи возбуждены вопросомъ эмансипаціи и способомъ, какъ исполняли даже Положеніе 19 февраля 1861 г. помѣщики,—единственные представители Польши, которыхъ знали крестьяне,—явно готовились воспользоваться польскимъ (въ Украинѣ неизбѣжно панскимъ) восстаніемъ, чтобы начать жаккерію, — о чёмъ кричала польская печать въ Россіи и за границей, въ своей полемикѣ съ украинскими „хлопоманами“ на всѣхъ языкахъ отъ польского, до русскаго и французскаго *).

И при такихъ условіяхъ Герценъ совѣтовалъ „не предрѣшать вопроса“ даже объ Украинѣ, совѣтовалъ прежде всего „узнать ея неподдѣльную волю“ и даже возлагалъ надежду на „пропаганду искушенія и отреченія (польскихъ пановъ) отъ старыхъ злоупотребленій и своихъ правъ на поземельную собственность“. Но „не предрѣшать вопроса“ значило бы въ данномъ случаѣ—„не поднимать восстанія“, по крайней

печатаніемъ книгѣ нашей: «Нові українські пісні про громадські справи, 1764—1880».

*) Выдержки см. въ нашихъ статьяхъ въ «Вѣстникѣ Европы»; «Восточная политика Германіи и обрусеніе» 1872 г., II—V и «Евреи и поляки въ Югозападномъ краѣ» 1875. VIII.

мѣръ на Украинѣ,—а между тѣмъ польскіе революціонеры, даже тѣ, кто искренно желалъ только узнать „неподдѣльную волю“ непольскихъ народовъ бывшей Польши по политическому вопросу, — хотѣли прежде всего возстанія этихъ народовъ противъ Россіи подъ знаменемъ, которое во всякомъ случаѣ было непопулярно по крайней мѣрѣ на Украинѣ. Что же касается до „законнаго вліянія польской цивилизаціи, пропаганды искупленія и отреченія и пр.“, — то допустилъ даже, что ею въ состояніи были проникнуться польскіе помѣщики, которые на дѣлѣ отнимали у крестьянъ даже ту землю, какая была за ними записана по инвентарнымъ правиламъ 1847 г., — на все это нужно было время, — а варшавскій комитетъ уже объявилъ прямую войну русскому правительству *).

*) Напр. въ Киевской губ. по инвентарямъ 1847 г. крестьянамъ должно было отойти 1.231,472 десятины, а по уставнымъ грамотамъ, составленнымъ польскими помѣщиками и посредниками до 1863 г. отходило только 1.061.969 д. Тоже было и въ другихъ зап. губерніяхъ (Чубинскаго. Труды экспедиції, VII, 515). Къ сожалѣнію мы не имѣемъ мѣста, чтобы остановиться на аграрной политикѣ польскихъ помѣщиковъ передъ возстаніемъ 1863 г.,

Фразу Герцена о настроении массы народа въ западныхъ губерніяхъ относительно Польши скорѣе можно было, перевернувши, приложить къ отношеніямъ ихъ къ Россіи: „не

а она то и имѣла рѣшающее вліяніе на поведеніе крестьянъ во время возстанія. Кромѣ того, обѣ этой политикѣ слѣдовало бы сказать въ виду того, что польскіе писатели, даже демократы, какъ г. Гиллеръ (членъ варшавскаго центрального комитета) наклонны представлять польскихъ помѣщиковъ слишкомъ большими друзьями крестьянъ, опираясь на то, что первый реескриптъ о приступѣ къ эманципації крестьянъ данъ былъ вслѣдствіе переговоровъ виленскаго генералъ-губернатора съ мѣстными панами въ 1857 г. Между тѣмъ уже изданы въ 1860 г. «Матеріаловъ для ист. упраздненія крѣпости. сост. и пр.», можно видѣть, что виленскіе помѣщики вовсе и не просили царя обѣ эманципації крестьянъ, а только согласились заняться вопросомъ крестьянскимъ и послать для изученія его экспедицію въ Германію, (оп. cit. 137—138). По тѣмъ же матеріяламъ, а также по тому, что напечатано въ трудѣ г. Скребицкаго, въ Зап. сенатора Соловьевъ и др., видно, что и послѣ стремленія почти всѣхъ помѣщиковъ западныхъ губерній не шли дальше «остзейскаго» освобожденія, т. е. безъ земли и съ сохраненіемъ вотчинной полиціи. Во всѣхъ адресахъ, поданныхъ въ 1862—63 гг. помѣщиками о присоединеніи западныхъ губерній къ Ц. Польскому высказывались жалобы на небезопасное настроеніе крестьянъ. И отъ такихъ людей ждали «отреченія отъ правъ собственности!»

за Россію, но и не противъ нее“¹. Придавленный крѣпостнымъ правомъ народъ даже на Украинѣ сталъ представлять себѣ темно чисто политические вопросы. Сейчасъ послѣ присоединенія къ Россіи народъ не взлюбилъ ее главнымъ образомъ черезъ подушное и рекрутчину,—но Польшу ненавидѣть все таки не пересталъ, такъ какъ она ему представлялась въ образѣ ежедневно допекающей панчины. Народная пѣсня того времени,— не забытая и до сихъ поръ,— сравнивала оба государства съ мрачными тучами: „Наступила чорна хмара, настала ј синѧ: Була Польща, була Польща, та ј стала Россія!“...

Съ теченіемъ времени память о меньшихъ государственныхъ тяготахъ до присоединенія къ Россіи слабѣла, а панчина между тѣмъ усиливалась,—такъ что народъ на правомъ берегу Днѣпра несомнѣнно былъ гораздо болѣе враждебенъ противъ Польши передъ 1863 г., чѣмъ былъ онъ передъ 1830—31 г., — и потому въ виду польского восстанія долженъ былъ стать de facto за Россію. Единственное восстаніе, въ которомъ народъ могъ бы принять участіе, это было бы прямое восстаніе

противъ пановъ. Но на такое восстание не рѣшались самые красные изъ польскихъ демократовъ, которые все таки звали крестьянъ прежде всего бить „москалей“ *). Что касается до болѣе образованныхъ украинцевъ, то ихъ настроение,—довольно ясно высказанное и въ печати 1861—1863 гг., не смотря на цензуру, было довольно близко къ настроению ихъ крестьянства. Будучи явно „противъ Польши“, они тоже не были „за Россію“—но не были и противъ нея,—— особенно не были еще готовы дѣйствовать противъ нее. Начать съ того, что сознательныхъ украинцевъ было еще очень мало, и они были очень слабы,—такъ какъ

*.) И въ самомъ Царствѣ Польскомъ происходили въ 1861—63 г. волненія крестьянъ противъ помѣщиковъ и тамъ постоянно высказывался (даже въ кругахъ революціонеровъ) страхъ «жаккеріи». И тамъ крестьяне могли бы быть подняты только прежде всего противъ помѣщиковъ. Между тѣмъ революціонеры,—даже и не такие бѣлые, какъ Лангевичъ, — взяли на себя роль совершенно невыполнимую для революціонеровъ,—а именно, кромѣ роли войска противъ «москалей», еще и роль посредниковъ между панами и крестьянами! Послѣднюю роль можетъ исполнить только установленное, сильное войскомъ и администрацией, правительство.

имъ нужно было (да нужно и теперь) на-
рождаться посредствомъ труднаго нравствен-
наго процесса изъ польскаго и русскаго
привилегированнаго общества на правомъ
и лѣвомъ берегу Днѣпра и за тѣмъ искать
себѣ опоры въ массахъ народа. Для послѣд-
няго нужно было много предварительной
работы. Въ политическомъ отношеніи не
только слабость украинской партіи, но и
самая историческая условія украинскаго
племени вообще производили то, что укра-
инскіе автономисты склонялись не столько
къ сепаратистическому идеалу по отношенію
къ Россіи, сколько къ Федеральному. Не от-
дѣленіе отъ Россіи,—а тѣмъ болѣе къ Поль-
шѣ,—а преобразованіе ея, возможное только
при дружномъ участіи всѣхъ ея народовъ,
начиная отъ великоруссовъ, занимали въ
60-ые годы украинскихъ автономистовъ,
какъ можно видѣть и на цитированной въ
предыдущей главѣ статьѣ „Колоколъ“.*)

*.) Интересно, что легкая струйка сочувствія поль-
скому восстанію на Украинѣ проявилась въ круж-
кахъ украинопиловъ на лѣвомъ берегу Диїпра (См.
біографію полтавскаго поэта В. С. Кулика въ „Прав-
дѣ“ (львовской) 1874. № 12), где нѣть поляковъ,
— тогда какъ на правомъ берегу все, что сознавало

Подобные украинскимъ, хотя еще болѣе
ихъ слабые кружки, стали образовываться,
и среди литвиновъ и даже бѣлоруссовъ.
Развитіе всѣхъ этихъ кружковъ, сближеніе
ихъ съ массами народа и соединеніе ихъ
для совмѣстнаго дѣйствія съ великорусскими
съ цѣлью Федерального преобразованія Россіи
требовало времени. Сепаратистическое же
движение поляковъ даже и въ одномъ Царствѣ Польскомъ могло задержать развитіе
либерального и Федерального движенія въ Россіи, возбудивъ монархической и централистической духъ въ великороссийскомъ населеніи. Перенесенное же на Литву, Бѣлоруссию и на Украину,—да еще въ моментъ,
когда крестьяне только что получили какую ни на есть свободу отъ русского царя, это польское движение должно было парализировать всякое оппозиціонное движение на Западѣ, какъ и на Востокѣ Россіи, — что и случилось въ дѣйствительности и что не такъ то уже трудно было предвидѣть и въ 1862—1863 г.

Послѣ напечатанія „Посмертныхъ сочи-

украинскимъ, было противно этому возстанію. Это
была въ маломъ видѣ история Мазепы и Палія.

неній“ Герцена оказалось, что и онъ, и друзья его очень близки были къ этому предвидѣнію. Тамъ между прочимъ напечатаны письма Огарева и Бакунина къ тѣмъ русскимъ ихъ единомышленникамъ, которые готовились принять активное участіе въ польскомъ возстаніи. Огаревъ прямо писалъ: „При теперешнемъ преждевременномъ возстаніи, Польша, очевидно погибнетъ, а русское дѣло на долго потонетъ въ чувствѣ народной ненависти, идущей въ связи съ преданностью царю, и воскреснетъ только послѣ, долго послѣ, когда вашъ подвигъ перейдетъ въ такое же преданье, какъ 14 Декабря и взволнуетъ умы поколѣнія, теперь еще не зачатаго. Выводъ ясенъ: отклоните возстаніе до лучшаго времени соединенія силъ“.... Бакунинъ писалъ: „Нельзя не сознаться, что общему мѣрному ходу славянскаго и въ особенности русскаго поступательного движенія преждевременное и частное возстаніе Польши грозитъ перерывомъ“. (См. соч. 219—221). И Огаревъ, и Бакунинъ, очевидно, думали главнымъ образомъ о Великороссіи, когда писали эти строки,—а потому несомнѣнно, что если бы они ясно представляли себѣ полную безна-

дежность польского восстания и въ „западныхъ губерніяхъ“ и болѣе критически отнеслись къ самой программѣ польскихъ политиковъ относительно этихъ земель, — то ихъ совѣты русскимъ друзьямъ были бы болѣе настойчивы въ отрицательномъ отношеніи *).

Оказывается, что болѣе наблюдательный и скептическій Герценъ вовсе не такъ былъ увлеченъ декларациими варшавскихъ делегатовъ, какъ можно было думать, судя по тогдашимъ статьямъ „Колокола“. Въ статьѣ „М. Б. (Михаилъ Бакунинъ) и польское дѣло“ Герценъ расказываетъ о своихъ разговорахъ съ Бакунинымъ и съ польскими делегатами

*) Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что поляки поспѣшили съ восстаніемъ въ надеждѣ на помошь иностранныхъ правительствъ, особенно Наполеона III. Также несомнѣнно, что поднятіе восстанія въ Киевской, Могилевской и даже Курляндской губерніяхъ имѣло значеніе прежде всего демонстраціи старыхъ границъ Польши, а также стратегической диверсіи, въ результатѣ которыхъ должно быть по крайней мѣрѣ отдѣленіе,—при помощи западной дипломатіи,—Царства Польскаго,—т. е. возстановленіе «Польши, если не какъ великой, то хоть какъ малой державы», какъ выражался намъ одинъ молодой польскій революціонеръ въ Киевѣ въ первый день польского восстанія.

въ 1862 г. по вопросу объ участіи русскихъ въ тогдашней польской революціи. Прочитавъ привезенную изъ Варшавы декларацію, Герценъ предложилъ „посильнѣе оттѣнить и яснѣе высказать мысль о самостоятельности провинцій“; настаивалъ онъ и на необходимости больше оттѣнить мысль: „нѣтъ освобожденія безъ земли“. Поляки уступали, но не безъ споровъ. „Этотъ споръ изъ за словъ, говоритъ Герценъ, показывалъ, что сочувствіе наше къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ не было *одинаково*... Б. былъ не доволенъ мною, находилъ, что я слишкомъ холodenъ, какъ будто не довѣряю.

—Чего ты больше хочешь? Поляки никогда не дѣлали такихъ уступокъ. Они выражаются другими словами, принятymi у нихъ, какъ катехизисъ; не льзя же имъ, поднявши національное знамя, на первомъ шагѣ оскорбить раздражительное народное чувство. (Чье? — Польши!!!)

— „Мнѣ все кажется, что имъ до крестьянской земли въ сущности мало дѣла, а до провинцій много“.

—Любезный другъ, у тебя въ рукахъ будетъ документъ, поправленный тобой, подписанный при всѣхъ настѣ; чего же тебѣ еще?

— „Есть таки кое что!...“

— „Ты точно дипломатъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, повторялъ мнѣ съ досадой Б., когда мы потомъ толковали у него съ представителями жонда: придираешься къ словамъ и выраженіямъ. Это не журнальная статья, не литература“.

— „Съ моей стороны, замѣтилъ Г. (одинъ изъ делегатовъ) я изъ за словъ спорить не стану; мѣняйте, какъ хотите, лишь бы смыслъ остался тотъ же“.

— „Браво, Г., радостно воскликнулъ Б.
~~Б~~, *Ну, этотъ, — подумалъ я, — прѣхалъ подкованный и по лѣтнему, и на шипы; онъ ничего не уступитъ на дѣлѣ и оттого такъ легко уступаетъ все на словахъ!“ — (Посм. Соч., 213—215).*

— „Смертельно жаль Потебни и его товарищѣй (русскихъ офицеровъ въ Ц. Польскомъ, приставшихъ къ революціи), — говорилъ Герценъ Бакунину, — и тѣмъ больше, что врядъ ли имъ по дорогѣ съ поляками“.

О Потебнѣ мы скажемъ далѣе, — а тутъ замѣтимъ, что ожиданіе Герцена сбылось: помохи польскому возстанію онъ не принесъ, — а свое дѣло погубилъ. Рассказывая о томъ, какъ это случилось, какъ онъ, спо-

ря съ Бакунинымъ, все же „не хотѣлъ дѣлать не то, что хотѣлъ“, Герценъ говоритъ: „Здѣсь я остановлюсь на грустномъ вопросѣ. Какимъ образомъ, откуда взялась во мнѣ эта уступчивость съ ропотомъ, эта слабость съ мятежемъ и протестомъ? Съ одной стороны достовѣрность, что поступать надо такъ; съ другой готовность поступить иначе. Эта шаткость, эта поспѣшность, dieses Zœgernde, надѣлали въ моей жизни бездну вреда и не оставили даже слабой утѣхи въ сознаніи ошибки невольной, несознанной; я дѣлалъ промахи à contre cœur; вся отрицательная сторона дѣла была у меня передъ глазами... Сколькими несчастіями было бы меныше въ моей жизни, сколькими ударами, если бъ я имѣль во всѣхъ важныхъ случаяхъ силу слушаться самаго себя...“

Изъ рассказа Герцена скорѣе всего можно вывести заключеніе, что, присоединившись къ польскому движению 1862—1863 гг., онъ поддался вліянію настойчивости и возбужденности Бакунина. Вліяніе это, несомнѣнно, было,—но оно одно не объясняетъ всего дѣла.

VI.

Бакунинъ несомнѣнно имѣлъ значительную долю вліянія на уступчивость Герцена польскимъ патріотамъ въ 1862—1863 г., хотя и у самаго Бакунина были прежде съ ними разногласія въ такомъ же родѣ, какъ и разногласія Герцена. (См. первую статью Бакунина, напечатанную тотчасъ послѣ его побѣга изъ Сибири: „Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ“. Приложеніе къ „Колоколу“, 15 февр. 1862 г. Выраженные тутъ идеи о польскомъ вопросѣ такъ похожи на разобранныя нами статьи Герцена въ 1859—60 гг., въ ихъ сильныхъ и слабыхъ сторонахъ, что намъ бы пришлось повторять сказанное, если бъ мы вздумали говорить о нихъ.) Но приближеніе взрыва въ Польшѣ увлекло подвижную натуру Бакунина. Это увлеченіе прекрасно нарисовано Герценымъ въ статьѣ „М. Б. и польское дѣло“.

Когда Герценъ замѣтилъ, что врядъ ли Потебнѣ и русскому обществу „Земля и Воля“ „по дорогѣ съ поляками“,— Бакунинъ воскликнулъ: „*По дорогѣ, по дорогѣ!* Не сидѣть же намъ вѣчно, сложа руки и ре-

флектируя. Исторію надо принимать, какъ она представляется, не то всякий разъ будешь за урядъ то на зади, то впереди.... Чего жь ты больше хочешь? *Поляки никогда не дѣлали (и) такихъ уступокъ*.... (Посм. соч. 187, 193).

„Бакунинъ вѣрилъ въ возможность военно крестьянского восстания въ Россіи, — говоритъ Герценъ, вѣрили отчасти и мы; да вѣрило и само правительство.... Б., не слишкомъ останавливалась на взвѣшиваніи всѣхъ обстоятельствъ, смотрѣлъ на одну дальнюю цѣль и принялъ второй мѣсяцъ беременности за девятый. Онъ увлекалъ не доводами, а желаніемъ. Онъ хотѣлъ вѣрить и вѣрилъ, что Жмудь и Волга, Донъ и Украина возстанутъ, какъ одинъ человѣкъ, услышавъ о Варшавѣ; онъ вѣрилъ, что старовѣръ воспользуется католическимъ движениемъ, чтобы узаконить расколъ“. (Посм. соч. 197). „За восстаниемъ въ Варшавѣ онъ уже видѣлъ свою славную славянскую Федерацію, о которой поляки говорили не то съ ужасомъ, не то съ отвращеніемъ; онъ уже видѣлъ красное знамя „Земля и Воля“ развѣвающееся на Уралѣ и на Волгѣ, на Украинѣ и Кавказѣ, пожалуй, на Зимнемъ Дворцѣ и Петропав-

ловской крѣпости и торопился *какъ нибудь* сгладить затрудненія, затушевать противурѣчія (между собою и польскими революціонерами), не выполнить овраги, а бросить черезъ нихъ чортовъ мостъ". (Тамъ же 199, 200).

Впрочемъ одного личнаго вліянія, даже столь сильнаго и столь близкаго человѣка, не было бы достаточно для того, чтобы заставить Герцена уклониться такъ явно отъ того, что онъ еще такъ недавно высказывалъ съ такою силою. Не менѣе Бакунина повліяли на Герцена голоса людей, жившихъ въ Россіи и принадлежавшихъ къ начавшимъ тогда образовываться тамъ кружкамъ практическихъ революціонеровъ. Между этими кружками выдавалось наиболѣе общество „Земля и Воля“. Стремленія этого общества были болѣе соціальныя (надѣлъ крестьянамъ земли), нежели политическія (установленіе въ Россіи конституціонаго, если не республиканскаго правленія) и оно, уже по этому одному, должно было принципіально сильно расходиться съ тогдашнимъ польскимъ движениемъ. Принципіальное различіе между великорусскими и польскими революціонерами было тѣмъ болѣе сильно, что въ рядахъ польской революціи стояла не

только демократическая партія, но и аристократическая (и обѣ съ клерикалами), изъ которыхъ, конечно, каждая разсчитывала овладѣть движениемъ исключительно, но которые все таки пока ладили между собою, — какъ мы видѣли, въ ущербъ даже далеко не крайнимъ демократическимъ интересамъ. Тѣмъ не менѣе оба революціонные лагеря, польскій и великорусскій, попробовали сблизиться между собою для борьбы „единовременной“ и „противъ общаго врага“.

Такія сближенія мы видимъ сплошь и рядомъ въ исторіи. Многимъ они кажутся вполнѣ естественными, особенно для людей „активнаго темперамента“ и для людей „практическихъ“. Мы бы далеко зашли, если бы стали разбирать общий вопросъ о достаточности для политической дѣятельности, въ томъ числѣ и для революціонной, однаго такъ называемаго „активнаго темперамента“ и о практическости, особенно для революціонеровъ-новаторовъ, союзовъ, заключаемыхъ единственно или главнымъ образомъ на основаніи единовременности борьбы съ „общимъ врагомъ“. Замѣтимъ только, что союзъ великорусскихъ демократовъ-революціонеровъ съ польскою революціею 1863 г. въ ея цѣ-

ломъ, въ томъ числѣ и съ тѣми людьми, которые сами питали отвращеніе отъ ихъ „нигилистического“ образа мыслей и соціалистическихъ стремлений, и которые иначе не могли смотрѣть на нихъ, какъ на средство для отвлечения силъ врага,—и въ своей интимной перепискѣ, ставшей потомъ гласною, называли ихъ „панурговымъ стадомъ“,—не принесъ практическихъ выгодъ дѣлу великорусскихъ революціонеровъ. Но главное дѣло въ томъ, что во всякомъ политическомъ движеніи есть и теоретическая сторона, которая, при внимательномъ анализѣ, оказывается едва ли не главною, такъ какъ она собственно опредѣляетъ цѣль движения, вдохновляетъ и даже порождаетъ практиковъ. Эта сторона движенія представляется писателями, которые имѣютъ свою общественную службу и тѣмъ лучше ее исполняютъ, чѣмъ меныше отклоняются отъ своей роли — именно теоретиковъ: неуступчивыхъ, несговорчивыхъ, непрактичныхъ людей,—*des vrais intrasigeants*, если говорить моднымъ французскимъ словомъ.

Герценъ, и по личной своей природѣ, и по всему своему прошлому, былъ именно писатель, теоретикъ,—котораго служба со-

стояла въ томъ, чтобы наблюдать факты общественной жизни и говорить о нихъ мысли, вполнѣ независимо отъ всякихъ частныхъ, переходящихъ практическихъ комбинацій, кружковъ, партій и т. п. — и какъ таковой онъ именно и пріобрѣлъ громадное вліяніе на общественное мнѣніе въ Россіи. Россія же болѣе, чѣмъ какая другая страна, нуждается въ такихъ чистыхъ, несговорчивыхъ теоретикахъ, какъ потому что теоретическое политическое образование въ ней скучно и до сихъ поръ, такъ и потому что, въ Россіи, — благодаря отсутствію политической свободы, — не существуетъ возможности для такихъ дѣйствительно практическихъ сдѣлокъ (компромиссовъ), какія заключаются напр. въ Англіи, где каждая партія, имѣвшая тысячи случаевъ выяснить свои теоретическія основы и цѣли, — входитъ, по требованію обстоятельствъ, съ полнымъ сохраненіемъ этихъ основъ и цѣлей, въ союзъ съ другими партіями на данную минуту, для достиженія рѣзко опредѣленной частной цѣли, — для поверженія ли общаго противника или соперника, или же для про-веденія опредѣленной мѣры, до которой только и успѣло дорости въ данную минуту.

среднее общественное мнѣніе. Въ Россіи и до сихъ поръ, а въ 60-ые годы тѣмъ болѣе, едва ли не самые практическіе полезные люди —были бы именно „непрактические теоретики“. Такимъ рожденнымъ теоретикомъ былъ Герценъ. И вдругъ ему, передъ началомъ польского восстанія, въ которомъ перепуталось столько практическихъ комбинацій, запутавшихъ своими дѣлами круги отъ „нигилистовъ“ въ Россіи до папы Пія IX и Наполеона III, одни предлагаются связать свою судьбу союзомъ съ тайнымъ правительствомъ чужой націи, которое, по ходу дѣлъ своей націи, ставитъ во главѣ своей то чуть не соціалистовъ, то Мѣроправскаго, то Лангевица, то назначаетъ своимъ представителемъ Чарторыйскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ Герцену, предлагаются „сдѣлаться агентомъ общества „Земли и Воли“, въ которомъ только и было практически-сильного, что самое имя, взятое изъ статьи Огарева въ „Колоколѣ“ же! Изъ „Посмертныхъ Сочиненій“ видно, какъ колебался Герценъ, какъ онъ чувствовалъ несообразность предлагаемыхъ ему ролей съ его природою и положеніемъ, завоеваннымъ его прежнею чисто-писательскою дѣятельностью.

Агентуру „Земли и Воли“ онъ просто называлъ „глупою“ (Сб. Посм. Соч., 217), — и прямо отказался отъ нея, — но договоръ съ варшавскими делегатами онъ все таки подписалъ, — а это на дѣлѣ свело его на роль „агента“ и варшавскаго тайного правительства, и „Земли и Воли“, которая связала свою судьбу и вмѣстѣ съ тѣмъ, на иѣкоторое время, судьбу всего революціоннаго движения въ Россіи, съ польскою революціею, такъ мало съ нимъ гармонировавшею и по принципамъ, и по своевременности.

Объ этомъ русскомъ революціонномъ движениі очень трудно говорить сколько нибудь обстоятельно, такъ какъ оно покамѣсть не оставило по себѣ никакихъ печатныхъ памятниковъ, кромѣ прокламацій, появлявшихся въ то время (1861—1863 гг.) въ Петербургѣ. А потому то, что мы скажемъ сейчасъ объ этомъ движениі, мы будемъ говорить съ большимъ опасеніемъ ошибиться и будемъ крайне благодарны, если кто поправить наши, очень и очень возможныя, ошибки.

Если судить о русскомъ революціонномъ движениі 1861—1863 гг. по печатнымъ прокламаціямъ, то можно сказать, что въ нача-

ль оно имѣло болѣе народную, менѣе государственную идеиную подкладку, чѣмъ въ послѣдствіи. По крайней мѣрѣ въ прокламаціи „Великоруссъ“ явно видно отрицаніе единобразія Россіи и нежеланіе говорить за всю Россію, не только за польскія земли ея, — полную самостоятельность которыхъ „Великоруссъ“ признаетъ, но и за украинскія. Вотъ что читаемъ мы во 2 № „Великорусса“.

„Также самая надобность уничтожить систему вооруженнаго насилия требуетъ, чтобы дана была населенію Южной Руси полная свобода располагать своей судьбой по собственной волѣ. Теперь этотъ народъ еще не могъ высказать своихъ желаній. Но известно, что онъ крайне недоволенъ нашимъ господствомъ. До какихъ бы требованій ни довело это недовольство, мы должны уступить имъ. Если онъ хочетъ отдѣлиться совершенно, пусть отдѣляется. Захочетъ ли онъ этого, мы не знаемъ; да и самъ онъ едва ли рѣшился это, при настоящей своей безгласности. Но судя по живому чувству страданія отъ нашего деспотизма, должно ожидать, что при первой возможности подумать о своей судьбѣ, онъ захочетъ отойти

отъ нась. Будемъ готовы и на такое рѣ-
шеніе. Мы, великоруссы, достаточно сильны,
чтобы оставаться однімъ, имѣя въ себѣ всѣ
элементы национальнаго могущества.... Вотъ
объясненіе имени, носимаго нашею газетою“.
(Перепечатано въ „Колоколѣ“, 15 окт.,
1861 г.)

Прошло не много времени,— и общество
„Земля и Воля“, — хотя и болѣе радикаль-
ное, чѣмъ „Великоруссъ“, по вопросу со-
ціальному, стало одинакожъ на болѣе госу-
дарственную точку зрѣнія, подѣливъ импе-
рію Романовыхъ на Россію и Польшу, и
предоставивъ въ пользу послѣдней всѣ
народы, населяющіе принадлежавшія поль-
скому государству до 1772 г. провинціи.
Такое быстрое оставленіе народной точки
зрѣнія на части Россійской имперіи для
точки зренія государственной имѣеть себѣ
объясненіе въ общемъ характерѣ политиче-
ского образованія русскаго общества на
основѣ московско-петербургской цивилизаціи.
Ни школа, ни литература великорусская,—
обѣ подначальныя государству, не благо-
пріятствуютъ народной точкѣ зренія, кото-
рая бы должна была привести образованныя
общества страны къ учению о федратив-

номъ ея устройствъ,—а благопріятствуютъ точкѣ зрѣнія поверхности государственной, которая приводитъ къ ученіямъ: централистическимъ и сепаратистическимъ,—представляющимъ собственно родныхъ братьевъ. Изъ всѣхъ политическихъ ученій народно-федеративное имѣетъ наименѣе представителей въ литературѣ великорусской и наиболѣе туда усвоется русской публикой. Одно время,—тотчасъ по смерти Николая I,—реакція его централизаціи проявилась было довольно сильно ученіями, въ родѣ тѣхъ, какія высказывали Герценъ и Бакунинъ, „Великоруссъ“ и др.,—но эта реакція въ обществѣ была неглубока и непродолжительна. Подъ общими фразами анти-централистического свойства детали мыслей остались въ обществѣ все таки централистическими.

Интересно, что наиболѣе горячими представителями децентрализаціонного направленія въ русской литературѣ явились въ первые годы правленія Александра II вовсе не публицисты и политики, а историки, этнографы, археологи. Децентрализаціонное учение проповѣдывалось не такъ въ журналахъ и политическихъ трактатахъ, какъ съ университетскихъ кафедръ. Представителями

его были въ Киевѣ профессоръ русской истории Пл. В. Павловъ (котораго печатная статьи „О некоторыхъ земскихъ соборахъ XVI—XVII ст.“ и „Тысячилѣтие Россіи“ не даютъ полнаго понятія о его лекціяхъ) въ Петербургѣ Н. И. Костомаровъ, — объ идеяхъ котораго публика имѣеть наиболѣе ясное представлѣніе, благодаря его рѣдкому литературному таланту, — и въ Казани А. Н. Щаповъ; — замѣчательно всѣ три — помятые императорской полиціей, что рѣдко случается съ русскими учеными: Костомаровъ былъ въ ссылкѣ съ 1847 по 1857 г., Павловъ съ 1861 по 1866 г., Щаповъ и умеръ въ ссылкѣ. Предполагая мнѣнія Костомарова болѣе или менѣе известными читателямъ и считая этого писателя все таки постороннимъ въ великорусской литературѣ, въ которую онъ вошелъ съ своими украинскими чувствами и ученіями, мы остановимся на Щаповѣ, какъ на великоруссѣ, хотя (что тоже не лишено своего значенія) сынѣ далекой окраины, тоже по своему казацкой, — сибириакѣ, воспитавшемся тоже не въ россійскихъ центрахъ, а въ Казани.

Политическія ученія Щапова характеризуются всего лучше его вступительной лек-

цієй, отривки изъ которой напечатаны въ мало-распространенномъ изданиі, казанскомъ сборникѣ „Первый шагъ“ (1876). Надѣемся, что читатель не посѣтуетъ на насъ за слишкомъ длинныя выписки:

„Скажу напередъ, — говорилъ казанскій профессоръ: — не съ мыслью о государственности, не съ идеей централизаціи, а съ идеей народности и областности я вступаю на университетскую каѳедру русской исторіи.

„Въ настоящее время, кажется, утверждалось убѣжденіе, что главный фактъ въ исторіи есть самъ народъ, духъ народный, творящій исторію, что сущность и содержаніе исторіи есть жизнь народная. Это убѣжденіе уже не ново; его начали проводить, осуществлять и въ наукѣ русской исторіи. Но вотъ другое начало, которое еще не сознано ясно въ нашей наукѣ: *начало областности* — позвольте мнѣ его такъ выразить. У насъ доселѣ господствовала въ изложениіи русской исторіи идея централизаціи; развилось даже какое то чрезмѣрное стремленіе къ обобщенію, къ систематизаціи разнообразной областной исторіи; всѣ разнообразныя особенности, на-

правлениі и факты провинціальной истори-
ческой жизни подводились подъ идею го-
сударственнаго развитія...

„Между тѣмъ, намъ кажется, ни въ
одной европейской исторіи такъ не несвой-
ственно, невозможно подобное изложение,
какъ въ исторіи обшириѣшаго въ свѣтѣ
государства русскаго... Областной элементъ
былъ самыи жизненнымъ, господствую-
щимъ началомъ, главнымъ мотивомъ исто-
рическаго движенія до централизаціи; онъ
выдержалъ энергическую вѣковую борьбу
съ соединительной, централизующей силой
государства; онъ многозначительно выра-
зился въ *смутное время*, во время этой
великой борьбы областныхъ общинъ, про-
являлся въ земскихъ соборахъ въ XVII в.,
сказался въ разнообразныхъ областныхъ
бунтахъ, демократическихъ и инородче-
скихъ, надѣлалъ чрезвычайно много хло-
потъ правительству въ теченіи всего XVIII
и въ началѣ XIX-го столѣтія,—во время
этой длинной процедуры учрежденія гу-
берній и провинцій, возбуждая въ либе-
ральныхъ умахъ, въ знаменитое время
тайныхъ обществъ, разные планы и проекты
относительно конституціоннаго устройства

областей и т. д.—и мы, изучая русскую областную историю, оставляемъ почти безъ вниманія этотъ *областной элементъ*, сколько загадочный, столько же, быть можетъ, *зиждительный, плодотворный элементъ нашей будущей цивилизациі...*

„Какъ иѣтъ въ Европѣ самаго малаго (вѣрно, опечататка,—вм. большаго), которое бы едва могло равняться съ одною изъ областей Россіи, такъ иѣтъ въ Европѣ народа, который бы отличался такимъ провинциальнымъ этнографическимъ разнообразіемъ, какъ народы, обитающіе въ разныхъ русскихъ областяхъ. Много ли общаго между малороссійскимъ, бѣлорусскимъ и сибирскимъ народонаселеніями? Много ли общаго между Польшею и Камчаткою, или между Кавказомъ, Архангельской областью и Казанскимъ краемъ и т. д.? А разныя областныя нарѣчія, изъ которыхъ состоялся особый, цѣлый словарь? А эти характеристическая при словья, которыми такъ мѣтко и согласно съ исторіей характеризуютъ у насъ жители одной области жителей другихъ? А существование у насъ территоріальныхъ округовъ, совершенно независимо отъ округовъ

административныхъ, отличныхъ правами жителей, языкомъ, промыслами и т. д.? Все это такъ выразительно, такъ рельефно рисуетъ обширную Россію во всемъ исторически-этнографическомъ разпообразіи ея многочисленныхъ областей,—и въ наукѣ русской исторіи доселѣ не объяснено, отчего образовались такія *областныя особенности*, какое онѣ имѣютъ значеніе въ исторіи,—не говоримъ уже о томъ, *какое значение* онъ имѣли и могутъ имѣть въ примененіи къ государству, къ администраціи, къ народному материальному и нравственному быту и т. д. Уже въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, не только люди науки, но и лучшіе государственные мужи сознавали и официально высказывали то убѣжденіе, что „должно обращать вниманіе на совокупныя права многихъ и великихъ областей, составляющихъ обширную Россійскую имперію, что государство должно вполнѣ соответствовать всѣмъ выгодамъ мѣстнаго положенія различныхъ областей и главному характеру народовъ, населяющихъ эти области. Если когда, то особенно въ наше время, наукѣ русской исторіи необходимо, существенно необходи-

мо уяснить исторію, духъ, характеръ и этнографическая особенности различныхъ областныхъ массъ народныхъ. И весьма утѣшительно, что въ послѣднее время, кажется, и въ самыхъ провинціяхъ стала пробуждаться потребность самосознанія. По крайней мѣрѣ, отрадное явленіе представляютъ мало по малу возникающіе въ нашей литературѣ областные сборники, историко-статистическая описанія губерній и провинцій и изданія областныхъ актовъ и памятниковъ. *Областные сборники могутъ служить не только руководствомъ нашего областного самосознанія, но и органомъ возбужденія въ провинціальныхъ массахъ—идей самосознанія и саморазвитія въ составѣ цѣлаго государственного союза*“.

(Первый шагъ, 407—412). *)

Изъ подчеркнутыхъ нами словъ видно ясно, что Щаповъ думалъ не объ одной только старинѣ, но и о современности,

*) Къ стати, неужели нельзя напечатать полнаго текста этой лекціи Щапова, которую слышавшіе ее и читавшіе ее въ рукописи, признаютъ лучшимъ его произведеніемъ?! Да и вообще стыдно, что до сихъ поръ нѣтъ полнаго изданія сочиненій этого замѣчательного дѣятеля.

когда излагалъ идеи своей „области“*). И подобныя слова сходили еще,— и то не всегда,— на кафедрахъ,— но не въ печати, особенно непрофессорамъ. Уже это одно обстоятельство препятствовало распространению въ публикѣ идей децентрализаціи въ формѣ федеративной. Проповѣданіе ихъ только съ кафедръ историческихъ, главнымъ образомъ по отношенію къ старинѣ, да еще разъ по поводу языка и литературы,— тоже преимущественно древней, давало и децентрализаціоннымъ идеямъ археологіческій характеръ. Значеніе децентрализаціи для современности, между прочимъ для экономической жизни, оставалось совершенно безъ разъясненія. Это преподаваніе идей политической децентрализаціи только на фаткахъ прошедшаго давало имъ характеръ, мало соотвѣтствующій интересамъ современности. Въ прошломъ децентрализація являлась съ крайнимъ проявленіемъ центробѣжныхъ, именно сепаратистическихъ силъ, такъ какъ, что ни говори напр. авторъ „Мыслей“

*) Костомаровъ, потерпѣвъ ссылкой уже раньше, не разъ оговаривался, что онъ говоритъ „о федѣральныхъ началахъ“ только примѣнительно къ „древней Руси“.

о федеративномъ началѣ въ древній Руси“, а въ его „удѣльно вѣчевомъ укладѣ“, собственно союзныхъ началъ было очень мало и они не были представлены никакою организаціей, даже такою, какую мы напр. видимъ въ средневѣковой Германии. „Земскій миръ“,—въ которомъ такъ заинтересованы массы населения, отъ этого быть крайне мало обеспеченъ во время господства на Востокѣ Европы будто бы федеративныхъ отношеній (мы не хотимъ этимъ сказать, что интересы населения были лучше обеспечены и московской централизацией: „московская волокита“ стоила удѣльныхъ дракъ). Федералистамъ, которые проповѣдывали свои идеи только въ оболочкѣ фактovъ средняго вѣка, противники всегда могли указать на непригодность для новаго времени архаическихъ отношеній,—что столько разъ и было говорено напр. противъ Костомарова, котораго господствующія въ русской внутренней политикѣ великорусскія партіи записали въ сепаратисты-романтики, какимъ онъ въ дѣйствительности никогда не былъ. Всѣ отреченія Костомарова и другихъ украинскихъ автономистовъ отъ сепаратизма принимались

только за лицемѣріе и за боязнь открыто заявить свои затаенные мысли.

Замѣчательно, что почти такъ же относились къ автономнымъ движеніямъ и тѣ изъ великоруссовъ, которые имъ сочувствовали, какъ это можно видѣть на примѣрѣ Герцена, Бакунина, „Великорусса“. Всѣ они говорятъ о неизбѣжности или возможности „отдѣленія“—Польши, Украины, Бѣлоруссіи и т. д. и спѣшать успокоить великорусскую публику, что, и за отдѣленіемъ этихъ областей, Великороссія все таки останется великою и сильною страною съ 40 миллионнымъ населеніемъ. (См. особенно названную выше статью Бакунина при „Колоколѣ“ 15 Февр. 1861). Но отдѣленіе провинцій и распаденіе державъ въ наши времена дѣло нелегкое. Мы это видѣли на примѣрѣ процесса отдѣленія Ломбардо-Венетіи отъ Австріи, для котораго нужно было не только почти поголовное восстаніе жителей провинцій, но и благопріятное вмѣшательство соѣдніихъ державъ, въ томъ числѣ и не итальянскихъ; мы это видимъ на процессѣ распаденія даже „больной“ Турціи. Массы населенія, даже если въ нихъ крѣпко национально-политическое соз-

наніе своеї особенности, сорокъ разъ по-
думаютъ, прежде чѣмъ возстануть изъ за
идей политическаго сепаратизма. Мы ви-
димъ, что напр. въ Польшѣ массы не воз-
стали ни въ 1831, ни въ 1863 гг. Тѣмъ
болѣе не могли онѣ возставать въ Українѣ,
ни въ Литвѣ, ни въ Бѣлоруссіи и т. п.
странахъ, въ которыхъ отъ массы народа
отдѣлились въ особыя національности клас-
сы образованные, естественные теперь вы-
разители всякихъ сознательныхъ полити-
ческихъ стремлений. А между тѣмъ напрас-
но бы мы стали думать, что въ массахъ
этихъ странъ нѣтъ вовсе чувства и даже
сознанія своей національной индивидуаль-
ности, — и еще болѣе, что для удовлетво-
ренія ихъ насущныхъ потребностей этимъ
странамъ не нужно самоуправленія. Только
въ такихъ странахъ автономная идея можетъ
имѣть практическое значеніе скорѣе въ видѣ
идей федеративной, чѣмъ сепаратистической.

Но именно федеративная идея и не была
разъяснена публикѣ въ Россіи, а потому публи-
ка эта даже и въ 60-ые годы понимала соб-
ственно только двѣ политическія формы:
централізацію и сепаратизмъ, — изъ коихъ
послѣдній самъ можетъ имѣть свои центра-

лизационыя стремленія. Въ примѣненіи къ западнымъ полосамъ имперіи, русская публика, послѣ нѣкоторыхъ колебаній въ сторону народно-федеральную, стала на томъ, что они должны быть или раздѣлены между Польшой и Россіей (т. е. въ данномъ случаѣ Великороссіей) или же должны оставаться въ полномъ централистическомъ единеніи, конечно, съ преобладаніемъ великороссійскаго элемента, какъ „государственнааго“. Даже люди великорусской политическо-соціальной оппозиціи стали на такой мысли: въ Польшѣ есть движение къ отдѣленію отъ Россіи, — слѣдовательно пусть поляки и отдѣлятся даже со всѣмъ тѣмъ, что они считаютъ за Польшу и что мы не привыкли считать за Россію; — въ другихъ земляхъ, — въ Литвѣ, Бѣлоруссіи, Українѣ и пр. никто не заявляетъ желанія образовывать отдѣльныя государства, — слѣдовательно нечего и говорить объ ихъ индивидуальностяхъ и автономіи. Мы помнимъ, какое неудовольствіе произвело въ 1863 г., въ великороссійскихъ оппозиціонныхъ кругахъ провозглашеніе Костомаровыми (правда, въ нѣсколько странной формѣ, соотвѣтственной библейскимъ вкусамъ старыхъ ук-

райнофиловъ) „анаæемы тому, кто задумаетъ отдѣленіе Украины отъ Россіи“. Великороссійская оппозиція, которая тогда безразлично сочувствовала польскому восстанию, видя въ немъ прежде всего врага своему надобившему противнику,—правительству,—словно, обманулась въ ожиданіяхъ отъ украинского движения,—и съ тѣхъ поръ къ числу противниковъ его изъ катковскаго лагеря прибавились противники изъ лагеря радикального, въ которомъпольскій сепаратизмъ, со всѣми его аристократическими примѣсями, сталъ пользоваться большимъ сочувствіемъ, чѣмъ украинскій федерализмъ, при всемъ его демократизмѣ, сознательномъ и инстинктивномъ. И до сихъ поръ можно встрѣтить въ великорусскихъ радикальныхъ, даже соціалистическихъ, сферахъ такое отношеніе къ негосударственнымъ народамъ, поставленнымъ между Польшей и Великороссіей: „а! вы не хотите или не можете составить особыхъ государствъ, — такъ становитесь или поляками, или русскими (великоруссами) или мы сами подѣлимся вами пополамъ съ поляками“!

VII.

Въ основѣ такого отрицательнаго отношенія къ автономнымъ стремленіямъ „негосударственныхъ“ народовъ лежитъ, во первыхъ, якобинскій централизмъ, черезъ который неизбѣжно должны были пройти русские оппозиціонные круги, которые все таки выросли подъ впечатлѣніемъ исторіи, начавшейся съ московскихъ Ивановъ и продолжавшейся петербургскими Петрами, Екатеринаами и Николаями*), — а во вторыхъ, и главнымъ образомъ, незнаніе истиннаго положенія въ областяхъ невеликорусскихъ, въ томъ числѣ и въ Польшѣ. Какъ характерный примѣръ

*.) Мы предполагаемъ извѣстнымъ нашимъ читателямъ обстоятельство, разъясненное многими писателями французскими послѣ Токвиля (*L'ancien régime et la révolution*), что, въ политико-административномъ отношеніи, якобинцы явились только завершителями дѣла Ришлье и Людовика XIV и въ свою очередь отцами Наполеоновщины. Считаемъ небезполезнымъ напомнить тутъ прекрасныя слова Герцена: „Централізациѣ, жертующая самобытностью частей, стремящаяся къ полицейскому однобразному фронту, убивающая все индивидуальное, характерное, мѣстное, всегда будешь качаться между Николаемъ и Бонапартомъ“. (Колоколь, 15 Янв. 1859. 275).

такого незнанія мы должны указать на статью Н. Г. Чернышевскаго въ „Современникѣ“, 1861 г., Іюль,— „Національная безтактиность“. Статья эта, написанная, какъ рецензія на 1—2 №№ газеты „Слово“, которая съ возстановленіемъ въ Австріи конституціоннаго правленія, стала выходить въ Львовѣ, посвящена была специальнно вопросу объ отношеніяхъ между польскими и русинскими политиками въ одной только, и при томъ австрійской, части исторической Польши,—въ Галиціи. Но она была понята въ болѣе широкомъ смыслѣ, да, очевидно, въ значительной степени и писана была съ тѣмъ, чтобъ быть понятой въ такомъ смыслѣ: „Современникъ“ былъ обозрѣніе практическое и не печаталъ статей „о сухихъ туманахъ“, съ которыми тогда сравнивали въ Россіи всѣ вопросы, не имѣвшіе непосредственнаго отношенія къ текущимъ внутреннимъ вопросамъ.

Рѣчь о статьѣ Чернышевскаго мы начнемъ съ выписки нѣсколькихъ строкъ изъ начала ея, которая намъ пригодятся далѣе, когда мы будемъ говорить о мнѣніяхъ людей, признающихъ себя учениками его. „Галицкіе малороссы, говоритъ Чернышев-

скій,—или, какъ они себя называютъ, русины, отличаются всѣми свойствами, общими цѣлому малорусскому племени. А если есть племена, могущія къ себѣ привлекать симпатію больше, чѣмъ другія племена, то именно малороссы,—одно изъ племенъ наиболѣе симпатичныхъ. Очаровательное соединеніе наивности и тонкости ума, мягкость нравовъ въ семейной жизни, поэтическая задумчивость характера, непреклонно настойчиваго, красота, изящество вкуса, поэтические обычай, — все соединяется въ этомъ народѣ, чтобы очаровывать васъ, такъ что иноплеменникъ становится малорусскимъ патріотомъ, если хоть сколько нибудь поживетъ въ Малороссіи. (Самъ Чернышевскій жилъ, если не въ Малороссіи, то подлѣ малорусскихъ колоній надъ Волгой. Напротивъ Саратова, родины Чернышевскаго и еще двухъ известныхъ писателей-славистовъ,—расположена огромная слобода Покровская, сплошь населенная украинцами,— „черкасами“). Нельзя не сочувствовать имъ“. Само собою разумѣется, Чернышевскій признаетъ полную самостоятельность украинскаго языка, желаетъ полнаго его развитія и даже политического

объединенія „русиновъ“ Австріи съ „малороссами“ Россіи. (См. кромѣ разобранной статьи еще и другую „Народная безтолковость“, въ „Современникѣ“ 1861 г., Октябрь, посвященную разбору великорусско-централистическихъ стремленій московскихъ лжеславянофиловъ „Дня“).

Послѣ такого, весьма рѣдкаго даже и въ тѣ времена русской реакціи противъ николаевской офиціальной народности,—предисловія, публицистъ „Современника“ переходитъ къ своей специальнѣй задачѣ: къ разбору поведенія галицко-русскихъ политиковъ. Онъ не видитъ въ немъ ничего, кромѣ „національной безтактности“, — главнымъ образомъ потому, что они составляютъ оппозицію польскимъ политикамъ, между тѣмъ, какъ эти послѣдніе, по мнѣнію автора, естественные союзники и даже надежные покровители „галицкихъ малороссовъ“.

„Львовское «Слово», говоритъ великорусскій демократъ, совершенно ошибается, воображая въ полякахъ вражду противъ русинской національности... Странные люди! (русинские политики), восклицаетъ онъ..... Изъ за воспоминаний о старинѣ (только!) проникаются они преданностью къ нынѣш-

нему общему непріятелю („австрійскимъ и ємцамъ“, какъ говорить авторъ выше) ихъ и стариныхъ ихъ непріятелей, не могущихъ быть вредными для нихъ теперь, ищущихъ союза съ ними для общей пользы“,—и дальше приравниваетъ оппозицію галичанъ полякамъ (т. е. собственно польскимъ помѣщикамъ и чиновникамъ) къ совершенно глупой враждѣ, которую бы кто либо вздумалъ проповѣдывать во Франції къ англичанамъ изъ за того только, что англичане опустошали Францію во времена „разныхъ Эдуардовъ“. „Мы боимся, говоритъ Чернышевскій, что львовское „Слово“ по стаиннымъ воспоминаніямъ, смотрѣть слишкомъ враждебно на другія силы, которыя теперь искренне готовы содѣйствовать развитію просвѣщенія между русинами. Мы боимся, не отдается ли львовское „Слово“ врагамъ русинского племени и не отталкиваетъ ли отъ себя его нынѣшихъ союзниковъ“. Высказавъ совершенно спра-ведливое предположеніе, что надежды „Слова“ на русинское духовенство до добра не доведутъ, — Чернышевскій объясняетъ связь свѣтскихъ русиновъ съ своими клерикалами,—предположеніемъ о политической

слабости русиновъ. „Мы не желали бы предполагать такое состояніе у галицкихъ русиновъ. Если львовское „Слово“ хочетъ вручить ходатайство по мірскимъ дѣламъ русинскаго племени православному духовенству за недостаткомъ другихъ защитниковъ русиновъ изъ русиновъ же, то значить сами русины еще не въ состояніи понимать своихъ интересовъ, т. е. еще неспособны къ политической борьбѣ. А начинать борьбу, къ которой неспособенъ, значитъ, поступать во вредъ себѣ. Когда отдельный человѣкъ неспособенъ понимать и защищать свои интересы, онъ можетъ ожидать пользы для себя только отъ человѣческой справедливости ближнихъ къ нему людей, а не отъ борьбы съ ними, потому что онъ не способенъ вести ее; онъ долженъ пріобрѣтать ихъ дружбу готовностью помочь имъ. Точно таковъ же путь, предписываемый здравымъ смысломъ цѣлому племени, находящемуся въ подобномъ положеніи“. Русины такимъ образомъ, по совѣту Чернышевскаго, должны начать съ того, чтобы помогать полякамъ,—тѣмъ болѣе, что и поляки, какъ увѣренъ онъ, готовы помочь русинамъ. Хватаясь за замѣчаніе

„Слова“, что среди русиновъ по происхождению есть много ренегатовъ,—перешедшихъ къ полякамъ, Чернышевскій говоритъ: „Вотъ спросили бы вѣрные своей народности русины поляковъ, уважаютъ ли сами поляки отступниковъ отъ русинской національности и одобряютъ ли ихъ? — Вѣроятно, поляки смотрятъ на этихъ русиновъ-отступниковъ точно также, какъ французы смотрѣли на русскихъ, презиравшихъ русскую національность: называютъ ихъ попугаями“.

Чернышевскій подошелъ было очень близко къ сущности дѣла, усмотрѣвъ въ политической борьбѣ, которая происходила въ Галиції,—соціальную подкладку,—но совершенное незнаніе подробностей дѣла продиктовало совершенно неожиданныя и вполне несоответствовавшія дѣйствительному положенію дѣль заключенія. „Слѣдовало бы „Слову“ повнимательнѣе подумать также, надобно ли считать за споръ между національностями тотъ споръ, въ который оно бросается съ такою готовностью и который оно понимаетъ, какъ споръ національностей? Очень можетъ быть, что при точнѣйшемъ разсмотрѣніи живыхъ отноше-

ній, львовское „Слово“ увидѣло бы въ основаніи дѣла вопросъ, совершиенно чуждый племенному вопросу,—вопросъ сословный. Очень можетъ быть, что оно увидѣло бы и на той, и на другой сторонѣ и русиновъ, и поляковъ,—людей разнаго племени, но одинакового общественнаго положенія. Мы не полагаемъ, чтобы польскій мужикъ былъ враждебенъ облегченію повинностей и вообще быта русинскихъ крестьянъ. Мы не полагаемъ, чтобы чувства землевладѣльцевъ русинскаго племени по этому дѣлу много отличались отъ чувствъ польскихъ землевладѣльцевъ. Если мы не ошибаемся, корень галиційскаго спора находится въ сословныхъ, а не племенныхъ отношеніяхъ. И если мы не ошибаемся, то сословная партія, которая представляется львовскому „Слову“ враждебной къ русинской національности, не имѣть къ этой національности ровно никакой вражды, а по сословному вопросу расположена теперь эта партія къ чрезвычайно большимъ уступкамъ въ пользу поселянъ, какъ польскаго, точно также и русинскаго племени. Вотъ объ этомъ бы не мѣшало подумать львовскому „Слову“. Быть можетъ эти уступки, на

которые искренно готовы люди, кажущиеся ему врагами,—быть может эти уступки такъ велики, что совершенно удовлетворили бы русинскихъ поселянъ; а во всякомъ случаѣ несомнѣно то, что уступки эти гораздо больше и гораздо вѣрѣе всего, что могутъ получить русинскіе поселяне отъ австрійцевъ“.

Приступая къ критикѣ изложенныхъ мыслей Чернышевскаго, мы должны оговориться, что мы вовсе не думаемъ защищать политику галицкой партіи, которую въ то время звали „святоюрскою“ (отъ митрополитанскаго собора св. Юра въ Львовѣ) и изъ которой потомъ вышла партія такъ называемыхъ „москофиловъ“. Мы сами имѣли случай высказаться весьма отрицательно относительно ихъ дѣятельности, поставляя ей въ укоръ: перевѣсь эмпирическаго политикаства надъ заботами о проведеніи въ общество реальнаго политическаго образования, невнимательность къ реальнымъ нуждамъ народа, безусловную покорность австрійскому правительству, къ которой присоединились потомъ неосновательныя надежды на русское правительство, клерикальную и национальную узость, ко-

торая помѣшала имъ привлечь на свою сторону сочувствіе и польскихъ крестьянъ въ странѣ (См. „Русскіе въ Галиції“, Вѣсти Европы, 1873, №№ 1—2). Но мы должны сказать, что въ статѣ Чернышевскаго по крайней мѣрѣ не соблюдена мѣра въ накладываніи красокъ: на сторону политиковъ русинскихъ положены все темныя краски, тогда какъ для ихъ польскихъ противниковоохранены исключительно свѣтлые краски и при томъ совершенно произвольныя.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Чернышевскій писалъ свою статью по справкамъ, какія онъ получилъ отъ своихъ польскихъ друзей въ Петербургѣ. Между этими друзьями былъ и Сиг. Сѣраковскій, несомнѣнныій демократъ, пріятель и Шевченко и, слѣдовательно, человѣкъ лично чуждый стремленій католическихъ и аристократическихъ и даже централистическихъ. Но только врядъ ли онъ достаточно критически относился къ своимъ болѣе его отсталымъ соотечественникамъ даже аристократической партіи, съ которыми такъ или иначе приходилось дѣйствовать вмѣстѣ даже демократамъ польскимъ, — „противъ общаго врага“.

Совершенно понятно, что польские дѣятели разныхъ оттѣнковъ мысли должны были постараться привлечь на свою сторону публициста столь талантливаго и вліятельнаго, какъ Чернышевскій, и побудить его подать свой голосъ объ украино-польскихъ отношеніяхъ. Этотъ голосъ могъ бы быть крайне полезенъ для дѣла, особенно въ то время, такъ какъ Чернышевскій превосходилъ своимъ политическимъ образованіемъ тогдашихъ украинскихъ дѣятелей не только въ Галиціи, гдѣ они отличались крайнимъ клерикализмомъ, но и въ Россіи, гдѣ даже лучшіе и заслуженные украинские писатели „Основы“ (1861—1862) принадлежали, по своему воспитанію, гораздо болѣе къ національно-романтической, нежели къ интернаціонально-положительной школѣ. Самъ Чернышевскій въ разбираемой статьѣ сдѣлалъ одно чрезвычайно вѣрное замѣчаніе, а именно о „наивности заблужденія, что одного патріотического чувства, безъ *политическаго образованія* и такта достаточно для того, чтобы стать полезными для народа предводителями“. — „Нѣтъ, этого мало, говорить публицистъ „Современника“, — какъ мало любви къ человѣку, чтобы ле-

чить его. И любишь, да погубишь его своимъ лекарствомъ, если не знаешь медицины“.

Слова эти слѣдовало бы на стѣнкѣ зарубить едвѣ ли не всѣмъ политико-соціальнымъ партіямъ польскимъ, русскимъ и украинскимъ, не только прежнимъ, но и нынѣшимъ. Но мы должны обратиться къ разбору рецептовъ великорусского доктора, прописанныхъ имъ, въ лицѣ Галиціи, для всей огромной полосы Литвы, Бѣлоруссіи и Украины.

Увы! оказывается, что эти рецепты были прописаны, можетъ быть, и съ знаніемъ общей медицины, но безъ собственнаго діагноза состоянія того индивидуума, которому они прописывались. Здѣсь мы наталкиваемся на одну, по нашему мнѣнію, характерную особенность великорусского общества, — о которой мы предпочитаемъ сказать съ полною откровенностью, хотя бы и подъ опасенiemъ ошибиться, нежели умолчать о ней или сказать недостаточно ясно.

У великорусскихъ публицистовъ вообще замѣтна какая то неохота, чуть не неспособность, къ всестороннему анализу положенія западно-славянскихъ земель. Неохота

эта замѣтна одинаково, какъ у такъ называемыхъ московскихъ славянофиловъ,— которые до того субъективно, исключительно съ своей, старо-московской, православно-великорусской точки зрѣнія смотрѣть на славянство, что собственно не должны бы быть и называемы иначе, какъ москофилами, а вовсе не славянофилами,— такъ и у такъ называемыхъ западниковъ, которые то относятся къ западному славянству совсѣмъ отрицательно, то повторяютъ о немъ взгляды, встрѣченные въ первой западноевропейской, или же, въ горячія минуты, — въ москофильской же книжкѣ. (Какъ это ни странно!) Черта эта, по нашему мнѣнію, объясняется вполнѣ исторіею образованія великороссійскаго общества.

Извѣстно, какъ изображаютъ всѣ иностранные путешественники XVI—XVII ст., не только западноевропейцы, но и сирецъ Павелъ Алеппскій, узкую субъективность отношеній московскихъ людей къ иностранцамъ. Этотъ субъективизмъ и національно-религіозная исключительность вполнѣ объясняются той изолированностью отъ образованаго міра, въ какой столь долго жила Русь Московская и какой не знала, до при-

Моя книга

соединенія къ ней, Русь западная и южная. Со временъ Петра Великаго извѣстная часть великорусскаго общества вышла изъ этой изолированности. Но старая московская исключительность и субъективность продолжаетъ жить въ цѣлыхъ направленіяхъ этого общества *). Тѣ же, которые отошли отъ узкаго національного субъективизма, по большей части тоже не доходятъ до вполнѣ объективнаго космополитизма, т. е. до самостоятельно-критического отношенія къ интересамъ всѣхъ народовъ и до способности войти въ положеніе самаго мелкаго народа (каковою способностію въ высшей степени отличаются люди изъ англійскаго общества), а почти всегда усваиваютъ какое нибудь изъ возрѣй, господствующихъ среди одноаго изъ западноевропейскихъ національныхъ об-

*.) Прекрасную критику этой исключительности въ отношеніяхъ московскихъ лжеславянофиловъ къ западнымъ славянамъ см. въ статьяхъ Чернышевскаго «Народная безголовость» (Современникъ, 1861 г. октябрь) и «Самозванные старѣйшины», (тамъ же, 1862 г. мартъ). Въ послѣдней онъ разбираетъ коллективное посланіе москвичей къ зербамъ, въ которомъ все неправославные народы (въ томъ числѣ и хорваты) названы «врагами человѣчества».

ществъ, чаще всего, конечно, общества одной изъ большихъ, *государственныхъ* национальностей. Невеликорусские же славяне, исключая поляковъ, давно уже поставлены въ положеніе народовъ негосударственныхъ. Вотъ въ ихъ то кожу никакъ не можетъ поставить себя огромное большинство великорусского общества, поставить такъ, какъ напр. иной англичанинъ умѣеть войти въ положеніе даже какихъ нибудь зулусовъ, (истребляемыхъ его же соотечественниками). Вотъ почему русскимъ и приходится почерпать свои свѣдѣнія даже о черногорцахъ и болгарахъ, о которыхъ по видимому такъ хлопочетъ русское правительство и известная часть общества, изъ литературы англичанъ, правительство которыхъ столь долго являлось политическимъ врагомъ этихъ народовъ. И вотъ почему русскіе, когда говорятъ о западныхъ славянахъ, то, если не говорятъ о нихъ съ московской точки зрѣнія, такъ разсуждаютъ о чехахъ, какъ нѣмцы, о хорватахъ, какъ венгры, о болгарахъ, какъ греки и даже какъ турки, объ украинцахъ, какъ поляки и т. д. Если бы мы не боялись удлинить статью, мы бы могли привести въ подтвержденіе десятки

примѣровъ изъ великорусской литературы, начиная отъ Бѣлинскаго и оканчивая публицистикою временъ послѣдней войны *). Едва ли не единственное исключение, по своей тонкой внимательности къ положенію каждого славянскаго племени, представляетъ въ великорусской литературѣ „Исторія слав. литературы“ г. Пыпина, но за то же ее такъ и не любятъ московскіе лжеславянофилы и потому же она, не смотря на то, что уже вышла вторымъ изданіемъ, въ сущности оказала столь малое вліяніе на общественное мнѣніе и даже на братію, пишущую политическія статьи о славянахъ.

Этотъ субъективизмъ,—домашній, или заимствованный,—въ отношеніяхъ представителей самаго многочисленнаго изъ славянскихъ племенъ къ его сосѣдямъ и единоплеменникамъ изъ негосударственныхъ племенъ всего лучше говоритъ въ пользу необходимости образования въ каждомъ изъ послѣднихъ партій моральной и политической автономіи. Только такія партіи, при

*) Отношенія Бѣлинскаго къ украинцамъ, сербамъ и болгарамъ мы разобрали въ предисловіи къ изданному нами «Письму В. Гр, Бѣлинскаго къ Н. В. Гоголю», Женева, 1880.

всей своей слабости и неизбежной, въ началѣ, политической и культурной отсталости сравнительно съ великоруссами,—которыхъ энергія не раздваивается борьбою за національность и независимость,—въ состояніи хоть со временемъ представить вѣрою интересы негосударственныхъ племенъ, и оказать свое влияніе и на представителей племенъ государственныхъ. Только изъ совокупности усилий этихъ партій и взаимного влиянія націй государственныхъ и негосударственныхъ и можетъ выйти здоровая солидаризация дѣйствій всѣхъ племенъ восточной Европы, такъ необходимая для великихъ и малыхъ племенъ. До сихъ же поръ, видя отношеніе къ положенію негосударственныхъ племенъ даже такихъ людей, какъ Бѣлинскій и Чернышевскій, приходится по меньшей мѣрѣ сказать, — что если сытый голоднаго не понимаетъ, — то ему лучше бы всего и не говорить вовсе о дѣлахъ голоднаго человѣка.

Обсуждая украинско-польскія отношенія, Чернышевскій не только не попялъ голоднаго, — или по крайней мѣрѣ болѣе голоднаго, но даже изложилъ его положеніе, главнымъ образомъ на основаніи показаній

того, кто у него отнимаетъ хлѣбъ. Чернышевскій не далъ себѣ труда не только изучить положеніе дѣлъ въ Галиціи, но и изложить его или совершенно произвольно, или съ голоса польскихъ историческихъ патріотовъ. Такъ напримѣръ совершенно фантастичнымъ является у него предположеніе, что въ Галиціи русины-землевладѣльцы (помѣщики) одинаково относятся къ русинамъ-крестьянамъ, какъ и землевладѣльцы-поляки. Никакихъ русиновъ-помѣщиковъ не существуетъ въ Галиціи, какъ и по всей Украинѣ на правомъ берегу Днѣпра, — и следовательно всѣ выводы, какіе строитъ дальше великорусскій демократъ на своемъ предложеніи, не имѣютъ ровно никакого значенія. Положеніе же, что будто „сословная партія польская въ Галиціи не имѣетъ къ русинской національности ровно никакой вражды, а по сословному вопросу эта партія теперь (1861) расположена къ чрезвычайно большимъ уступкамъ въ пользу поселянъ, какъ польского, такъ и русинского племени“, — взято на вѣру у польскихъ оптимистовъ и тоже совершенно противно тому, что было и есть въ дѣйствительности. Предположеніе, же, что будто какіе нибудь землевладѣльцы

ін сороге могутъ быть расположены къ чрезвычайно большимъ уступкамъ въ пользу поселянъ, даже и a priori должно бы было показаться невѣрнымъ такому хорошему экономисту, какъ Чернышевскій. Онъ первый бы передалъ въ редакцію „Свистка“ подобное положеніе, если бы оно доставлено было ему напр. изъ Владимирской губерніи, — а польскимъ оптимистамъ опѣ повѣрилъ!

Казалось бы, и въ 1861 г. было бы излишнимъ говорить великоруссамъ, что въ Галиції (*Восточной*), какъ и во всей Українѣ до Днѣпра,—никакою польскою народа нѣтъ, а есть только помѣщики,—и что на оборотѣ эти помѣщики тамъ почти всѣ поляки. А между тѣмъ ежедневный опытъ показываетъ, что это нужно повторять и до сихъ поръ. А такъ какъ поляки въ этомъ краѣ и теперь составляютъ сословіе, по теперешнему ходу вещей господствующее, то, конечно, борьба съ ними представителей націи мужицкой является вовсе не борьбою изъ за воспоминаній о старинѣ. Антагонизмъ русиновъ и поляковъ въ Українѣ это не то, что антагонизмъ французовъ и англичанъ, русскихъ и татаръ,— а подобенъ борьбѣ сербовъ и турокъ напр.

въ Боснії, съ тою только разницею, что польская аристократія,—а въ Галиції и польская бурократія,—уже въ силу своей цивілізації, высшей, чѣмъ турецкая, присоединяетъ къ своекорыстю сословному еще и стремленія къ денационализированію подчиненного ему мужицкаго племени. Отрицать борьбу польского аристократо-бурократического элемента противъ украинской національности въ Галиції такъ же странно, какъ отрицать стремленія Пруссіи германизировать поляковъ въ Познані: манія офиціальныхъ народностей проявляла себя довольно сильно по всей Европѣ и въ 1861 г., какъ и теперь. И эта манія должна была явиться тѣмъ сильнѣе напр. въ Галиції, гдѣ навязываемая народность имѣеть себѣ поддержку въ экономическихъ привилегіяхъ. Помѣщикъ и представитель офиціального полонизма въ Галиції слились до того, — что одинъ не только нераздѣленъ отъ другаго, но стремленіе послѣдняго усиливаетъ эгоизмъ первого,—такъ какъ очевидно, что если русинскіе крестьяне получать экономическое обезпеченіе, то у нихъ усилятся и сознаніе своей національной самостоятельности, — и на оборотъ если среди нихъ разовьется

образование и сознание своей национальности, то они тѣмъ болѣе захотятъ свергнуть съ себя и экономическое иго польскихъ помѣщиковъ. Въ томъ и другомъ случаѣ неизбѣжнѣ раздѣлѣ этого послѣдняго куска исторической Польши въ видѣ австрійской провинціи! Вотъ почему польскія партіи восточной Галиціи, не исключая и демократовъ, являются такими ожесточенными противниками и соціально-экономическихъ, и национальныхъ (политическихъ и культурныхъ) стремленій русиновъ.

Все сказанное подтверждается цѣлою исторіей аграрно-національныхъ отношеній Галиціи съ самаго 1831 г.,—если уже не заходить дальше. Въ 1848 г. польскіе помѣщики и даже выборные отъ городовъ, вмѣсто уступокъ поселянамъ, требовали въ вѣнскомъ парламентѣ выкупа барщины; — въ пятидесятые и шестидесятые годы, — какъ разъ тогда, когда писалъ свою статью Чернышевскій,—они настаивали и настояли на крайне невыгодномъ для крестьянъ рѣшеніи вопроса о сервитутахъ (пользованіи лѣсами и выпасами), на сохраненіи за помѣщиками, противной даже буржуазной экономіи, привилегіи содержанія шинковъ

(пропинація) и т. д. Что до национального вопроса,—то въ 1848 г. польскія партіи самымъ ожесточеннымъ образомъ сопротивлялись признанію русиновъ самостоятельную націею и передъ австрійскимъ правительстvомъ, и передъ славянскимъ съѣздомъ въ Прагѣ, и передъ имперскимъ парламентомъ въ Вѣнѣ. Въ 60-ые годы, почти въ одно время съ статьею Чернышевскаго, появились даже въ польскихъ изданіяхъ въ Россіи статьи, также отрицающія самое существование украинской народности съпольской точки зренія, какъ стали потомъ отрицать ее Катковы и Аксаковы съ московской точки (См. напр. статью Жоховскаго въ „Biblioteka Warszawska, 1861, № 12, корреспонденціи изъ Львова въ Gazeta Warszawska, 1861, № 304 — 310; въ Галиції около этого времени вышла брошюра известного польскаго историка, Генр. Шмидта: *Kilka słów o kwestyi rusińskiej*, — статьи въ „Rada Familijna“, статьи въ *Czas* и, во Франціи, въ «*Revue Contemporaine*», на которыхъ отвѣчалъ Костомаровъ въ Основѣ 1861 и т. д.).

Всю эту литературу польского сочиненія, радикально отрицающую самое существование русиновъ, какъ отдельного

отъ поляковъ народа, очень не трудно было знать и петербургскимъ политикамъ, равно какъ и характеръ аграрной политики тогдашнихъ польскихъ партій въ Австріи. Не трудно было провѣрить и то, на сколько было правды въ увѣреніяхъ, которыхъ по временамъ исходили изъ этихъ партій, что крестьяне и русины въ Галиціи, если имѣютъ на кого жаловаться, то вовсе не на польскихъ политиковъ, у которыхъ будто бы руки связаны, а на Вѣну,—увѣренія, какія проникли и въ статью Чернышевскаго. Во первыхъ, вовсе не думая идеализировать вѣнскую королевско-цесарскую бюрократію, мы должны признаться, что, если крестьяне, и въ частности русины, въ Галиціи въ теченіи XIX в. видѣли хоть тѣнь добра съ верху,—то все таки они видѣли ее только отъ австрійской бюрократіи (рядомъ, конечно, съ такими благами, какъ рекрутчина), а не отъ польской аристократіи,—что понятно уже изъ рiогi, такъ какъ вездѣ на свѣтѣ цезаризмъ скорѣе можетъ задумать что либо, хоть небольшое, полезное для массъ, чѣмъ аристократія. А во вторыхъ, польская аристократія всегда имѣла довольно силы, чтобы сдѣлать добро для

крестьянъ и русиновъ, если бы того захотѣла,— всегда имѣла больше доступу и въ Вѣну, нежели мужичье мазурское и русинское *). Со смерти Іосифа II до самаго

*) На сколько въ Россіи и до сихъ поръ плохо освѣдомлены съ настроеніемъ галицко-польского общества, можно видѣть напр. по слѣдующему отрывку изъ статьи г. Спасовича «Новѣйшая исторія Австріи»: «Депутаты-поляки изъ Галиціи были озлоблены на гр. Стадіона (быв. намѣстника въ Галиції) смертельно не за отмѣну барщины (барщина и крѣпостное право были въ принципѣ давно у нихъ вопросами рѣшеннymi), но за то, что облагодѣтельствовавъ крестьянъ на счетъ помѣщиковъ (!!) отъ имени правительства, Стадіонъ усилилъ абсолютизмъ и лишилъ польское движеніе возможности подарить землю и свободу крестьянамъ и привлечь ихъ такимъ образомъ на сторону польского движенія». (Вѣст. Евр. 1873, май 137—138). Но, во первыхъ, самъ же г. Спасовичъ въ началѣ своего труда (Вѣст. Евр. 1866, II, 320—321), разсказывая о вѣнскомъ парламентѣ 1848 г., говоритъ: «польскіе помѣщики, не смотря на связи свои съ лѣвою иѣмецкою стороною и на то, что они старались всячески представить, будто надѣль крестьянъ землею совершился по ихъ доброй волѣ, и правительство только присвоило себѣ плоды того, что они сами порѣшили, требовали однако возможно большаго и непомѣрнаго возвышенія оцѣнки крестьянскихъ участковъ». А во вторыхъ, у польскихъ помѣщиковъ всегда было столько земли, что они во всякое время могли подарить ее крестьянамъ. И теперь еще не поздно!

1846 г. никто, какъ польская аристократія правила Галиціей руками намѣстниковъ, присылаемыхъ изъ Вѣны,—и за тѣмъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ нѣмецкой диктатуры, также аристократія вмѣстѣ съ буржуазіей постепенно, въ лицѣ гр. Голуховскаго,— забрала въ свои руки бюрократію, а по-томъ и сеймъ въ странѣ. При этомъ польская партія, укоряя русинскихъ политиковъ за сервилизмъ передъ Вѣной (и укоряя по нашему, совершенно справедливо) сами во-все не гнушались напускать туже Вѣну на русиновъ, постоянно пугая австрійское правительство русинскимъ сепаратизмомъ, то москофильскимъ, то украино-казацко-фильскимъ, съ прибавкою гайдамачины.

Публицистъ „Современника“ совершенно не понялъ двухъ очень характерныхъ черточекъ галицкой жизни, которыя ему попа-лись въ львовскомъ „Словѣ“ и совершенно напрасно потратилъ, по поводу ихъ, свою иронію надъ русинскою газетою. Первая изъ этихъ черточекъ: объясненіе „Слова“ съ польскими газетами по поводу того, что оно печатается „россійскими“ буквами (т. наз. „гражданка“ или шрифтъ Петра Великаго), которыя „Слово“ старается оправ-

дать тѣмъ, что онъ сначала употреблялись малороссами, отъ которыхъ заимствовалъ ихъ Петръ Великій. Дѣло въ томъ, что въ крайнемъ желаніи помышлать развитію русиновъ, польскіе патріоты въ Галиції настаиваютъ на томъ, что, если уже должно существовать у русиновъ свое письмо, отдельное отъ польскаго,— (что уже признано австрійскимъ закономъ) то оно должно оставаться старое, церковное; употребленіе же „гражданки“ есть-молъ признакъ сепаратизма къ Россіи! И въ настоящую минуту, когда мы пишемъ эти строки, въ галицкій сеймъ внесенъ запросъ русинскихъ депутатовъ по поводу того, что польскіе чиновники требуютъ отъ русиновъ писанія бумагъ церковными каракулями, вм. болѣе курсивной „гражданки“, которую польскіе чиновники признаютъ письмомъ „московскимъ“ и слѣдовательно незаконнымъ. Въ то время, когда писалась статья Чернышевскаго, „гражданка“ только что начала входить въ употребленіе въ Галиціи, и Вѣна была завалена доносами на эту „гражданку“. Мы сами вовсе не любители этой „гражданки“ и рады были бы, если бъ и въ самой Москвѣ писали латинскими буквами (толь-

ко, конечно, не польскою ихъ формою, запутанною и нелогичною), но тѣмъ болѣе мы противъ осужденія галичанъ на писаніе церковными каракулями и еще болѣе противъ пропаганды латинскаго шрифта посредствомъ доносовъ австрійскому правительству. А такой смыслъ доносовъ имѣютъ всегда жалобы польскихъ газетъ, что русины пишутъ „московской гражданкой“.

Подобное же значеніе имѣла въ „Словѣ“ ироническая благодарность полякамъ, которые „готовы сочувствовать развитію русинской литературы“. Чернышевскій понялъ эти слова въ буквальномъ смыслѣ и прочелъnotaцію львовской газеты. Между тѣмъ достаточно было знать хоть напр. статьи варшавскихъ и виленскихъ изданій о Щевченкѣ, котораго такъ уважалъ Чернышевскій, чтобы видѣть, каково было сочувствіе большинства польской печати къ самостоятельной литературѣ у русиновъ. Всякое стремленіе русиновъ создать литературу, которая бы не была только провинциальною разновидностью польской (какъ это было у Падуры и его послѣдователей) встрѣчалось польской печатью столь же враждебно, какъ стали потомъ встрѣчать

его враждебно московские централисты. Послѣ 1848 года въ Галиції русинская литература признана была официально, и послѣ того въ тамошнемъ польскомъ обществѣ постепенно установилось къ ней двойственное отношение: рядомъ съ отрицаніемъ—претензія регулировать эту литературу, конечно, если можно, то и съ помощью бюрократіи. Та галицкая русинская литература, какая захвачена была событиями 1848 г., примыкала по языку и духу къ южнорусской полуцерковной литературѣ XVI—XVII в. (XVIII вѣкъ для Галичины, послѣ отдѣленія ея отъ казацкой Украины, пропалъ еще болѣе даромъ, чѣмъ пропалъ онъ для Поднѣпровья). По ней лишь слегка прошли вліянія великорусской высокопарной литературы до-карамзинского периода и отголоски начинавшейся новой украинской литературы, сначала сентиментальной и романтической, но всегда демократической.*.) Въ періодъ торжества бюрократіи въ Австріи и особой

*.) Подробности въ подтвержденіе того, что мы здесь говоримъ, читатель можетъ найти въ вышеупомянутой статьѣ нашей «Русскіе въ Галиції» и въ ея продолженіи «Литерат. движение въ Галиції». Вѣсти Евр. 1873, IX, X.

ярости николаевской реакціи въ Россіи въ Галицію проникало изъ Россіи только московское, погодинское вліяніе, и тамъ зародилась школа, которую и представляетъ „Слово“. Впрочемъ школа эта, хоть и ложною дорогою, но все же отчасти шла къ выходу изъ узкихъ рамокъ австро-уніатского легитимизма и клерикализма. Не имѣя уже силы подавить совсѣмъ русинское движение, польскіе его противники стали стараться, чтобы оно сохранило по крайней мѣрѣ старое, разъ уже признанное, узкое направление — и упрекали новое, во всякомъ случаѣ болѣе свѣтское и болѣе независимое москофильское направление въ политической измѣнѣ Австріи и въ тоже время въ измѣнѣ настоящимъ интересамъ русинской национальности, которые теперь, конечно, лицемѣрно, бралась защищать польская печать. По смерти Николая I стало вновь организовываться въ Россіи народно-украинское направление. Польская печать въ Россіи встрѣтила его враждебно,— но въ то же время въ галицкой польской печати стали изрѣдка раздаваться голоса, которые, порицая русинскихъ патріотовъ за ихъ церковно-московское направление и языкъ, ставили имъ

въ примѣръ украинскихъ писателей, пишущихъ чистымъ народнымъ языкомъ. Но чуть только украинская литература породила и въ Галиціи (1862—1863 г.) замѣтное демократическое движение, какъ сейчасъ же польская печать закричала о казакоманіи и новомъ „гайдамацкомъ“, какъ обѣ опасности и для польской идеи, и для Австріи *). Когда между 1863 и 1867 г. въ Галичинѣ обнаружился существенный расколъ между клерикально-московскими и народно-українофильскими группами, и когда русское правительство, вслѣдъ за голосами московскихъ централистовъ, наложило руку на украинскую литературу и школу (въ первый разъ въ 1863 г.), — то польская печать, опять таки лицемѣрно, приняла галицкихъ украинофиловъ подъ свое покровительство и зная, что они еще слабы на парламентскомъ полѣ, стала противуставлять ихъ ста-

*) Какъ характерно это единство пріемовъ польскихъ и московскихъ централистовъ, въ Австріи и Россіи: что для однихъ «московскіе рубли», то для другихъ «польская интрига», въ число «агентовъ» которой произвелъ «честный» г. И. Аксаковъ (Русь, 1 авг. 1881 г.) и пишущаго эти строки!!

рой русинской партіи, какъ „настоящихъ русиновъ“, съ которыми будто бы поляки могутъ договариваться, — не то что съ москвофилами, измѣнниками своему народу и слугами деспотизма, которые хотятъ привести „Москву и схизму въ послѣднее убѣжище Польши“. Но эти фразы не вели за собою никакихъ практическихъ уступокъ и „настоящимъ русинамъ“, — а едва только и эти послѣдніе начали становиться силою, съ которою нужно было считаться, — такъ и на нихъ посыпались тѣ же обвиненія, которыхъ сыпались прежде на москолефиловъ. А между тѣмъ, если дѣйствительно галицкіе поляки примирились съ признаніемъ русиновъ, какъ отдельной культурной и политической націи, то казалось бы, что можетъ быть проще, какъ предоставить самимъ русинамъ разбираться, кто изъ нихъ настоящій, а кто ненастоящій русинъ, и отказаться отъ всякихъ претензій регулировать русинскую литературу, да еще административными мѣрами и политическими доносами?! Вотъ объ этой претензіи на протекторатъ говорило и „Слово“, когда оно иронически отнеслось къ заботамъ польскихъ газетъ о русинской литературѣ,— а публицистъ „Современника“,

по незнанію мѣстныхъ условій, укорильтъ русинскую газету въ неблагодарности!

Похожее на то, что происходило въ 1848—1849 и въ 1860—1861 гг. въ Галиції, настало въ 1860—1863 гг. въ приднѣпровской Українѣ, когда здѣсь поднялся крестьянскій вопросъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ столкнулись стремлѣнія польскія и украинскія. Здравый политическій разсчетъ, дѣйствительно, долженъ бы быть побудить поляковъ относиться благопріятно къ украинскому движению и въ то же время сдѣлать серьезныя уступки крестьянамъ. Но о первомъ почти никто изъ поляковъ, даже въ чисто польскихъ земляхъ не думалъ, — а о второмъ, хотя и говорили немногочисленные искренніе демократы, — но ихъ совѣты оставались безъ приложенія. Сословные разсчеты и инстинкты національного господства превозмогли въ польскихъ панахъ правобочнай Україны, какъ и вездѣ,—соображенія здравомысленнаго патріотизма и либерализма.— А ненависть къ нарождающейся новой нравственной силѣ, представляемой украинскими кружками, за которыми непремѣнно должны были послѣдовать кружки литовскіе и бѣлорусскіе, кружками, которымъ польскіе паны

дали имя „хлопомані“ (изъ чего послѣ въ Россіи сдѣлали слово „хохломанія“) и страхъ передъ крестьянами, которые раньше или позже должны были провѣдать о стремлѣніяхъ образованныхъ хлопомановъ, заставили польскихъ пановъ и тутъ, какъ и въ Австріи, попробовать направить противъ своихъ конкурентовъ готовую силу, — правительство!

Положеніе украинскихъ хлопомановъ непосредственно передъ восстаніемъ 1863 г. всего лучше характеризуется статьею г. Вл. Антоновича въ „Основѣ“ 1862 г., № 1 „Моя исповѣдь“, изъ которой мы считаемъ умѣстнымъ привести слѣдующую выдержку, такъ какъ она, по нашему мнѣнію, сохранила въ значительной степени свою современность и въ настоящую минуту:

„Въ заключеніе вашей статьи, г. Падалица, вамъ угодно было обратиться къ моей личности съ эпитетомъ „перевертецъ“*). — Я вамъ за это искренно благодаренъ — не по-

*) Статья г. Антоновича есть отвѣтъ на одну изъ статей довольно вліятельнаго въ тогдашнемъ польскомъ обществѣ писателя, Падалицы, который выступилъ съ полемикой и противъ Костомарова по поводу его трудовъ о козачинѣ. Костомаровъ отвѣчалъ ему въ «Современикѣ».

тому, чтобы я полагалъ, что моя личность особенно интересна для васть или для кого нибудь изъ читающихъ, и не потому, чтобы я самъ слишкомъ о ней заботился, а потому, что разъясненіе сказаннаго вами эпитета хоть сколько нибудь поможетъ цѣлой группѣ людей опредѣлить себѣ свое положеніе въ южно-русскомъ краѣ. Да—г. Падалица, вы правы! Я дѣйствительно „перевертень“, — но вы не взяли во вниманіе одного обстоятельства, именно того, что слово „отступникъ“ не имѣетъ само по себѣ смысла; что для составленія себѣ понятія о лицѣ, къ которому приложенъ этотъ эпитетъ, нужно знать, отъ какого именно дѣла человѣкъ отступилъ и къ какому именно присталъ; иначе слово это лишено смысла — это пустой звукъ. Дѣйствительно, вы правы. По волѣ судьбы, я родился на Украинѣ шляхтичемъ; въ дѣтствѣ имѣть всѣ привычки паничей, и долго раздѣлять всѣ сословныя и національныя предубѣжденія людей, въ кругу которыхъ воспитывался; но когда пришло для меня время самосознанія, я хладнокровно оцѣнилъ свое положеніе въ краѣ, я взвѣсилъ его недостатки, всѣ стремленія общества, среди котораго

судьба меня поставила, и увидѣлъ, что его положеніе нравственно безвыходно, если оно не откажется отъ своего исключительнаго взгляда, отъ своихъ заносчивыхъ посягательствъ на край и его народность; я увидѣлъ, что Поляки-шляхтичи, живущіе въ южно-русскомъ краѣ, имѣютъ передъ судомъ собственной совѣсти только двѣ исходныя точки: или полюбить народъ, среди котораго они живутъ, проникнуться его интересами, возвратиться къ народности когда-то покинутой ихъ предками и неусыпнымъ трудомъ и любовью, по мѣрѣ силъ, вознаградить все зло, причиненное ими народу, вскормившему многія поколѣнія вѣльможныхъ колонистовъ, которому эти послѣдніе за потъ и кровь платили презрѣніемъ... или же, если для этого не хватитъ нравственной силы, переселиться въ землю польскую, заселенную польскимъ народомъ, для того чтобы не прибавлять собою еще одной тунеядной личности, для того чтобы наконецъ избавиться самому передъ собою отъ грустнаго упрека въ томъ, что и я тоже колонистъ, тоже плантаторъ, что и я посредственно или непосредственно (что впрочемъ все равно) пытаюсь чужими трудами, заслоняю дорогу къ развитію на-

рода, въ хату которого я залѣзъ непрошенній, съ чуждыми ему стремленіями, что и я принадлежу къ лагерю, стремящемуся подавить народное развитіе туземцевъ и что невинно раздѣляю отвѣтственность за ихъ дѣйствія. Конечно, я рѣшился на первое, потому что сколько ни былъ испорченъ шляхетскимъ воспитаніемъ, привычками и мечтами, мнѣ легче было съ ними растаться, чѣмъ съ народомъ, среди которого я выросъ, который я зналъ, которого горестную судьбу я видѣлъ въ каждомъ селѣ, гдѣ только владѣлъ имъ шляхтичъ, — изъ устья которого я слышалъ не одну печальную, раздирающую сердце пѣсню, не одно честное дружественное слово (хоть я былъ и *pаничѣ*), не одну трагическую повѣсть о истлѣвшей въ скорби и бесплодномъ трудѣ жизни... который, словомъ, я полюбилъ больше своихъ шляхетскихъ привычекъ и своихъ мечтаній. Вамъ хорошо известно, г. Падалица, и то, что прежде чѣмъ я рѣшился разстаться съ шляхтою и всѣмъ ея нравственнымъ достояніемъ, я испробовалъ всѣ пути примиренія; вы знаете и то, какъ были съ вашей стороны встрѣчены всѣ попытки уговорить вельможныхъ къ человѣчному

обращенію съ крестьянами, къ заботѣ о просвѣщеніи народа, основанномъ на его собственныхъ національныхъ началахъ, къ признанію южно-русскимъ, а не польскимъ, того, что южно-русское, а не польское; вы были, вѣдь, свидѣтелемъ, какъ подобныя мысли возбудили, вначалѣ, свистъ и смѣхъ, потомъ гнѣвъ и брань, и наконецъ ложные доносы и намеки о коліивщинѣ. Послѣ этого, конечно, оставалось или отречься отъ своей совѣсти, или оставить ваше общество: — я выбралъ второе, и надѣюсь, что трудомъ и любовью заслужу когда нибудь, что украинцы признаютъ меня сыномъ своего народа, такъ какъ я все готовъ раздѣлить съ ними. Надѣюсь тоже, что, со временемъ, среди польского шляхетскаго общества, живущаго въ Украинѣ, поворотъ къ народу и сознаніе необходимости трудиться на его пользу — раньше или позже станетъ нравственнюю потребностью не только отдѣльныхъ лицъ — какъ теперь, а вообще всѣхъ, кто въ силахъ будетъ обсудить свое положеніе и свои обязанности, и не предпочтетъ мечты насущному, вызванному собственною совѣстью, дѣлу. И такъ, г. Падалица, вы правы! я — *переверстень*, и я горжусь этимъ,

такъ точно, какъ я гордился бы въ Америкѣ, еслибъ сталъ аболиціонистомъ изъ плантатора, или въ Италіи, еслибъ, просвѣтивъ свой образъ мыслей, я изъ паписта сдѣлался честнымъ, трудолюбивымъ слугой общенароднаго дѣла“.

Группа „хлопомановъ“ была сначала не совсѣмъ малочисленна среди польской (или говоря тогдашнимъ официальнымъ выражениемъ — „католической“) молодежи въ Кіевѣ, — но когда нѣкоторые изъ нихъ такъ радикально поставили вопросъ, какъ г. Антоновичъ, — (а такъ пришлось поставить его именно въ 1861 г., когда и въ Кіевѣ пришелъ сигналъ готовиться къ восстанію за возстановленіе исторической Польши), — группа эта сократилась до нѣсколькихъ человѣкъ, которые примкнули къ группѣ „православныхъ“ украинцевъ, состоявшей почти исключительно изъ лѣвобережцевъ. Испугавшись радикальной постановки вопроса национальнаго, бывшіе поляки - хлопоманы и тѣ изъ демократовъ, которые сначала сочувствовали имъ, пошли на уступки помѣщичьей партии и по вопросу соціально-экономическому. Причину этой уступчивости очертилъ довольно вѣрно другой молодой

хлопоманъ, котораго имя гремѣло тогда по польскимъ панскимъ дворамъ и газетамъ, вмѣстѣ съ именемъ г. Антоновича, какъ будущихъ Гонты и Зализяка, — г. Рыльский, въ надѣлавшей тогда много шума въ киевскихъ кружкахъ и въ самомъ дѣлѣ очень любопытной статейкѣ „Дворяне праваго берега Днѣпра“, въ „Основѣ“ 1861, № 12 *).

*) Вотъ въ какомъ винегретѣ изображали своей публикѣ киевскихъ хлопомановъ тогдашня польскія газеты: «Въ киевскомъ университѣтѣ возникла партия русская, такъ называемые хлопоманы, по наущенію извѣстныхъ пособниковъ русской идеи Иванющева, Костомарова, Галагана, Аксакова и т. п. Изъ нѣдръ этой партіи, во имя любви къ народу, братскаго равенства и т. п. хорошихъ вещей произошли миссіи по краю, будто бы для обороны народа отъ кривды, могущей послѣдовать отъ шляхты въ пору решенія крестьянскаго вопроса. Правительство смотрѣло на то сквозь прозрачную завѣсу и терпѣло по краю безумныхъ эмиссаровъ и даже скрытно помогало имъ. Оно имѣло для этой цѣли Антоновичей, Рыльскихъ и т. п. сумасшедшихъ, очарованныхъ московской кликой, которые совсѣмъ отреклись отъ любви къ Польшѣ, чтобъ осуществить составленную ими малорусскую утопію. Всесильная пропаганда по надѣ берегомъ Днѣпра въ традиціонной области казачества, похороны Шевченко, устроенная для него могила, путеше-

Очертивъ разные виды дворянъ праваго берега Днѣпра, г. Рыльскій говоритъ о демократической молодежи: „Но отъ всѣхъ этихъ оттѣнковъ рѣзко отдѣляется значительная часть болѣе просвѣщенной здѣшней молодежи. Они въ самомъ дѣлѣ довольно искренно сочувствуютъ положенію народной массы, они готовы на личныя по жертвованія въ пользу своихъ идей, но у нихъ есть кой какія преданія, почерпнутыя изъ той среды, изъ которой они вышли, и которыхъ ихъ заставляютъ нерѣдко противодѣйствовать интересамъ народной массы... Такъ нѣкоторые изъ нихъ защищаютъ слѣдующій силлогизмъ: потребности народа выражаются въ его просвѣщенныхъ представителяхъ; такъ какъ болѣе просвѣщенная часть здѣшняго общества (*inteligencja kraju*) ополячилась, то, значитъ, здѣшній край польскій. И эти люди считаютъ себя демократами!...“

ствія къ этой Меккѣ малорусскаго народа, введенныя хлопоманами,—все это дѣлаетъ на народъ сильное впечатлѣніе». (*Tygodnik Poznański*, 1863, № 3). Опять таки, подобные винегреты можно встрѣтить теперь въ доносахъ московскихъ централистовъ на ихъ противниковъ.

Болѣе радикальные изъ этихъ людей были авторами „Золотой Грамоты къ сельскому люду Волыни, Подоли и Украины“ и погибли съ нею въ печальные дни конца Апрѣля и начала Мая 1863 г.,—и что всего ужаснѣе, погибли, не заронивши въ убивавшихъ и арестовывавшихъ ихъ крестьянахъ ни зерна мысли, которая могла бы со временемъ лечь въ основу новой попытки къ борѣѣ за свободу края и благо народа! Крестьяне-украинцы били ихъ, какъ представителей гнета соціального и національнаго, сосредоточеннаго для нихъ въ одномъ словѣ—„Польша“!

Эта неизбѣжная участь была предсказана польскимъ демократамъ на Украинѣ послѣдовательными „хлопоманами“ еще въ 1861 г. Но едва только молодые хлопоманы заявили своимъ товарищамъ свой отказъ принять участіе въ польскомъ возстаніі, какъ сей-часъ г. Антоновичъ былъ потребованъ къ мѣстному предводителю дворянства, гдѣ нашелъ цѣлый сеймикъ дворянъ, который потребовалъ отъ него отказа отъ хлопоманской декларациіи, угрожая въ противномъ случаѣ преслѣдованіемъ со стороны русскаго правительства! Отказа, конечно,

не послѣдовало, — и за тѣмъ гг. Антоновичъ и Рыльскій были дѣйствительно привлечены къ слѣдствію со стороны секретной политической комиссіи при генераль-губернаторѣ „за коммунистическую пропаганду среди крестьянъ“. Только общее, еще тогда конфузливое, настроеніе правительства и благодушіе тогдашняго кіевскаго ген. губернатора, кн. Васильчикова, сохранили ихъ отъ ссылки въ восточные губерніи.

О такихъ характерныхъ фактахъ и вообще обѣ украинской „хлопоманії“ и отношеніи къ ней польского общества и печати совсѣмъ ничего не знали въ великорусскихъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ кругахъ. О дѣлѣ гг. Антоновича и Рыльскаго въ „Колоколѣ“ находимъ только слѣдующую замѣтку: „Правда ли, что братья (?) Рыльскіе, студенты кіевскаго университета, сосланы въ Казань, по доносу князя Васильчикова, за то что они обращаются по братски съ своими крестьянами?“ (Колок., 1 Іюня, 1861) Положимъ, живя въ Лондонѣ, издатели „Колокола“ съ трудомъ могли знать, кто до несъ „на братьевъ Рыльскихъ“, — хотя и тамъ можно было хоть просматривать „Основу“. Но въ Россіи можно было съ большимъ

удобствомъ знать, что дѣлалось въ томъ краѣ, гдѣ тоже должно было, при поддержкѣ и великорусской оппозиціи, совершиться польское восстание, — но великорусские революціонные кружки въ столицахъ и на Поволжье, гдѣ готовили крестьянское восстание, единовременное съ польскимъ, — не только того не знали, но, сколько мы помнимъ, по бесѣдамъ съ нѣкоторыми изъ прѣѣзжавшихъ тогда въ Киевъ изъ Петербурга членовъ „Земли и Воли“ и однимъ членомъ казанского кружка, можно сказать, не хотѣли знать.*⁾ Великорусскимъ демократамъ казалось, что „тотъ не любитъ свободы“, кто не сочувствуетъ польскимъ стремленіямъ, а тѣмъ болѣе кто считаетъ нужнымъ противу дѣйствовать имъ въ чемъ бы то ни было.

*⁾ Очень жаль, что до сихъ поръ такъ мало известно опредѣленнаго о казанскихъ революціонныхъ кружкахъ, а между тѣмъ они, какъ и харьковскій кружокъ, арестованный въ началѣ 1860 г., представляютъ самыя раннія попытки революціоннаго дѣйствія при Александрѣ II, и, по нѣкоторымъ частностиямъ, дошедшими до насъ, въ нихъ федеративная идея была яснѣ сознаваема, чѣмъ въ петербургскихъ кружкахъ „Земли и Воли“. Нѣкоторые данныя о казанскихъ кружкахъ см. въ „Подпольномъ Словѣ“ 1866, № 2.

Отчасти такое отношение къ „польскому дѣлу“ далекихъ отъ западнаго края русскихъ объясняется совершенно естественною реакциею противъ крайне безтактной и тупой политики правительства. Реакція эта особенно должна была быть сильною среди тѣхъ изъ образованныхъ русскихъ, которые судьбою были заброшены въ самую коренную Польшу. Здѣсь образовался „комитетъ русскихъ офицеровъ“, который находился въ сношенияхъ съ кружкомъ „Земли и Воли“ и съ лондонской эмиграціей. Комитетъ этотъ обнародовалъ 5 ноября 1862 г. прокламацію къ „офицерамъ русскихъ войскъ“, въ которой слѣдующимъ образомъ объяснилъ причины своего присоединенія къ польскому возстанію:

„Наше положеніе исключительно. Правительство распоряжается въ польскихъ городахъ такъ, что народъ долженъ потерять всякое терпѣніе и возстать, даже не разсчитывая, — будетъ удача, или нѣтъ. Обстоятельства все ближе и ближе подводятъ къ минутѣ, когда намъ придется быть палачами Польши, или приставать къ возстанію.

„Мы не хотимъ быть палачами....

„Центральный Варшавскій комитетъ, сто-

яцій иныи въ главѣ польскаго движениія, заявилъ намъ, что его цѣль — надѣленіе всѣхъ (?) польскихъ крестьянъ землею, уравненіе всѣхъ правъ и уничтоженіе сословной розни; независимость Польши отъ петербургскаго и другихъ пѣмецкихъ правительствъ и признаніе за всѣми областями, соединенными (?) съ Польшой воспоминаніями прошедшаго(!), права располагать собою — помимо всѣхъ государственныхъ, какъ польскихъ, такъ и русскихъ соображеній. Только на этихъ основаніяхъ, мы и наши солдаты готовы примкнуть къ польскому возстанію, потому что тѣ же основанія и нашей русской свободы“.

Вотъ тутъ то и припоминаешь слова Чернышевскаго о недостаточности однихъ инстинктовъ и о необходимости политического образованія и такта для общественной дѣятельности. Одно дѣло — не хотѣть быть чьимъ либо палачемъ, — и совсѣмъ другое дѣло — присоединиться къ программѣ, которая идеть въ разрѣзъ съ основами собственныхъ политическихъ стремленій и связать свое дѣло съ дѣломъ, которое, при внимательномъ анализѣ, оказалось бы и чужимъ, и безнадежнымъ даже со стороны возможности оставить

по себѣ ясную руководящую идею... Одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ „комитета русскихъ офицеровъ“, Потебня, кажется, наконецъ замѣтилъ свою ошибку, но поздно! Попавши въ лагерь Лангенвича, который между прочимъ писалъ въ одной изъ своихъ прокламаций (отъ 9 февраля 1863 г., къ дворянамъ воеводства Сеномирскаго) что онъ не потерпитъ возобновленія рѣзни крестьянами пановъ, какъ въ Галиціи въ 1846 г., — Потебня писалъ своимъ друзьямъ (3 марта): „Пишу къ вамъ изъ лагеря Лангенвича. Я рѣшился остаться здѣсь... Надежды сдѣлать что нибудь мало. Попробуемъ“... (Колоколь, № 162). Черезъ нѣсколько дней Потебня „во время сраженія, несмотря на всѣ убѣжденія, схватилъ косу, — во главѣ колонны пошелъ въ аттаку и погибъ“.... (тамже).

VIII.

Перенесеніе польского восстания на берега Днѣпра и присоединеніе къ нему великорусскихъ либераловъ и демократовъ имѣло фатальное послѣдствіе и для „польского дѣла“ въ частности, и для либе-

рально-демократического движения въ Россіи вообще. До тѣхъ поръ пока польское движение разыгрывалось преимущественно въ Польшѣ и отчасти въ Литвѣ, средніе образованные люди въ Россіи были болѣе или менѣе сочувственно настроены въ его пользу, тѣмъ болѣе что вначалѣ можно было предполагать, что правительство принуждено будетъ дать конституцію Царству Польскому, а это, думалось тогда, должно будетъ повести за собою такую же мѣру и въ остальной Россіи. Въ пользу подобной увѣренности говорило созваніе сейма финляндскаго, котораго не созывали съ самаго времени присоединенія княжества къ Россіи. Заявленіе намѣренія польского революціоннаго правительства овладѣть и Поднѣпровьемъ дало толчекъ къ повороту общественнаго миѣнія противъ поляковъ. Крестьянская же реакція противъ возстанія, особенно рѣзко проявившаяся въ Киевской губерніи,—усилила этотъ поворотъ, которымъ не могли не воспользоваться реакціонеры для отрицанія всѣхъ требованій поляковъ.

Съ тѣхъ поръ установилось въ значительной части русскаго общественнаго миѣнія убѣжденіе, что полякамъ опасно дѣлать

какія бы то вни было уступки єжу и въ Царствѣ Польскомъ, такъ какъ уступки эти ихъ не удовольствуютъ, а только послужатъ операционымъ базисомъ для наступательного движенія и на Поднѣпровье. Вообще же не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ, покушенія польскихъ революціонеровъ на непольскія земли и отпоръ, оказанный имъ непольскими массами, подкопали довѣріе къ самому принципу, на какомъ только и основывалось общее сочувствие польскимъ политическимъ стремленіямъ, именно къ убѣждению, что стремленія эти имѣютъ подъ собою живое национальное тѣло. Отношеніе, въ какое поставили себя патріоты польскіе къ русинамъ въ Галиціи, должно было поддержать отрицательный поворотъ во взглядахъ общественного мнѣнія и въ Россіи, и отчасти за границей на польскій патріотизмъ.

Во время самого восстанія некоторые иностранцы, принявши въ немъ участіе, могли собственнымъ наблюденіемъ провѣрить, какъ мало дѣйствительнонароднаго было въ этомъ дѣлѣ. Такъ Арнезъ писаль въ письмѣ, читанномъ на собраніи „Союза мира и свободы“ въ 1871 г.: „неуспѣхъ послѣдня-

го восстания доказалъ ясно, что причина общаго равнодушія, оказаннаго крестьянами, — лежитъ въ забвениі, въ какомъ держали народъ (образованные люди) и въ отсутствіи гарантій, которыя бы представляло ему будущее въ случаѣ успѣха восстания. Я самъ слышалъ, какъ крестьяне громко говорили, что „надъ ними смѣются, приглашая ихъ проливать кровь для возстановленія привилегій пановъ“. Этотъ духъ недовѣрія врожденъ польскому крестьянину, и, можно сказать, онъ его всасываетъ съ молокомъ матери“ (Bulletin officiel du cinquième congrès de Ligue internationale de la Paix et de la Liberté. 1871. 140—141).

Судя по тому, что теперь пишется о Польшѣ въ англійской и французской литературахъ, (особенно въ послѣдней,—см., сочиненія гг. Л. Леже, А. Рамбо, Э. Реклю—А. Леруа-Болье) уже нельзя напередъ и ждать ничего подобнаго тому довѣрію къ словамъ польской эмиграціи, какимъ она пользовалась въ либеральныхъ кружкахъ въ 1831—1863 гг. Совсѣмъ напротивъ, у иѣкоторыхъ авторовъ,—особенно у гг. Леже и Леруа-Болье,—реакція старому довѣрію польскимъ эмигрантамъ смѣнилась иѣкото-

рымъ оптимизмомъ по отношению не только къ Россіи вообще, но и къ русскому правительству въ частности *).

Одновременно съ тѣмъ, какъ падалъ кредитъ польскихъ патріотическихъ стремлений, падала сила и русского либерального движения. Хотя это движение не имѣло за собою въ русскомъ обществѣ и такихъ организованныхъ силъ, какія имѣло у себя польское національно-католическое движение, но тѣмъ не менѣе передъ 1863 г. напоръ его на правительство былъ довольно чувствителенъ. Самодержавіе стало задыхаться въ образовавшейся около него оппозиціонной атмосфѣрѣ. Самъ царь не только сѣгласился

*) Кто читалъ новыя заграничныя сочиненія о Россіи и Польшѣ, тотъ не могъ не замѣтить въ нихъ вліянія знакомства новыхъ заграничныхъ писателей съ историческими и этнографическими трудами писателей украинскихъ. Это знакомство способствовало, быть можетъ, болѣе всего разложенію прежняго довѣрія къ показаніямъ польскихъ историческихъ патріотовъ. Но это же обстоятельство налагаетъ на украинскихъ писателей обязанность противодѣйствовать и тому оптимизму по отношению къ офиціальной Россіи, о которомъ мы говорили выше и который невыгоденъ для истинныхъ интересовъ какъ украинскихъ, такъ и польскихъ, да и вообще всероссійскихъ и даже всеевропейскихъ.

на созывъ финляндскаго сейма и на вставку въ тронную рѣчъ фразы о „народахъ, которые показываютъ себя достойными свободы“, но въ отвѣтъ на адресъ петербургской думы и дворянъ, протестовавшій противъ вмѣшательства иностранной дипломатіи въ польское дѣло, долженъ былъ показать въ перспективѣ возможность „призыва общества къ участію въ государственныхъ дѣлахъ“. Объ этомъ призваніи довольно ясно заговорили адресы тверской и, кажется, костромской. Не говоря о западникахъ и даже славянофилахъ, которые довольно ясно (особенно для нихъ) говорили о земскомъ соборѣ, самъ г. Катковъ помѣстилъ въ „Русскомъ Вѣстнике“ (1863, № V) статью „Что намъ дѣлать съ Польшей?“, въ которой статья предлагалъ потопить польскій сепаратизмъ въ представительствѣ всей Россіи и заботился только о томъ, какъ бы это представительство не получило правъ, большихъ, чѣмъ, права совѣщательнаго собранія, въ родѣ старыхъ московскихъ земскихъ соборовъ. (Теперь и такія требования г. Катковъ называетъ крамолой!)

Дискредитированіе передовыхъ круговъ великокорусскаго либерального движения сочув-

ствиемъ къ польскимъ покушеніямъ на всю западную половину Россіи и крестьянская реакція польскому восстанію, неизбѣжно принявшая роялистическую форму, дали возможность абсолютизму перевести духъ и мало по малу заставить позабыть даже собственныйя обѣщанія. И что особенно любопытно, — реакція, наставшая послѣ польского восстанія, хоть и должна была въ западныхъ губерніяхъ, для самой борьбы съ восстаніемъ, пользоваться демократическими идеями,пущенными въ оборотъ оппозиціей въ время, предшествовавшее восстанію,— но во внутреннихъ губерніяхъ она дала перевѣсь крѣпостнической партіи даже и въ соціально-экономическихъ вопросахъ, а не въ однихъ только политическихъ.

Послѣ Каракозовщины, — порожденной этой реакцией, — прекратилась императорская демократія и на западѣ отъ Днѣпра, и вся Россія пришла въ то соціальное положеніе, въ какомъ мы ее видимъ теперь. А вмѣстѣ съ тѣмъ и на Польшу распространена была политика рѣшительнаго обруcenія, изобрѣтенная старыми и новыми реакціонерами, ссылавшимися на

примѣръ Франціи въ Эльзасѣ и Пруссіи въ Познани.

Такимъ образомъ восстаніе 1863 г. за „историческую Польшу“ не только на смерть подкосило кредитъ польского исторического патріотизма,—что собственно не бѣда,—но задержало на долго исполненіе самыхъ законныхъ требованій польской національности, а также установленіе политической свободы и даже необходимѣйшихъ соціальныхъ реформъ во всей Россіи. Положительные результаты принесло это восстаніе въ томъ краѣ, въ которомъ оно разыгрывалось, только косвенно,—и при томъ не на національно-политической полѣ, на которомъ оно преимущественно стояло, но на соціально-экономическомъ. Возстаніе заставило правительство выступить съ болѣе радикальною аграрною политикой и въ западныхъ губерніяхъ, и въ Царствѣ Польскомъ, чѣмъ та, которой держалось правительство до тѣхъ поръ. А такъ какъ эта политика соотвѣтствовала и соціально-экономическимъ идеямъ извѣстной части польской демократіи еще съ 1831 г.,—то это обстоятельство даетъ крайне трагический смыслъ поль-

скимъ революционнымъ движеніямъ послѣ возстанія 1830—31 г.

Старая Польша грѣшила главнымъ образомъ рабствомъ крестьянъ, которое составляло такой контрастъ съ свободою шляхты. Благодаря этому контрасту да антагонизму национальностей, Польша эта и подверглась ипоземному порабощенію. Въ 1831 г. революціонный сеймъ въ Варшавѣ отвергъ благопріятныя для крестьянъ предложения Шаницкаго и Бѣрнацкаго, — и съ тѣхъ поръ каждое польское возстаніе въ Австріи и Россіи вело за собою шагъ къ исправленію грѣха старой Польши передъ крестьянами, только прежде всего — съ пожертвованіемъ головъ самихъ повстанцевъ, прежде всего, конечно, именно демократовъ. Въ 1846 г. польскіе крестьяне въ западной Галиції перебили повстанцевъ, а за ними и много помѣщиковъ, — и въ тоже время Николай I попробовалъ положить конецъ обезземеливанію крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ 1848 г. австрійское правительство отвѣтило на польскія патріотическія демонстраціи въ Львовѣ указомъ о прекращеніи панчины. Въ 1863 г. крѣпостникъ Муравьевъ превратился въ эманципатора белорус-

скихъ и литовскихъ крестьянъ, а въ Царство Польское посланъ былъ Н. Милотинъ, котораго высшіе круги въ Петербургѣ счи-тали фурьеристомъ. Большинство польскихъ патріотовъ, даже очень нечуждыхъ демо-кратическимъ идеямъ, и до сихъ поръ счи-таютъ разбоемъ аграрныхъ мѣры, принятыхъ русскимъ правительствомъ въ западномъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ въ 1863—1864 гг. Но между людьми, погибшими въ то время, были такие, которые радовались этимъ мѣрамъ, хотя радость ихъ была по истинѣ трагична. Вотъ что писалъ Рафаилъ Краевскій, за нѣсколько дней передъ смертю, обѣ указахъ въ пользу крестьянъ: „Какъ вижу, дѣла въ краѣ идутъ хорошо. Пусть тамъ краковскія газеты, какъ хотятъ, на-зываютъ крестьянскую реформу, пусть на-зываютъ новыя постановленія соціализмъ; для меня онѣ представляются особеннымъ явлениемъ конституціонализма, который всег-да до сихъ поръ шелъ сверху внизъ, а у насъ начинается снизу. Развѣ славянская община не можетъ быть лучшею завязью будущаго, чѣмъ учрежденія Запада, гдѣ са-моуправлѣніе выросстало изъ аристократіи? По крайней мѣрѣ безспорно, что, начинаясь

спизу, прогрессъ идетъ скорѣе, нежели начинаясь сверху. Наконецъ, такой ходъ—самый успешный и единственный для Польши, въ которой сельское населеніе составляетъ такое большинство; при такомъ способѣ идея не задержится въ касть, потому что здѣсь каста повсемѣстна, — это не каста! Пусть тамъ, кто хочетъ, обманываетъ себя, а то, что сдѣлано, есть только началомъ того, что дальше должно сдѣлаться. Толчекъ данъ. А уже эта миллионная масса не задержится въ своемъ ходѣ. Программа Ко-
стюшки выполнится. Шляхта не хотѣла во время существованія Рѣчи Посполитой, от-
казаться отъ своихъ привилегій,—такъ всѣ сдѣлаются шляхтичами, но только не такъ,
какъ давнияя шляхта“. (Rafał Krajewski.
Polska w walce, wyd. Ag. Giller. T. II,
137. Мы дѣлаемъ выписку по книгѣ Ostat-
nie lata dziejów powszechnych od 1846 г.“
175). Съ своей стороны Герценъ еще въ
1863 г. подобнымъ же образомъ оцѣнилъ
косвенный соціальный результатъ польского
национально-политического движения. Снача-
ла и онъ взялъ нѣсколько фальшивыхъ поть
на тему объ „императорской пугачовщинѣ“,
пробовавшихъ объяснить крестьянскую ре-

акцію польському восстанію исключительно подусыкиваниемъ чиновниковъ *). Герценъ вѣрилъ польскимъ патріотамъ, которые утѣшили себя, будто и Гонту съ Зализнякомъ подняла „гайдамачущая императрица“ и будто галиційскую рѣзню 1846 г. устроилъ Метернихъ, и поскольку было на эту дорогу и въ маѣ 1863 г. Но уже въ іюль 1863 г. Герценъ написалъ въ „Колоколѣ“

*) На подобной точкѣ зреїнїя построено описание крестьянской реакціи въ Бѣлоруссіи и даже на Украинѣ 1863 г. въ книгахъ г. Гиллера « Historja Powstania Narodu Polskiego w 1861 — 64 г. » Между тѣмъ одинъ старый польский дѣятель изъ Украины рассказывалъ намъ, что когда около одного села въ кіевской губерніи крестьяне были повстанцевъ, то одинъ русскій офицеръ замѣтилъ крестьянамъ, которые добивали уже поваленныхъ поляковъ: «за чѣмъ вы ихъ бьете?! Они и такъ уже лежать!» Тогда одинъ окровавленный полякъ приподнялся и проговорилъ: «оставьте,—пусть бьются! Мы виноваты передъ ними! много виноваты!» Кровь бросается въ голову, когда слышишь о такихъ сценахъ,—но онѣ заставляютъ больше вѣрить въ будущее польскихъ образованныхъ классовъ, чѣмъ рутинныя объясненія всякой, въ томъ числѣ и крестьянской, реакціи противъ традиціонныхъ польскихъ движений австрійскими гульденами и московскими рублями, особенно когда эти объясненія встрѣчаешь въ писаніяхъ демократовъ и даже соціальныхъ демократовъ.

замѣтку: „А дѣло идетъ своимъ чередомъ!“ взвѣши для нея эпиграфомъ слова, которыми лордъ Эленборо протестовалъ въ палатѣ лордовъ противъ аграрныхъ мѣръ въ літовско-белорусскихъ краяхъ. „Въ томъ то и состоитъ вся непреодолимая сила *дѣла*, писалъ Герценъ, вся иѣкогда умилявшая чувствительныхъ естество-испытателей *упорная экономія* и настойчивость природы. Весь секретъ ея состоитъ въ томъ, что если дѣло хорошо заквашено, — то вертись, какъ хочешь, оно пойдетъ своимъ чередомъ, ему все на пользу, какъ иному обжорливому ребенку: юсть себѣ всякую всячину; животъ болитъ, а самъ ростетъ.

„Много разъ ставили мы вопросъ, — кому служатъ всѣ ужасы, дѣлаемыя въ западныхъ губерніяхъ, кому они идутъ въ проѣздъ, въ *чью* игру играютъ? И намекали, что *суженого конемъ не обѣльдешь*. (Колок. л. 165). На наши слова мало обращали вниманія. Ну, вотъ наконецъ явился лордъ Эленборо, который съ британской откровенностью, въ полномъ парламентѣ, да еще въ высшемъ, сказалъ, въ *чью*, и назвалъ суженого. — „Россійскій императоръ первый революціонеръ въ Европѣ; онъ становится во главѣ

освобожденныхъ крестьянъ противъ прежнихъ ихъ господъ, противъ землевладѣльцевъ, противъ собственности“.

„Мы воображаемъ, какие глаза Юноны сдѣлаетъ Александръ Николаевичъ, прочитавши слова л. Эленборо....

„Если бъ Александръ Николаевичъ читаль „Колоколь“ какъ прежде, его Эленборо не удивилъ бы.... Тамъ онъ могъ бы прочесть еще два три назидательныя мѣста и между прочимъ узналъ бы нашу философию *дѣла, идущаго своимъ чередомъ*, и зародыша, развивающагося путемъ *безумнымъ*, когда ему нѣтъ разумнаго выхода....

„....Что можетъ быть противоположнѣе усмирению возстанія, какъ революція? А Эленборо совершенно правъ: муравьевское усмиреніе политически-національного возстанія — аграрная коммунистическая (?) революція, пугачевщина, организованная самимъ правительствомъ“ (Колоколь, 4 авг. 1863).

Такимъ образомъ польское восстание закончилось результатомъ гораздо болѣе близкимъ къ ученію, которое высказалъ Герценъ въ 1859—60 гг., — чѣмъ къ идеямъ самихъ польскихъ революціонеровъ: а имен-

но противъ плана отдѣленія Польши, особенно въ границахъ XVIII в., и въ пользу принципа, подчинявшаго политической вопросъ экономическому. Надо сказать, что послѣдній принципъ былъ и есть особенно крѣпокъ у великорусскаго передоваго общества. Что касается поляковъ, то рѣдко кто изъ нихъ такъ объективно отнесся къ фатальному торжеству этого принципа, какъ Краевскій; огромное большинство протестовало противъ его приложенія и, подобно лорду Эленборо, обвиняло русское правительство въ революціонизмѣ; другіе ограничивались тѣмъ, что оспаривали у этаго правительства честь инициативы въ дѣлѣ лучшаго устройства крестьянъ. Вопросъ объ инициативѣ не имѣть въ данномъ случаѣ большаго значенія, тѣмъ болѣе, что, кажется, главною причиною, обязавшею и польскихъ политиковъ, и правительство сдѣлать уступки крестьянамъ, были сами крестьяне съ ихъ крайне петербургскимъ настроениемъ относительно пановъ, которое во время возстанія должно было достигнуть особенно сильной степени. Важенъ самый фактъ — разрѣшенія крестьянскаго вопроса въ духѣ какъ великорусскихъ демократовъ, такъ и

крайней польской партіи, которая какъ этимъ фактамъ, какъ и самымъ прекращенiemъ возстанія, поставлена была въ необходимости отдѣлиться отъ польскихъ консервативныхъ элементовъ, — по крайней мѣрѣ на извѣстное время.

Въ польской эмиграціи, вслѣдъ за концомъ возстанія, мы видимъ преимущественную жизненность, именно въ демократической партіи и при томъ особенно въ той части, которая имѣла наиболѣе соціалистическую окраску. По крайней мѣрѣ ей принадлежитъ наибольшая часть публикацій, возникшихъ въ эмиграціи съ 1864 г. (см. въ вышеупомянутой книгѣ *Ostatnie lata dziejów powszechnych*, 1881, 297—299).

Еще болѣе отбросили свои союзы съ болѣе консервативными польскими лагерями эмигранты великорусские, которые теперь возвратились къ своимъ прежнимъ соціалистическимъ ученіямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ своему отрицательному отношенію къ идеѣ возстановленія исторической Польши. Мы познакомились уже съ признаніями на этотъ счетъ Герцена. Но Герценъ послѣ неудачи польского возстанія мало уже принималъ участія въ активной политикѣ,

Представителемъ великорусской демократіи сталъ Бакунинъ, который продолжалъ политическія сношенія съ поляками и публично высказывался о Польшѣ и ея дѣлахъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни Бакунинъ посвящалъ свою дѣятельность „Союзу Соціальныхъ Революціонеровъ“, въ качествѣ вліятельнаго представителя котораго онъ принималъ участіе и въ „Международномъ Союзѣ Мира и Свободы“, и въ „Международномъ Обществѣ Рабочихъ“. Въ обѣихъ организаціяхъ Бакунинъ представлялъ такъ называемое *ан-архическое* направленіе. Теперь уже нѣсколько забыты формулы этого направленія, которыя въ свое время надѣли столько шуму въ соціалистическихъ и даже радикально-политическихъ кругахъ, — а потому было бы полезно напомнить ихъ подросшимъ съ тѣхъ поръ поколѣніямъ. Это было бы тѣмъ болѣе полезнымъ, что противныя соціализму партіи, злоупотребляя обычнымъ, разговорнымъ смысломъ слова „анархія“, въ значеніи „беспорядка“, набрасываютъ эпитетъ анархистовъ на всѣхъ соціалистовъ, — въ томъ числѣ и на тѣхъ, которые, подобно нѣмецкимъ и извѣстной части бельгійскихъ и швейцарскихъ соціа-

листовъ, въ свое время много сломали ко-
пій въ борьбѣ противъ ан-архіи бакунин-
скаго толка, — а съ другой стороны значи-
тельная часть тѣхъ людей, которые теперь
сами зовутъ себя анархистами (во Франції
и отчасти въ другихъ странахъ) на самомъ
дѣлѣ имѣютъ въ себѣ очень мало дѣйстви-
тельно ан-архіческаго элемента, въ томъ
смыслѣ, какъ его опредѣлилъ Прудонъ и за
нимъ Бакунинъ, и принимаютъ въ составъ
свой отстатки якобинскихъ партій (блан-
кистовъ), не нашедшіе себѣ мѣста въ пра-
вительственныхъ кругахъ и пристающіе
къ дѣйствительнымъ ан-архистамъ един-
ственно потому, что эти представляютъ со-
бою крайній протестующій и, — *in spe*, —
революціонный элементъ, и, приставая, толь-
ко спутываютъ понятія у самихъ анархи-
стовъ. Здѣсь, конечно, не мѣсто долго оста-
навливаться на подробномъ изложеніи сущ-
ности ан-архіческаго направленія, которое
въ данномъ случаѣ интересно намъ только
по его отношенію къ польско-rossiйскому
вопросу.

Ученіе объ ан-архіи, т. е. безъ-властії,
— какъ противуположность монархичес-
кимъ, конституціоннымъ и республикан-

скимъ теоріямъ Франції 40-хъ и 50-хъ годовъ, всѣмъ болѣе или менѣе централистическимъ, опредѣлено было Прудономъ, какъ ученіе о полной независимости личности и неотчуждаемости ея правъ ни для какой власти, ни даже избирательно-представительной, какъ управлениe каждого индивидуума только самимъ собою,—почему Прудонъ ставитъ слову ан-архія синонимъ англійское слово *self-gouvernement*. Въ практическомъ ея примѣненіи теорія ан-архіи приводила къ федерализму, почему и Прудонъ изложилъ наиболѣе полно эту теорію въ книгѣ „*Du principe fédératif et de la nécessité de reconstituer le parti de la révolution*“. У самого Прудона, а еще болѣе у Бакунина къ ученію объ ан-архіи пріымѣшалось довольно гегеліанской метафизики, которая порядкомъ сбивала ихъ послѣдователей. Такъ Бакунинъ рѣзко противостоялъ свою ан-архію всякой существующей и даже теперь вообразимой формѣ политической, какъ гегеліанскую *антитезу* (противуположеніе) существующему положенію (*теза*), послѣ полнаго разрушенія которого, — посредствомъ ли воздержанія благомыслящихъ гражданъ отъ теперешней государственной жизни, (пре-

имущественно на Западѣ) или посредствомъ народныхъ бунтовъ (преимущественно въ Россіи) послѣдуетъ *синтеза*, возсозданіе общественныхъ союзовъ *снизу вверхъ*, отъ индивидуума до ассоціаціи, общины, націи, человѣчества. Процессъ „разрушенія“ государства, не только большихъ, но и малыхъ, какъ швейцарскіе кантоны, Бакунинъ представлялъ себѣ въ нѣсколько фантастическихъ формахъ, какъ какую то катастрофу, забывая, что въ мірѣ не существуетъ процесса разрушенія отдѣльного отъ созиданія и наоборотъ. Что касается до Россіи, то остатки гегеліанско-московскаго мессіанизма, о которомъ мы говорили, побуждали Бакунина представлять себѣ русскія племена, особенно великорусское, какимъ то противогосударственнымъ народомъ по преимуществу, какъ „народъ соціалистической по инстинкту и революціонный по природѣ“, способный, при маломъ толчкѣ со стороны образованныхъ революціонеровъ „разрушить“ всероссійское государство *). Нѣко-

*) Эту сторону ученій Бакунина и другихъ великорусскихъ революціонеровъ, весьма неблагопріятную реальному направлению усилий соціалистовъ въ Россіи, — и еще должнаствующую прине-

торую запутанность въ понятія обѣ общественной жизни вносило то приложеніе анархической идеи къ соціализму, которое имѣло болѣе политической, чѣмъ экономической характеръ и которое настаивало на безусловномъ экономическомъ самодержавіи лицъ и общинъ, — забывая, что въ экономическомъ отношеніи собственно нѣтъ лица самостоятельного и что самодержавіе лица и общины неизбѣжно должно подчиняться условіямъ производства вещей, необходимыхъ для человѣческой жизни.

Но за этими и подобными ограниченіями, ученіе обѣ анархіи заключаетъ въ себѣ основу для здоровой федеральной теоріи, которая особенно была полезна для Франціи, где столь долго приносили свободу лицъ и группъ въ жертву безусловнымъ теоріямъ государства монархического, конституціонаго и республиканскаго, въ жертву единства религіознаго, политическаго, национальнаго и наконецъ коммунистическаго. Еще болѣе полезна должна бы быть эта теорія для Россіи, которая, по политической

сти массу разочарованій «русскимъ народникамъ», мы разбирали подробно въ IV т. «Громады», стр. 204—207,

своей истории,— также Франция, только прошедшая еще византийскую и татарскую школу. Къ сожалению, условия политической жизни Россіи сдѣлали то, что люди, которые проповѣдовали анархическо-федеральное учение, какъ Бакунинъ, должны были держаться въ эмиграціи и ограничиваться болѣе или менѣе общими положеніями, которыхъ у иныхъ обратились просто въ фразы, и не оказали на общество такого вліянія, какое несомнѣнно имѣли прудонисты во Франціи. Не смотря на частое повтореніе слова „анархія“ молодыми русскими социалистами въ 70-е годы, когда кружокъ русскій, группировавшійся около Бакунина въ Швейцаріи, издалъ книгу Бакунина „Государственность и анархія“ и книгу „Анархія по Прудону“, — и не смотря на то, что реакціонная печать называетъ всѣхъ русскихъ революціонеровъ „анархистами“, въ сущности анархическо-федеративныя идеи очень мало проникли въ Россію и въ настоящее время почти испарились даже въ кругахъ революціонеровъ, изъ которыхъ „политики“ (террористы) идутъ фатальнымъ образомъ къ якобинскому централизму, а такъ называемые

„чистые соціалисты“ (мы сказали бы „черно-передѣльцы“, если бы въ этомъ словѣ былъ какой нибудь общиі смыслъ) къ государственной (и неизбѣжно государственно-национальной) соціальдемократіи, на манеръ иѣмецкой, съ которой такъ боролся ста-рикъ Бакунинъ еще въ вышеупомянутой книгѣ своей (1873). Ан-архическая, т. е. федеральная идеи и въ политикѣ, и въ соціализмѣ еще ждутъ себѣ приверженцевъ въ Россіи. И когда настанетъ ихъ часъ, тогда имя М. А. Бакунина получитъ новые права для благодарности, какъ имя одного изъ предшественниковъ партіи, которая не только вообще одна только можетъ быть названа дѣйствительно интер-національною (безъ скрытія подъ фирмой космополитизма жала германизації, мадьяризації, полонизації, обрусѣнія и т. п., какъ у „государственниковъ“), но и въ частности для Россіи представляетъ единственное условіе сколько нибудь рациональнаго направленія политической и соціальной жизни въ этомъ чудовищно-большомъ государствѣ. Понятно, какъ должна была разложиться послѣдняя тѣнь апіорно государственного ученія о Польшѣ и Россіи подъ вліяніемъ

анархической теоріи Бакунина. Этотъ по-
слѣдній воспользовался случаемъ, представив-
шимся на собраниі „Союза Мира и Свободы“ въ 1868 г. (въ Бернѣ) чтобы изложить
свои взгляды на польско-российскій вопросъ,
отличные отъ тѣхъ, какіе онъ одобрилъ
было въ к. 1862 г., хотя и довольно близкіе
къ тѣмъ, какіе онъ высказалъ въ первыхъ
своихъ статьяхъ послѣ побѣга изъ Сибири *).
Бакунинъ отвѣчалъ на рѣчь поляка, г. Мрочков-
скаго, объявившаго объ образованіи между по-
ляками,,новой партіи“, отъ имени которой онъ
протягивалъ руку и русскимъ друзьямъ на-
рода. Г. Мрочковскій коснулся и экономи-
ческаго вопроса въ Польшѣ, и вопроса о
„провинціяхъ“. По первому онъ сказалъ:
„Освобожденіе крестьянъ было провозглаше-
но революціоннымъ комитетомъ (польскимъ)
съ самаго начала возстанія. Правда, эта мѣ-
ра не могла вполнѣ удовлетворить справед-
ливыхъ требованій и интересовъ народа;
правительство русское завладѣло ею, чтобы
подавить возстаніе и — успѣло въ томъ.
Справедливо также, что реакція, дворянство,

*) Вышеупомянутая прокламація «Русскимъ,поль-
скимъ и славянскимъ друзьямъ» и «Романовъ, Пу-
гачевъ или Пестель»?

приняли широкое участие въ дѣлѣ этого подавленія, но изъ этого не слѣдуетъ, что въ Польшѣ нѣтъ другой политической партіи, кромѣ католической и дворянской, — и я явился передъ вами, граждане, во имя *новой* партіи, отъ соціальной демократіи польской, съ знаменемъ Польши народной, съ знаменемъ соціальной революціи, которая провозглашаетъ, что земля, вся земля, принадлежитъ тѣмъ, кто ее обрабатываетъ своими руками, а инструменты труда — принадлежатъ асоціаціямъ рабочихъ“. По вопросу объ исторической Польшѣ Мрочковскій сказалъ: „Мы не требуемъ возстановленія старого государства, ни историческихъ правъ Польши, но мы хотимъ основать наше национальное право, бесспорное право жить по своему и располагать самими собою, — на справедливости и свободѣ“. Впрочемъ, и послѣ этого г. Мрочковскій все таки не отважился взглянуть прямо въ глаза дѣйствительности и сказать просто и ясно, что для „новой партіи“ Польша оканчивается тамъ, гдѣ оканчивается польское мужицкое населеніе, — а потому все таки скрылъ остатки старой идеи исторической Польши въ слѣдующихъ фразахъ: „Не задавая себѣ вопроса о томъ, какія бу-

дуть границы Польши въ будущемъ, Польши народной, и уважая права всякаго населенія (population), принадлежало ли оно, или нѣтъ къ старой польской республикѣ, мы объявляемъ, что будемъ продолжать войну до крайности противъ всѣхъ враговъ нашего отечества“... Войну эту г. Мрочковскій считалъ впрочемъ необходимымъ для поляковъ вести и на не-польскихъ земляхъ. По крайней мѣрѣ онъ дальше говорить, правда, нѣсколько неясно, слѣдующее: „Мы воспользуемся всякимъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы поднять наши населенія, подчиненные иностранцу, и когда мы успѣемъ водрузить наше знамя на какой бы то ни было точкѣ польской земли, мы обратимся съ призывомъ къ окрестнымъ населеніямъ, приглашая ихъ присоединиться къ намъ во имя свободы и справедливости народной. Онъ будутъ вольны приступить къ намъ, или не приступать; мы будемъ уважать ихъ право,—но, если бы должны были еще много разъ пасть подъ ударами нашихъ враговъ, мы все таки не положимъ оружія, прежде чѣмъ не разрушимъ, или поможемъ разрушить вредное могущество трехъ великихъ державъ, которыхъ раздѣлили между собою Польшу“.

Принимая протянутую г. Мрочковскимъ руку, Бакунинъ однокожъ гораздо яснѣе, вполнѣ ясно, поставилъ вопросъ объ отношеніи Польши къ непольскимъ народамъ, потому что вполнѣ ясно поставилъ вопросъ именно о *границахъ* Польши. Онъ сдѣлалъ это въ блестящей рѣчи, въ которой набросалъ собранію картину политической этнографіи Восточно-Европейской равнины, которой огромную часть занимаетъ Россійская имперія, каковой Бакунинъ, конечно, пожелалъ „полного разрушенія, совершенного уничтоженія“. „Надо замѣтить, сказалъ онъ, что совершенно невѣрно говорится о русскомъ народѣ, какъ объ единомъ, потому что русскій народъ не составляетъ однородной массы, а состоить изъ иѣсколькоихъ родственныхъ, но все же различныхъ племенъ“ — и затѣмъ остановился на „народѣ великорусскомъ“ и охарактеризовалъ его старую „свободу, — конечно, дикую, но дѣйствительную“ въ до-московскій періодъ и теперешнее убѣжденіе, что „*земля, вся земля* принадлежитъ только одному народу, т. е. всей дѣйствительно трудящейся массѣ, обрабатывающей ее своими руками“. Далѣе Бакунинъ представилъ ростъ московского самодержавія и петербург-

ской бюрократії, подъ вліяніємъ татаръ, Византіи и „бюрократической науки Запада“ XVIII в., а также народную реакцію царско-боярско-бюрократическимъ порядкамъ, конечно, значительно идеализируя эту реакцію.

„Но кромѣ великорусского народа, сказалъ далѣе Бакунинъ, есть еще малороссы... Они образуютъ въ имперіи двѣнадцать миллионовъ населенія, а если прибавить къ нимъ галицкихъ русиновъ, то цѣлые 15 миллионовъ однороднаго племени, говорящаго однимъ языкомъ, имѣющаго одинакіе нравы и великія историческія воспоминанія. Послѣ вторженія татаръ народъ этотъ, къ несчастію, былъ поставленъ между московскимъ деспотизмомъ съ одной стороны и жестокимъ притѣсненіемъ іезуитствующей и аристократической польской шляхты съ другой. Возставши противъ этой послѣдней, въ половинѣ XVII в., часть Украины сдѣлала великую ошибку: она приняла покровительство русскаго царя. Цари обѣщали ей все: сохраненіе ея вольностей и національную автономію... А въ настоящее время это панславистическое національное правительство систематически и жестоко преслѣдуje малороссійскій языкъ въ Малороссіи, какъ поль-

кій въ Польшѣ. Пусть это будетъ предостереженіемъ австрійскимъ и турецкимъ славянамъ, которые ищутъ свое спасеніе въ Москвѣ“.

„Этотъ народъ (малороссы) вмѣстѣ съ 4 миллиономъ бѣлоруссовъ, по всей вѣроятности, составитъ отдѣльную, независимую націю миллионовъ въ 20 жителей, которая можетъ, конечно, вступить въ союзъ съ Польшой или Великороссіей, но должна оставаться независимой отъ гегемоніи той и другой“... *)

Дальше нѣсколько, говоря прямо о Польшѣ, Бакунинъ повторилъ эту мысль: „Руссинское населеніе Бѣлоруссіи, Литвы и Галиціи соединится, съ кѣмъ захочетъ, и никто не можетъ теперь опредѣлить его будущую судьбу. Мне кажется, всего вѣрнѣе и желательнѣе, чтобы они образовали вначалѣ съ Малороссіей отдѣльную национальную федерацію, независимую отъ Великороссіи и Польши“ (Историческое развитіе Интернационала, 1863, ч. I, стр. 350, 351, 360).

*) Къ стати, — почему это г. И. Аксаковъ считаетъ необходимымъ ставить удивительный знакъ при словахъ „15-миллионный малороссійский народъ“, — когда даже изъ Суворинского календаря онъ можетъ узнатъ, что по счету Риттиха, къ 1870 г. было въ одной Россіи $14\frac{1}{2}$ миллионовъ украинцевъ?

Бакунинъ не ограничился подобными заявлениями такъ сказать съ боку отъ польскихъ революционныхъ круговъ, — онъ вступилъ самъ въ ихъ среду, старался обѣ организаціи въ нихъ кружковъ съ его ан-архическимъ направленіемъ. Еще въ первоначальномъ, организованномъ имъ въ Италии „Союзъ Соціальныхъ Революционеровъ“ были поляки, — а въ устроенномъ уже послѣ выхода Бакунина изъ „Союза Мира и Свободы“ въ 1868 г. „Союзъ Соціальной Демократіи“ (*Alliance de la démocratie socialiste*), вступившемъ въ „Международное Общество Рабочихъ“, былъ и представитель Польши. Когда въ 1872 г. составилось въ Цюрихѣ „Towarzystwo socjalistyczne polskie“, то для предположеннаго органа его „Gmina“ Бакунинъ написалъ программу, которую мы имѣемъ въ его рукописи. Въ этой программѣ между прочимъ стоять, въ § 5, слѣдующія слова: „Противники всякаго панства, (государства) мы разумѣется отвергаемъ такъ называемыя историческія права и границы. Для насъ Польша начинается и существуетъ дѣйствительно только тамъ, где чернорабочіе люди сознаютъ себя и хотятъ быть поляками, и кончается тамъ, где от-

вергая особый польский союзъ, они хотять быть вольными членами другихъ народныхъ союзовъ“.

Къ сожалѣнію, программа Бакунина не появилась въ печати, такъ какъ между нимъ и членами польского соціалистического Товарищества“ оказались разногласія. Другая, находящаяся у насъ рукопись Бакунина, писанная имъ отъ имени его и нѣсколькихъ молодыхъ русскихъ друзей его, „Братьямъ польского общества“, проситъ исключить его изъ числа членовъ „Товарищества“, говоря: „къ несчастію мы убѣдились, что польское Общество не такъ сильно привязано къ нашей программѣ, принятой ими сначала единодушно“. Черезъ нѣсколько времени и самое „Товарищество“ рушилось среди скандаловъ, по поводу шпиона Стемпковскаго, успѣвшаго пролѣтъ въ его секретари. Оба эти обстоятельства сильно охладили Бакунина ко всѣмъ польскимъ партіямъ и даже дѣламъ*).

*) На стр. 136 „Государственности и анархії“ Бакунинъ говоритъ о разныхъ партіяхъ въ польской эмиграціи, отъ аристократической до соціально-демократической, и замѣчаетъ: „Въ сущности однако стояло только проникнуть въ каждую изъ нихъ немного глубже, чтобы убѣдиться, что основа

Но за нимъ остается все таки заслуга постановки федерально-соціалистического идеала и въ польской средѣ.

Бакунинъ пробовалъ проводить свои идеи непосредственно и среди украинцевъ, хотя еще съ меньшою удачею. Здѣсь неудача главнымъ образомъ произошла отъ того, что слишкомъ нетерпѣливый агитаторъ поддался искушенію выдавать желаемое за дѣйствительное. Во 2 № „Колокола“ за 1870 г., одномъ изъ немногихъ №№, изданныхъ по смерти Герцена, Бакунинымъ, Огаревымъ и Нечаевымъ, помѣщена была статейка „Мысли по поводу начинающагося движенія въ Малороссії“ и въ ней напечатанъ „Листъ до Громады“, будто бы ходившій по рукамъ въ Кіевѣ, — съ приглашеніемъ „не давать грошей ни москалю, ни ляху.“ *) Вліянію

у нихъ одна и также: страстное стремленіе у всѣхъ къ возстановленію польского государства въ границахъ 1772 г.»

*) Этотъ „Листокъ“ несомнѣнно сочиненъ въ самой редакціи „Колокола“. Вообще фальсификація документовъ играетъ довольно видную роль среди агитационныхъ пріемовъ русскихъ революционеровъ (подложный манифестъ отъ царя, распространявшийся въ Поволжье 1863 г., обманы Нечасева, подложный манифестъ въ „Чигиринскомъ“ дѣлѣ и

Бакунина слѣдуетъ приписать и программу, изданную не задолго передъ тѣмъ, украинскаго революціоннаго журнала въ Швейцаріи, который впрочемъ дальше программы не пошелъ. Наконецъ Бакунинъ хлопоталъ объ образованіи и всеславянской секціи въ Интернаціоналѣ и написалъ ея программу, которая и напечатана была по французски и по русски. Рускій текстъ этой программы напечатанъ въ книгѣ „Государственность и анархія“ (Приложенія. 22—24).

Сама эта книга, вообще довольно безсвязная, интересна всего болѣе въ тѣхъ своихъ страницахъ, въ которыхъ авторъ говоритъ о положеніи славянскихъ народовъ, которые онъ усиливается притянуть къ соціалистическому движенію, представляемому Федеральною партіею Интернаціонала. Въ замѣчаніяхъ автора виденъ не только приверженецъ извѣстной доктрины, но и человѣкъ горячаго чувства и человѣкъ бывалый, самъ видѣвшій положеніе разныхъ славянскихъ народовъ и, что, — какъ мы говорили, — такъ рѣдко у великоруссовъ, проч.), — что невыгодно отличаетъ русскихъ революционеровъ отъ другихъ европейскихъ. Любопытно было бы знать причину такого печального явленія.

чувствовавшій его. Вотъ почему онъ предо-
стерегаетъ славянъ не только отъ австрійскаго
легитимизма и московскаго панславизма,
но и отъ пангерманизма, не только кон-
сервативнаго, но и радикальнаго и даже со-
ціаль-демократическаго. Этотъ послѣдній,
проводимый и въ Австріи, особенно старѣй-
шими представителями германской соціаль-
но-демократической партіи, въ родѣ Либ-
кнехта, былъ вреденъ между прочимъ и
пропагандѣ соціализма среди ненѣмецкихъ на-
родовъ Австріи, отпугивая отъ нея предста-
вителей этихъ народовъ и не давая зало-
житься специальнymъ секціямъ для про-
паганды соціализма на всѣхъ языкахъ этого
разноплеменнаго государства. На Базель-
скомъ конгрессѣ Интернаціонала въ 1869 г.
представитель вѣнскихъ нѣмецкихъ рабо-
чихъ, Неймайръ сообщилъ, что славянскіе
рабочіе не охотно пристаютъ къ соціальному
движению и просили Bakunina повлі-
ять на нихъ, разъяснивъ имъ, что дѣло
идетъ о труда, а не о „нѣмецкомъ дѣлѣ“.
Bakuninъ обѣщалъ это сдѣлать, — и его
вліянію слѣдуетъ отчасти приписать, какъ
то, что основатели австрійской рабочей
партии не послѣдовали внушеніямъ герман-

скихъ централистовъ и, устроившись самостоательно, издали призывъ на всѣхъ почти языкахъ народовъ Австріи, такъ и то, что у чеховъ, передовые дѣятели которыхъ давно находились въ спошніяхъ съ Бакунинимъ, образовалась „чехо-славянская соціалистическая партія“ съ своими органами. Не малое вліяніе имѣлъ Бакунинъ и на зарожденіе сербской соціалистической группы.

Нечего и говорить, какъ организація общественныхъ партій среди народовъ негосударственныхъ и мысль о союзѣ ихъ съ партіями народовъ государственныхъ должна была дѣйствовать разлагающимъ образомъ на централистической тенденціи, въ родѣ польскихъ и великорусскихъ. Вотъ почему между прочимъ мысль объ организаціи славянской секціи Интернаціонала, пущенная Бакунинимъ, не потеряла своего значенія и до сихъ поръ. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что, независимо отъ иѣкоторой поспѣшности, съ которой Бакунинъ старался давать своимъ мыслямъ осуществленіе, хотя бы чисто формальное, и которая повела за собою совсѣмъ странное присоединеніе бакунинской славянской секціи къ Юрской Федераціи, что и пока-

зывало на существование этой секціи болѣе въ замыслѣ, въ эмиграції, нежели на дѣлѣ, на мѣстахъ, — въ мысли объ образованіи славянской секціи Интернаціонала была и теоретическая ошибка. Это была и тогда уже устарѣлая попытка соединенія идеи панславизма 40-годовъ съ идеями Интернаціонала. Между тѣмъ, если уже признавать необходимость болѣе тѣсныхъ союзовъ въ широкомъ европейско-американскомъ интернаціональномъ союзѣ, — то во всякомъ случаѣ трудно ограничиться однимъ славянскимъ союзомъ. Конечно, положеніе славянскихъ племенъ, кромѣ близости языка и географического сосѣдства, представляетъ иѣкоторыя общія имъ и особенные отъ положенія большей части западно-европейскихъ народовъ черты: отсутствіе политической свободы и (кромѣ великоруссовъ) національной независимости, — заставляющее ихъ вести, кромѣ соціально-экономической, еще и политическую и національную борьбу. Кромѣ того по своему роду занятій всѣ эти племена болѣе сельскія и земледѣльческія, чѣмъ фабрично-городскія, — а потому и соціальное движение у нихъ должно имѣть преимущественно аграрный харак-

теръ. Но тѣми же особенностями отличается положеніе и неславянскихъ племенъ Восточной Европы: литовцевъ, латышей, эстовъ, румыновъ, и племенъ соѣдняго и уже сближенаго съ Европейской Россіей въ культурномъ отношеніи Кавказа,—такъ что, вмѣсто специально славянской федераціи, слѣдовало бы образовать болѣе широкую восточно-европейскую федерацію. И такая федерація была бы и въ настоящее время крайне полезна, если пока еще не между самыми народами, то хоть между соціалистами племенъ Восточной Европы и Кавказа. Остатки прежнихъ, исключительно славянскихъ, симпатій помѣшали Бакунину ясно формулировать идею о такой федераціи, но онъ былъ весьма близокъ къ ней еще въ статьѣ „Романовъ, Пугачевъ или Пестель?“ а потомъ въ программѣ славянской секціи Интернационала и особенно въ книгѣ „Государственность и анархія“ (*). И не вина Бакунина, если его послѣдователи изъ славянъ, особенно изъ

*) Еще въ рѣчи въ союзѣ Мира и Свободы Бакунинъ между прочимъ сдѣлалъ чрезвычайно мѣткую характеристику положенія латышей и эстовъ, на которыхъ право пора бы обратить вниманіе хоть бы петербургскимъ соціальнымъ революціонерамъ.

русскихъ, усвоившіе многія изъ его идей болѣе вредныхъ, чѣмъ полезныхъ, напр. идеализацію революціонной подготовленности русскаго народа, противушкольныя выходки, — оставили безъ вниманія самую здоровую часть его идей, — федеративную и въ тѣсномъ, и въ широкомъ смыслѣ этого слова. Теперь, когда весь Востокъ Европы охваченъ двойнымъ броженіемъ, и когда почти въ каждой изъ его естественныхъ областей положены уже,—въ значительной части благодаря толчкамъ, исходившимъ отъ Бакунина,—зачатки соціалистическихъ организацій, наступаетъ время, когда идея о Федерации политico-соціальныхъ дѣятелей Восточной Европы, — конечно, безъ отдѣленія его отъ Запада, — получаетъ болѣе реальное значеніе. И если она въ чемъ либо осуществится, то, конечно, не будетъ забыто, что Бакунинъ былъ одинъ изъ первыхъ ея возвѣстителей.

IX.

То, что случилось съ народно-федеральнымъ направленіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ

рациональнымъ отношениемъ къ Польшѣ въ великорусскомъ политическомъ движениі 60-хъ годовъ, повторилось и въ соціальномъ движениі 70-хъ годовъ. И здѣсь народно-федеральное направлениe, такъ ясно и энергически провозглашенное Бакунинымъ, очень скоро потусклѣло и уступило мѣсто государственно-централистическому. Мы не будемъ останавливаться на подробномъ изслѣдованіи причинъ такой эволюціи, между прочимъ и потому, что нѣкоторыя изъ этихъ причинъ уже указаны, или намѣчены нами выше. Главною причиною и тутъ была фатальная наслѣдственность и оппозиціей тѣхъ привычекъ мысли и дѣйствія, въ которыхъ воспитала общество исторія государства въ періодъ централизаціи. Въ добавокъ же именно послѣ усмиренія польского восстанія система централизаціи въ Россіи еще болѣе усилилась и налегла тяжелымъ гнетомъ не только на административную жизнь областей, но и на ихъ жизнь нравственную съ гораздо болѣе раffинированными пріемами, чѣмъ въ прежнее, николаевское время: въ 1863 г. были запрещены украинскія книги педагогического содержанія, въ 1864 г. великорусскій языкъ былъ признанъ единымъ

языкомъ школьнымъ въ Россіи собственно, съ 1866 г. даже вопреки мѣстному положенію 1864 г. началось вытѣсненіе польскаго и другихъ народныхъ языковъ изъ школъ въ Царствѣ Польскомъ; рядомъ съ тѣмъ поднялась борьба съ остатками народныхъ языковъ въ школахъ Кавказа; и вообще во всѣхъ школахъ имперіи, кромѣ отчасти остзейскихъ губерній, воспрѣобладала, вмѣстѣ съ министерствомъ гр. Толстого, всеобруслительная катковщина, которая стремилась пролѣзть даже въ автономную Финляндію. Всякое напоминаніе о чёмъ либо мѣстномъ, своеобразномъ и автономномъ стало строго преслѣдоваться не только въ школѣ, но и въ печати, и даже въ театрѣ и разговорахъ, — о чёмъ мы могли бы привести десятки анекдотовъ изъ собственныхъ наблюденій и опытовъ въ Киевѣ и Петербургѣ. Молодыя поколѣнія должны были воспитываться въ убѣждениіи, что Россія не только „еди-на и недѣлима“, какъ гласитъ надпись, сочиненная для памятника Богдану Хмельницкому, который потому никакъ не вытанцовывается, что все таки онъ самъ по себѣ составляетъ протестъ казенному единству, — но даже „единообраз-

на“*). Вотъ эти то именно поколѣнія и выступили на сцену въ соціалистической оппозиції 70-хъ гг., — и было бы противуестественно, если бы они не захватили съ собою изъ школы того духа, въ какомъ ихъ воспитывали. Отдѣлаться отъ этого духа, узнать, что Россія вовсе не единообразна, они могли только посредствомъ собственнаго изученія, часто по источникамъ, — а на это, во первыхъ, нужно было особенное время, а во вторыхъ именно 70-е годы были эпохой, когда про чимъ и при помощи прокламації Бакунина, нерасположеніе къ научнымъ занятіямъ, понятное, какъ реакція катковско-толстовской „учебкѣ“, но тѣмъ не менѣе крайне вредное для всѣхъ жизненныхъ интересовъ страны и въ томъ числѣ для силы соціальной оппозиції. Отъ этого отсутствія научнаго об разованія молодежь поддавалась вліянію самыхъ простыхъ формулъ, наиболѣе посившихъ характеръ догматовъ, а также вліянію

*). Интересно, что слова «Богдану Хмельницкому единая, недѣлимая Россія», — явный переводъ съ якобинскаго «une et indivisible», предложены были известнымъ реакціоннымъ доносчикомъ, тайнымъ совѣтникомъ М. Вл. Юзефовичемъ.

лицъ, провозглашавшихъ эти формулы. Въ довершение всего, выборъ этихъ лицъ,— во-жаковъ для кружковъ молодежи, — сильно сократился и калибръ ихъ понизился даже сравнительно съ 60-ми годами: лучшіе люди изъ оппозиціи этихъ 60-хъ годовъ, такие какъ Чернышевскій, или Добролюбовъ, были удалены со сцены. Людей же, которые, какъ Герценъ или Бакунинъ, при активномъ темпераментѣ, соединяли въ себѣ большое и разностороннее образованіе съ большимъ жизненнымъ опытомъ, съ наблюденіемъ Россіи,— и столицъ и провинцій (послѣднее хотя бы, благодаря ссылкѣ), — и Западной Европы, — и въ 60-е годы не появилось. Новымъ вожакамъ оппозиціи въ 70-е годы такимъ образомъ неизбѣжно пришлось, вмѣсто выработки самостоятельной программы, наиболѣе приложимой для различныхъ народовъ Россіи и въ то же время согласной съ самыми передовыми ученіями, выведенными изъ политическихъ уроковъ Запада,— просто скопировать самыя простыя изъ формъ оппозиціонной жизни этого Запада, которая наиболѣе намозолили глаза и уши. Такими формами были для политической оппозиціи французское якобинство, а для соціальной

— нѣмецкая соціальная демократія, — обѣ централистическихъ и обѣ пробуемыя на странахъ въ 10—12.000 квадратныхъ миль, а нѣмецкая соціальная демократія даже въ странѣ съ почти одинаковымъ национальнымъ составомъ (38 миллионовъ нѣмцевъ, $2\frac{1}{2}$ м. поляковъ, 150.000 литовцевъ, 60.000 чеховъ, и 150.000 лужицкихъ сербовъ).

Изъ всѣхъ западноевропейскихъ соціалистическихъ партій на Россію всего болѣе оказала вліянія партія нѣмецкая, — что объясняется, какъ тѣмъ, что въ послѣдніе годы эта партія обладала такими сильными умами, какъ Марксъ, Энгельсъ, Лассаль, — сочиненія которыхъ стали подкладкою идеї русскихъ соціалистовъ, такъ и по ближайшему сосѣдству, особенно для петербуржцевъ, и наконецъ по большому количеству евреевъ, которые приняли столь значительное участіе въ соціалистическомъ движениі въ Германіи и Россіи и которые, особенно евреи съверозападныхъ губерній, составили элементъ, естественно связывающій русскихъ соціалистовъ съ нѣмецкими.

Кромѣ своей болѣе или менѣе централистической государственности, понятной еще въ такой странѣ, какъ Германія, но со-

всѣмъ неприложимой къ Россіи, нѣмецкіе соціалисты имѣютъ, — а особенно имѣли нѣсколько времени тому назадъ — и свои специальные взгляды на польскій вопросъ, тоже довольно естественные съ ихъ точки зрењія, но тоже совсѣмъ не отвѣчающіе дѣйствительному положенію вещей, которое, казалось бы, должно было быть видно въ Россіи лучше, чѣмъ въ Германіи. Эти взгляды нѣмецкіе соціалисты пробовали провести и среди соціалистовъ всей Европы и Америки, соединенныхъ въ Международное Общество Рабочихъ. Какъ известно, нѣмецкій кружокъ Маркса принималъ участіе въ польскомъ движеніи 1863 г., — при чѣмъ Марксъ хлопоталъ обѣ образованіи особаго нѣмецкаго легіона при пособіи отъ изгнаннаго брауншвейгскаго герцога *). За тѣмъ самую идею обѣ образованіи Международнаго Общества Рабочихъ кружокъ Маркса предложилъ на Лондонскомъ митингѣ 28 Сентября 1864 г., который былъ созванъ для заявленія сочувствія тогдашне-

*) См. обѣ этомъ въ «Историч. Вѣстникѣ», 1881, № 1, 80, извлеченіе изъ записокъ Лапинскаго, начальника морской экспедиціи въ пользу польскаго восстанія, въ которой участвовалъ и Бакунинъ.

му польскому восстанію. Предварительный комитетъ, который долженъ былъ приготовить вопросы для рѣшенія на будущемъ первомъ конгрессѣ Международного общества, въ которомъ кружокъ Маркса пользовался такимъ вліяніемъ, поставилъ на очередь въ ряду общихъ соціально-экономическихъ вопросовъ (о капиталѣ и трудѣ, о рабочемъ днѣ, женской работе и т. д.) и такой совсѣмъ частный и національно-политической вопросъ, — какъ о „необходимости уничтожить вліяніе русского деспотизма въ Европѣ посредствомъ приложения права народовъ располагать самими собою и посредствомъ возстановленія Польши на начальѣ демократическихъ и соціальныхъ“. По этому вопросу возникло на конгрессѣ Интернаціонала 1866 г., въ Женевѣ,—весьма интересное разногласіе между делегаціями французскою и нѣмецкою. Въ словахъ первой явно видно вліяніе Прудона, который, какъ ан-архистъ, рѣшительно высказался противъ польского восстанія 1863 г., въ противность всему тому, что говорилось тогда всѣми представителями французской демократіи. Вотъ какъ передаетъ протоколъ засѣданій женевскаго конгресса Междуна-

роднаго Общества—вышеупомянутое разногласіе делегаций французской и нѣмецкой по польскому вопросу: „Делегація французская выскаживаетъ мнѣніе, что по этому вопросу не должно быть никакого голосованія и что конгрессъ долженъ ограничиться заявленіемъ о томъ, что онъ противникъ всякаго рода деспотизма во всякой странѣ и что онъ не входитъ въ разборъ столь сложныхъ вопросовъ, какъ национальные. Нужно желать и требовать свободы (l'émancipation) въ Россіи, какъ и въ Польшѣ, и отвергнуть старую политику, которая противополагаетъ народы одни другимъ. — Мнѣніе большинства конгресса склонялось явственно къ предложенію французовъ. — Тогда попросилъ слова г. Беккеръ. Онъ выразилъ сожалѣніе, что конгрессъ не рѣшаетъ ничего по этому вопросу. Русская имперія служить постояннou угроzoю противъ цивилизованныхъ обществъ Европы; Польша служила бы для нея преградою. Собраніе вотировало уничтоженіе постоянныхъ армій, но ихъ нельзя будетъ уничтожить въ Европѣ, пока Польша не будетъ восстановлена. Онъ прибавляетъ, что польскій вопросъ есть вопросъ европейскій, но

который интересует Германію спеціально, такъ что его можно назвать въ извѣстномъ отношеніи нѣмецкимъ вопросомъ. Онъ, Беккеръ, предлагаетъ поэтому, чтобы къ протоколу приложена была декларація въ такомъ смыслѣ, подписанная всѣми членами нѣмецкими и другими, которые раздѣляютъ эти мнѣнія.“

Въ такомъ духѣ, узко государственно-национальномъ, не разъ высказывались о Польшѣ и Беккеръ, и Марксъ, и Либкнехтъ *). Вышемы напомнили, что недавно Бебель вы сказался въ такомъ же родѣ о необходимости положенія нѣмецкой преграды славянской волнѣ и въ Австріи. Въ основѣ такихъ заявлений лежитъ ветхозавѣтное чувство самомнѣнія (Uebermuth) и нерасположеніе къ

*.) Въ 1880 г., г-нъ Беккеръ былъ приглашенъ предсѣдательствовать на митингѣ въ Женевѣ, со званіемъ польскимъ кружкомъ, который объявилъ, что отнынѣ должно замѣнить крикъ „да здравствуетъ Польша!“ крикомъ: „да здравствуетъ Интернаціоналъ!“ Означаетъ ли это, что г. Беккеръ измѣнилъ свои взгляды, мы не знаемъ, — но гг. Марксъ, Энгельсъ и др. б. члены главнаго совѣта Интернаціонала прислали для митинга письмо, въ которомъ настаиваютъ на сохраненіи старого крика: „да здравствуетъ Польша!“

славянамъ, которыхъ представительницею и защитницею, въ Германіи считаютъ Россію—чувство, которое проявляется у нѣмцевъ и относительно поляковъ, когда ихъ разматриваютъ независимо отъ отношений ихъ къ Россіи*). Но у нѣмецкихъ революціонеровъ, выступившихъ на сцену около 1848 г., изложен-

*) Интересно, какъ говорить обѣ этой ненависти нѣмцевъ къ славянамъ Герценъ: „есть ограниченные умы и узкія народныя ненависти, которыхъ убѣдить я не берусь; они ненавидятъ, не разсуждая. Возьмите,—чтобъ не говорить о своихъ,— (Герценъ пишетъ къ поляку) статьи нѣмецкихъ демократовъ, кичащихся своимъ ко смополитизомъ, и вглядитесь въ ихъ злую ненависть ко всему русскому, ко всему славянскому... Если бъ эта ненависть была соцрежена съ какимъ нибудь желаниемъ, чтобъ Россія, Польша были свободны, порвали бы свои цѣпи, я бы понялъ это. Совсѣмъ не то. Такъ какъ средневѣковые люди, ненавидя евреевъ, не хотѣли вовсе ихъ совершенствованія, такъ всякий успѣхъ нашъ въ гражданственности только удваиваетъ ненависть этихъ ограниченныхъ, заклепанныхъ умовъ“. (Колоколь, 16 января 1859 г.) Поучительно также прочесть въ Посм. соч. Герцена, въ статьѣ „Нѣмцы въ эмиграції“, о томъ, какъ у нѣмецкихъ демократовъ и Бакунинъ, и Герценъ,— особенно первый, являлись даже агентами русского правительства потому только, что смотрѣли на славянскіе народы по своему, а не по указанію нѣмецкихъ партій.

ное субъективное отношение къ Польшѣ и Россіи имѣеть себѣ значительное оправдание. Въ 1848 г. германскимъ демократамъ пришлось бороться вооруженно съ прускимъ войскомъ, — силы котораго восстание поляковъ должно было во всякомъ случаѣ раздѣлить, — следовательно демократы нѣмецкіе и поляки являлись во всякомъ случаѣ союзниками въ „борьбѣ съ общимъ врагомъ“. Наконецъ, Германія соприкасается только съ дѣйствительно польскими провинціями,—а тѣхъ провинцій исторической Польши, въ которыхъ поляки являются сами угнетателями, въ противность всякому „праву народовъ“ располагать сами собою,—нѣмецкіе демократы наглядно не видятъ, и при извѣстномъ пренебреженіи къ народамъ негосударственнымъ и, съ государственной точки зренія, „некультурнымъ“, очень легко могутъ и не хотѣть видѣть.

Но, повторяемъ, то, что болѣе извинительно въ Германіи, менѣе извинительно въ Россіи,—и однако нѣмецкая постановка польского вопроса въ Интернационалѣ нашла себѣ сочувствіе и въ извѣстной части великорусскихъ соціаль-демократовъ, которые

начали организоваться въ кружки около 1870 г. подъ вліяніемъ извѣстій о конгресахъ Интернаціонала.

Впрочемъ и вообще въ самихъ понятіяхъ обѣ Интернаціоналѣ въ Россіи произошло крупное недоразумѣніе. Слухи обѣ этой международной организаціи рабочихъ классовъ во имя общихъ имъ интересовъ достигли въ Россію въ ту эпоху, когда, какъ мы говорили, въ ней воспреобладало централистически-обрусительное направленіе,— мы сказали бы противнациональное, если бы оно не направлялось только противъ національностей негосударственныхъ и въ пользу національности государственной, великорусской. Въ числѣ софизмовъ, какие пускались въ ходъ обрусителями, былъ и такой, что будто-де всемірная культура выигрываетъ отъ стиранія національностей, хотя господа обрусители почему то не начинали исполненія этого „требованія всемірнаго прогресса“ со стиранія своей національности.

По существу своему, идея космополитизма и человѣчества вовсе не противна идеѣ національности,— а представляеть только дальнѣйшее ея развитіе: союзъ всего чело-

вѣчества есть только общий союзъ частныхъ союзовъ, которые всего легче могутъ заключаться въ средѣ уже по природѣ объединенныхъ между собою языккомъ, сходствомъ психическимъ и сосѣдствомъ индивидуумовъ, общинъ и племенъ извѣстныхъ національностей, и тѣмъ болѣе, что расположение этихъ національностей во времена безсознательной колонизаціи почти всегда совпадало съ границами естественныхъ бассейновъ, географическихъ и хозяйственныхъ. Самое понятіе обѣ идеалѣ человѣка составляется и *продолжаетъ составляться* у людей изъ отвлеченія лучшихъ сторонъ индивидуумовъ, корпорацій (какъ видовъ труда) и націй, и потому прогрессъ самаго этого идеала во все не требуетъ стиранія всѣхъ разнообразностей человѣка, а напротивъ того, ихъ постоянного развитія. Космополитизмъ и гуманизмъ исключаютъ только національные антипатіи, національную исключительность, призываютъ къ стиранію національныхъ недостатковъ.

Въ частности всякий практическій „интер-національный союзъ“, въ родѣ напр. „Междunaроднаго Союза Рабочихъ“, не только не исключаетъ союзовъ національныхъ,

но предполагаетъ ихъ существование, какъ союзовъ, изъ которыхъ самъ онъ долженъ состоять. Вотъ почему 6 и 7 §§ Положенія Интернаціонала вмѣняли своимъ членамъ въ обязанность стараться о соединеніи первичныхъ мѣстныхъ союзовъ въ союзы вторичные, „національные“. Только въ редакцію этихъ параграфовъ вкрадась неясность, вслѣдствіе смѣшения, согласно старииной политической терминологіи, терминовъ *nation*, *pays* и *élat*, — народъ, страна и государство, — смѣшеніе, которое всего болѣе простительно нѣмцамъ, которыхъ государство, какъ мы сказали, болѣе или менѣе единоплеменно*). Впрочемъ, уже самое допущеніе въ главный совѣтъ Интернаціонала представителя Польши, — которая теперь не составляетъ государства, — показываетъ, что даже учредители Интер-

*) Объ этомъ смѣшениіи и вообще о значеніи національностей и государствъ, какъ основъ (операционныхъ базисовъ) для организации соціалистическихъ партій мы говорили нарочито въ статьяхъ нашихъ „Les nations de l'Europe Orientale et le socialisme internationale“ въ „Revue socialiste“ 1880, и въ листкѣ „Вільна Спілка — La fédération — Вольный союзъ“, 1881, № 1, — „Естественные области и пропаганда соціализма на плебейскихъ языкахъ Восточной Европы.“

націонала не исключали возможности предварительного группирования первичных союзовъ въ союзы вторичные по національности въ болѣе точномъ смыслѣ, выражаемомъ словомъ *race, langue*, а со временемъ среди соціалистовъ западной Европы пошли въ ходъ выражений въ родѣ: „интернаціоналисты или соціалисты такого то языка“ (напр. даже у нѣмцевъ: *Der Social-Demokrat, Organ der Socialisten der deutschen Zunge*)

Въ Россіи же отъ неточности термина, „нація“, „національный“, — и употребленія его на французско-якобинскій манеръ въ смыслѣ государственномъ, и особенно отъ смѣшенія идеи космополитизма съ идею обрусенія произошло самое чудовищное недоразумѣніе, которое привело къ тому, что весьма многіе русскіе соціалисты самымъ серьезнымъ образомъ поняли формулу Интернаціонала: „Пролетаріи всѣхъ странъ (націй), соединяйтесь!“ — въ такомъ видѣ: „пролетаріи всѣхъ странъ, подчиненныхъ русскому государству, обрусьвайтесь!“ Конечно, съ такою ясностью эту формулу почти никто изъ русскихъ соціалистовъ не произносилъ, особенно въ печати, и даже почти всѣ они обижались, когда имъ ставили на видъ,

что ихъ система дѣйствія соотвѣтствуетъ именно такой формулѣ, но тѣмъ не менѣе если не въ теоріи, то на практикѣ многіе „русскіе“ соціалисты въ своей сферѣ были такими же нивелаторами-обрусителями,— какими въ своей сферѣ были гг. Катковы и другіе враги и соціалистовъ, и всякихъ національныхъ автономистовъ.

Мы помнимъ первую нашу встрѣчу съ представителемъ великорусского соціалистического движенія въ 70-е годы. Это былъ одинъ изъ делегатовъ петербургскаго соціально-революціоннаго кружка, прибывшій въ Киевъ въ началѣ 1870 г. Между прочимъ онъ принялъ участіе въ мѣстномъ кружкѣ молодежи, которая,— какъ и петербургскіе „чайковцы“, — имѣла въ виду политico-соціальное самообразованіе и пропаганду, — только, сообразно украинскимъ нравамъ, не носила клички, заимствованной отъ лица, а не отъ принципа. Мы получили приглашеніе принять участіе въ занятіяхъ этого кружка. На первомъ сборѣ заявлено было, кто какой рефератъ возьметъ на себя. Мы замѣтили, что почти всѣ темы для рефератовъ были выбраны изъ сферы т. наз. соціального и женскаго

вопросовъ,—а потому, когда дошла очередь до нась, то мы предложили съ своей стороны прочесть о соціальныхъ стремленияхъ и о положеніи женщины въ средѣ украинскаго крестьянства, которое составляетъ украинскую націю. По своему обычаю, мы старались дать слушателямъ, какъ можно больше, фактовъ, съ указаніемъ на источники, такъ чтобы слушатели могли самостоятельно провѣрить нась, даже если бы и не согласились съ нашими выводами. Во время чтенія нашего реферата петербургскій делегатъ обнаруживалъ явное нетерпѣніе, и когда начались пренія, то замѣтилъ приблизительно слѣдующее:

— Все это, *можетъ быть*, и вѣрно,— но къ дѣлу не идетъ. Мы должны думать о борьбѣ съ общимъ врагомъ, а Вы, говоря намъ объ Украинѣ, какъ о чёмъ то особомъ, вносите раздѣленіе въ наши силы!“

Mutatis mutandis,—это было повтореніе какъ разъ того, что мы слышали отъ нашего почтеннаго начальника, кн. Ал. Пр. Ширинского Шихматова,—по поводу нашихъ мнѣній о составленіи книги для чтенія въ народныхъ школахъ кіевскаго округа (Мы до-

казывали невозможность игнорирования мѣстнаго элемента въ такой книгѣ, а потому и невозможность составленія единой и нераздѣльной книги для чтенія для всей Россіи). Между прочимъ князь Ширинскій даже произнесъ слова: „общій врагъ“, только у него этотъ врагъ была — Польша. При видѣ такого совпаденія замѣчаній православнаго обрусителясь замѣчаніями „нигилиста“, было, конечно, „отчего въ отчаяніе придти“. Но, скрѣпя сердце и со всевозможнымъ почтеніемъ къ столичному делегату, мы отвѣтили въ такомъ родѣ:

— Вы желаете бороться съ извѣстными врагами, желаете проводить извѣстныя мнѣнія, — такъ вотъ я, вполнѣ одобряя Ваши цѣли и раздѣляя Ваши мнѣнія, — указываю Вамъ факты, которые должны освѣтить Вамъ ту почву, на которой Вы хотите дѣйствовать, и указываю Вамъ на тѣ зацѣпки, за которыя Вы можете ухватиться въ Вашей дѣятельности.

— Все это такъ, но Вы говорите все обѣ Украинѣ, и у Васъ Украина является, какъ что то особенное, а мы должны дѣйствовать за одно въ борьбѣ съ общимъ врагомъ.

— Я говорилъ объ Украинѣ, потому что та-
ковъ выбрался сюжетъ, и потому что я,
да и Вы,—думаемъ дѣйствовать именно на
Украинѣ, но въ такомъ же родѣ можно было
бы повѣсти рѣчь напр. и о Швеціи, или Ита-
ліи, Литвѣ, Армении и т. п., если бы кто изъ
насъ вздумалъ заняться именно этими страна-
ми. О томъ же, точно ли Украина представля-
етъ такія особенности,—отчего?—отъ Ве-
ликороссіи напр., какія я въ ней вижу,—
это вопросъ отдельный, котораго я едва
коснулся, и дѣйствительно любопытный; я
готовъ о немъ спорить; теперь я предста-
вилъ Вамъ рядъ фактovъ, указывающихъ
между прочимъ на эти особенности и до-
пускаю возможность, что я многое подоб-
ралъ ошибочно и односторонне, — конечно,
безъ умысла,—а потому очень буду радъ,
если кто либо, Вы напр., дополните или
даже опровергнете мои факты и дадите
новые. Но только такъ и знайте, что если
Вы не опровергнете моего положенія, что
украинская жизнь представляетъ массу
чертъ, отличныхъ отъ чертъ жизни напр.
великорусской, то должны будете признать
необходимость специализаціи всякой куль-
турной, политической и соціальной дѣятель-

ности на Украинѣ. Хотите, — приступимъ къ анализу этихъ украинскихъ особенностей, начиная напр. съ языка.

— Нѣтъ, я этимъ вопросомъ не занимался,— и при этомъ я думаю, что вообще не слѣдуетъ поднимать такихъ вопросовъ, въ виду необходимости единства силъ и проч. и проч.

Съ тѣхъ поръ прошло 11 лѣтъ, въ теченіе которыхъ намъ пришлось и устно, и печатно говорить объ Украинѣ съ добрыми 200 „русскихъ революціонеровъ, соціалистовъ“ и пр.,—извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, ученыхъ и неученыхъ, — но всѣ наши бесѣды были только болѣе или менѣе повторениемъ вышеизложенной бесѣды. Первый вопросъ, какой мы отъ нихъ слышали, когда мы имъ говорили о разнообразіи того, что они называли русскимъ народомъ,—былъ (да простятъ намъ это уподобленіе) вопросъ щедринскаго градоначальника, увидѣвшаго рѣку тамъ, гдѣ, по его мнѣнію, ей быть не подобало: „за чѣмъ?“ А когда мы имъ объясняли,—что *за тѣмъ*, чтобы наиболѣе бороться съ общимъ врагомъ, наиболѣе устроить именно общей союзъ,—они намъ отвѣчали по большей части фразами о единствѣ рода че-

ловѣческаго, существующемъ, или будущемъ, съ прибавкою нотацій о необходимости космополитической солидарности, и о вредѣ национальной исключительности, нотацій, которые уже потому излишни, когда рѣчь идетъ объ украинской національности, что эта національность именно тогда, когда была болѣе самостоятельна, вовсе и не думала противуставлять себя „Европѣ“ или человѣчеству, и только тогда и отдѣлилась отъ „Запада“, когда попала подъ опеку обрустелей. Многіе же отвѣчали намъ просто раздражительными обвиненіями.

Въ послѣдніе годы мы дождались счастія увидѣть противъ себя такого же рода возражателей и съ польской стороны! Всего любопытнѣе, что наши возражатели, которые никакъ не хотятъ признавать негосударственныхъ и плебейскихъ національностей, — ни необходимости нарочито приспособленныхъ къ нимъ политико-соціальныхъ организацій, ни даже устраниенія розни между образованными и мужицкими классами, напр. по языку, — самымъ серьезнымъ образомъ воображаютъ именно себя интернаціоналистами, и даже „народниками“.*)

*) По части интернаціонализма положеніе дѣлъ

Странные интернационалисты эти не хотятъ замѣтить, что вмѣсто человѣчества, да еще соціалистического, они подсовываютъ намъ государство, аристократическое, буржуазное и бюрократическое,— и при томъ неизбѣжно національное же, и что ихъ псевдо-космополитическая проповѣдь противъ „націонализма“ вовсе не туда направлена, куда бы слѣдовало, т. е. не на тѣхъ, кто давить чужія національности, а на тѣхъ, кто отбивается отъ давленія, и что подставка вмѣсто международности обезнародниванія поддерживаетъ только монополію привилегированныхъ, офиціальныхъ народностей и отнимаетъ у націй, которымъ не посчастливилось сохранить свою государственную неп

дошло до полнаго комизма: напримѣръ, небольшая группа украинскихъ соціалистовъ пишетъ не только по украински, но и по великорусски, и по польски,—тогда какъ еще ни одинъ великорусский, или польскій соціалистъ не издалъ ни строчки по украински,— и въ то же время изъ среды ихъ раздаются голоса, которые усиливаются представить именно украинскихъ соціалистовъ узкими и нетерпимыми націоналистами даже передъ заграничной публикою. (См. статьи гг. П. Л., Б. Ли-мановскаго и Аксельрода въ *Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik* и нашу замѣтку „Der kleinrussische Internationalismus“, тамъ же).

зависимость, т. е. у націй мужицкихъ, отнимаетъ именно ихъ интеллигенцію, т. е. естественныхъ организаторовъ массъ и для самой соціальной борьбы, — и въ концѣ концовъ обращаетъ такихъ псевдо-космополитовъ изъ противниковъ „общаго врага“ въ его союзниковъ, безсознательныхъ, а иногда такъ и сознательныхъ.

Впрочемъ одинъ изъ органовъ „русскихъ революціонеровъ“ имѣлъ смѣлость, послѣ общихъ фразъ о томъ, что для него всѣ національности равны,—прямо сознаться въ своей солидарности съ представителями существующаго эксплуататорскаго строя по вопросу о негосударственныхъ національностяхъ. Мы говоримъ о „Набатѣ“. *)

*) Мы предвидимъ замѣчаніе, которое мы слышали устно отъ тѣхъ изъ русскихъ соціалистовъ, которые будучи на дѣлѣ обрусиителями, въ тоже время не любятъ, когда къ ихъ практикѣ подбираютъ настоящую теорію, замѣчаніе, что «Набатъ» не можетъ считаться представителемъ русскихъ революціонеровъ и соціалистовъ, изъ которыхъ иѣсколько, довольно известныхъ лицъ, даже нарочно отреклись отъ него въ протестѣ, напечатанномъ въ «Общинѣ». Дѣйствительно, собственно набатский кружокъ, вовсе не пользуется симпатіями среди русскихъ революціонеровъ и соціали-

Въ статьѣ „Революція и принципъ національности“ этотъ органъ говоритъ между прочимъ: „Въ каждой странѣ, или лучше въ каж-

стовъ, и съ практической стороны, «Набатъ» не имѣтъ никакого значенія въ «русскомъ революціонномъ движениі»,—въ противность тому, что объ этомъ говорятъ заграничные корреспонденты и русские прокуроры. Но тѣмъ не менѣе «Набатъ» высказывалъ не разъ теоріи, очень распространенные въ русскихъ революціонныхъ кругахъ, напр. теоріи террористовъ, и до извѣстной степени былъ правъ, когда, хоть въ видѣ агитациіи въ пользу якобинскаго конспираціонизма, все таки проповѣдовалъ необходимость политической революціи въ Россіи въ то время, когда доктринеры, соціаль-демократы и анархисты считали возможнымъ цѣликомъ перенести въ Россію политику разныхъ фракцій Интернаціонала, выросшаго тамъ, гдѣ уже люди добились извѣстной политической свободы. — Надо также прибавить, что статья «Набата», изъ которой мы дѣлаемъ выписку, написана противъ брошюры «Записки южнорусскаго соціалиста», въ которой между прочимъ употреблено довольно неудачное выраженіе о необходимости «націонализированія соціализма», хотя, при доброй волѣ, можно было легко понять, что тутъ дѣло идетъ не объ идеяхъ соціализма, къ торыя, какъ всякия идеи, всемирны, а о практическомъ примѣненіи ихъ, приемахъ пропаганды, и ея организаціи, — которые, неизбѣжно, должны быть локализированы, и слѣдовательно и націонализированы. (См. объ этомъ въ IV томѣ, «Громады», «Впередъ и націонализированіе соціализма».

домъ *государствъ*, какъ бы ни былъ разнообразенъ его национальный и племенной составъ, всегда есть и всегда долженъ быть классъ людей, у которыхъ национальные, племенные особенности почти совершенно изгладились и которыхъ въ этомъ смыслѣ можно назвать общеруссами, общефранцузами, общемѣцами, общечтальянцами, общеамериканцами и т. п. Классъ этотъ слагается во первыхъ изъ такъ называемаго „служилаго сословія“: изъ бюрократіи, закрѣпощенной государствомъ, утратившей, подъ его нивелирующимъ давленіемъ всѣ свои национальные особенности, до мозга костей пропитавшейся его идеалами, его воззрѣніями, его интересами; во вторыхъ — изъ интеллигенціи. Наука, какъ известно, оказываетъ на людей почти столь же нивелирующее влияніе, какъ и государство на бюрократію.... Помимо государства съ его бюрократическою централизацией и науки съ ея космополитизиру-

«Мы и «Набатъ»). А самъ «Набатъ» долженъ быть признаться, что онъ согласенъ на «национализированіе средствъ» соціально-революціонной дѣятельности, — только идея обѣ этой национализаций затуманилась у него смѣшениемъ понятія о нації съ понятіемъ о государствѣ.

ющимъ вліяніемъ, — устраниенію національныхъ особливостей, нивелированію людей, подведенію ихъ подъ одинъ *обще-національный*, общечеловѣческій типъ, — въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ экономической, торгово-промышленный прогрессъ. Фабричное производство, ставя рабочую массу въ совершенно однообразныя, общенациональныя условия труда, — развивая въ ней одинаковые привычки, окружая ее одинаковою обстановкою, обобщая ея интересы и потребности, сглаживаетъ не только *національные*, но даже и чисто *индивидуальные* различія рабочихъ. Типъ *фабричнаю*, типъ *пролетарія* имѣеть на столько же *обще-національный* характеръ, какъ и типъ „интеллигентнаго человѣка“.

„Такимъ образомъ, мы видимъ, что всѣ главнѣйшия факторы буржуазнаго прогресса,—государство, наука, торговля, промышленность, — имѣютъ одну и ту же *общую тенденцію*: всѣ они въ большей или меньшей степени, стремятся сгладить національные особенности, когда то такъ рѣзко раздѣлявшія между собою людей; стремятся смышать послѣднихъ въ одну общую, однородную и одноформенную массу, подвести

ихъ подъ одинъ общий знаменатель, вылить ихъ въ одинъ общенаціональный, общечеловѣческій типъ. Какъ бы мы ни не-навидѣли буржуазный прогрессъ, но эту тенденцію его мы должны признать — съ точки зрѣнія нашихъ идеаловъ и нашихъ интересовъ — въ высшей степени благотворною. Дѣйствительно, буржуазный прогрессъ, нивелируя людей, уничтожая ихъ племенные и национальные перегородки, подготавляетъ почву для торжества нашихъ идеаловъ; самъ того не желая, онъ безсознательно пролагаетъ путь къ практическому осуществленію идей *братства и равенства*. (Набатъ, 1878, книга, 75—77).

Весьма похожее на то, что сказано особенно въ началѣ вышеупомянутой выписки — и даже терминъ — *обще-національный*, какъ противоположность племенному, народному, — при чемъ терминъ „общенаціональный“ понимается вовсе не въ предѣлахъ дѣйствительной націи (какъ напр. общевеликорусскій сравнительно съ новгородскимъ, московскимъ и т. п.), а въ предѣлахъ государства съ офиціальною национальностью, которая должна покрыть всѣ самыя разнонациональныя населенія, — мы читали

десятки разъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Интересно, что почти тоже недавно мы прочитали въ статьяхъ противъ украинского движенія, написанныхъ г. Л. Алексѣевымъ отъ имени русскихъ „народниковъ изъ Малороссіи“, въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1881 г. Родоначальниками всей этой радикальной катковщины во всей Европѣ были французские якобинцы временъ Великой Революціи съ ихъ борьбою противъ всякихъ проявленій провинціальной самостоятельности, отъ политического федерализма и до народныхъ языковъ (не только нарѣчій французского языка, но и провансальского и даже бретонского, итальянского, нѣмецкого языковъ), которымъ они противуставляли языкъ французскій, какъ *национальный* (о послѣднемъ см. напр. статью «La Convention et les idiomes locaux» въ *Mélanges de linguistique et d'anthropologie par Ab. Hovelacque etc.* 1880, 226—238). Вотъ ввиду такихъ совпаденій, слова „Набата“ и получаютъ значеніе, надъ которымъ очень серьезно стоитъ подумать тѣмъ, кто не желаетъ Россіи катковщины ни монархической, ни якобинской.

Уже въ самомъ началѣ тирады „Набата“

брасается въ глаза признаніе за иѣчто нормальное государственное давленія на национальные различія и доктрины государственной национальности, которая почти столько же надѣлала бѣдъ съ к. XVIII ст., какъ надѣлала бѣдъ въ XVI—XVIII в. доктрина государственности. Интересно при этомъ, что перечисляя общенациональные типы, „Набатъ“ не назвалъ напр. ни обще-австрійцевъ, ни обще-швейцарцевъ. Дѣло въ томъ, что вовсе не всякое государство стираетъ национальные особенности, — а только государства военно-бюрократической, централизованныя,—исключая Съв. Ам. С. Штатовъ, которые имѣютъ дѣло не съ націями, а съ колонистами разныхъ націй, прѣѣзжающими въ среду націи ангlosаксонской. При этомъ вышеупомянутыя государства стираютъ особенности вовсе не всѣхъ, а только покоренныхъ націй и при этомъ покровительствуютъ развитію национальности господствующей, на которую и опираются подобныя государства. Во Франціи напр. „общефранцузы“ состоять прежде всего изъ франузовъ, потомъ изъ о francajzenныхъ провансальцевъ, бретонцевъ, басковъ, фламандцевъ, нѣмцевъ, итальянцевъ,—и ихъ точнѣе всего

слѣдовало бы называть просто французами, какъ всѣхъ обрусьвшихъ или общеруссовъ—просто великоруссами. Вотъ почему въ такихъ государствахъ, въ которыхъ претендующая на господство національность сравнительно не очень сильна,—и не можетъ образоваться прочный государственно-национальный типъ. Такова напр. Австрія, въ которой прежде хотѣли сдѣлать такимъ типомъ нѣмецкій,—и въ которой теперь уже стараются лѣпить, говоря языккомъ „Набата“, — вм. обще-австрійцевъ,—обще-нѣмцевъ, обще-венгровъ, обще-хорватовъ, обще-поляковъ (въ Галиції). Мы сомнѣваемся, чтобы и эта лѣпка привела къ какому нибудь не только полезному, но даже просто прочному результату,—но во всякомъ случаѣ вотъ уже вамъ „страна, или лучше государство“, въ которомъ „обще-національнаго“ типа нѣтъ, такъ какъ обще-австрійцы есть развѣ между шпионами, шулерами да кокотками. По другимъ причинамъ, нѣтъ обще-національнаго типа въ Швейцаріи, какъ въ государствахъ, въ которыхъ нѣтъ господствующей національности,—а есть граждане четырехъ національностей, во всемъ равноправныхъ, объединенные между собою

сознаніемъ выгоды такого равноправнаго союза. Въ этомъ сознаніи и состоитъ, если уже хотите, обще-швейцарская національность, но такая обще-національность не имѣеть ничего общаго съ тою, о которой говоритъ „Набатъ“. Она подходитъ къ обще-человѣчности, какую совершенно напрасно „Набатъ“ ставить, какъ синонимъ своей „обще-національности“. Такую обще-человѣчность порождаетъ напр. вліяніе науки, которую „Набатъ“ тоже совершенно напрасно поставилъ въ одинъ рядъ съ военно - бюрократическимъ государствомъ и съ распространяющею общее малокровіе и худосочіе капиталистическою фабрикою. Наука, —какъ и свобода,—федерируетъ національности и культивируетъ ихъ, сглаживая ихъ слабости и развивая ихъ сильныя стороны,—и возводить націи до человѣчества, — а военно-бюрократическое государство, даже въ случаѣ успѣха, только замѣняетъ одни національности другими, часто далеко не лучшими, а въ случаѣ неуспѣха, только рождаетъ ненависти между національностями. Затѣмъ, даже при успѣхѣ выльпливанья государственныхъ національностей, черезъ подавленіе національностей негосударствен-

ныхъ, неизбѣжно должно совершаться культивированье у первыхъ преимущественно тѣхъ чертъ, которыхъ нужны военно-бюрократическому государству, т. е. черть съ одной стороны угловатыхъ и хищническихъ, а съ другой пригнанныхъ, т. е. во всякомъ случаѣ черть служебныхъ, а вовсе не человѣческихъ.

Справедливость сейчасъ сказаннаго доказывается наблюденіемъ надъ населеніемъ тѣхъ именно мѣстностей, гдѣ процессъ вылѣпливанья привилегированной національности имѣлъ наиболѣе приложенія; — такова напр. Пруссія, — которая сложилась черезъ насильственную германизацію славянъ и литовцевъ: безспорно особенности пруссака отъ другихъ нѣмцевъ самыя несимпатичныя изъ всѣхъ нѣмецкихъ особенностей и противны именно, какъ антитеза общечеловѣческому идеалу. Едва ли также съ точки зрењія этого идеала можно отдать предпочтеніе и привѣтствуемому „Набатомъ“ типу великорусскаго или овеликорушенаго (по „Набату“ общепаціональнаго) *фабричнаю* передъ типомъ напр. украинскаго поселянина или казака, котораго нѣкоторыя черты такъ симпатично набросаль напр. Черны-

шевскій въ приведенной выше выдержкѣ. Тоже слѣдуетъ сказать и объ „общенаціональномъ“ типѣ русскаго солдата, въ которомъ собираются почти всѣ наименѣе симпатичныя черты великорусскаго племени и черезъ армію накладываются на индивидуумы всѣхъ націй, подчиненныхъ великорусскому государству *).

*) Нѣкоторыя даннія относительно того, какъ именно денационализація напр. украинскихъ крестьянъ подъ вліяніемъ великорусскихъ фабричныхъ и армейскихъ условій жизни прямо ведетъ къ ихъ деморализаціи во всѣхъ смыслахъ этого слова, читатель найдетъ въ нашей книжѣ «Нові українські пісні про громадські справи»; на представленныхъ тамъ примѣрахъ видно, кромѣ того, что именно высшая культура украинскаго мѣщанина, казака и крестьянина стала съ XVIII в. уступать передъ низшей великорусской культурой единственно вслѣдствіе грубаго давленія государственной власти, а потомъ подъ вліяніемъ созданнаго ею обрусенія образованныхъ классовъ, удалившаго ихъ отъ простонародья. «Космополитизирующее вліяніе науки» тутъ ни при чемъ! — Прибавимъ еще замѣчаніе — впрочемъ, не настаивая на его точности, — что, по нашимъ наблюденіямъ надъ овеликорушенными украинцами, когда национальный характеръ разлагается подъ чужимъ несвободнымъ вліяніемъ, то получаемая такимъ образомъ помѣсь усваиваетъ преимущественно дурныя качества чужой национальности и теряетъ именно хорошия качества своей.

Что же касается до пользы для человѣчества отъ стиранія не только національностей, но даже индивидуальностей, то мы считаемъ излишнимъ и говорить объ этомъ. Тотъ, кто представляетъ себѣ соціалистической идеалъ не въ видѣ аракчеевскихъ военныхъ поселеній, а именно въ видѣ братства развитыхъ всецѣло, (или *интегрально* развитыхъ, какъ говорятъ западноевропейскіе соціалисты) индивидуумовъ, тотъ съ негодованіемъ отвергнетъ восхваленіе „Набатомъ“ вліянія теперешнихъ фабрикъ на стираніе особенностей индивидуальныхъ, — и за тѣмъ, немного только подумавши, долженъ такъ же отнестись и къ вліянію военно - бюрократическихъ государствъ на стираніе національностей,— т. е. собственно національностей негосударственныхъ.

Впрочемъ самъ „Набатъ“ проговариваетъ такъ, что можно думать, что онъ самъ замѣчаетъ весь софизмъ, заключающійся въ увѣреніи, будто военно-бюрократическое государство имѣетъ космополитизирующее вліяніе и стираетъ *всѣ* національности, а не одни только побѣжденныя. Когда ему приходится говорить о разныхъ національностяхъ въ частности, то онъ забываетъ

заявленіе, что для него иѣтъ „ни эллина, ни іудея“,—а явно склоняется на сторону національностей господствующихъ, при чмъ поляковъ поставляетъ въ рядъ послѣднихъ, даже въ противорѣчіе съ ученіемъ о необходимости образованія напр. „общеруссовъ въ Россіи“. Съ явнымъ умысломъ газета перечисляетъ народы въ такомъ порядкѣ: „якуты, чуваши, малоруссы“ съ одной стороны,—и „великоруссы, поляки, нѣмцы, французы“ съ другой (стр. 68), а перечисляя народы, изъ которыхъ русское государство „должно“ выльпливать „общенаціональный“ типъ,—„Набатъ“ называетъ „великоруссовъ, малоруссовъ, бѣлоруссовъ, финновъ, латышей“, но не называетъ поляковъ. Конечно, со стороны московской катковщины такое распределеніе и забвеніе нелогично,—но оно будетъ вполнѣ логично, если стать въ одно и тоже самое время на точки зрѣнія катковщины московской и польской, на какихъ очевидно стоитъ органъ „русскихъ революціонеровъ“. Сдѣланная же выше выписка изъ „Набата“ вполнѣ подходитъ къ идеямъ и польской катковщины: поляки имѣютъ остатки своего завоевательно-бюрократического государства въ Галиції,

имѣютъ свою аристократію и буржуазію, даже и въ земляхъ, подчиненныхъ другимъ государствамъ, особенно въ Россіи;— какъ же не признать за ними права вылѣпливать изъ національностей латышской, литовской, белорусской и украинской свой „общенациональный“ типъ,—своихъ „общеполяковъ“?

Такимъ образомъ, мы съ „Набатомъ“, Ѣдучи впередъ по дорогѣ къ общечеловѣческому соціализму, пріѣхали назадъ къ доктринѣ исторической Польши! Само собою разумѣется, что „Набатъ“ вполнѣ сочувственно относится къ польскимъ революціоннымъ стремленіямъ. Но специально по вопросу обѣ исторической Польшѣ онъ не выскажался ясно, быть можетъ, потому что и не имѣлъ къ тому случая. Но одинъ разъ онъ выказалъ совсѣмъ не космополитически-соціалистическую нѣжность къ остатку исторической Польши въ Галиції. Разбирая нашу брошюру „Внутреннее рабство и война за освобожденіе“, и встрѣтивъ въ ней указаніе на то, какъ польская аристократія и буржуазія съ бюрократіей гнетутъ галицкихъ русиновъ,—„Набатъ“ замѣтилъ: „чрезвычайно странно и прискорбно встрѣчать

какія бы то ни было косвенныя или прямыя отрицанія чему бы то ни было польскому на страницахъ славянскихъ революціонныхъ изданій“, — при чёмъ изложилъ нашу мысль такъ, какъ будто бы мы говорили, что гнететь русиновъ въ Галиціи „народъ польскій“. (Наб., 1877, № 3—6).

Такимъ образомъ, если только „Набатъ“ представляетъ хоть какія нибудь фракціи великорусской демократіи, напр. что нибудь въ родѣ „якобинцевъ“ или бланкистовъ“ („Набатъ“ прежде и назывался обыкновенно „якобинскимъ“ органомъ), — то отношеніе этихъ фракцій къ полякамъ, по крайней мѣрѣ въ Россіи, можетъ быть только одно изъ двухъ: или онѣ составлятъ самую лѣвую сторону всеобруслительной катковщины, — (въ родѣ напр. многихъ демократовъ-германизаторовъ въ Пруссіи и Австріи) или при первомъ случаѣ, (а случай такой долженъ, по нашему мнѣнію, скоро представиться, такъ какъ польскій вопросъ не можетъ не подняться въ теперешнее время въ Россіи) присоединяются къ польскимъ историческимъ патріотамъ, сначала самого лѣваго направленія, а потомъ, неизбѣжно, и къ коалиціи правыхъ

и лѣвыхъ партій среди этихъ патріотовъ. Послѣднее наиболѣе вѣроятно,—и въ такомъ случаѣ историческая роль этихъ фракцій вполнѣ ясна: полякамъ онѣ не помогутъ, а послужатъ только лишнимъ оправданіемъ для московской реакціонной катковщины..

Извѣстно, что „Набатъ“ представлялъ по многимъ вопросамъ противоположность другому органу великорусскихъ революціонеровъ 70-хъ годовъ, „Впереду“. Но по вопросу негосударственныхъ національностей и, конечно, по вопросу польскому, между обоими органами не оказалось почти никакого различія. Мы впрочемъ должны остановиться на „Впередѣ“ подольше, такъ какъ этотъ органъ имѣлъ случай высказаться по занимающимъ насъ вопросамъ гораздо болѣе систематично и съ большими подробностями.

X.

„Впередѣ“ зачинался, какъ извѣстно, въ Цюрихѣ въ 1872—73 гг., среди борьбы тѣхъ кружковъ, которые къ нему примкнули, съ т. наз. бакунистами, или ан-архиста-

ми, — и уже поэтому въ немъ должны были найти себѣ мѣсто мысли, которыя составляютъ родъ уступки со стороны великорусскихъ соціальдемократовъ этимъ бакунистамъ, какъ напр. признаніе принципа федерального и нѣкоторыя всеславянскія стремленія. Но надъ всѣми этими уступками во „Впередѣ“ преобладаетъ основная государственная идея,— на манеръ идеи пѣмецкихъ соціаль-демократовъ, а потому и въ вопросѣ объ организаціи соціалистического движения въ Россіи „Впередѣ“ стала не столько на федерально-народную основу, сколько на государственно-национальную.

„Впередѣ“, конечно, призналъ необходимость мѣстныхъ и слѣдовательно національныхъ приспособленій въ работѣ для осуществленія интернаціональныхъ стремленій соціализма. Въ программѣ „Впереда“ читаемъ: „приходится дѣйствовать въ *данной* мѣстности, на общество, говорящее *даннымъ* языкомъ“, — по этому и „національности представляютъ совершенно реальную и неизбѣжную почву для каждого общественного процесса“. Но когда пришлось опредѣлить, какова же именно та *данныя* почва, на которой думаетъ дѣйствовать „Впередѣ“, — у

послѣдняго не оказалось ясныхъ опредѣленій. Разъ онъ говоритъ о „*Rossiï*“, какъ о своемъ „*отечествѣ*“, въ другой о „*русскомъ народѣ*“, какъ о своемъ народѣ, — а потому когда „*Впередѣ*“ говоритъ о „специальныхъ русскихъ цѣляхъ“ и „русскихъ интересахъ“, то совсѣмъ нельзя понять, что онъ подъ ними разумѣеть: совокупность ли специальныхъ цѣлей и интересовъ всѣхъ *данныхъ* національностей Россіи, — какъ государства, которое не совсѣмъ точно называютъ русскимъ государствомъ (къ сожалѣнію прилагательное *rossijskij* рѣдко теперь употребляется въ русской литературѣ) или же цѣли и интересы дѣйствительного „русскаго народа“. Нѣ менѣе темны остаются и представлени¤ „*Впереда*“ объ этомъ русскомъ народѣ. Какъ известно, о русскомъ народѣ (и соотвѣтственно — о языке) существуетъ въ Россіи три главныхъ мнѣнія. По первому, народъ этотъ — единообразенъ во всемъ своемъ составѣ отъ Карпатъ до Амура, такъ что различія его, даже такія, какъ велико- и мало-руssкія до того ничтожны, что не имѣютъ никакого практическаго значенія, при чёмъ племя великоруское считается за представителя всѣхъ остальныхъ. По второму,

рому, „русскій народъ“ есть только отвлече-
ніе, — въ дѣйствительности представляемое
двумя „русскими народностями“, велико-бѣ-
лорусскою и украинскою, — или великорус-
кою и украинско-бѣлорусскою, — или же
тримя народностями. Третье мнѣніе, — какъ
среднее между предыдущими, признаетъ двѣ
или три крупныя разновидности русскаго
народа и извѣстное практическое значеніе
ихъ, но не признаетъ за различіями этихъ
разновидностей такой силы, которая бы да-
вала основаніе считать ихъ за вполнѣ само-
стоятельный націи. Первое мнѣніе прини-
мается правительствомъ и представляется въ
печати, напр. г. Катковымъ, впрочемъ только
г. Катковымъ-публицистомъ сть 60-хъ годовъ,
потому что Катковъ-ученый 40—50-хъ
годовъ примыкалъ скорѣе даже ко второму,
чѣмъ къ третьему мнѣнію. Это второе мнѣ-
ніе раздѣляютъ почти всѣ ученые филологи
и этнографы въ Россіи и за границей. *)

*) Такимъ образомъ выходитъ очень курьезное
обстоятельство: о разнообразіи русскаго народа
учатъ въ книгахъ и съ каѳедръ, а единообразіе про-
повѣдываютъ только въ нѣкоторыхъ газетахъ; прави-
тельство же согласно съ газетными невѣжами и
софистами, и руководствуясь ихъ голосами въ та-

Третье мнѣніе раздѣляли прежніе московскіе славянофилы и въ томъ числѣ г. И. Аксаковъ еще въ „Днѣ“ 1862—64 г. (теперь онъ присталъ вполнѣ къ катковскому мнѣнію).

Каждому изъ этихъ теоретическихъ мнѣній соответствуетъ и практическая программа, — литературная и политico-соціальная. Понятно по этому, что и партія соціалистическая, которая признала необходимость опираться на *данныя* національности, съ ихъ *данными* языками, — должна была начать съ выбора между вышеизложенными тремя понятіями о „русскомъ народѣ“, — какъ только она выбрала за почву для своей дѣятельности этотъ народъ. Бакунинъ напр., какъ мы видѣли, заговоривъ въ Лигѣ Мира и Свободы объ этомъ народѣ, прямо началъ съ того, что отвергъ мнѣніе о его единствѣ и, за тѣмъ, сообразно этому отрицанію, построилъ необходимость самостоятельной организаціи трехъ его частей, — а приступивъ къ агитациѣ среди нихъ, онъ

кихъ серьезныхъ дѣлахъ, какъ напр. народное образование. Что если бъ подобнымъ же образомъ выбрало себѣ правительство совѣтниковъ напр. по вопросамъ объ архитектурѣ. То то бы костей наломали! А мозги все стерпяты!

пустилъ въ ходъ, хоть и не совсѣмъ удачно, — и публикацію не только на великорусскомъ, но и на украинскомъ языкѣ. Очевидно, что при катковскомъ взглядѣ на единство русскаго народа и при желаніи дѣйствовать для всѣхъ его частей, редакція „Впереда“ порекомендовала бы своимъ единомышленникамъ ограничиться только публикаціями на великорусскомъ языкѣ, какъ на русскомъ по преимуществу; — при Костомаровскомъ взглядѣ пришлось бы и самый „Впередъ“ издавать, по крайней мѣрѣ на двухъ языкахъ, или раздѣлить на два изданія, особенно въ виду того, что „Впередъ“ получалъ не мало средствъ изъ Украины; при старо-аксаковскомъ взглядѣ можно бы было сохранить великорусскій языкъ, какъ языкъ „общества“, — для такъ называемыхъ „интеллигентныхъ“ читателей, — а рядомъ издавать элементарныя книжки и листки для читателей изъ „народа“, или изъ „простонародья“, — въ родѣ того, какъ это недавно предположила *было* дѣлать редакція „Русской Соціально-Революціонной Библіотеки“.*)

*) Къ стати будетъ сказанъ, что до сихъ поръ всѣ, кто писалъ популярныя вещи напр. на украинскомъ языкѣ, писали на немъ и для „интелли-

Къ сожалѣнію, „Впередъ“, въ противуположность Бакунину, не поставилъ ясно вопроса о томъ, что же такое тотъ русскій народъ, русская національность, русскій языкъ, т. е. тѣ данныя, на которыхъ онъ предположилъ опереться, и не рѣшилъ этого вопроса вообще. Въ частностяхъ же, гдѣ „Впередъ“ говорить о народномъ бытѣ, или обѣ исторіи, видно, что для него слово „русскій“ — синонимъ слова „великорусскій“. Такъ напр. въ статьѣ „Счеты русского народа съ династіей Романовыхъ“ читаемъ: „Тому двѣsti шестьдесятъ лѣтъ *русскій народъ общимъ усиліемъ* освободилъ Москву... и земскій соборъ *русской земли* избралъ первого Романова въ *московскіе* цари. Съ тѣхъ поръ (1613) начались счеты между домомъ Романовыхъ и русскимъ народомъ.“ Всякій знаетъ, что въ „общемъ усилії“ 1613 г. участвовали только великорусы, — а украинцы и белорусы были тутъ ни при чемъ, (или были скорѣе противъ Романова, въ войскахъ польского короля), — почему историки-федералисты, говоря о событияхъ того времени,

генції“. Уже изъ этого видно, что раздѣленіе языковъ: для интеллигентіи и для народа не только не демократично, но и непрактично.

употребляли такія выраженія, какъ „*Великорусскія* области и смутное время“, (Щаповъ) или „Смутное время въ *Московскомъ* государствѣ“ (Костомаровъ). Счеты украинцевъ и бѣлоруссовъ съ домомъ Романовыхъ начались пѣсколько позже, — а именно съ козацкихъ договоровъ на Украинѣ и съ городскихъ въ Бѣлоруссіи въ 1654 г. Но объ этихъ договорахъ, — гораздо болѣе опредѣленныхъ, чѣмъ сомнительная запись, взятая будто бы съ первого Романова великорусскимъ земскимъ соборомъ, и вообще о счетахъ украинцевъ и бѣлорусовъ съ Романовыми „Впередъ“ не упомянуль вовсе, — хотя въ той же статьѣ говорится о преступленіяхъ Романовыхъ противъ Польши, а также о томъ, что галичане, сербы, чехи и пр. славяне „не могутъ вѣрить Романовымъ, обманувшимъ русскій народъ“. Только въ одномъ мѣстѣ „Впередъ“ прикоснулся къ этимъ счетамъ, въ словахъ: „не гнало ли правительство школъ на югъ *Rossii*, подъ предлогомъ сепаратизма, — въ букваряхъ?“ Но мѣсто это вдвойнѣ и не ясно, и не точно: во первыхъ, что это за югъ *Rossii*? Скрываетъ ли подъ собою это географическое выражение, — родственное тѣмъ, которыя придумывается

русское правительство, или подцензурная печать для названия областей съ особымъ отъ великорусского населеніемъ, — какое ни-будь этнографическое понятіе, или нѣть? А во вторыхъ, — если выписанное выражение относится къ Украинѣ, а не напр. къ Самарской губерніи, — то на Украинѣ главная бѣда не въ томъ, что русское правительство „закрыло школы подъ *предлогомъ* сепаратизма въ букваряхъ“, — (закрывало оно школы и въ Петербургѣ, „подъ предлогомъ“ того, что въ нихъ читали „Молодую Россію“) а въ томъ, что оно въ 1863 г. сначала синодскимъ и валуевскимъ распоряженіемъ по цензурѣ запретило печатаніе украинскихъ книгъ педагогического содержанія, а потомъ „Положеніемъ о школахъ 1864 г.“ окончательно изгнало изъ школъ на Украинѣ, какъ и въ Бѣлоруссіи, иной языкъ, кромѣ „русскаго“, великорусского. Вотъ невеликоруссамъ и было интересно знать мнѣніе новаго органа „русскихъ со-циалистовъ“ о такихъ счетахъ невеликорусскихъ народовъ съ великорусскимъ государствомъ. Если русскій народъ одинъ и на Днѣпрѣ, и на Нѣманѣ, какъ и на Волгѣ, — тогда и предписанное Положеніемъ 1864 г. еди-

нообразіе (предписанное, какъ обыкновенно дѣлается въ законахъ, однимъ умолчаніемъ о другихъ языкахъ, кромѣ „русскаго“, — великорусскаго), не составляетъ никакого преступленія противъ народовъ украинскаго и белорусскаго. „Впередъ“ ничѣмъ не выражалъ своего мнѣнія о такихъ мѣрахъ правительства Романовыхъ къ поддержанію,— или, лучше, къ установлению единобразія „русскаго народа“ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Къ „единству“ же Россіи „Впередъ“ относится симпатично, говоря, что „избраніе первого Романова было выраженіемъ общенароднаго желанія поддержать единство *Rossii*“ и что „народъ русскій желалъ единства, выдержалъ тяжелую борьбу за это единство“, — которое, какъ известно, выражалось сначала въ московской, а потомъ петербургской централизациі, — подъ династіями рюриковской, и романовско-гольштинской, изъ которыхъ послѣдняя такъ не нравится „Впереду“.

Полагаемъ, выписанныхъ мѣстъ достаточно, чтобы показать, что „Впередъ“ принимаетъ слово „русскій“ народъ за синонимъ „великорусскаго“, а въ частности можетъ быть причисленъ скорѣе къ тѣмъ изъ упо-

требляющихъ въ такомъ смыслѣ это слово, которые не признаютъ за достойныя вниманія особенности невеликорусскихъ народовъ, нежели къ тѣмъ, которые, сохрания имя русскихъ только для великоруссовъ, въ тоже время признаютъ бѣлоруссовъ и украинцевъ за самостоятельный племена, со всѣми практическими послѣдствіями такого признания. Что „Впередъ“ понимаетъ слово „русскій“ и „Россія, наше отечество“ въ великорусско-централистическомъ смыслѣ, это видно всего лучше въ томъ мѣстѣ его программы, въ которомъ говорится объ отношеніяхъ Россіи и Польши. Это мѣсто тѣсно связано съ тѣмъ, что великорусскій органъ говоритъ о славянскихъ дѣлахъ вообще, — по этому мы выпишемъ изъ „Впереда“ довольно большую тираду, тѣмъ болѣе, что, какъ читатели наши могли уже замѣтить на примѣрѣ Бакунина, характеръ отношений великорусского публициста къ вопросу польско-rossiйскому обуславливаетъ и его отношенія къ славянамъ вообще.

„Живыми партіями въ средѣ славянъ, — говоритъ „Впередъ“, — мы признаемъ лишь тѣ, которыхъ цапишутъ на свое мѣсто знамени, рядомъ съ девизомъ независимой національно-

сти, девизъ соціальнай борьбы противъ монополіи частныхъ собствениковъ и капиталистовъ, научной борьбы противъ религіознаго элемента. Для насъ безсмысленна и достойна сожалѣнія борьба національности, которая сковываетъ своими идеалами независимости мертвые и вредные идеалы православія или католицизма, безнравственные преданія феодализма, боярства или шляхетства. Соціальныя партії Сербіи, Кроації, Чехіи, Польши, Галичини суть наши братья по дѣлу и по крови; ихъ передовыми кружкамъ мы съ радостью откроемъ страницы нашего журнала; мы будемъ рукоплескать ихъ побѣдамъ; мы надѣемся, что имъ и только имъ удастся возстановить независимость ихъ родины.... Мы вполнѣ увѣрены, что всѣ наши единомышленники въ Россіи.... хотѣли бы вмѣстѣ съ нами.... чтобы наше „Впередъ“ сдѣлалось программою славянской федераціи, органомъ всѣхъ славянъ, дошедшихъ до сознанія, что будущее для славянства, какъ и для всего человѣчества, заключается въ девизѣ: наука и община, истина и трудъ, война идоламъ и монополій!“

„Это разрѣшаетъ и самый трудный, по-

видимому, для русскаго вопросъ, вопросъ польскій. Кто поставилъ интересы хлоповъ выше интересовъ шляхты, кто бьется за идеалъ европейской федераціи свободныхъ общинъ, тотъ нашъ братъ и союзникъ. Въ будущей федераціонной Европѣ границы между федеративными единицами будутъ имѣть крайне малое значеніе. Если бы нашимъ единомышленникамъ пришлось говорить во всероссійскомъ земствѣ о вопросѣ между Россіею и Польшею, они предложили бы, конечно, чтобы каждая община рѣшила самостоительно, независимо отъ всей предыдущей исторіи, къ какой національности, къ какому государственному или соціальному центру она потянетъ. При дальнѣйшемъ же самодержавіи общинъ различіе національностей становится лишь блѣднымъ преданіемъ исторіи, безъ практическаго смысла. Защитники преобладанія шляхты и союзники католицизма — враги наши, потому что они, прежде всего, враги народа польскаго.“

Такимъ образомъ, для редакціи „Впереда“ во первыхъ „Россія“, за исключеніемъ провинцій несомнѣнно польскихъ, есть „національность“, а во вторыхъ, для провин-

цій такъ сказать сомнительныхъ она не предполагаетъ иного исхода, какъ только выборъ одной изъ двухъ национальностей, одного изъ двухъ государственныхъ и даже какихъ то соціальныхъ (экономическихъ??) „центровъ“ — или Польши, или Россіи, т. е., конечно, Великороссіи. А такъ какъ Великороссія въ частности нигдѣ и не соприкасается съ собственно польскими землями, а потому нигдѣ и не найдется такая община, о которой бы пришлось узнавать, хочетъ ли она примыкать къ Польшѣ, или къ Великороссіи,—то слѣдовательно рѣшать таковую дилемму единомышленники „Впереда“ будутъ предлагать только общинамъ украинскимъ, бѣлорусскимъ и литовскимъ, о самомъ существованіи которыхъ нѣть во всей программѣ „Впереда“ ни одного слова. Этимъ общинамъ не полагается третьего рѣшенія, напр. въ смыслѣ полной самостоятельности отъ обоихъ предположенныхъ редакцій „центровъ“. Такимъ образомъ мы наталкиваемся здѣсь опять на двѣ катковщины:—великорусскую и польскую!*)

*) Считаемъ не лишнимъ сказать, что всѣ вышеизложенные замѣчанія были нами высказаны редак-

Послѣ всего сказаннаго выше мы считаемъ излишнимъ возражать противъ этихъ двухъ катковщинъ,—и потому мы бы и совсѣмъ не говорили больше о выписанной изъ „Впереда“ тирадѣ, если бы въ той части ея, которая говоритъ о славянскихъ соціальныхъ партіяхъ не было одного пункта, котораго нельзя пропустить безъ вниманія. Пунктъ этотъ заключается въ словахъ: „соціальные партіи Сербіи, Кроаціи, Чехіи, Польши, Галичины суть наши братья по дѣлу и по крови.“ Знакомые съ дѣломъ читатели усмотрятъ, конечно, смышеніе понятія о государствѣ съ понятіемъ о національности и во всемъ этомъ перечисленіи. Но особенно страннымъ является сопоставленіе соціальныхъ партій Польши и Галичины. О какой Польшѣ тутъ идетъ рѣчь? Если, какъ слѣдуетъ думать по сей-часъ сказанному, о Польшѣ исторической,— (такъ какъ границы Польши народной, этнографической, извѣстны и теперь безъ опроса общинъ), — то и Галичина вся есть часть исторической Польши, а слѣдовательно ни-

ціи „Впереда“, когда намъ была сообщена ея программа въ литографированномъ еще изданіи.

какой соціальнай партії галицкой, отдѣльной отъ польской, быть не можетъ. Если же тутъ говорится о Польшѣ народной, то въ нее входитъ и западная Галиція, слѣдовательно въ області галицкой соціальнай партії останется только восточная Галиція, которую дѣйствительно можно назвать Галичиной. Но эта Галичина заселена народомъ русинами, которые ничѣмъ не отличаются отъ народа подольской и волынскай губерній, который „Впередъ“ предположилъ еще спрашивать, хочетъ ли онъ потянуть, или иѣть къ польскому центру? Галицкіе русины, какъ и россійскіе подоляне, составляютъ часть племени, или націи украинской. Но если можетъ быть соціальная партія „галицкая“ въ Австріи,— то почему же не быть украинской партіи въ Россіи? Почему въ тѣхъ мѣстахъ, где „Впередъ“ говоритъ о россійской имперіи, онъ ни однимъ словомъ не упомянулъ даже о возможности существованія политическихъ и соціальныхъ организацій другихъ, кроме русской и польской, Россіи и Польши? Вѣдь „русины“ въ Галиціи стоятъ совершенно въ такихъ же отношеніяхъ къ полякамъ (Польшѣ), въ какихъ „малороссы“ стоятъ

въ имперіи Романовыхъ къ великоруссамъ (Россії). Или, быть можетъ, романовские „русины“ включены въ число тѣхъ „другихъ племенъ“, о которыхъ говоритъ программа „Впереда“ нѣсколько далѣе, обѣщаю имъ, въ случаѣ успѣха „единомышленниковъ“ своихъ,—разныхъ политическихъ свободы (мысли, слова, ассоціацій) съ довольно впрочемъ темною и, послѣ заявлений въ космополитическомъ духѣ, нѣсколько неожиданною оговоркою: „мы оставляемъ въ сторонѣ, какъ чуждые общечеловѣческимъ (?) цѣлямъ и *русскимъ интересамъ* (?) всѣ частные и мѣстные вопросы (?), лежащіе въ этой области?“ *).

*) Какъ отличенъ отъ блѣдныхъ и уклончивыхъ формулъ «Впереда» ясный языкъ Бакунина, который еще въ 1862 г. писалъ отъ имени «русской революціонной партіи»: «Хотимъ, чтобы Польшѣ, Литвѣ, Украинѣ, Финнамъ и Латышамъ прибалтийскимъ, а также и Кавказскому краю была возвращена полная свобода и право распорядиться собою и устроиться по своему произволу, безъ всякаго съ нашей стороны вмѣшательства, прямаго или косвенаго».

«Хотимъ братскаго и, если возможно, федерального союза съ Польшею, Литвою, Украиною, Прибалтийскими жителями и народами Закавказского края. (Народное Дѣло. Романовъ, Пугачевъ или Пестель, 41—42).

Можетъ быть, романовскіе украинцы, равно какъ и бѣлоруссы, и включены въ число этихъ „другихъ племенъ“, — но можетъ быть, и не включены; можетъ быть, по мнѣнію „Впереда“, интересы ихъ вполнѣ помѣщаются въ его „русскихъ интересахъ“. Судя по всему, выписанному изъ „Впередъ“ выше, можно думать, что послѣднее предположеніе всего вѣроятнѣе. Понятно по этому, что „Впередъ“ не только не могъ стать „органомъ всѣхъ“ славянскихъ соціалистовъ, какъ онъ на то надѣялся, но даже не могъ дать своимъ единомышленникамъ въ Россіи вѣрнаго взгляда на организацію и способы пропаганды соціалистическихъ ученій среди разныхъ племенъ ея населенія. Боязнь же его рѣшительно выступить противъ всякихъ пополновеній и софизмовъ польского исторического патріотизма заявлениемъ, подобно Бакунинскому, что истинная Польша — есть только страна, въ которой чернорабочія массы — поляки, — т. е. *Польша этнографическая*, поставила его на такую наклонную плоскость, по которой онъ чѣмъ далѣе, все больше долженъ быть скользить въ сторону уступокъ польскому историческому патріотизму. И если этими уступками „Впередъ“

не надѣлалъ большихъ бѣдъ, ни полякамъ, ни соціалистическому движенію въ Россіи, то только потому, что время, когда онъ выходилъ, было довольно глухое относительно польскихъ дѣлъ и потому единомышленники „Впереда“ могли обнаруживать свою уступчивость передъ польскимъ историческимъ патріотизмомъ только платоническими манифестаціями. Таковъ напр. была въ особенности рѣчъ г. П. Лаврова на одномъ изъ банкетовъ, данныхъ въ Лондонѣ въ 1875 г. и описанныхъ во „Впередѣ“ 1875, №№ 3 и 24.

Первый изъ упомянутыхъ банкетовъ былъ данъ въ память восстанія 1863 г. Здѣсь К. Марксъ произнесъ рѣчъ, въ которой, по обыкновенію, настаивалъ на необходимости „восстановить Польшу“, чтобы разорвать связь между Россіей, Пруссіей и Австріей,—какую Польшу,—историческую, или этнографическую?—нѣмецкій ораторъ не сказалъ,—но, конечно, ту, за которую было восстаніе 1863 г. Никто изъ ораторовъ, ни поляковъ, (напр. г. Врублевскій), ни великоруссовъ, которые всѣ говорили о польскомъ народѣ и его будущей соціальной свободѣ, не поднялъ вопроса о другихъ

народахъ въ предѣлахъ этой Польши. Довольно близко подошелъ было къ этому вопросу одинъ изъ ораторовъ, г. Судзиловскій,—названный въ „Впередѣ“ „русскимъ“, изъ Могилевской губерніи, т. е. изъ Бѣлоруссіи. Онъ сказалъ было, что „не смотря на симпатіи къ польскому движенію 1863 г., онъ не могъ не замѣтить, что на его родинѣ народъ (какой? бѣлорусскій? русскій? польскій?) далеко не былъ на сторонѣ революціи; напротивъ, крестьяне нерѣдко шли открыто противъ возставшихъ, видя въ нихъ бунтующихъ пановъ. По его мнѣнію, „польская революція (1863) была революціей шляхты, а не народа, — и въ этомъ причина ея неудачи.“ Но и г. Судзиловскій, судя по крайней мѣрѣ по отчету „Впереда“, не поставилъ вопроса: что же такое его „родина“? — Польша или нѣтъ? — и можетъ ли быть въ ней какая бы то ни было *польская* революція иною, кроме революціи шляхты? Онъ сказалъ только, что польскіе революціонеры не должны забывать, что если польскому дворянству и буржуазіи надоѣло московское иго, — то не меныше надоѣло польскому народу (гдѣ? въ Бѣлоруссії?) иго шляхетское (г. Судзиловскій могъ бы

сказать въ соотвѣтствіе словамъ „иго московское“—„бѣлорусскому народу надоѣло иго польское“) и что „путь соціальной революціи есть единственный путь для польского народа“ (а для бѣлорусского?) Однако и такое замѣчаніе вызвало, по словамъ отчета во „Впередѣ“, „возраженіе г. Врублевскаго, ссылавшагося на цифры“—и г. Судзиловскій „на это отвѣчалъ, что его воззрѣнія сложились лишь на основаніи видѣннаго и слышаннаго въ той мѣстности, гдѣ онъ жилъ“ (т. е. въ могилевской губерніи). Этимъ разговоръ и кончился! Редакція „Впереда“ съ своей стороны заявила въ общихъ словахъ привѣтъ „той группѣ польской эмиграціи, которая рѣшительно отказалась отъ старой, чисто-политической агитациіи для народно-соціалистическихъ началь, распространенныхъ на всѣ племена, на всѣ языки такимъ образомъ, чтобы свободная будущность польского народа была обеспечена международнымъ соціальнымъ переворотомъ“. Но замѣчаніе это теряетъ двѣ трети своей цѣны именно по своей абстрактности,—такъ какъ, конечно, для польского народа всего интереснѣе соціальный переворотъ среди народовъ емусосѣднихъ,

въ томъ числѣ среди народовъ: литовскаго, бѣлорусскаго и украинскаго. А о нихъ то ни однимъ словомъ не было упомянуто ни на банкетѣ, ни въ газетѣ, его описавшѣй.

Если заявленія польскихъ и великорусскихъ ораторовъ на первомъ банкетѣ страдали преимущественно боязливою неясностью, то рѣчь великорусскаго оратора на второмъ банкетѣ,—въ память восстанія 1831 г. носила на себѣ характеръ явнаго отклоненія въ сторону старого польскаго патріотизма даже отъ заявлений сдѣланныхъ на первомъ банкетѣ. Прежде всего совсѣмъ даже не понятно, зачѣмъ понадобилось соціалистамъ и при томъ не полякамъ праздновать годовщину восстанія 1830 г., которое не имѣло въ себѣ даже той демократической доли, которая все таки была въ восстаніи 1863 г. На второмъ банкетѣ полякъ, рабочій Якубовскій прямо сказалъ, что революція 1831 г. была „панская“,—и слова его остались безъ возраженій. Тѣмъ не менѣе соціалисты поляки, а также иѣмцы и великоруссы, приняли участіе въ празднованіи памяти обѣ этой революціи. Рядъ рѣчей открыли чтеніемъ зауряднаго заявленія К. Маркса и Энгельса о „необходимости не-

зависимости Польши“, какъ одного „изъ основныхъ камней освобожденія европейскаго пролетариата (!)“ Двѣ рѣчи г. Врублевскаго, французская и польская, отличались рѣшительностью своихъ заявлений въ пользу соціализма,—но неполнотою и неясностью ихъ частныхъ приложений къ тѣмъ странамъ, о которыхъ ему пришлось говорить. Ораторъ заявилъ, что только „соціально-демократическая партія можетъ внести гармонію въ міръ славянскихъ народовъ въ Австріи“,—но не сказалъ ничего въ частности относительно народовъ польского и украинскаго въ самой интересной для поляковъ странѣ въ этой Австріи, въ Галиціи. О Россіи г. Врублевскій сказалъ,—что въ ней „единственная партія, имѣющая для поляковъ значеніе, это партія соціально-демократическая“—что „польский и русскій народъ должны возстать вмѣстѣ, какъ наши отцы говорили: за нашу и вашу вольность“. Но о существованіи другихъ народовъ въ Россіи польскій ораторъ не упомянулъ,—а между тѣмъ польскій и русскій народъ могутъ „подать другъ другу руки“ только при посредствѣ народовъ украинскаго, белорусскаго, латышскаго и литовскаго, изъ

которыхъ два послѣдніе не только не польскіе, ни русскіе, но даже и не славянскіе. Всѣ такія умолчанія главнаго оратора банкета отняли у послѣдняго всякое реальное значеніе, какое онъ могъ бы имѣть, какъ одинъ изъ сигналовъ будущей дѣятельности новой польской партіи, которая должна бы начать съ радикального разрыва со всѣми старыми историческими партіями.

Великорусскій ораторъ, г. Лавровъ, началъ свою рѣчъ съ восклицанія: „Товарищи соціалисты“! и затѣмъ спрашивается: „Нѣтъ ли противорѣчія въ томъ, что мы сошлись помянуть добрымъ словомъ борцовъ 1830 г. за польскую національность? Не должны ли мы, во имя международнаго рабочаго соціализма, знамя котораго есть наше знамя, отречься отъ прошедшаго, разорвать связь съ традиціей политической, національной борьбы?“—и отвѣчаетъ: „Нѣтъ! Потому что международный соціализмъ не есть отреченіе отъ исторіи; онъ есть, напротивъ, продуктъ всей предыдущей исторіи“,—и затѣмъ перечисляетъ историческіе примѣры борьбы съ деспотизмомъ и во имя свободы совѣсти, свободы политической, на-

циональной, пока люди поняли, что все виды свободы достигаются при успехѣ международной соціально-демократической борьбы. Г. Лавровъ вспоминаетъ и римскихъ рабовъ, и англійскихъ Лоллардовъ, французскую Жакерію, крестьянскую войну въ Германіи, Богумиловъ въ Болгаріи, Таборитовъ въ Чехіи, Джюрдано Бруно, Социніанъ и т. п. историческихъ дѣятелей, какъ своихъ „историческихъ предшественниковъ“, и приходитъ къ заключенію, что „мы, соціалисты, можемъ съ полнымъ правомъ почитать въ ряду ихъ и борцовъ за независимость польского народа“.

Конечно, это право могло бы быть доказано и съ меньшимъ количествомъ историческихъ примѣровъ. Но если уже понадобилось перечислять „историческихъ предшественниковъ“ славянскихъ соціалистовъ, то не странно ли, что рядомъ хоть съ Богумилами ораторъ не поставилъ напр. борьбы белорусскихъ и украинскихъ Братствъ, въ союзѣ съ протестантами, противъ католической униї въ старой Польшѣ и Литвѣ,—или рядомъ съ Таборитами не упомянулъ напр. „Товариства (коммуны) запорожскаго“, которое, кста-

ти сказать, и самый строй тaborами заимствовало отъ чешскихъ Таборитовъ, которымъ ходили помогать наши волынцы и подоляне въ XV в. Конечно, такія напоминанія все равно, что тѣнь Банко на банкетахъ польскихъ историческихъ патріотовъ,—но собранію людей, отрѣшившихся отъ старыхъ предразсудковъ, этихъ напоминаній нечего было бояться. Забыть же совсѣмъ о казакахъ, не только объ украинскихъ, но и о великорусскихъ, г. Лаврову было нѣсколько странно, хоть бы въ виду того, что въ Г.т. „Впереда“ была помѣщена статья, въ которой проводится параллель между возстаніемъ С. А. Соединенныхъ Штатовъ за независимость и Пугачевщиною, и послѣдней отдается предпочтеніе, какъ болѣе близкому историческому предшественнику русскаго соціализма. Кому же и чому оказалъ любезность г. Лавровъ своимъ умолчаніемъ? Ничему, какъ только польскому консервативно-историческому патріотизму! *)

*) Простою любезностью къ самолюбію польскихъ національ-либераловъ слѣдуетъ объяснить и слѣдующія слова г. Лаврова: „Социніане XVI XVII вѣкѣвъ, которые изъ цѣлаю міра въ одной Польши находили убѣжище, и тамъ въ Раковѣ,

Всѣ такія любезности и уступки, сопровождаемыя ни къ чему не обязывающими фразами о солидарности,—дѣло весьма обыч-

въ сарматскихъ „Аениахъ“, и послѣ въ своихъ скитаніяхъ, проповѣдывали то ученіе, которое должно было сдѣлаться религіей Вольтера, Пристлея, Ченнинга.“ Если бы Польша дала прочное убѣжище социніанамъ, то имъ нечего бы было и скитаться, какъ говорить г. Лавровъ, *послѣ*. Все дѣло въ томъ, что Польша была временнымъ убѣжищемъ социніанъ, какъ была имъ и Швейцарія (особенно Базель), пока ортодоксы разныхъ вѣроисповѣданій не разбирали, чѣмъ пахнетъ ихъ ученіе, и гораздо меньше, чѣмъ напр. Трансильванія. Вскорѣ, однако, польское правительство послѣдовательнымъ рядомъ актовъ, принятыхъ именно въ то время, когда уже повсюду на Западѣ смягчался духъ религіознаго преслѣдованія (въ 1632, 1650, 1658, 1660 гг.) уничтожило въ Польшѣ эту секту, между тѣмъ какъ въ Трансильваніи она получила признаніе въ ряду четырехъ другихъ религіозныхъ партій въ 1571 г. и сохранилась до сихъ поръ. Въ Трансильванію бѣжали социніане и изъ Польши, а также въ Пруссію и Голландію, где полякъ-социніанинъ Любеницкій продолжалъ издание раковской *Bibliotheca fratrum polonorum*. Нелишнимъ считаемъ замѣтить, что между социніанами въ старой Польшѣ и Литвѣ были и белоруссы,—какъ напр. Будный, защитникъ сохраненія белорусскаго языка среди ополячившейся шляхты,—и украинцы, какъ напр. Синюты, Немиричи и пр. Изъ послѣднихъ происходилъ и известный казацкій полковникъ, авторъ

ное на международныхъ праздникахъ и особенно въ эмигрантскихъ кружкахъ, гдѣ онъ очень часто произносится въ силу правила: „кукушка хвалить пѣтуха за тѣмъ, что хвалить онъ кукушку“. Но въ данномъ случаѣ участвовали слишкомъ серьезные люди и при томъ представители двухъ начинаяющихся движений, а потому всего полезнѣе для обоихъ было бы, безъ всякаго лавирования, поставить крупныя точки на всѣ i сложнаго польскаго вопроса. Повторяемъ, большой бѣды всѣ эти лавированья никому не причинили, — но все таки они задержали среди склонныхъ къ соціализму поляковъ развитіе идей, вполнѣ радикально разрывавшихъ съ старыми польскими политическими стремленіями, и порождали въ польскомъ, если не въ великорусскомъ, обществѣ все таки довольно вредныя недоразумѣнія. Такимъ недоразумѣніемъ было напр. то, что галицко-поль-

гадячского договора 1658 г., по которому въ Украинѣ и въ Бѣлоруссіи должны были быть учреждены университеты съ свободою преподаванія, дана свобода открытія гимназій, типографій и свобода печати. Этотъ Немиричъ самъ долженъ былъ бѣгать отъ польскихъ законовъ въ Голландію.

скія шляхетско-буржуазныя газеты долго говорили о „Впередѣ“ съ большою симпатією, и самъ „Впередѣ“ (1875, № 17) перепечаталъ отзывы о русскихъ соціалистахъ одной изъ нихъ, «Dziennika Polskiego», (кстати сказать, одной изъ самыхъ нетерпимыхъ къ русинамъ). Эта газета заявила, что сама не признаетъ соціалистического идеала, но полагаетъ, что будущая революція въ Россіи (w Moskwie) будетъ соціальная и говоритъ съ большой симпатіей о русскихъ (moskiewskich) революціонерахъ. Если, по словамъ „Dz. Polsk.“ (1877, № 278) „московские революціонеры нуждаются въ полякахъ, какъ поляки въ московскихъ революціонерахъ“, —то при заявленномъ выше несогласіи въ идеалахъ, очевидно, желаемый газетою союзъ долженъ бы быть страдать всѣми слабыми сторонами союза 1863 г., —и „будущая соціальная революція“ въ Россіи могла быть интересна партіи „Dziennika“ только какъ „смута“.

Подобныя, крайне вредныя для „московскихъ революціонеровъ“ заявленія симпатій со стороны шовинистскихъ галицко-польскихъ газетъ прервались только тогда,

когда въ Галицію проникло дѣйствительно „непримиримое“ для тамошнихъ господствующихъ классовъ (польскихъ) украинское соціалистическое движение, которое тамошнія польскія газеты, по своему обыкновенію, объявили было новымъ видомъ „московской интриги“. Съ тѣхъ поръ,—со времени львовскихъ процессовъ 1877—1878 гг.,—польскіе шляхетско-буржуазные органы стали со злобою говорить и объ издателяхъ „Впередъ“, помѣщая ихъ, вмѣстѣ съ украинскими дѣятелями, въ разныя фантастические комитеты, будто бы посылающіе изъ Женевы и Лондона своихъ агентовъ въ Галицію для посъванія смуты спачала между русинами, а потомъ и между поляками *). Но и тогда „Dziennik Polski“, —

*) См. особенно Gazeta Narodowa 1877, № 137 (о пропагандѣ „найстрашнѣйшаго терроризму“ и „разбойничьемъ соціализмѣ московскомъ“), а также въ Dz. Polskim 1877, № 133. Галицко-польскія газеты пробовали спачала отде́лить „московскихъ разбойниковъ-нигилистовъ“ отъ нѣмецкихъ соціалистовъ, но когда проиесся слухъ, что и эти послѣдніе предпринимаютъ соціалистическую пропаганду на польскомъ языке въ Познани,—то обрушились и на нихъ, не смотря на всѣ ихъ симпатіи „возстановленію Польши“. Тревога, однако, оказалась

поражая издателей женевскихъ украинскихъ брошюръ, противопоставлять имъ „истинныхъ московскихъ революционеровъ (iście rewolucyjne organy moskiewskie), которые-де выступаютъ противъ женевскихъ украинцевъ за ихъ „непріязненное отношение къ полякамъ“, — т. е. собственно къ польской шляхтѣ и къ польскимъ государственнымъ порядкамъ въ Галиціи. (Подъ этими „органами“, по всей вѣроятности, разумѣется „Набатъ“).

Теперь, когда дѣятельность „московскихъ нигилистовъ“ принимаетъ болѣе политическое, чѣмъ соціально-экономическое направление, отзывы о нихъ польскихъ газетъ становятся опять болѣе симпатичны,— и когда, какъ слѣдуетъ непремѣнно ожидать, въ польскихъ областяхъ Россіи поднимается опять національно-политическое движение, то учение о томъ, что „московские революционеры

совершенно напрасною: „германская соціальная демократія“ такъ и не собралась на изданіе польской соціалистической ни газеты, ни даже брошюры для поляковъ, входящихъ въ составъ германского государства. Для этого надо было самихъ поляковъ, да еще изъ Россіи. Фактъ—поучительный для сторонниковъ государственныхъ основъ для организаціи соціалистическихъ партій.

нуждаются въ польскихъ патріотахъ, какъ польские патріоты въ нихъ“, конечно, опять должно пойти въ ходъ. По скольку тутъ дѣло идетъ о дѣйствительно польскомъ народѣ и вполнѣ законныхъ требованіяхъ поляковъ, — въ предѣлахъ этнографической Польши, — ученіе это вполнѣ основательно. Но по скольку тутъ идетъ дѣло объ историческомъ и даже шовинистическомъ патріотизмѣ польскомъ,— отъ догматовъ котораго не думаютъ отступать ни на юту галицкія польскія газеты,— ученіе это заключаетъ въ себѣ зародышъ ошибокъ, подобныхъ тѣмъ, какія были сдѣланы въ 1863 г. Вотъ тутъ то и нужно „московскимъ революціонистамъ“ избѣгать такихъ неясностей, умолчаній и любезностей, какія мы видѣли въ отношеніи къ Польшѣ во „Впередѣ“, а равно остере-гаться такихъ заявлений, какія были сдѣланы подъ однимъ изъ почтеннѣйшихъ именъ въ русской революціонной средѣ на женевскомъ митингѣ 30 ноября 1880 г. въ память польского восстания 1830 г., — въ словахъ: „я не знаю, какъ глубоко вкоренены въ Польшѣ національные чувства, и на-сколько могутъ они препятствовать развитію соціалистического движенія. Наши то-

варищи поляки, которые дѣйствовали въ Польшѣ, надѣются, что чувства эти попрепятствовать этому движенію не могутъ, и мнѣ кажется, что мы можемъ имъ вѣрить. А если они и ошибаются, — такъ что жъ изъ этого? Ежели національное возстаніе еще разъ вспыхнетъ въ Польшѣ, тогда слишкомъ поздно будетъ противудѣйствовать ему посредствомъ какой бы то ни было соціалистической пропаганды. Тогда и они (польские соціалисты), можетъ быть, примутъ участіе въ этомъ возстаніи, — и мы, можетъ быть, примемъ въ немъ участіе. Тогда это будетъ уже дѣло не убѣжденій, а чувства, темперамента!“ (Biblioteka « Równoſci », t. I, 71, Mowa ob. Wiary Zasulicz).

Мы считаемъ излишнимъ повторять здѣсь слова Чернышевскаго о недостаточности однихъ чувствъ, а тѣмъ болѣе темперамента для вѣриаго направлешія политической дѣятельности. Но совершенно умѣстно будетъ замѣтить по поводу этихъ словъ, что единственное средство предохранить отъ напрасной гибели и будущее польское національное движеніе, и тѣхъ соціалистовъ, польскихъ и русскихъ, которые „можетъ быть пристануть къ нему“,

— это: всегда строго ставить себѣ и другимъ вопросъ о томъ,— гдѣ польское національное движение имѣеть себѣ мѣсто, а гдѣ иѣть? т. е. вопросъ о границахъ настоящей Польши, — а также никогда не ставить польского вопроса только между Польшой и Россіей, поляками и великоруссами (русскими, *rossyjanami*), — а между поляками и литвинами, латышами, бѣлоруссами и украинцами, — т. е. и въ томъ и въ другомъ случаѣ поступать не такъ, какъ поступалъ „Впередъ“ и ораторы женевскаго митинга 1880 г.

Единственное средство дать здоровое направление польскому національному чувству въ вопросахъ организаціи политической и соціалистической революціи, — это организація политическихъ и соціалистическихъ партій для націй плебейскихъ въ бывшей Польшѣ, — а именно партій литовской, латышской, бѣлорусской и украинской, на совершенно равной ногѣ съ партіями польскими и великорусскими. И наибольшая услуга, какую могли бы оказать „руsskie“ революціонеры и соціалисты своимъ польскимъ друзьямъ, — если уже не говорить о народахъ, — это способствовать организаціи

вышеупомянутыхъ партій. Правда, что для этого имъ самимъ надо радикально отрѣшиться отъ своихъ національно-государственныхъ предразсудковъ и согласиться на раздѣлъ того, что имъ кажется единою Россіею и едино-русскимъ.

Но такое отрѣшеніе и такое согласіе развиваются и среди „русской интеллигенції“ также тugo, какъ и среди польской. Это подтверждается, кромѣ всего сказанного выше, судьбою среди другихъ группъ русскихъ соціалистовъ 70-хъ годовъ той группы, которая всего болѣе хотѣла оставаться вѣрною направлению, данному Бакунинымъ. Мы разумѣемъ ту группу, которая издавала въ 1874 г. въ Женевѣ газету „Работникъ“, — первый опытъ великорусской соціалистической газеты для рабочихъ. Между прочимъ редакціей „Работника“ издана была книга „Сытые и Голодные“, по нашему миѣнію, вмѣстѣ съ брошюрою „Хитрая Механика“, лучшая до сихъ поръ популярная соціалистическая книга на великорусскомъ языкѣ. Въ книгѣ этой, представляющей опытъ изложенія исторіи пролетаріата, довольно послѣдовательно проведена ан-архическая, федеративная точка зрењія и от-

носительно истории Россіи: областному элементу указано надлежащее мѣсто; борьба украинцевъ съ Польшею и московская централизація освѣщены вѣрно; даже польское восстаніе 1863 г. и участіе въ немъ великорусскихъ демократовъ объяснено тоже довольно вѣрно, во всякомъ случаѣ съ должной критикою. (стр. 409-412). Послѣднее тѣмъ болѣе интересно, что въ редакціи „Работника“ принималъ участіе г. Н. Жуковскій, великорусъ, который въ свое время былъ судимъ за раздачу прокламацій къ арміи, благопріятныхъ польскому восстанию. „Работникъ“, конечно, не смогъ взять на себя инициативы изданій для народа на другихъ языкахъ, кроме великорусского, и остался собственно не общерусскою, а только великорусскою газетою, но въ его типографіи была напечатана и прокламація на украинскомъ языкѣ „Золота Грамота“, (правда, не вполнѣ удачная) составленная лицами, которыхъ хотя и пристали къ великорусскимъ соціалистамъ, но которыхъ не совсѣмъ забыли, что украинскій народъ представляетъ свои особенности по крайней мѣрѣ хоть по языку. Но на этомъ и окончились попытки дифференцированія русскихъ ан-архистовъ

въ Женевѣ. Они не только не дошли до всероссійской федералистической организаціи, но не поставили и общаго вопроса о пей, хоть такъ, какъ пробовалъ было ставить его Бакунинъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ скоро оказалось, что и въ томъ своеемъ видѣ, въ какомъ сложилась группа „Работника“, она не встрѣтила поддержки въ Россіи, въ которой изъ всѣхъ соціалистическихъ фракцій, фракція „Работника“ оказалась самою слабою численностью, и потому должна была скоро прекратить свои публикаціи.

Въ 1878 г. иѣкоторые члены изъ редакціи „Работника“, вмѣстѣ съ другими лицами, попробовали было основать въ Женевѣ газету „Община“. Эта послѣдняя въ своей программѣ помѣстила нѣсколько строкъ, которыя показывали намѣреніе вывести „русскую соціально-революціонную партію“ изъ обруслительного унитаризма „Набата“ и „Впереда“ *). Въ статьѣ г. Жуковскаго „Реформы

*) Вотъ относящееся сюда мѣсто изъ объявленія обѣ изданіи „Общины“, —появившагося за подписью Н. Аксельрода, Н. Жуковскаго, Д. Клеменса и З. Ралли: „Для соціалистовъ, ведущихъ пропаганду на русскомъ языкѣ и дѣйствующихъ въ предѣлахъ русского государства, населеннаго разными племенами,

и революція“ сдѣлана была еще болѣе рѣшительная попытка указанія необходимости народно-областной дифференціаціи дѣла соціалистической пропаганды въ Россіи и оцѣнка значенія заявившаго уже тогда себя украинскаго соціалистического движенія, между прочимъ какъ такого, которое выходитъ за предѣлы Россійскаго государства, а потому тѣмъ болѣе не можетъ быть уложено въ рамки российской соціаль-демократіи. Г. Жуковскій писалъ:

„Мысль о благодѣтеляхъ, о диктаторахъ, о комитетахъ, предписывающихъ движение сверху внизъ, отходитъ въ область прошлаго вмѣстѣ съ старымъ понятіемъ о самой революціи.

„Движеніе должно совершаться уже самими действующими, должно идти съ низу

отличающимися другъ отъ друга своими обычаями, языкомъ, отношеніемъ къ вещамъ и лицамъ, единственный путь для успешной борьбы съ государствомъ и господствующимъ экономическимъ порядкомъ, представляетъ свободный союзъ мѣстныхъ и национальныхъ соціалистическихъ группъ. Только подъ ихъ дружными, соединенными усилиями можетъ рухнуть зданіе современного строя въ томъ чудовищномъ учрежденіи, которое называется Россійской имперіей“.

вверхъ, отъ частнаго къ общему, отъ секціи къ Федерации, области секцій; отъ областной къ національной, отъ національной къ міровой.

„Въ политикѣ, въ государствѣ, фикція государственная стираетъ личность, уничтожаетъ ее. *La raison d'Etat*, какъ финикийскій молохъ, пожираетъ своихъ собственныхъ дѣтей, отнимая у нихъ личность. Въ положительной организаціи, въ общественной организаціи труда, каждый работникъ, каждый членъ общества становится, напротивъ, сознательной личностью; не онъ существуетъ для организаціи, а организація для него.

„Такова (?) революціонная мысль, съ которой въ позднѣйшее время молодежь наша пошла въ народъ.

„Въ молодежи украинской автономныя и демократическія идеи проявились съ новой силой въ концѣ шестидесятыхъ годовъ; малороссійскіе революціонеры на этотъ разъ болѣе рѣшительно примыкаютъ къ общеевропейскому федеративному соціализму.

„Украинская молодежь выбита изъ узкой колеи пропаганды въ одной только русской Украинѣ; она выступаетъ въ открытое, внѣ-

государственное, интернациональное поле. Ошибся Александръ Николаевичъ: онъ думалъ разомъ положить конецъ революционной пропагандѣ, а она не только выросла въ Украинѣ русской, но вошла въ предѣлы его сосѣда-союзника, австро-венгерского императора. Такъ-то сложилась украинская соціалистическая партія. Въ силу самихъ обстоятельствъ она должна быть федеративная: съ одной стороны, она федерируется съ федералистами-революционерами Россіи, съ другой съ западно- и юго-славянскими революционерами, польскими и всякими другими соціалистами-революционерами, принимающими федерализмъ за основу организаціи.

„Въ этомъ новомъ движениі зародыши будущаго народовъ, скованныхъ желѣзной лапой всероссійскаго императорства. Въ нынѣшней официальной Россіи „всероссійскаго“ вѣдь только и есть, что царь, солдатъ, попъ, чиновникъ и помѣщикъ, патронъ да купецъ; эти разновидные факторы власти однородны и можно назвать ихъ не только всероссійскими, но и всемірными. У русскаго правительства есть русскій жандармъ, русскій шпіонъ, а народа всероссійскаго нѣтъ.“

„Безъ Грузинъ, Армянъ и безчисленнаго множества инородцевъ, которыхъ считать всероссийскими позволительно только становому приставу, въ предѣлахъ имперіи живеть 36,000,000 великоруссовъ, 14,239,000 малоруссовъ, 4,749,212 поляковъ да 4,000,000 белоруссовъ. У каждого изъ этихъ народовъ свое бытовое устройство, свой земледѣльческій строй; каждому изъ нихъ нужно, следовательно, не только предоставить право внутренняго самоустройства, но и всѣмъ имъ предоставить право Федерации, какъ она можетъ сложиться по ихъ собственной инициативѣ. Офиціальная Россія, раздвинувшая завоеваніе Ермака до Восточнаго океана, подчишила и всю сѣверную Азію власти всероссийскаго становаго, а между тѣмъ въ недалекомъ будущемъ интересы восточной Сибири потянутъ больше къ Соединеннымъ Штатамъ, чѣмъ къ Петербургу или Одессѣ.

„Москвичъ, полякъ, украинецъ, сибирякъ другъ другу не указчики, а товарищи. Теперь они всѣ живуть подъ гегемоніей великоруссовъ и называются русскимъ народомъ, потому именно, что надъ ними русской становой; исчезнеть становой, и всѣ

эти народы будутъ предоставлены самимъ себѣ, а въ какихъ предѣлахъ и какъ они сфедерируются другъ съ другомъ, это можетъ показать только практика“. (Община, № 5). *)

Но и федерализмъ и анти-государственность „Общины“ не встрѣтили сочувствія въ „русскихъ“ соціалистическихъ кругахъ. Сама „Община“ должна была помѣстить безъ всякихъ оговорокъ со стороны редакціи статью г. Як. Стефановича объ украинскомъ сборнику „Громада“. Въ статьѣ этой всѣ указанія „Громады“ на недостатокъ должной дифференціаціи въ дѣйствіяхъ и даже въ литературной дѣятельности великорусскихъ соціалистовъ, взявшихся работать на всемъ пространствѣ Россіи, населенной разными народами, и о несправедливости такого образа поведенія относитель-

*) Мы должны упомянуть еще о статьѣ г. Аксельрода „Переходный моментъ нашей партіи“ въ 8—9 № „Общины“, где срезюмированы почти всѣ критическія замѣчанія „Громады“ о недостаткахъ „русскаго“ соціалистического движенія 70-хъ годовъ, въ томъ числѣ и „шаблонности“ пріемовъ и „безплотности“ формулы, которую р. соц. „имѣли претензію перенести въ сознаніе племенъ и народовъ Российской имперіи“.

но невеликорусскихъ народовъ, признаны были неосновательными, и продиктованными недоброжелательствомъ и узкимъ націонализмомъ; положеніе дѣлъ въ русской соціально-революціонной партіи такимъ образомъ признано было вполнѣ нормальнымъ, не требующимъ реформъ. Вскорѣ за тѣмъ одинъ изъ видныхъ великорусскихъ соціалистовъ, г. П. Л. (*Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, 1879, I, 275) укорилъ „Общину“ и за тѣ уступки, какія она позволила себѣ сдѣлать въ своей программѣ народно-федеральному направлению; онъ увидѣлъ въ этихъ уступкахъ „открытие стра- ницъ „Общины“ южнорусскимъ націонали- стамъ“ (??) *). Когда писанъ былъ этотъ

*) *Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, 1879, I, 275: «Община» считаетъ особенно необходимымъ, чтобы внутри русского государства дѣйствующія группы устроились какъ союзъ от- дѣльныхъ «національныхъ» группъ, вместо того чтобы, какъ прежде все соціалисты (русскіе, конечно) образовывали массу, не смотря на націо- нальные различія великоруссовъ, малоруссовъ и поляковъ. Такимъ образомъ этимъ (заявлениемъ) редакція открыла свой листокъ и (auch) южнорус- скимъ націоналистамъ». Г. П. Л. не захотѣлъ обра- тить вниманія на то, что ненормальность прежняго

укоръ „Община“ уже перестала существовать,—и никакой другой „русскій“ органъ не говорилъ уже о необходимости дифференціації въ дѣятельности „русскихъ“ соціалистовъ.

Такимъ образомъ попытки народно-федералистической реакціи противъ идеи государственно-националистической централизациі въ великорусской соціалистической литературѣ проявились очень слабо и скоро заглохли, — а тѣмъ самимъ оказалась невозможность для такъ называемой русской соціально-революціонной партіи сдѣлаться изъ частной великорусской партіи дѣйствительно всероссійскою, и вполнѣ интернаціональною

положенія дѣла состояла не въ томъ, что въ русские соціалисты поступали люди безъ различія национальностей, а въ томъ, что всѣ они приспособлялись къ работѣ для одной только государственной национальности. Союзная областно-національная организація не только не исключаетъ своего интернаціонализма, (не только по цѣли, но и по составу партіи),—а напротивъ справедливѣ осущестляетъ «требованія» интернаціонального соціализма. Тѣ, которыхъ г. П. Л. угодно было назвать «южнорусскими націоналистами» были именно противниками национальной монополіи. (Подробнѣе см. объ этомъ въ нашей замѣткѣ *Der kleinrussische Internationalismus*, въ томъ же *Jahrbuch*, т. II).

партиею, посредствомъ *дифференцированія сверху внизъ*. Правда, послѣ сдѣланныхъ со стороны украинскихъ соціалистовъ замѣчаній, не только „Впередъ“, но и „Набатъ“ признали въ теоріи необходимость локализаціи и даже „націонализированія средствъ“ пропаганды соціализма въ Россіи. „Впередъ“ въ т. V (новой редакціи) долженъ быть даже признаться, что напр. „Громада“ вполнѣ вѣрно указала недостатки въ дѣятельности „русскихъ“ соціалистовъ: „шаблонность приемовъ, слабое вниманіе къ мѣстнымъ особенностямъ“ и т. п., но только объяснялъ эти недостатки не такъ, какъ „Громада“, т. е. не тѣми причинами, какія мы указывали и въ настоящихъ статьяхъ, — а лишь малочисленностью русскихъ соціалистовъ, — и обѣщалъ, что „всѣ эти недостатки со временемъ исчезнутъ. Ряды соціалистовъ возрастаютъ и каждый изъ нихъ найдетъ себѣ мѣсто среди населенія, съ которымъ ему наилучше сблизиться. Никто не пойдетъ тогда проповѣдывать соціализмъ полякамъ на еврейскомъ языке, малоруссамъ на чухонскомъ (!). Практикой постепенно вырабатываются *приемы* для мѣстной пропаганды,—несколько отличные отъ приемовъ

пропаганды въ другой мѣстности“ (Впередъ, V, 161—162). Но всѣ такія признанія не вели за собою никакихъ практическихъ по-слѣдствій. Напр. весь періодъ пропаганды соціализма въ Россіи посредствомъ брошюрокъ прошелъ безъ того, чтобы русскими соціалистами издана была хоть одна строчка, приспособленная,—по языку и по содер-жанію, къ какой бы то ни было мѣстности, кромѣ великороссійской. Исключение составляеть развѣ упомянутая выше женевская „Золота Грамота“. Между тѣмъ пѣкоторыя лица, попавшія въ русскіе соціалистические круги изъ тѣхъ, въ которыхъ еще дѣржались традиціи украинскаго движенія 60 хъ годовъ, чувствовали необходимость пропаганды и соціализма на народныхъ языкахъ и старались проводить эту идею и среди русскихъ соціалистовъ, но совершенно безу-спѣшно. Еще въ 1874 г. мы видѣли въ Петербургѣ рукопись украинскаго перевода „Хитрой механики“,—которую послѣ испра-вленія ея со стороны языка, однимъ „укра-инофиломъ“, который относился скептически къ задуманному тогда „хожденію въ па-родъ“, но счелъ себя обязаннымъ оказать помошь дѣлу, во всякомъ случаѣ искрѣнно

предпринятыму, — была отправлена въ Лондонъ для изданія,—котораго такъ и не дождалась ни отъ старой, ни отъ новой редакціи „Впереда“, типографія котораго, поддерживаемая между прочимъ и на средства, шедшія съ Украины, напечатала столько великорусскихъ книжекъ*). Еще въ началѣ 1874 г. однимъ изъ самыхъ почтенныхъ людей процесса 193 русскихъ соціалистовъ, человѣкомъ, въ которомъ первыя демократическія идеи, — (какъ и у многихъ южанъ) — были поселены украинскимъ движеніемъ 60-хъ годовъ, — была составлена брошюрка на украинскомъ языке: „Правдиве слово хлібороба до своїхъ земльаків“ и передана одному южному „русскому“ кружку для напечатанія, — но она была напечатана только въ 1876 г. „украинскими“ соціалистами. Эти послѣдніе увидали необходимость совершенно отдѣльной отъ „русскихъ“ организаціи, какъ единственнаго условія для того, чтобы издавалось и дѣжалось хоть что ни-

*) По показанію автора передовой статьи въ 1 № „Общины“, лица довольно компетентнаго, въ Россіи было распространено несолько десятковъ тысячъ этихъ книжекъ.

будь, приспособленное къ пропагандѣ соціализма среди украинскаго населенія, и чтобы такимъ образомъ Украина не была только оброчною статьею и для великорусскаго соціалистического движения, какъ была она и есть оброчною статьею для великорусскаго государства *).

*) Рецензентъ „Громады“ въ „Общинѣ“ объясняетъ отсутствіе печатанія всероссійскими соціалистами книгъ на иномъ языке, кромѣ великорусскаго, тѣмъ, что напр. „южнорусскіе соціалисты всегда придавали несравненно большее значеніе устной пропагандѣ, чѣмъ книжной.“ Это опять одно изъ такихъ же изобрѣтений россійской „самобытности“, какъ и раздѣленіе языковъ, на манеръ „Русск. Соц. Рев. Библіотеки“: одинъ — для „интеллигентії“, другой для „народа“. На гниломъ Западѣ понимаютъ: что безъ книжной пропаганды нѣтъ и устной, какъ безъ книгъ для „интеллигентії“ нѣтъ книгъ и для „народа“. Но посмотримъ, какъ стояло дѣло употребленія народнаго языка и въ устной пропагандѣ у „южнорусскихъ соціалистовъ“: Въ „Воспоминаніяхъ пропагандистки“ читаемъ: „языкъ малорусскій мнѣ былъ плохо извѣстенъ“; изъ „Чигиринскаго дѣла“ 1876 г., описаннаго въ „Черномъ Передѣлѣ“ № 1—2, узнаемъ, что дѣйствующіе тамъ русскіе соціалисты, украинскіе уроженцы, проповѣдывали организацію „тайной дружинѣ“, не зная, что по-украински „дружина“ значитъ — любовница-невѣста! По части приспособленія къ мѣстнымъ

Такимъ образомъ жизнь научила, что дѣйствительно всероссійскую, интернаціонально-федеральную партію и для пропаганды соціализма въ Россіи надо образовывать не сверху внизъ, а *снизу вверхъ*, приготовляя для нея сначала *частные*, областные и національные элементы, которые уже потомъ должны будутъ сферерироваться. Хотя такой способъ и неизбѣжно со-приженъ съ болью борьбы и временнаго раздробленія, которыхъ, конечно, лучше бъ было избѣжать, — но, кажется, такой ходъ дѣла самый естественный и обѣщаетъ наиболѣе прочныхъ результатовъ, — ибо, какъ это ни грустно, — но нужно сознаться, что

правственнымъ особенностямъ это чигиринское дѣло тоже характерно: въ немъ пущенъ былъ въ ходъ пріемъ самозванчины, котораго, какъ видно изъ № 3 „Черн. Пер.“, нѣкоторыя лица не оставили и до сихъ поръ. Между тѣмъ этотъ пріемъ совершенно противенъ всѣмъ преданіямъ украинскимъ, среди которыхъ можно найти зацѣпки не только для болѣе чистыхъ, но и болѣе республиканскихъ пріемовъ. Но на бѣду ознакомленіе съ украинскимъ языкомъ и преданіями, научнымъ способомъ, а не (валетомъ, считалось многими (въ томъ числѣ и упомянутымъ рецензентомъ „Общины“) дѣломъ „буржуазнымъ“, а не революціоннымъ!

вообще родъ человѣческій хромаетъ по части синтеза,— и что и то еще надо счесть за счастіе, если въ немъ есть достаточно людей, способныхъ хоть къ анализу!

Прежде всего съорганизовались совершенно отдельно отъ „русскихъ“ соціалисты украинские, начавши съ 1875 г. печатать свои изданія въ Вѣнѣ, потомъ въ Женевѣ и Львовѣ. Съ 1878 г. появляются соціалистическая брошюры новыхъ польскихъ соціалистовъ и за тѣмъ программа „польскихъ соціалистовъ“. Около того же времени принимаются за свою организацію и бессараабскіе выходцы въ Румыніи. Наконецъ въ 1880 г. въ Женевѣ печатается воззваніе отъ „группы соціалистовъ-евреевъ“, предполагающее печатаніе книгъ для пропаганды среди еврейского рабочаго населенія на Востокѣ Европы, на живыхъ его языкахъ (въ 1877 г. была сдѣлана покойнымъ Либерманомъ попытка соціалистического изданія на древнееврейскомъ языкѣ). Характеристично, что всѣ эти зачатки новыхъ организацій не только имѣютъ себѣ цѣлью не великорусское населеніе, но, вслѣдствіе расположения тѣхъ населеній, которымъ они избрали себѣ за поле дѣйствія,— выходятъ и

за предѣлы русскаго государства. Это обстоятельство дѣлаетъ еще болѣе труднымъ признаніе необходимости этихъ организацій со стороны тѣхъ, кто привыкъ видѣть всякаго „русскаго подданнаго“ погруженнымъ въ заботы и работы, исключительно помѣщающіяся въ рамкахъ государства Романовыхъ, въ которомъ дѣйствительно помѣщаются всѣ почти великоруссы, за исключеніемъ небольшаго числа раскольниковъ. Вотъ почему названныя невеликорусскія организаціи должны были вызвать тѣмъ большую реакцію въ „русскихъ“ соціалистическихъ кругахъ. Даже и теперь снисходительность литературныхъ представителей послѣднихъ напр. къ украинскимъ соціалистамъ не идетъ дальше признанія ихъ „фракціей русскаго соціализма“ (см. воззваніе, — первое, — обь изданіи „Русск. Соц.-Револ. Библіотеки“ или „Нѣсколько словъ обь организаціи партіи“ г. П. Лаврова въ „Черномъ Передѣлѣ“ № 3), — на каковое званіе украинские соціалисты вдвойнѣ не могутъ согласиться, такъ какъ украинское населеніе не фракція русской (великорусской) націи, а отдельная нація, — и такъ какъ ихъ работа въ Австро-Венгрии выводитъ ихъ за границы „русскаго“

государства. Не очень же давно самая мысль о сколько нибудь самостоятельной организації украинцевъ, и даже, какъ это ни странно,— мысль о печатаніи книгъ на украинскомъ языкѣ, считалась у большинства „русскихъ“ соціалистовъ за противный соціализму „націонализмъ“. Также само была встрѣчена (хотя и не въ литературѣ) и мысль объ организаціи бессарабскихъ румынъ. Кто бы этому не повѣрилъ, тому любопытно было бы послушать пренія на женевскомъ собраниі, созванномъ „группою соціалистовъ-евреевъ“ и нѣсколькими украинцами въ 1880 году для обсужденія мысли объ изданіи соціалистическихъ брошюръ на разговорныхъ языкахъ евреевъ Восточной Европы. Казалось бы, какое возраженіе могла вызвать мысль объ изданіи той же „Хитрой Механики“ еще на одномъ человѣческомъ языкѣ, или, по-жалуй, даже „жаргонѣ“? А между тѣмъ надо приписать только чрезвычайнымъ усиливамъ и такту лица, предсѣдательствовавшаго на вышеупомянутомъ собраниі, что оно не окончилось крупнымъ скандаломъ. Съ такимъ озлобленіемъ отнеслись къ нему ораторы изъ русской и польской соціали-

стической партії, и особенно лица еврейского же происхождения! *).

Только мысль о вполнѣ самостоятельной организації „польскихъ соціалистовъ“ не встрѣчала до сихъ поръ никакой оппозиціи со стороны соціалистовъ русскихъ. Но за то среди „польскихъ соціалистовъ“ сейчасъ же обнаружились элементы, которые раздѣлили съ русскими трудъ отрицательного отношенія къ мысли о необходимости существованія соціалистовъ украинскихъ и даже отрицаніе существованія украинского народнаго элемента рядомъ съ польскимъ тамъ, гдѣ онъ несомнѣнно существуетъ, какъ напр. въ Галиції **). Такое отношеніе со-

*) Мы считаемъ себя вправѣ говорить обѣ этомъ собраніи, такъ какъ это былъ вполнѣ публичный митингъ, созданный печатными приглашеніями, и такъ какъ извѣстія о немъ проникли и въ газеты. Съ своей стороны мы ничего не имѣемъ противъ того, если бы кто нибудь хоть стенографически вѣрно напечаталъ то, что говорили на этомъ митингѣ мы и наши товарищи, равно какъ и ихъ возражатели.

**) Кто знаетъ сословно-экономическія отношенія правобережной Украины и кто знаетъ, что дѣло пропаганды соціализма на Востокѣ Европы до сихъ поръ ведется почти исключительно людьми и взносами панскихъ классовъ, живущихъ, конечно, хлоц-

сѣдей обусловило со всѣхъ сторонъ „военное положеніе“ украинскихъ соціалистовъ. Крайне непріятно это положеніе и тяжела налагаемая имъ борьба,— но разъ она дана реальными условіями жизни, отъ этой борьбы нельзя отказаться. Притомъ же самая эта борьба заставляетъ украинцевъ, уже ради расчета не остаться одному въ полѣ воиномъ, поднимать на Востокѣ Европы народно-федеральную идею вообще,— поднять то знамя, которое держали въ своихъ рукахъ и великоруссы, въ родѣ Бакунина, но которое выпустили изъ рукъ ихъ близорукіе наследники. Идея эта—*полное равноправіе негосударственныхъ націй съ государственными, организація для каждой изъ нихъ специальнаго корпуса дѣятелей политического и соціального освобожденія и на первыхъ порахъ пропаганда освободительныхъ идей на всѣхъ языкахъ, не только панскихъ, а и плебейскихъ, какъ самое дѣйствительное средство провести*

скимъ трудомъ, тотъ пойметъ, что Україна должна была стать оброчною статьею и для польской соціалистической пропаганды. Въ такомъ же положеніи находятся и Бѣлоруссія, и Литва, и земля Латышей.

эти идеи въ массы населения всѣхъ племенъ Востока Европы *).

Въ борьбѣ за эту идею украинцамъ придется имѣть противъ себя всѣ государственно-национальные, централистические элементы: нѣмецкіе (Германіи, Австріи и Остзейскаго края), великорусскіе, польскіе и венгерскіе, — начиная отъ консервативно-аристократическихъ и до соціально-демократическихъ, но раньше или позже украинскіе соціалисты-федералисты не только будутъ имѣть за собою украинскій народъ, который и теперь все же представляетъ массу до 20.000.000 человѣкъ, но увидятъ рядомъ съ собою федерально-соціалистической партіи: эстонскую, латышскую, литовскую, бѣлорусскую, словацкую, словинскую, румынскую, кавказскую, кружки еврейскіе (которые необходимы для слитія рабочаго элемента еврейскихъ колоній съ окружающими ихъ массами населеній), — а также здоровые отъ государственно-национальной заразы элементы партій великорусскихъ, польскихъ, нѣмецкихъ и вен-

*) Подробное развитіе этихъ мыслей см. въ „Громадѣ“, „Листкѣ Громады“, и въ „Вольномъ Союзѣ“.

герскихъ.*). Нѣкоторые признаки такого свѣтлаго будущаго видны уже и теперь.

*) Мы не говоримъ тутъ о сербскихъ и болгарскихъ партіяхъ, такъ какъ болгары совершенно, а сербы въ значительной и наиболѣе самостоятельной части своей земли стоять виѣ тѣхъ политическихъ комбинацій, въ которыхъ входятъ украинцы, а именно виѣ Россіи и Австро-Венгрии. Но мы не сомнѣваемся въ сочувствіи и сербовъ, и болгаръ къ федеративнымъ стремленіямъ. У болгаръ еще нѣть опредѣленныхъ партій, а соціалистическая идеи едва начинаютъ къ нимъ проникать. Но кн. Черкасскій и ген. Эренротъ уже сломали у нихъ прежнюю вѣру въ московское славянофильство — и оправдали всѣ тѣ предсказанія, которыя украинцы, на основаніи собственнаго опыта съ XVII ст. дѣлали своимъ болгарскимъ друзьямъ еще въ 1876 г. Что касается до сербовъ, то всѣ независимые люди изъ нихъ давно уже высказывались въ федеративномъ духѣ и въ частности весьма самостоятельно относились къ украинскому движению. (Примѣры см. въ нашей брошюрѣ „По вопросу о малорусской литературѣ“. Вѣна. 1876). Сербское соціалистическое движение развилось въ родствѣ съ бакунинскимъ ан-архизмомъ, — и до сихъ поръ сохраняетъ федеративный характеръ. Когда украинскія партіи встрѣтятся съ сербскими въ Австро-Венгрии, то не можетъ быть сомнѣнія въ ихъ полномъ между собою согласіи.

XI.

Къ числу упомянутыхъ уже особенностей украинского соціалистического движения, — а именно выступлений его за границу Россіи и федеративного его характера,— надо прибавить третью: при первомъ появлениі своемъ въ заграничной печати, въ 1876 г., украинские соціалисты заявили о необходимости вести агитацію не только на соціально-экономическомъ полѣ, (въ Россіи и Австріи) но и на политическомъ (въ Россіи). Установленіе „*политической свободы*“ въ томъ государствѣ, въ которомъ живеть наибольшая часть ихъ народа, соціалисты украинцы признали мѣрою, хотя и паліативною, но существенно необходимую для положенія твердаго основанія въ ихъ странѣ для агитаціи и за соціально-экономическое освобожденіе народныхъ массъ. Къ такой постановкѣ вопроса склонило украинцевъ, кроме позитивнаго наблюденія надъ ходомъ исторіи западноевропейскихъ народовъ, еще и сознаніе, что политическая свобода есть замѣна національной независимости для ихъ народа; отсутствіе же этой независимости есть главная причина

той болѣзни, которая подъѣдаетъ всѣ уси-
лія украинскаго народа къ своей эманси-
пациії экономической, какъ и умственной,—
такъ какъ чужія государства, владѣвшія и
владѣющія Україной, отняли у массъ на-
рода ихъ *мозії*, образованные классы,—не
только эксплуататоровъ, но и дѣйствительную
„интеллигенцію“, школу, науку, искусство.
Видя, какъ народъ украинскій терпитъ
тройной гнетъ въ Российской Имперіи,
украинскіе соціалисты не могли, подобно
великорусскимъ и овеликорушеннымъ сво-
имъ товарищамъ, игнорировать политиче-
сکія формы жизни, хотя и понимали, что
измѣненіе ихъ не можетъ быть конечною
цѣлью дѣятельности. Въ виду того, что
борьба за „политическую свободу“ состав-
ляетъ теперь главную работу „русскихъ
соціалистовъ-революціонеровъ“, къ которой,
послѣ нѣкотораго колебанія, должны были
пристать и т. наз. „народники“, не лишнимъ
будетъ напомнить, что еще въ 1878 г. из-
данная „террористами“ прокламація „Смерть
за смерть“ допускала возможность мира
русскихъ соціалистовъ съ самодержавіемъ,
лишь бы это послѣднее оставалось пейтраль-
нымъ въ виду борьбы ихъ съ буржуазіей,

и что признаніе украинскою „Громадою“ необходимости борьбы за политическую свободу вызвало рѣшительное порицаніе въ народникѣ-рецензентѣ „Общины“, *).

До извѣстной степени въ такомъ же положеніи, какъ украинцы, находятся, по вопросу о политической свободѣ въ Россіи, и поляки. Но, по причинамъ, которыя теперь разбираять не мѣсто, польские соціалисты, выступивши на сцену съ 1878 г., не считали нужнымъ высказаться ясно относительно этого вопроса. Теперь же, какъ можно видѣть изъ перепечатанныхъ и въ „Вольномъ Словѣ“ заявлений двухъ фракцій польскихъ соціалистовъ („Людъ Польскій“ и посланіе группы „Równo  e—Przed  wit“ къ „Товарищамъ русскимъ соціалистамъ“), — обѣ эти фракціи, хотя каждая по своему, признаютъ необходимою и политическую борьбу съ деспотическимъ строемъ Россійской Имперіи.

Въ виду теперешняго согласія по этому вопросу между украинцами, великорусскими „террористами“ и „народниками“ и по-

*) Любопытныхъ отсылаемъ особенно къ заключительному мѣstu рецензіи въ „Общинѣ“ № 8—9, стр. 20—21.

ляками, доказывать далѣе необходимость борьбы за политическую свободу въ Россіи, — значило бы выламывать открытую дверь. Теперь слѣдуетъ говорить о средствахъ, какъ наилучше повести эту борьбу.

Читая и слушая заявленія великорусскихъ революціонеровъ, замѣчаешь, что они видятъ наилучшее средство въ такъ называемомъ террорѣ, т. е. по просту въ политическихъ убийствахъ *). Это все еще остатокъ или послѣдствіе ихъ прежняго, не синтетического отношенія къ вопросу о политической свободѣ,—необходимость борьбы за которую великорусские соціалисты сначала отрицали, потомъ втянулись въ нее только рефлексивно, а не сознательно, начавъ сначала мстить преслѣдовавшимъ ихъ чиновникамъ, потомъ главъ ихъ царю, и только посѣлъ уже (собственно около 1880 г.) возвели въ теорію необходимость борьбы за политическую свободу. Мы оставимъ въ сторонѣ нравственные невыгоды теоріи убийства, непремѣнно тайного,— которое совершенно понятно, какъ продуктъ озлобленія, внесенного

*) И польское посланіе говоритъ о „террористической борьбѣ за политическую свободу“.

въ общество тиранническимъ правительствомъ — но которое, будучи проповѣдуемо, какъ исключительное и даже преимущественное средство дѣйствія политической партіи, должно непремѣнно понизить нравственный уровень ея, съузить ея политической горизонтъ и въ концѣ всего вызвать отвращение отъ нея въ одной части общества, — а во всѣхъ создать или поддержать политические права, которые будутъ считать убийство, казни и т. п. исключительными мѣры самыми дѣйствительными средствами борьбы между партіями, даже революціонными *).

*) Объ этомъ мы говорили не мало въ „Листкѣ Громады“ 1878 г., потомъ въ брошюрѣ „Терроризмъ и свобода“, въ 1880 г., въ 1 № Громады 1881 г. и въ брошюрѣ „Le tyrannicide en Russie et l'action de l'Europe occidentale“. Съ тѣхъ поръ не произошло ничего, что бы заставило насъ перемѣнить наше мнѣніе, а случилось кой что такое, что могло укрѣпить его. Таковы напр. некоторые заграничныя заявленія (въ газетахъ и на лондонскомъ конгрессѣ), которыхъ стремились возвести убийство въ принципъ не только политической, но и соціальной борьбы. Заявленія эти,—почти ничего не стоявшія ихъ авторамъ, изъ которыхъ ни одинъ не попробовалъ приложить къ дѣлу своихъ теорій ни въ Петербургѣ, ни въ Англіи, или Швейцаріи,— послужили только въ пользу русскому правительству.

Убийство не можетъ стать ни принципомъ, ни даже главнымъ занятіемъ политической партіи, которая должна имѣть цѣлью произвести крупную общественную перемѣну; крупная же политическая перемѣна можетъ быть достигнута только массовымъ движениемъ образованныхъ ли классовъ, или „черни“, —или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ,—а потому все таки вопросъ о ниспроверженіи самодержавія въ Россіи сводится главнымъ образомъ къ тому, какъ вызвать эти массо-

ству, которое ничего такъ не хочетъ, какъ имѣть поводъ поставить себя подъ защиту общественного миѣнія всего образованного міра. Таковы съ другой стороны слухи о томъ, что друзья самого русского правительства надумались пустить въ ходъ свои тайныя политическія убийства. Признаемся, мы бы очень были рады, если бы эти слухи оказались сколько нибудь вѣрными, конечно, если бъ при этомъ ничья кровь не была пролита: это заставило бы здоровыхъ людей между революціонерами подумать серьезнѣе объ опасности возведенія въ принципъ явлений, хоть и неизбѣжныхъ, но все таки патологическихъ, и перенесенія въ дѣло революціи, а особенно соціальной, да еще ан-архической, учений іезуитскихъ. — Намъ пріятно было прочесть сейчасъ извѣстіе о заявлениі „Нар. Воли“, что она считаетъ политическія убийства въ странахъ свободныхъ за проявленіе деспотизма и протестуетъ противъ деспотизма партіи, какъ и лица!

вия движениі и какъ согласить ихъ, разъ они проявились, каждое по своимъ причинамъ. При настоящемъ положеніи вещей въ либеральной политической реформѣ могутъ быть заинтересованы премущественно классы образованные, — тогда какъ классы чернорабочіе интересуются преимущественно экономическими преобразованіями. Не то, чтобы между одними и другими преобразованіями было принципіальное противорѣчіе, но практика западноевропейскихъ странъ показываетъ, что огромная часть образованныхъ либераловъ, добившись известныхъ политическихъ реформъ, останавливается на нихъ, упуская изъ виду реформы экономическія, и даже потомъ перестаетъ быть либералами, по отношенію къ тѣмъ партіямъ и классамъ, которые требуютъ дальнѣйшихъ реформъ, особенно реформъ соціально-экономического характера. Весь трагизмъ положенія передовыхъ людей въ Россіи заключается въ томъ, что имъ приходится бороться съ самою устарѣлою политическою формою въ то время, когда европейская практика обличила недостаточность и тѣхъ формъ, которыя въ Европѣ послѣдовали за паденіемъ формъ, подобныхъ россійской деспотіи. Оттого то эти

передовые люди и лъстили себя въ 60-е и 70-е годы надеждою попасть въ четвертый классъ исторической школы, минуя второй и третій. Но разъ надежды эти оказались мечтами, а гувернеръ первого класса оказался ужъ очень нестерпимымъ кварталь-нымъ, — колебаться долѣе оказалось не изъ чего,—и самые завзятые мечтатели и самобытники пошли на то, чтобы получить хоть самую элементарную политическую свободу, въ родѣ той, какую даетъ консервативнѣйшая изъ западноевропейскихъ конституцій,—при чмъ „иронія исторіи“ задала въ Россіи роль активныхъ либераловъ именно соціалистамъ, какъ наиболѣе чувствовавшимъ на себѣ когти деспотіи.

Многихъ подобное положеніе дѣлъ смущаетъ, и они (какъ напр. „Народная Воля“ 1880 г.) утѣшаютъ себя тѣмъ, что изъ первого же россійского земскаго собора выйдетъ и политическая свобода, и широкая экономическая реформа въ духѣ соціализма. Намъ кажется, что лучше бы и не обольщаться подобными надеждами, такъ какъ массовое движеніе образованныхъ классовъ противъ самодержавія невозможно безъ участія напр. т. наз. лѣвыхъ сторонъ

земствъ, а эти партіи, конечно, не пойдутъ на полную экспропрацію земель и фабрикъ;—довольно съ нихъ будетъ, если они проведутъ въ общемъ земскомъ соборѣ и въ областныхъ земствахъ нѣкоторыя благопріятныя чернорабочимъ классамъ мѣры аграрныя, фабричныя и артельно-промышленныя, которыя дадутъ этимъ классамъ перевести духъ и облегчать ихъ организацію для дальнѣйшей, уже сознательной борьбы за соціалистический идеалъ. Практическая будущность на ближайшее время принадлежитъ въ Россіи тѣмъ своего рода политическо - соціальнымъ оппортуонистамъ, которые не замедлять въ ней появиться среди земствъ, и для которыхъ теперешніе соціалисты-революціонеры только расчищаютъ дорогу. Если же кого изъ „чистыхъ“ соціалистовъ въ Россіи смущаетъ такая ближайшая будущность, тѣмъ самое лучшее теперь же перенести свою дѣятельность въ страны, гдѣ предстоящій Россіи политический вопросъ, такъ или иначе уже решень.

Для соціалистовъ изъ народностей, населяющихъ западную половину Россіи, напр. для поляковъ, украинцевъ, румынъ и от-

части евреевъ, послѣдній выходъ и не очень труденъ. Особенно поляки, украинцы и евреи могутъ найти себѣ поле дѣйствія напр. въ Галиціи, въ средѣ, вполнѣ имъ родственной. Тамъ они найдутъ даже зачатки организаціи среди рабочихъ, заложенные благодаря инициативѣ нѣкоторыхъ украинскихъ писателей и львовскихъ рабочихъ разныхъ племенъ, на вполнѣ здоровыхъ федѣральныхъ основахъ, которыхъ не могли испортить стремившіяся проникнуть и туда вліянія польского исторического патріотизма. Тамъ, въ Галиціи могутъ быть образованы и испробованы кадры соціальныхъ организацій польско-украинско-еврейскихъ, какъ въ Буковинѣ украинско-румынскихъ, которые, съ установлениемъ политической свободы въ Россіи, могутъ быть прямо разширены на весь ея юго-западъ *).

*) Мы надѣемся сказать подробно о положеніи соціалистического движенія въ Галиціи и о значеніи его и для Россіи, въ особой статьѣ „Польскія соціалистическія программы и принципъ государственности“, — а теперь отсылаемъ читателя за элементарными свѣдѣніями объ этомъ предметѣ къ брошюрѣ г. Подолинскаго „Соціалисты-украинцы въ Австріи“ и къ листку, который авторы его

Что же касается до Россіи, то въ ней пока ничего нельзя ждать, кроме вышеупомянутыхъ мѣръ по экономическому вопросу да установлениія зачатковъ политической свободы,—и степень широты первыхъ и прочности вторыхъ будетъ зависѣть отъ широты и степени сознательности массового движенія образованныхъ и чернорабочихъ классовъ противъ существующихъ въ Россіи политическихъ и соціально-экономическихъ порядковъ. Инициаторамъ этого движенія слѣдовало бы теперь же подумать о способахъ: а) чтобы наиболѣе заинтересовать въ предстоящемъ политическомъ переворотѣ массы народа, отчего главнымъ образомъ будетъ зависѣть не только сила движенія, но и широта его экономическихъ результатовъ,—и b) чтобы получить зачатки дѣйствительной политической свободы, а не одно только конституціонное правленіе, т. е. правленіе парламентского большинства, которое еще въ добавокъ можетъ быть легко ниспроверг-

назвали: „Program socjalistów polskich i ruskich (украинскихъ) wschodniej Galicji“ и который въ Женевѣ былъ переименованъ въ „Program galicyjskich socjalistów“.

нuto, при первомъ удобномъ случаѣ, монархическою властью.

Намъ кажется, что около этихъ пунктовъ группируются довольно правильнымъ образомъ надежды и опасенія, внушенныя различными національными элементами населеній Россіи,—и если читатель будетъ имѣть немнога терпѣнія прочесть еще нѣсколько параграфовъ, то онъ увидѣтъ, что все сказанное сейчасъ вовсе не составляетъ отступленія отъ предмета настоящихъ статей.

Само собою разумѣется, что политическая и соціальная оппозиція могла бы скорѣе всего найти себѣ сочувствіе въ тѣхъ населеніяхъ Россіи, которыя не принадлежать къ государственной національности, и потому терпятъ двойной, а иногда тройной гнетъ отъ теперешнихъ порядковъ. Надо только умѣющи взяться за дѣло агитациі среди такихъ населеній,—чего, къ сожалѣнію, и не достаетъ въ теперешнее время. Начавши съ сѣвера, — мы видимъ, что въ Остзейскомъ краѣ эстонское и латышское населеніе чрезвычайно недовольно своими аграрными условиями и національно-юридическими привилегіями нѣмецкой аристократіи и богатой

буржуазіи. Населеніе это въ значительной степени организовано въ разныя общества и довольно грамотно. Бѣда только въ томъ, что вожди его, хоть и искренніе демократы, но съ теоріями соціализма не знакомы и къ тому же, по реакціи нѣмцамъ и изъ своего рода оппортунизма, проповѣдуютъ въ своемъ населеніи надежды на русское правительство. Если бы имъ кто либо разъяснилъ, что это правительство ничего не въ состояніи дать имъ, кроме нѣмецко-помѣщичьяго же гнета, или обrusительной бюрократіи, и что желаемый каждымъ латышемъ и эстомъ надѣль земли можетъ совершиться только во имя "соціалистическихъ требованій,—то дѣло политической свободы и аграрной реформы въ Россіи получило бы въ латышахъ и эстахъ дѣятельную поддержку. Мы думаемъ, что и въ Петербургѣ, и въ самой Ригѣ, можно бы было и русскимъ, и польскимъ революционерамъ найти возможность соприкосновенія и съ эстами, и съ латышами, а литературное поднятіе среди нихъ федерально-соціального вопроса возможно было бы, при посредствѣ на первыхъ порахъ хоть нѣмецкаго языка, даже изъ за границы.

Далѣе на югъ мы встрѣчаемъ латышей-католиковъ Витебской губерніи, и литовцевъ Виленской и Ковенской г., въ положеніи крайне угнетенному со стороны національно-политической и аграрной. Настроеніе этихъ народовъ мало известно, но во время крѣпостного права они довольно часто и упорно бунтовали, — и теперь бунты чиншевиковъ, аграрные преступленія и частые разбои въ Литвѣ свидѣтельствуютъ о сильномъ неудовольствіи среди ея населенія,—и если объ этомъ неудовольствіи мало известно, то, конечно, тому причиною полное забвеніе этого населенія со стороны живущихъ среди него образованныхъ классовъ, почти сплошь ополяченныхъ. Если бы изъ этихъ ополяченныхъ классовъ выдѣлилась хоть небольшая группа людей, которые бы обратили вниманіе на литовское населеніе, то несомнѣнно, что недовольство его теперьешнимъ положеніемъ могло бы быть организовано въ благопріятномъ для общаго движенія въ Россіи направленіи. Тоже слѣдуетъ сказать и о белоруссахъ. Частые и упорные бунты ихъ противъ помѣщиковъ о время крѣпостного права, большое колиество пѣсенъ противъ помѣщиковъ,—(безъ

сравненія большее, чѣмъ у великорусскихъ крестьянъ), вовсе не говорятъ въ поддержку распространеннаго мнѣнія о пассивности и забитости бѣлоруссовъ *). Имъ просто не достаетъ только образованнаго элемента, связанныаго съ ними чувствомъ и языкомъ. Такой элементъ можетъ образоваться теперь только посредствомъ выдѣленія изъ ополяченныхъ и отчасти овеликорушенныхъ образованныхъ классовъ Бѣлоруссіи.

Переходя къ пароду украинскому, мы начнемъ съ одного личнаго воспоминанія. При самомъ началѣ извѣстнаго „хожденія въ народъ“ русскихъ соціалистовъ, въ 1873^{г.} мы встрѣтили за границей одного прежняго знакомаго, бывшаго прежде нѣсколько старомоднымъ украинофиломъ, а потомъ ставшаго ревностнымъ послѣдователемъ „Впереда“, и разговорились съ нимъ на тему о недостаточности однихъ великорусскихъ публи-

*) О бунтахъ латышей, литовцевъ и бѣлоруссовъ есть нѣкоторыя данныя въ „Матеріалахъ для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи“. Berlin, 1872. О противупомѣщичьихъ движеніяхъ среди бѣлоруссовъ, сравнительно съ великоруссами и украинцами, нѣкоторыя данныя свели мы въ книгѣ „Нові українські пісні про громадські справи“.

кацій для пропаганды соціализма во всей Россії. Къ удивленію нашему, онъ сталъ доказывать, что украинцы могутъ прекрасно понять и усвоить великорусскія публикаціи, — а когда оказалось, что этотъ тезисъ поддерживатъ между нами было трудновато, (такъ какъ намъ обоимъ украинскій языкъ былъ не безъизвѣстенъ) то знакомый нашъ сталъ доказывать, что врядъ ли и стоитъ теперь пропагандировать соціализмъ украинцамъ, у которыхъ нѣтъ-де ни общиннаго землевладѣнія, (?) ни артелей, (?) ни фабрикъ, (?) а что всего бы лучше сосредоточить пропаганду на великоруссахъ, у которыхъ есть и община, и артели, и фабрики,—и которые по этому скорѣе усвоятъ себѣ соціалистической идеи, произведутъ соціальный переворотъ,—послѣ чего Украина получитъ уже готовые его результаты *). Самъ собесѣдникъ нашъ, дѣйствительно, скоро пошелъ въ народъ въ одной изъ великорусскихъ губерній, на которую тогда возлагали русскіе революціонеры большія надежды, конечно,

*) Нѣчто въ такомъ родѣ о возможной пользѣ сосредоточенія пропаганды соціализма въ Великороссіи высказано было и въ упомянутой статьѣ „Набата“.

не осуществлявшія и, какъ мы напередъ доказывали нашему пріятелю, невозможныя къ осуществленію. Съ тѣхъ поръ прошло почти десять лѣтъ,—но гдѣ же не только соціальная революція, но хоть какое нибудь замѣтное народное движение въ артельной, общинной и фабричной Великороссії?! Между тѣмъ на Украинѣ произошли въ послѣднее время самыя крупныя въ Россіи аграрные волненія, городскія смуты и наконецъ громадное антиеврейское движение. Но во всѣхъ этихъ движеніяхъ „интеллигентные“ соціалисты оказались почти ни при чемъ, не смотря на то, что ихъ вовсе не мало на Украинѣ, и не смотря на то, что огромная доля „русскихъ“—соціалистовъ, даже и въ Великороссіи, родомъ украинцы. Какая тому причина? Конечно, прежде всего „обрусѣніе“ украинской интеллигенціи и то „всероссійство“ русскихъ соціалистовъ, которое такъ многіе отстаиваютъ и до сихъ поръ. Они то сдѣлали украинскую интеллигенцію иностранцами дома,—они то и лишаютъ соціалистовъ и даже „народниковъ“ изъ украинцевъ всѣхъ необходимыхъ знаній и вообще способовъ къ тому, какъ подойти къ украинскому населенію. Небольшое же ко-

личество специализировавшихся социалистовъ-украинцевъ бессильно въ практическомъ отношеніи именно вслѣдствіе своей малочисленности; и то еще диво, что украинское социалистическое направление держится хоть на литературномъ полѣ,—гдѣ направление это существуетъ только, какъ идея, по вовсе еще не какъ партія.

А между тѣмъ, какъ вышеупомянутыя народныя движенія, такъ и всѣ наблюденія надъ народомъ на Украинѣ,— отъ изслѣдований его историческихъ воспоминаній и политическихъ пѣсенъ до корреспонденцій, появившихся въ послѣднее время даже въ „Народной Волѣ“ и въ „Черномъ Передѣлѣ“, напр. обѣ отношеніи украинскаго населения къ царю и его врагамъ,— все говорить въ пользу предположенія, что политico-социальная пропаганда, съ иѣкоторымъ умѣньемъ и системою направленая, могла бы встрѣтить себѣ чрезвычайно благопріятное поле въ томъ населеніи, въ которомъ еще свѣжа память о казацкой волѣ, о времени, когда не было ни подушнаго, ни рентчины, ни раздачи земли панамъ царицею Катериною *). Для насть не подлежитъ

*) Сырой матеріалъ въ подтвержденіе сказаннаго

сомнѣнію, что если бы неблагопріятныя вліянія на украинскую молодежь, о которыхъ мы говорили выше, не отбили ее отъ вскормившаго ее народа, — и если бы хоть съ конца 60-хъ годовъ хоть тѣ изъ этой молодежи, которые пошли въ ряды „рускихъ соціалистовъ“, употребили по 3 — 4 года ранній юности на изученіе своего края и народа и на пріобрѣтеніе какого нибудь професіональнаго образованія, и затѣмъ обратились къ пропагандѣ свободныхъ политическихъ и соціально-экономическихъ идей среди украинскаго населенія, съ полнымъ знаніемъ тѣхъ зацѣпокъ, какія представляется къ тому уже готовое народное міросозерцаніе, — то результаты такого, — не хожденія, — но житъя среди украинскаго народа были бы совсѣмъ не тѣ, какія мы видимъ теперь послѣ десятка лѣтъ русскаго соціалистического движения. И теперь еще громадныхъ результатовъ можно ждать отъ

читатель найдетъ въ нашихъ изданіяхъ: „Малорусскія Народныя Преданія и Разсказы“. Кіевъ, 1876. „Нові українські пісні про громадські справи“. Объ отношеній украинцевъ, даже возлагающихъ надежды на царя, къ власти интересны замѣчанія еще въ „Дневникѣ пропагандистки“, Община № 6—8.

пяти-десяти лѣтъ дѣятельности организованныхъ между собою круговъ, которые бы взялись хотя бы только систематизировать, при помощи европейскихъ политико-соціальныхъ идеаловъ, тѣ воспоминанія и идеи, какія бродятъ среди украинскаго населенія, —въ такую напр. простую и удобопонятную программу: „у насть были вольные люди, казаки, которые владѣли своею землею и управлялись громадами и выборными старшинами; всѣ украинцы хотѣли быть такими казаками и возстали изъ за того противъ польскихъ пановъ и ихъ короля; на бѣду только, старшина казацкая и многіе казаки не съумѣли удержаться въ согласіи съ простыми селянами, а потому казакъ пришлось искать себѣ помощи противъ польской державы у московскихъ царей, и поступили подъ московскую державу, впрочемъ не какъ рабы, а какъ союзники, съ тѣмъ чтобъ управляться у себя дома по своей волѣ и обычаямъ. Цари же московскіе начали съ того, что поставили у насть своихъ чиновниковъ, неуважавшихъ нашихъ вольностей, ни казацкихъ, ни мѣщанскихъ, а потомъ подѣлили Украину съ Польшей, уничтожили всѣ вольности украинскія, казацкія, мѣщанскія и

крестьянскія; за тѣмъ цари московскіе раздали украинскую землю своимъ слугамъ украинскимъ и чужимъ, закрѣпостили крестьянъ, ввели всякия подати и рекрутину, уничтожили почти всѣ школы, а въ оставшихся запретили учить на нашемъ языкѣ, завели намъ казенныхъ, невыборныхъ поповъ, пустили къ намъ вновь еврейскихъ арендаторовъ, шинкарей и ростовщиковъ, которыхъ было выгнали казаки, — да еще отдали на кормъ этимъ евреямъ только нашу землю, запретивъ имъ жить въ землѣ московской,— наконецъ, когда царь московскій и долженъ былъ освободить крестьянъ, то оставилъ землю за панами, и обложилъ крестьянъ еще большими налогами. Теперь намъ не нужно ни (московскихъ) царей, ни (польскихъ и русскихъ) пановъ, ни (еврейскихъ) богачей, ни казенныхъ поповъ, а хотимъ мы быть всѣ вновь равными и вольными казаками и управляться на своей Украинѣ, какъ мы сами захотимъ; а кто чужой рабочій человѣкъ хочетъ жить съ нами, какъ равный и вольный,— того мы не гонимъ, а принимаемъ, какъ товарища“.— Мотивированный фактами изъ недавней исторіи народа, какъ литературно, такъ и при всякомъ удобномъ

случаѣ, представляемомъ народною жизнью, мѣстными памятниками и воспоминаніями, такой идеалъ явился бы живымъ, а не книжнымъ, и быстро бы пошелъ въ ходъ,— а за тѣмъ, разъ украинское населеніе прониклось бы этимъ идеаломъ, оно оказалось бы вліяніе и на сосѣдей, гораздо больше, чѣмъ могутъ оказать изолированные пропагандисты изъ украинскихъ уроженцевъ въ разныхъ провинціяхъ Россіи, хотя бы и въ кадрахъ великорусскихъ и польскихъ революціонеровъ.

Слѣдуетъ надѣяться, что вліяніе событий, чѣмъ далѣе, все болѣе будетъ ослаблять централистическое направленіе среди послѣднихъ и такимъ образомъ украинское населеніе, возвративъ себѣ хоть часть вполнѣ интеллигентнаго класса, займетъ подобающее ему мѣсто въ общемъ освободительномъ движениі на Востокѣ Европы.

Что касается до населенія польскаго, то оно, особенно населеніе въ городахъ, конечно, и теперь вполнѣ способно принять участіе въ этомъ движениі. Можно повѣрить, что крестьяне польскіе и теперь мало наклонны проливать свою кровь за возстановленіе

польского государства. Но, по крайней мѣрѣ по наблюденіямъ вполнѣ безпристрастныхъ людей, извѣстія о благодарности, какую чувствуютъ эти крестьяне къ русскому царю, который надѣлилъ ихъ землею въ 1864 г., сильно преувеличены были и въ свое время. Уже нѣсколько лѣтъ спустя, при сколько нибудь откровенныхъ бесѣдахъ на эту тему, крестьяне-поляки замѣчали: „такъ, такъ, благодаримъ монарха, но податки слишкомъ большие“. Военная же служба въ русской арміи, обученіе въ школахъ на русскомъ языкѣ несомнѣнно возбуждаютъ въ польскихъ крестьянахъ глубокое отвращеніе. Послѣднее мы видѣли сами въ бытность въ нѣкоторыхъ подваршавскихъ селахъ еще въ 1870 г. Даже не говоря о городскихъ классахъ, среди которыхъ вовсе не исчезъ старый инсурекціонный духъ и среди которыхъ теперь распространяется соціалистическое движеніе, не возможно, чтобы идея о политической свободѣ и автономіи, съ прибавленіемъ идеи объ экономическихъ реформахъ не нашла себѣ сочувствія и въ сельскихъ классахъ Польши. А потому теперь слѣдуетъ опасаться не столько безучастія поляковъ во время всероссійскаго движенія, сколько того, какъ бы

проявление польского исторического патриотизма вновь не испортило дѣла.

Послѣ всего сказаннаго въ предыдущихъ главахъ, мы считаемъ излишнимъ говорить болѣе о томъ, что никакое народное движение въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и правобочнай Українѣ подъ знаменемъ польскимъ не возможно и что поднятіе тамъ этого знамени, хотя бы даже съ самими демократическими и даже соціалистическими украшеніями, можетъ только вызвать народную реакцію, которою опять таки воспользуется всероссійская реакція. Вотъ почему мы и сами считаемъ нужнымъ, и другихъ приглашаемъ настойчиво бороться со всякими остатками и признаками возможности активнаго выступленія на сцену польского исторического патриотизма и настаиваемъ на необходимости образованія кадровъ для политически-соціальныхъ партій среди плебейскихъ народовъ бывшей Польши.

Великорусская оппозиція и великорусские революціонеры должны понять угрожающую съ польской стороны опасность для общаго дѣла, а потому и должны бы были, какъ мы уже сказали, поддерживать идею образования вышеупомянутыхъ партій. Тѣмъ са-

мимъ они дадутъ доказательство и широты и вѣрности своего пониманія политического положенія дѣлъ въ Россіи, — и своихъ федеративныхъ стремленій. Признавая, что идея общины и земельнаго надѣла весьма крѣпко проявляется во всѣхъ стремленіяхъ великорусскихъ массъ, въ тоже время не льзя же отрицать, что у этихъ послѣднихъ весьма крѣпка не только идея царской власти, но и идея государственной цѣлости и реакція къ польскимъ стремленіямъ къ раздѣлу Россіи. Лишеннія же „историческихъ“ претензій польскія автономныя стремленія неизбѣжно ослабятъ свой сепаратистической характеръ и примутъ характеръ федеративный, который не можетъ быть противнымъ и великорусскому населенію, тѣмъ болѣе что оно непосредственно не прилегаетъ къ настоящей Польшѣ.

Кромѣ того, поддержка федеративной программы на западной половинѣ Россіи логически ведеть за собою приложеніе таковой же программы и въ восточной половинѣ и въ самой обширной Великороссіи. Нужно бы было написать особую статью, чтобы доказать, что сколько нибудь дѣйствительной политической свободы нѣтъ и не мо-

жеть быть при централизациі и что всѣ политические перевороты, совершившіеся на материкѣ Европы со временемъ Великой французской революціи потому именно и не достигали даже ближайшихъ своихъ цѣлей, что только замѣняли самодержавіе королей самодержавіемъ парламентскаго большинства, оставляя неприкосновенною, или даже усовершенствуя централизованную бюрократическую машину управлениія дѣлами странъ. Вѣдь не даромъ же и до сихъ поръ, — серьезную политическую свободу имѣютъ въ Западной Европѣ только федеративная Швейцарія, да Англія съ ея системою сословныхъ, корпоративныхъ, земскихъ и городскихъ привилегій, муниципальная Бельгія, бывшая федеративная республика Голландія, да Скандинавскія государства, въ которыхъ система централизациі никогда не имѣла большой силы. Политические дѣятели, которые естественно должны опираться на центрально-государственный, великокорусскій элементъ въ Россіи должны принять во вниманіе это обстоятельство и напередъ настойчиво проводить федеративное направление, если они желаютъ дѣйствительной политической свободы и для самаго этого эле-

мента. По счастію же, не только вся Россія, но и одна Великороссія слишкомъ велика и въ ней есть цѣлые области (Низовое Поволжье, Сѣверъ, Сибирь) въ которыхъ автономныя стремленія еще довольно крѣпко держатся въ населеніи. Эти то стремленія и должны, для общаго блага, быть особенно тщательно поддерживаемы великорусскими оппозиціонными и революціонными дѣятелями вообще, а въ настоящее время, при началѣ рѣшительной борьбы съ существующимъ порядкомъ вещей, — эти стремленія должны быть поставлены на первый планъ. Только эти стремленія помогутъ Россіи если не избѣжать совершенno, то ослабить, елико возможно, проявленіе революціоннаго якобинизма и бюрократическаго конституціонализма, отъ которыхъ такъ много пострадали другія большія государства материка Европы въ XIX в.

Таковы условія для освободительного политico-соціального движения въ главнѣйшихъ областяхъ Россіи и таковы опасности, предстоящія этому движению. Посмотримъ теперь, на сколько ясно сознаніе этихъ условій и этихъ опасностей въ наиболѣе выступившихъ впередъ лагеряхъ, представляющихъ это движение въ самое послѣднее время.

XII.

Въ предстоящемъ намъ теперь обзорѣ отношеній польской и великорусской политической печати къ различнымъ народамъ бывшой Польши и нынѣшней Россіи намъ придется говорить почти исключительно о печати эмиграціонной или тайной,—потому что только въ ней политические вопросы ставятся съ извѣстной откровенностью. Весьма можетъ быть, что до сихъ поръ не все мнѣнія, какія существуютъ въ польскихъ и великорусскихъ революціонныхъ и даже вообще прогрессистскихъ кругахъ, имѣли случай, или даже счастье, быть высказанными въ вышеупомянутой печати, но наблюдателю ничего не остается, какъ только говорить о томъ, что видно, и ожидать дополненій отъ тѣхъ, кто можетъ видѣть сокрытое, а еще бы лучше, отъ самихъ тѣхъ, чьи мнѣнія остаются до сихъ поръ сокрытыми. Мы первые были бы рады, если бы оказалось, что въ польскихъ и великорусскихъ революціонныхъ и вообще прогрессистскихъ кругахъ существуютъ люди съ вполнѣ определенными и обдуманными въ подробностяхъ

интернациональными, народно-федеративными стремлениями,—но пока мы очень мало видимъ ихъ признаковъ въ печати, а вмѣсто того видимъ слишкомъ много признаковъ упорства въ старыхъ государственно-национальныхъ, централистическихъ стремленияхъ и предразсудкахъ. Попробуемъ же собрать и признаки новаго, и остатки стараго въ польской и великорусской публицистикѣ послѣдняго времени.

Самое радикальное отреченіе отъ идеи исторической Польши въ пользу идеи о самостоятельности народовъ, ее населяющихъ, какое до сихъ поръ мы встрѣчали въ польской печати, принадлежитъ М. Г., неизвѣстному автору брошюры „*Głos z Korony, na tchniony rokiem 1872*“, изданной еще въ 1873 г. въ Краковѣ. Авторъ ея, по всему видно, держится не слишкомъ радикальныхъ мнѣній по вопросамъ религіознымъ и соціально-политическимъ, но обладаетъ искреннею любовью къ своей національности, которую желалъ бы предохранить отъ поглощенія и прусского, и русского и, какъ сынъ дѣйствительно польской земли,—(*Короною* называютъ поляки край Варшавскій),—онъ скорѣе, чѣмъ

шляхетскіе „перевертні“ непольскихъ земель, съумѣль отдѣлаться отъ шовинистическихъ идей по отношенію къ этимъ послѣднимъ землямъ. Переходя къ обсужденію вопроса о „такъ называемомъ западномъ краѣ“ или, какъ пересчитываетъ г. М. Г., „Литвы, Волыни, Подоліи и Україны“, авторъ говоритъ: „мы уже намекнули, что вслѣдствіе измѣнившихся въ теченіе столѣтія условій и идей, мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія требовать себѣ провинцій, заселенныхыхъ русинскою народностью, развѣ бы захотѣли дѣйствовать во имя насилия. Тутъ только является вопросъ, можетъ ли та часть населенія польскаго, которая живетъ въ этомъ краѣ, надѣяться гарантій свободнаго употребленія своего языка въ школѣ и церкви, къ какому бы вѣроповѣданію населеніе польское ни принадлежало?... Что до языка администраціи въ краяхъ русинскихъ, то претензіи наши тутъ не опираются ни на какихъ фактическихъ основахъ. Во всякомъ случаѣ до XVI вѣка языккомъ администраціи и дипломатическимъ въ Литвѣ былъ языкъ белорусскій, а не польскій. Оставимъ же малоруссамъ и белоруссамъ разрѣшеніе вопроса.

са: станетъ ли языкомъ ихъ будущаго въ области литературы, администраціи и въ церкви прекрасный, мелодический языкъ народныхъ пѣсень, Шевченка, Падуры, языкъ, который трудомъ интеллигенціи русинской, по примѣру западныхъ и южныхъ славянъ, скоро могъ бы распустить крылья до полета наравнѣ съ потребностями времени,— или же языкомъ этимъ долженъ быть языкъ великорусскій, постепенно, вслѣдствіе вліянія университетовъ кіевскаго и харьковскаго, вытѣсняющій языкъ малорусскій изъ употребленія въ кругахъ болѣе образованнаго малорусскаго населенія.

„Это вопросъ, по истинѣ, чрезвычайно важный, особенно для русинскаго народа, потому что решеніе его окончательно въ пользу великорусскаго языка надолго придавитъ просвѣщеніе среди русиновъ и установить перегородку между образованнымъ классомъ и народомъ, который не перестанетъ тянуть пѣсни на языкѣ, такъ имъ любимомъ, такъ гибкомъ къ тонамъ грустной мелодіи; мы должны однако стать въ сторонѣ отъ этого вопроса, и непрошеные не брать въ немъ участія, а тѣмъ болѣе не дѣлать, какъ теперь, натиска на пользу

одной стороны въ рѣшеніи этого вопроса *)
(Op. cit. 28—30).

Мысли въ такомъ духѣ мы встрѣчали въ двухъ-трехъ корреспонденціяхъ изъ Царства Польскаго въ петербургскія газѣты, но ни у кого онѣ не доходили до такой категоричности, какъ у вышеупомянутаго автора. Равнымъ образомъ въ послѣднее время въ журналахъ молодой польской партіи въ Варшавѣ, какъ напр. въ „*Przegląd Tygodniowy*“ можно было встрѣчать статьи довольно симпатичныя напр. къ укра-

*) Послѣднія слова для насть не совсѣмъ ясны, а что въ нихъ ясно, съ тѣмъ мы не можемъ согласиться. Непонятно, что авторъ разумѣетъ, говоря, что поляки наклоняли вѣсы спора между „руссскимъ“ и великорусскимъ языкамъ въ одну сторону. Во всякомъ случаѣ, въ украинскую сторону они ихъ наклоняли мало, а своимъ противодѣйствиемъ русинамъ въ Галиціи они препятствуютъ наклону вѣсовъ въ сторону украинцевъ. Далѣе, если авторъ совѣтуетъ нейтралитетъ полякамъ изъ «Короны», то съ этимъ можно еще согласиться,—но образованные поляки на Украинѣ и Бѣлоруссіи, а также въ Литвѣ и Латышіи, какъ люди воспитавшіеся на счетъ туземныхъ массъ, должны не держать нейтралитетъ, а напротивъ, отслужить этимъ массамъ работою для ихъ просвѣщенія, конечно, на языкахъ этихъ массъ.

инскому движению въ Галиції. Въ духѣ примиренія съ русинами высказывался и „Dziennik Poznański“ и другіе познанскіе журналы (напр. *Przegląd Słowiański*), напущенные на тискомъ германизаціи. Но ни въ одномъ еще журналѣ польскомъ мы не встрѣтили систематически проведенного новаго взгляда на отношенія поляковъ къ непольскимъ народамъ бывшаго польского государства, взгляда, исходящаго изъ полнаго отрицанія историческаго польскаго патріотизма и изъ признанія полной самосто- ятельности и отдѣльности вышеупомянутыхъ народовъ отъ Польши. Напротивъ того, вполнѣ непримиримыя идеи стараго польскаго историческаго патріотизма находятъ себѣ органы во всѣхъ польскихъ центрахъ, а особенно въ „самой свободной странѣ бывшей Польши“ — какъ называла Галицію соціалистическая „Równość.“ Обстоятельство это показываетъ, что мысль о раздѣлѣ исторической Польши между ея народами до сихъ поръ еще не нашла себѣ достаточнаго количества приверженцевъ въ польскомъ обществѣ. А безъ этой мысли, — развѣ могутъ быть сдѣланы совершенно новые шаги къ политическому и

національному освобождєнію поляковъ, при посередствѣ широкаго федерального движенія на Востокѣ Европы?

Безъ этой мысли невозможна и организація соціалистической пропаганды въ странѣ между Вислою и Карпатами съ одной стороны и Днѣпромъ и Десною съ другой, на началахъ дѣйствительно интернаціональныхъ. А мѣжду тѣмъ и въ новыхъ соціалистическихъ кружкахъ польскихъ мысль о вышеупомянутомъ раздѣлѣ исторической Польши между равноправными ея народами до сихъ поръ не встрѣтила себѣ много сочувствія. До сихъ поръ мы можемъ остановиться только на трехъ болѣе или менѣе прямыхъ указаніяхъ на существование признания подобной мысли въ польскихъ кружкахъ. Самое раннее изъ нихъ относится къ 1877 г. Въ это время въ Львовѣ производился процессъ (второй) соціалистовъ украинцевъ, къ которому былъ привлеченъ и полякъ изъ Россіи, г. Котурницкій. У послѣдняго найдено было письмо автора настоящей статьи къ галицкому украинцу г. Павлику,— въ каковомъ письмѣ между прочимъ высказано было одно изъ основныхъ положеній, опредѣляющихъ отношеніе

украинскихъ социалистовъ къ польскимъ: „польские социалисты должны съ первого же раза заявить, что ихъ цѣлью никоимъ образомъ не можетъ быть возстановленіе стараго польскаго государства 1772 г., даже соціалистическаго, но организація польскаго народа на польской землѣ, въ связи съ украинскими социалистами, которые организуютъ свой народъ на его землѣ.“

Участновавши въ процессѣ украинцы заявили болѣе или менѣе опредѣленно о своей солидарности съ авторомъ письма, и польскій ихъ товарищъ не высказался противъ его положенія, а заявилъ, что только на почвѣ соціализма состоится примиреніе русиновъ съ поляками, котораго такъ тщетно добивались старыя польскія партіи. Другое, гораздо болѣе ясное, заявленіе находимъ въ словахъ письма, посланнаго „кружкомъ социалистовъ польскихъ изъ „подъ русскаго захвата“ (kołko socjalistów Polskich z pod zaboru Moskiewskiego) на митингъ, созванный редакціей „Równosci“ въ Женевѣ въ 50-лѣтнюю годовщину восстанія 1830 г.—30 ноября 1880 г.: „Вамъ искренне и по братски протягиваемъ руку нашу, братья социалисты, къ какой бы

народности вы ни принадлежали, а особенно вамъ, наши ближайшіе сосѣди, соціалисты украинскіе, (велико)руссکіе и нѣмецкіе (*socjalisci russcy, rosyjscy i niemieccy*“). Bibl. „Równoscі“, I, 9) *).

Но самое прямое и ясное признаніе въ такомъ духѣ,—хотя все таки относительно однихъ только украинцевъ, находимъ въ двухъ уже упомянутыхъ программахъ галицкихъ, напечатанныхъ въ текущемъ году. Мы будемъ еще говорить объ этихъ программахъ въ особой обѣщанной статьѣ, а теперь сдѣлаемъ только выписку одной изъ нихъ, въ которой, можетъ быть, читателямъ будетъ интересно встрѣтить какъ вполнѣ интернаціональныя, федеральныя идеи въ приложениі къ населенію изъ одной изъ частей исторической Польши, такъ и соотвѣтственно имъ, рациональное отношеніе къ вопросу о національностяхъ вообще, отличное отъ того, какое мы видѣли выше у якобинствующихъ соціалистовъ.

„Польско-украинская рабочая партія не

*) При случаѣ обращаемъ вниманіе на польскую національную терминологію, которая видна въ подчеркнутыхъ словахъ и которой обыкновенно не знаетъ «русская» публика.

можетъ имѣть ничего общаго съ тою партиею, которая стремится къ возстановлению Польши эпохи Ягеллоновъ,— „отъ моря до моря“. Мы не хотимъ господства одной народности надъ другою. Мы сторонники самой широкой федераціи и убѣждены, что каждый народъ можетъ развиваться успѣшно только на основѣ самостоятельной жизни и полной свободы. Вмѣстѣ съ такимъ развитиемъ пойдетъ уничтоженіе національныхъ антипатій, возрастетъ солидарность свободныхъ народовъ и общечеловѣческія стремленія. Человѣчество въ своемъ естественномъ развитіи обнаруживаетъ стремленіе къ сложенію оригинальныхъ національныхъ индивидуальностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ усиленію (do potegowania) чертъ, общихъ этимъ индивидуальностямъ. Чѣмъ болѣе разовьются эти индивидуальности, тѣмъ скорѣе и цѣлое человѣчество начнетъ чувствовать свое единство передъ остальной природою: борьба между людьми прекратится, а мѣсто ея займетъ борьба съ остальной природою соединенными силами цѣлага рода людскаго.

„По тѣмъ же самымъ основаніямъ мы должны отрицательно отнестись и къ дѣятельности той политической фракціи у ру-

синовъ, которая стремится къ слитию народности малорусской съ великорусской, стараясь постепенно стереть национальные черты русиновъ и посъвай вражду между русинами и поляками. Эта агитация поднята господствующими классами и служитъ исключительно ихъ цѣлямъ.

„Народная партія русиновъ, т. наз. украинофиловъ (галицкихъ), въ настоящее время обнаруживаетъ чисто буржуазныя стремлѣнія, которыхъ мы поддерживать не можемъ.

„Поляки собственно не имѣютъ народной партіи (*ludowego stronnictwa*). Малочисленнымъ сторонникамъ демократіи между буржуазіей польской не удалось, несмотря на неоднократныя попытки, организовать партію; эти демократы, разсѣянные по разнымъ политическимъ группамъ, имѣющимъ въ цѣломъ направление недемократическое, идутъ съ ними рука объ руку даже въ вопросахъ кардинальной важности.

„Такъ называемый „еврейскій вопросъ“ для насъ не существуетъ. Мы боремся противъ еврейской *буржуазіи*, не потому что она еврейская, а потому что она буржуазія; мы соединяемся съ *пролетаріатомъ* еврейскимъ, потому что его соединяетъ съ

нами интересъ класса. Мы не признаемъ антагонизмовъ племенныхъ и национальныхъ, а религіозныя вѣрованія считаемъ дѣломъ частнымъ.“

Не трудно видѣть, что галицкая польско-украинская программа становится вполнѣ на точку зреїнія украинскихъ соціалистовъ и что если бы эта точка зреїнія была усвоена соціалистами поляками напр. въ Варшавѣ, Ковиѣ, Вильнѣ, Диабургѣ, Минскѣ, Житомирѣ и т. п., — то мы бы увидѣли въ тамошихъ соціалистическихъ кружкахъ заботы о пропагандѣ на языкахъ не только польскомъ, но и нѣмецкомъ, нѣмецко-еврейскомъ, литовскомъ, латышскомъ, белорусскомъ, украинскомъ. Польская соціалистическая печать, если бы она, стоя на почвѣ реальныхъ отношеній польского населенія, вполнѣ отрѣшилась отъ старинныхъ польскихъ государственныхъ претензій, должна бы сразу же выскажаться въ пользу необходимости такой вполнѣ интернаціональной работы. А между тѣмъ, къ сожалѣнію, большая часть лицъ, въ послѣднее время выступившихъ въ заграничной польской печати соціалистического направленія, не только не выразилась въ такомъ духѣ, а пока-

зала въ своихъ писаніяхъ значительное количество остатковъ стаиннаго исторического польского централизма. Мы бы предпочли вовсе молчать о такихъ писателяхъ, если бы мы видѣли помимо ихъ достаточное количество заявлений, хоть въ родѣ галиційскихъ программъ, изъ разныхъ концевъ бывшей Польши.

Въ 1879 г. г. Б. Лимановскій издалъ брошюру: „Socjalizm jako konieczny objaw dziejowego rozwoju“ и въ ней безъ всякихъ оговорокъ процитировалъ, какъ могущее до сихъ поръ служить основаніемъ для польскихъ соціалистовъ, заявленіе демократовъ 1846 г., которое между прочимъ насчитало 20 миллионовъ поляковъ, — а дальше разсматриваетъ „Русь“, какъ провинцію Польши и т. д. Въ отвѣтъ на наши замѣчанія по этому поводу въ „Листкѣ Громады“ г. Лимановскій прислалъ намъ письмо, которое мы, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не имѣли случая напечатать. Въ письмѣ этомъ г. Лимановскій, не отвѣчая, впрочемъ, категорически на наши вопросы, заявляетъ, правда, что признаетъ самостоятельность „русины“, но вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ желаніе возобновленія Люблинской унії 1569 г.

Мы вообще не понимаемъ, какое значеніе для соціализма, какъ „конечнаго результата историческаго развитія“, можетъ имѣть эта полувынужденная и цѣликомъ шляхетская унія. А въ час гности думаемъ, что дѣйствительно желательное согласіе между политическими дѣятелями разныхъ народовъ въ предѣлахъ бывшей Польши и Литвы можетъ наступить только тогда, когда польскіе дѣятели окончательно сдадутъ въ архивъ всякія ссылки на Люблинскую унію, о которой по крайней мѣрѣ украинцы и въ Россіи, и въ Австріи и слышать не хотятъ. (Сошлемся напр. хоть на протестъ галицкихъ „народовцевъ“ противъ польской демонстраціи въ память этой уніи 1869 г.). Г. Лимановскому слѣдовало бы во всякомъ случаѣ подождать, пока появится среди русиновъ хоть какое либо подобіе партіи, согласной на возобновленіе Люблинской уніи. А между тѣмъ онъ продолжаетъ въ „Jahrbuch fr Sozialwissenschaft“ третировать по крайней мѣрѣ землю галицкихъ русиновъ, какъ Польшу, въ противность тому, что заявляютъ даже поляки-соціалисты изъ Галиціи. И при этомъ еще польскій соціалистический патріотъ жалуется европейской публикѣ,

что „нѣкоторые русинскіе соціалистическіе писатели обращаютъ болѣе вниманія на про-веденіе границъ между національностями, чѣмъ на строгое соединеніе силъ въ борьбѣ съ нашимъ опаснѣйшимъ врагомъ (какимъ?). Они сѣютъ несогласіе тамъ, гдѣ должна бы господствовать строгая солидарность“ и т. п. (*Jahrbuch*, III, 261). Какъ будто записывать въ Польшу напр. галичанъ не значитъ проводить границу, и притомъ совершенно не вѣрную, между ними и ихъ братьями при-днѣпровскими? и какъ будто можно придумать что либо, болѣе способное сѣять несогласіе между русинами и поляками, какъ навязываться первымъ съ польскою національностью и Польшею-государствомъ, ко-торое такъ имъ опротивѣло?!

Если вѣрить газетамъ, описывавшимъ кон-грессъ въ Хурѣ, (между прочимъ иполь-ской газетѣ „*Przedswit*“), г. Лимановскій прямо заявилъ тамъ о необходимости воз-становленія польского государства, при по-мощи даже польскихъ демократовъ старой школы, — конечно, въ границахъ, какія угод-но будетъ провести г. Лимановскому и этимъ демократамъ. Любопытно, что при этомъ, какъ разсказываетъ „*Przedswit*“, г. Лима-

новскій являлся делегатомъ галицкихъ организованныхъ рабочихъ и читалъ отрывки изъ ихъ программы. Конечно, эти отрывки были не тѣ, которые мы привели выше, потому что иначе конгрессъ бы увидѣлъ, что г. Лимановскій никоимъ образомъ не можетъ считаться представителемъ кружковъ, которые составили эту программу *). Пов-

*) Судя по письму къ намъ изъ Галиції отъ лица вполнѣ компетентнаго, программу эту постигли презлополучныя приключения: она была озаглавлена «Program socyjalistów polskich i ruskich (украинскихъ) wschodniej Galicji» и въ такомъ видѣ отправлена въ Женеву для напечатанія. Но здѣсь (Imprimerie Polonaise, chemin Neuf, 13) «по ошибкѣ типографщика», она явилась подъ именемъ только «Program soc. polskich» и пр. и въ такомъ видѣ была пущена въ ходъ (она попалась съ такою «опечаткою» и въ руки австрійской полиції). Опечатка была опротестована изъ Галиції,—и тогда прежнее заглавіе было заклеено новымъ, но опять не тѣмъ, какое было составлено на мѣстѣ,—а опять другимъ: «Program socalistów galicyjskich». Новая «опечатка» снесла и слово «polskich», но скрыла опять и слово «ruskich». Удивительно это постоянство типографской судьбы въ преслѣдованіи этого слова! Въ довершениѣ г. Лимановскій явился на конгрессъ въ Хурѣ съ этой программой въ рукахъ, какъ представитель идеи о возстановленіи Польши, отъ которой отреклась эта программа!!

торяемъ, если все, разсказанное о поведеніи г. Лимановскаго на конгрессѣ въ Хурѣ, правда, — то, конечно, такое поведеніе одного изъ самыхъ плодовитыхъ польскихъ писателей соціалистовъ всего менѣе способно установить согласіе тамъ, гдѣ оно должно существовать. Во всякомъ же случаѣ, заявленія г. Лимановскаго въ пользу необходимости возстановленія Польши, какъ государства, обязываютъ его и къ строгому определенію границъ его, въ которыхъ онъ не имѣетъ никакого права вносить непольскія земли, какъ онъ это дѣлаетъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ. Иначе тутъ не только не можетъ быть вопроса о какой либо солидарности съ стремленіями, представляемыми г. Лимановскимъ, но долженъ быть поставленъ вопросъ просто о борьбѣ противъ нихъ, борьбѣ прежде всего со стороны той галицкой Федерации поляковъ, украинцевъ и евреевъ, программа которой была въ рукахъ г. Лимановскаго, когда онъ говорилъ передъ конгрессомъ въ Хурѣ.

На томъ же конгрессѣ г. Лимановскій говорилъ, по извѣстіямъ газетъ, отъ имени соціалистического общества „Людъ Польскій“, котораго программа была недавно перепе-

чатана въ „Вольномъ Словѣ“. Намъ нѣтъ резона разбирать здѣсь эту программу, которой представительство г. Лимановскаго даетъ болѣе опредѣленное значеніе. Мы остановимся только на одной ея подробности: программа эта признаетъ необходимость „устраненія политическо-национального гнета (конечно, надъ народомъ польскимъ) посредствомъ (его) национальной независимости въ границахъ добровольнаго тяготѣнія“ (*dobrowolnego cięzenia*, — во французскомъ изданіи программы это мѣсто переведено весьма вольно: *dans les frontières de libre fédération*, а въ русскомъ: „добровольнаго союза“).

Что должно разумѣть подъ словами: „*dobrowolne cięzenie*“?

Никакое революціонное движеніе не можетъ опираться ни на что, кромѣ „добровольнаго тяготѣнія“, — такъ что, въ общемъ смыслѣ, всего этого параграфа можно было и не писать. Очевидно, что въ этихъ словахъ надо искать отвѣта на вопросъ о границахъ того польского государства, которое предположило возстановить общество „Людъ Польскій“, и отвѣта, сообразно которому въ государствѣ этомъ могутъ принять участіе и

не польскія населенія. Но, если такъ,—то поче-
му же это будетъ все таки Польша, Людъ Поль-
скій? Очевидно, что вся выше писанная тем-
ная формула есть ничто иное, какъ порож-
деніе страха признаться въ историческомъ
польскомъ патріотизмѣ и страха или неже-
лания отказаться отъ него рѣшительно. Пос-
лѣ всего сказанного мы считаемъ излишнимъ
говорить о томъ, что съ такими темными
формулами нельзя освобождать ни народъ
польскій, ни соѣдніе съ нимъ народы *).

*) Единственно для полноты мы должны упомя-
нуть о статьѣ г. Лимановскаго въ «Prcurseur» 1881,
№ 29, 31 и слѣд. Статья эта представляетъ возраженія
на нашу статью въ «Revue Socialiste» «Les na-
tions de l'Europe orientale et le socialisme inter-
national», — основныя мысли которой руководятъ
нами и при составленіи настоящаго труда. Мы дол-
жны сказать, что вообще г. Лимановскій напрасно
поторопился спорить съ нами, такъ какъ статья
наша не окончена печатаніемъ, — а въ частности,
что до вопроса о польскихъ революціонерахъ 1863 г.
и теперешнихъ соціалистахъ, мы не можемъ по-
нять, что собственно хотѣлъ сказать авторъ. Онъ
не счелъ возможнымъ развернуть теперь передъ
европейскою публикой знамя исторической Польши
и призналъ въ концѣ статьи, что и белоруссы, и
литвины, по всей вѣроятности, будутъ развиваться
самостоятельно отъ Польши. А если такъ, — то за-
чѣмъ же г. Л. поднялъ споръ противъ нашей кри-

Не болѣе счастливы окажутся поиски за новымъ отношеніемъ польскихъ дѣятелей къ вопросу непольскихъ народовъ бывшей Рѣчи Посполитой и среди другой фракціи польскихъ соціалистовъ, той, которая теперь въ „Przedświt“-ѣ сама полемизируетъ, по своимъ резонамъ, съ фракціей „Люда Польскаго“. Какъ видно и изъ подписи посланія „Przedswit“-а „къ Русскимъ товарищамъ соціалистамъ“, фракція эта та же самая, которая издавала прежде „Równosć“. Эта „Równosć“ напечатала было въ 1879 г. свою „про-

тиki программы 1863 г. и противъ нашихъ требованій отъ соціалистовъ-поляковъ, воспитанныхъ средствами разныхъ народовъ исторической Польши? Затѣмъ, съ статьею Лимановскаго трудно намъ спорить еще и потому, что она прибѣгаєтъ къ слишкомъ адвокатскимъ пріемамъ. Такъ напр. г. Л—ій желаетъ защитить идею присоединенія Украины къ Польшѣ нашимъ же свидѣтельствомъ о томъ, что украинская народность имѣеть болѣе свободы въ Галиціи, чѣмъ въ России. Но г. Л., который самъ жилъ въ Галиціи, долженъ же знать, что украинцы этимъ обязаны не польскимъ политикамъ, а австрійскимъ законамъ. Если онъ этого не знаетъ, то онъ былъ глухъ и слѣпъ ко всему, что дѣлалось около него, — а если онъ это знаетъ, то зачѣмъ же онъ запутываетъ понятія французскихъ читателей, которые не въ состояніи провѣрить его?!

граммъ польскихъ соціалистовъ“, изъ которой былъ вполнѣ исключенъ политической вопросъ объ освобожденіи Польши, но въ которой не было сказано ни слова ни о томъ, какое же поле дѣйствія избираютъ себѣ „польскіе соціалисты“, ни объ отношеніяхъ ихъ къ ближайшимъ сосѣдямъ дѣйствитель-наго польского народа. Въ свое время мы покажемъ, что вопросъ этотъ былъ постав-ленъ передъ публицистами „Równoscі“ и ихъ соплеменниками и сосѣдями, но они пред-почли уклониться отъ всякаго отвѣта на него *). Можно бы было думать, что такое уклоненіе произошло отъ того, что на той

*) Здѣсь мы упомянемъ только, что въ бумагахъ краковскаго процесса сторонниковъ «Równosci» находятся слѣды одной изъ польскихъ программъ, въ которой находимъ такія слова: «свобода политическая и національная, обеспеченнія федераціей производительныхъ группъ народа польского въ границахъ этнографическихъ» (Wolność polityczna i narodowościewa, zapewniona przez federacye wy-sworecznych grup ludu Polskiego w granicach narodo-wości). Программа эта была составлена въ Галиції, какъ видно изъ процесса, лицами, находившимися въ сношеніяхъ съ «Równoscі» и съ г. Лимановскимъ, тогда къ ней принадлежавшимъ, но, какъ видно изъ сказаннаго выше, не была ими прията во вни-мание.

высотѣ интернаціональнаго міровоззрѣнія, на какую стала программа „Równoscі“, такой отвѣтъ или самъ собою подразумѣвался, или самый вопросъ представлялъ ся совсѣмъ лишнимъ. Однако на отношеніи „Równoscі“ и ея французскаго бюллетеня къ Галиції (и Западной, и Восточной), которую редакція изображала, какъ часть Польши, и въ которой она систематически игнорировала русинскій элементъ, — каоковой былъ упомянуть только разъ, какъ существующій будто только въ селахъ подъ Львовомъ, а не въ самомъ Львовѣ, и упомянуть въ полемико-юмористической статейкѣ, запутывавшей вопросъ, а не уяснявшей его, — можно видѣть, что причины вышеупомянуту, таго умолчанія вовсе не тѣ, какія были сейчасъ предположены. Разъ же признавши, что вся Галиція — Польша, — иѣтъ никакой надобности въ иной пропагандѣ въ ней, кроме польской. А чѣмъ же отличается отношеніе Восточной Галиціи къ Польшѣ отъ отношенія Волыни, Бѣлоруссіи, Литвы? Почему же и имъ не выйти Польшею? Къ тому же публицисты и ораторы „Równoscі“, — какъ и г. Лимановскій въ названной выше брошюре, — всякий разъ, когда имъ приходи-

дилось говорить о восточныхъ своихъ отношеніяхъ, говорили только о великорусскомъ (*rossyjskiem*) народѣ, какъ будто народовъ, промежуточныхъ между нимъ и народомъ польскимъ, и не существовало.

Въ напечатанномъ недавно воззваніи фракціи „*Rownosci-Przedswita*“ къ „русскимъ (по польски—*rossyjskim*, т. е., великорусскимъ) товарищамъ“ видно, что фракція эта уже не игнорируетъ ни политического вопроса, ни существованія національностей. Она между прочимъ считаетъ нужнымъ „съорганизовать одну общую соціалистическую партію, въ составъ которой вошли бы соціалистическая организация различныхъ національностей въ предѣлахъ русского государства и „выработать общую политическую программу для всѣхъ соціалистовъ, дѣйствующихъ въ русскомъ государствѣ“, и предлагаетъ великорусскимъ товарищамъ совмѣстно съ нею выработать такую программу, даже не боясь „обвиненій въ централизмѣ“. Да!—фракція „*Rownosci*“,—прежняго органа „польскихъ соціалистовъ“,—теперь уже не признаетъ надобности существованія „польскихъ соціалистовъ“, какъ чего то цѣлаго,—хотя и съ оговоркой, которая возстановляеть

этую цѣлость *). Но при этомъ польская фракція соціалистовъ русскаго государства предлагаетъ великорусской ихъ фракціи составить сообща съ нею программу, общую для всѣхъ соціалистическихъ организацій различныхъ національностей этого государства, не упоминая не только о другихъ фракціяхъ, но даже ни о какихъ другихъ національностяхъ этого государства! Значитъ ли это, что никакихъ другихъ фракцій кромѣ польской и великорусской въ Россіи нѣтъ, или что поляки и великоруссы вообще компетентны составить политическую программу для соціалистовъ всѣхъ національностей Россіи?? Не беремся отвѣтить. Но это обращеніе польской Фракціи и это умолчаніе остается все таки фактъмъ характернымъ

*) Вотъ текстъ относящагося сюда параграфа посланія: «Польская соціальная партія, какъ нѣчто цѣлое, существовать не можетъ, а могутъ быть только польскія соціальные группы въ Россіи, Австріи и Германіи, которыя сообща съ соціальными организациями иныхъ національностей въ данномъ государствѣ, создаютъ органическій союзъ, что не можетъ имъ мѣшать входить въ связи, какъ между собой, такъ и съ другими соціалистическими организациями».

и мало предвѣщающимъ добраго, по крайней мѣрѣ для фракціи „Przedswita“.

Впрочемъ, послѣдней есть еще возможность вполнѣ рационального выхода. Это — отнестись серьезно къ поставленному наконецъ и ею самою вопросу и начать его серьезную разработку прежде всего съ своего, польского конца. Правда, авторамъ декларациіи сейчасъ же придется расширить ту узковатую рамку, которую поставляютъ по крайней мѣрѣ выраженія, если не цѣль, этой декларациіи, вообще довольно торопливо редактированной. Декларациія эта говоритъ только о необходимости слитія существующихъ въ Россіи „соціалистическихъ организацій различныхъ національностей“ для достижения политической свободы, — а изъ способовъ этого достиженія говоритъ только о „террористической борьбѣ“. Но при серьезномъ размышленіи очевидно, что какъ одною „террористической борьбою“, т. е., убийствами, или, если угодно, „казнями“, политическая свобода не можетъ быть достигнута, — такъ и одно слитіе существующихъ соціалистическихъ организацій въ Россіи, — да еще и изъ нихъ только тѣхъ, которые будутъ признаны за таковыя един-

мышленниками „Przedswita“ (который напр. отрицательно относится и къ „Люду Польскому“), — не составить еще очень важного дѣла, даже на столько важного, чтобы о немъ надо было возвѣщать печатными манифестами. Для политического переворота необходимо участіе большихъ массъ; сторонники переворота должны привлечь къ себѣ эти массы, нашедши у нихъ жизненные интересы, страдающіе отъ теперешняго порядка вещей, и убѣдивши ихъ, что интересы эти будутъ удовлетворены, по совершеніи переворота. Поэтому, если въ данномъ случаѣ есть серьезный вопросъ, требующій общаго обсужденія, такъ это вопросъ „соединенія“ массъ „различныхъ національностей русскаго государства“ для борьбы за такую политическую форму, которая бы обеспечивала политическую свободу всѣхъ ихъ вмѣстѣ и каждой порознь. Вполнѣ серьезная постановка такого вопроса можетъ быть только результатомъ заявленія голосовъ каждой изъ національностей Россіи, — если уже говорить о національностяхъ, — а мы бы прибавили: и каждой изъ ея сколько нибудь оригинальныхъ мѣстностей. Но возможно, что и одна или нѣсколько національныхъ

или мѣстныхъ группъ поставятъ достаточно резонно различныя подробности даннаго вопроса, хотя бы только теоретически. Для этого онѣ должны начать съ опредѣленія того, какія же національности или мѣстности, — или вообще естественныя единицы составляютъ то цѣлое, которое надо благоустроить? какія въ каждой изъ нихъ существуютъ нужды, требующія удовлетворенія? какіе способы слѣдуетъ употребить, чтобы вызвать заявленія объ этихъ и другихъ нуждахъ, чтобы привлечь къ борбѣ массы этихъ національностей или мѣстностей? и т. д. На польскихъ членахъ желаемой общей организаціи наиестественнѣмъ образомъ лежитъ задача подобнаго изслѣдованія мѣстностей національности польской, а за тѣмъ, конечно, ближайшихъ къ ней, тѣмъ болѣе, что польскіе дѣятели во всѣхъ фракціяхъ, не исключая и фракціи „Rownosci“, выходили и выходятъ изъ мѣстностей и собственно польскихъ, и литовско-латышско-белорусско-украинскихъ. Польскимъ дѣятелямъ, если только они пожелають отнестись серьезно къ предложенной фракціей „Przedswita“ работе, придется, быть можетъ, прежде всего поставить самимъ себѣ вопросы: можно ли

считать за национальности населенія вышеупомянутыхъ непольскихъ мѣстностей Россіи или нѣтъ? и каковы при томъ и другомъ отвѣтъ на этотъ вопросъ могутъ быть способы для привлеченія и этихъ населеній къ участію въ борьбѣ за политическую свободу? равно, каковы должны быть формы этой свободы, которыя бы оградили интересы этихъ национальностей, если ихъ существование признается? Отвѣтъ на эти вопросы тѣмъ болѣе необходимъ, что исторія большихъ державъ западной Европы, не исключая на этотъ разъ и англійской, наутила насъ, что отъ такой или иной постановки подобныхъ вопросовъ зависѣло то, что послѣ длиннаго ряда политическихъ переворотовъ известныя націи попали въ столь свободныя политическія формы, что иныя даже не безъ основанія стали вздыхать и о старинномъ абсолютизмѣ и, иногда при несомнѣнныхъ стремленіяхъ къ свободѣ, становиться орудіями для контр-революцій.

Не имѣя чести принадлежать къ числу „русскихъ товарищей“ „Przedswita“, мы все таки считаемъ себя не только въ правѣ, но даже въ обязанности, просто по по-

ложењю публициста, поставить группѣ „Przedswita“ изложенные выше вопросы, и ждать на нихъ категорическихъ отвѣтовъ. Иначе,—да простятъ намъ откровенность,—будетъ основаніе считать новую постановку вопроса о роли поляковъ въ революционномъ движениі въ Россіи или за поверхностную, минутную вспышку, или за новое уклоненіе отъ решительного отвѣта на „проклятые вопросы“: что же такое Польша? т. е., гдѣ ея границы? и каково должно быть отношеніе къ плебейскимъ націямъ бывшей исторической Польши ихъ ополяченной интеллигенціи? Вѣдь при известномъ, напр. „набатскомъ“, взглядѣ на данный вопросъ новый оборотъ известной польской фракціи, которая, вмѣсто признанія раздѣла исторической Польши между ея действительными націями, признаетъ раздѣлъ ея между государствами, съ оговоркою, однажды, что части ея могутъ входить между собою въ союзы,—можетъ оказаться только новою попыткою доѣхать плебейскія націи, если не мытьемъ, такъ катаньемъ. Въ такомъ случаѣ, какъ и при томъ псевдо-интернализмѣ, о которомъ мы говорили выше,—„у имущаго и будетъ,

и преизбудеть, а у неимущаго, если что и имѣть быть, отнимется“. Напомнимъ, что устроенная на государственномъ началѣ нѣмецкая соціально-демократическая партія, даже и при сочувствіи къ полякамъ, ничего не успѣла сдѣлать для пропаганды соціализма среди польского населенія Германіи. Равнымъ образомъ и венгерская соціально-демократическая партія ничего не дѣлаетъ для пропаганды соціализма среди славянскихъ и румынскихъ населеній Венгріи,— потому что не рѣшается вырваться за перегородки государственно-національныхъ предразсудковъ, венгерскихъ и нѣмецкихъ, и потому что она также игнорируетъ не-мадьяровъ и не-нѣмцевъ Венгріи, какъ польские и великорусские дѣятели игнорируютъ плебейскія націи Россіи.

XIII.

Обращаясь теперь къ обзору великорусской революціонной печати послѣднихъ двухъ лѣтъ, мы невольно припоминаемъ замѣчаніе г. Аксельрода о томъ „пренебреженіи къ печатному слову“, какое господствовало въ великорусскихъ революціонныхъ

кружкахъ 70-хъ годовъ, о той „ранговой лѣстнице“ революціонной преданности, въ которой (лѣстнице) революціонная пресса едва удостоивалась занять послѣднюю ступень“, от той „шаблонности требованій, которая оттолкнула отъ русскихъ революціонеровъ всѣ сочувствовавшіе элементы, но расходившіеся съ ними по второстепеннымъ пунктамъ“. Теперь, когда великоруссіе революціонные круги почувствовали необходимость говорить не только со своими товарищами, но со всѣмъ обществомъ, объяснять цѣли и средства, формулировать программы, — теперь то и видны горькіе плоды этихъ и подобныхъ ошибокъ недавняго прошлаго. Заявленія и программы великорусскихъ революціонныхъ фракцій, довольно обильныя въ послѣднее время, хотя по большей части провозглашаются чрезвычайно догматически и непремѣнно отъ „партий“ и даже, до самаго недавняго времени, непремѣнно отъ всей русской соціально-революціонной партіи, какъ чего то единаго и нераздѣльного, — тѣмъ не менѣе изложены почти всегда крайне отрывочно (часто не смотря на излишнюю длиноту), неполно, сбивчиво, то крайне абстрактно, то слиш-

комъ конкретно и мелочно, и часто противорѣчivo. При этомъ часто видно, что дѣло редакціи программъ, т. е., въ сущности, дѣло принциповъ, все еще остается второстепеннымъ въ великорусскихъ революціонныхъ кругахъ, такъ какъ иногда встрѣчаешь чуть не авторовъ извѣстныхъ заявлений и программъ, которые па распросы ваши относительно смысла какихъ либо частей ихъ, отвѣчаютъ въ такомъ родѣ: „этому не должно, впрочемъ, придавать серьезнаго значенія“. Затѣмъ, нерѣдки случаи дѣйствій членовъ различныхъ фракцій въ духѣ, совершенно противномъ сдѣланнымъ печатно заявленіямъ. Анонимность большей части заявлений и программъ, конечно, помогаетъ такому легкому къ нимъ отношенію ихъ сторонниковъ, а иногда и авторовъ.

Всѣ эти и подобные черты крайне затрудняютъ критику принципіальной стороны великорусского революціоннаго движения послѣднихъ лѣтъ.

Несомнѣнно, что въ немъ замѣчается желаніе выйти на новые пути, стать практическѣе, ближе къ потребностямъ населенія

страны. Это уже одно должно обусловливать необходимость признания и его разнобразий, которые требуютъ и разнообразныхъ приемовъ дѣйствія, и такимъ образомъ должно наклонять великорусскихъ революціонеровъ къ болѣе или менѣе федеративной программѣ. Въ пользу послѣдней дѣйствуютъ и преданія 60-хъ годовъ, которые все же были лучшою эпохой великорусской революціонной литературы. Эти преданія оставили за собою по крайней мѣрѣ Федерально-анаархической языкъ, если не отчетливыя идеи и представлениа. Къ тому же одна громадность Россіи дѣйствуетъ на чувства, если не на мысли, такъ внушительно, что рѣдко кто изъ великорусскихъ революціонеровъ рѣшается высказаться противъ необходимости ея федерального строя,—и необходимость автономіи ея общинъ составляетъ непремѣнное общее мѣсто всѣхъ великорусскихъ программъ и послѣдняго времени.

Тѣмъ не менѣе, даже и эти программы, —не говоря уже о другихъ заявленіяхъ и дѣйствіяхъ великорусскихъ революціонеровъ, заставляютъ признать вѣрность замѣчанія, высказаннаго тѣмъ же г. Аксельро-

домъ въ вышеупомянутой статьѣ „Переходное время партіи“:

„А сколько среди насытъ такихъ, которые склоняются къ якобинству, даже и не подозрѣвая этого! Правда, у насытъ очень мало *сознательныхъ* и *послѣдователенныхъ* якобинцевъ, но вѣдь безсознательность и есть злѣйший врагъ человѣческаго счастья и развитія“.

Безспорно, самая дѣятельная и, по всейѣроятности, самая многочисленная часть великорусскихъ революціонеровъ, это т. н. „партія террористовъ“ или „Народной Воли“. И вотъ въ ней то и заключается наиболѣе зародышей централистическихъ, якобинизма. Якобинизмъ этотъ теперь еще пока болѣе безсознательный, — такъ какъ по крайней мѣрѣ иѣкоторые видные члены партіи признаютъ себя федералистами. Такимъ заявилъ себѣ въ своей послѣдней рѣчи Желябовъ. Кромѣ этой извѣстной всѣмъ рѣчи мы имѣемъ другое интересное свидѣтельство,—письмо къ намъ Желябова, писанное въ 1880 г., которое мы еще не считаемъ возможнымъ напечатать цѣликомъ, по изъ котораго считаемъ умѣстнымъ привести слѣдующее мѣсто:

„Насъ, убѣжденныхъ автономистовъ, винять въ централизмѣ *)... за Учредительное Собрание (созваніе котораго программа исполнит. комитета поставила ближайшюю цѣлью). Во первыхъ, не хотятъ понять, что Учредительное Собрание въ нашихъ глазахъ только ликвидационная комиссія, а во вторыхъ, можно ли въ программу ближайшихъ требованій вносить такія, за которыхъ нѣтъ реальной поддержки, а есть изступленные враги? Гдѣ наши феніи, Парнель? Таково положеніе вещей, что исходишь отъ реальныхъ интересовъ крестьянства, признаешь его экономическое освобожденіе за существеннѣйшее благо,—а становишь ближайшую задачу требованія политической; видишь спасеніе въ распаденіи имперіи на автономныя части,— и требуешь Учредительнаго Собранія! Не велика заслуга предъ отечествомъ—аскета-хранителя общественнаго идеала. Мы по крайней мѣрѣ предпочли бытъ мірянами“. (12 Мая 1880 г.)

*) Желябовъ имѣлъ въ виду возраженія „народниковъ“ и „украинцевъ“; солидарностью съ послѣдними, какъ видно и по другому мѣсту письма, онъ очень дорожилъ,

Изъ этихъ словъ видны, какъ федеративные стремленія самого Желябова, такъ и то, что эти стремленія встрѣчали себѣ „изступленныхъ враговъ“. Письмо не говоритъ, въ какой средѣ были эти враги, но мы врядъ ли ошибемся, если предположимъ, что авторъ письма имѣлъ въ виду и ближайшіе къ нему русскіе революціонные круги. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ основаніе предполагать послѣднее, такъ какъ намъ случалось не разъ на наши мнѣнія о необходимости признанія со стороны русскихъ политическихъ революціонеровъ национального разнообразія Россіи и заявленія ясной федеративной программы, получать изъ этихъ круговъ возраженія, изъ которыхъ самыя умѣренныя были въ такомъ родѣ: „мы этого не понимаемъ“, или: „для насъ эта необходимость вовсе не такъ ясна, какъ для васъ“ и т. п. Конечно, что въ болѣе широкихъ кругахъ „русскаго“ общества „ожесточенныхъ враговъ“ федерализма,— и притомъ вполнѣ сознательныхъ и даже прямо заинтересованныхъ въ национально-государственномъ великорусскомъ централизмѣ,— находится еще болѣе, чѣмъ въ кругахъ революціонныхъ,— и крайне характерно, что люди, въ родѣ Желябова, кото-

рые, казалось бы, отбросили страхъ передъ какими бы то ни было предразсудками русскаго общества, считали однакожъ нужнымъ уступать „ожесточеннымъ врагамъ“ федерализма.

Въ выписанныхъ словахъ Желябова есть еще одна очень характерная черта. Признавая необходимость оппортунистически считаться съ „ожесточенными врагами“ децентрализациі, Желябовъ также оппортунистически указываетъ на практическую слабость сознательныхъ децентралистическихъ элементовъ въ Россіи, имѣя въ виду преимущественно Україну, которую такъ часто сравнивали съ Ирландіею. Гдѣ украинскіе фенії? Парнель? — спрашиваетъ Желябовъ, — и очевидно, хочетъ сказать, что будь они въ наличности, то онъ бы и его друзья не ограничились требованіемъ созванія Учредительного Собрания для единой и нераздѣльной Россіи, а поставили бы въ свою программу и требованія такого или иного *home rule* (домашняго управлениія, автономії) для разныхъ націй и областей теперешняго россійскаго государства. Интересно, что это скептическое ожиданіе отъ Україны феніевъ и Парнелей вылилось изъ подъ

пера уроженца одной изъ украинскихъ же губерній, которому никто не мѣшалъ самому явиться однимъ изъ своего рода Фениевъ. Вообразите себѣ, что ирландскіе дѣятели стали бы ждать, пока это появится на ихъ родинѣ *home-rulers*, а до тѣхъ поръ признавали бы себя англичанами, сторонниками великобритатской централизаціи. Не скоро бы тогда Ирландія дождалась Парнелей! А между тѣмъ таково отношеніе обрусѣлыхъ „окраинцевъ“ къ своимъ роднымъ краямъ и къ ихъ населеніямъ въ Россіи. На Украинѣ напр. обрусѣлая „интеллигенція“, даже называющая себя народниками, или совсѣмъ сторонится отъ всего мѣстно-народнаго и даже относится враждебно ко всякому напоминанію о мѣстно-народномъ элементѣ,—или, при всей благосклонности къ нему, не идетъ далѣе полу-скептическаго ожиданія и вызова: подайте же намъ вашу украинскую культуру, украинскую политику, соціализмъ, революцію! Какъ будто все это долженъ подать кто нибудь другой, а не сами вызывающіе, которые должны бы всѣ, массою, сблизиться съ народомъ, ихъ вскормившимъ, ихъ окружающимъ!

Вотъ изъ такихъ то элементовъ: изъ „ожесточенной вражды“ къ федерализму однихъ, изъ непониманія его настойтельной нужды другими, изъ уступокъ вышеупомянутой враждѣ третьихъ, изъ недостатка инициативы для энергического разрыва съ словнымъ и государственнымъ воспитаніемъ четвертыхъ и т. п., и т. п., — и складывались вездѣ на материкѣ Европы тѣ якобинскія теченія, которыя давали даже революціоннымъ движеніямъ, начавшимся изъ желанія доставить населеніямъ всяческія свободы, такое направлениe, которое только переносило самодержавную власть надъ населеніями изъ рукъ одного центрально-государственного учрежденія въ руки другого, — почти не расширяя реальныхъ правъ лицъ и группъ, изъ которыхъ состоять эти населенія. Вотъ почему такъ нась и пугаютъ признаки подобныхъ же теченій и въ начинающемся русскомъ революціонномъ движеніи! Вотъ почему мы считаемъ нужнымъ настаивать на необходимости по крайней мѣрѣ для революціонныхъ круговъ радикального разрыва со всѣми централистическими, государственно-национальными идеями и привычками!

Къ сожалѣнію, въ кругахъ русскихъ „террористовъ“ почти не замѣтио желанія получиться на горькомъ опытѣ другихъ европейскихъ революцій, — а напротивъ того, слишкомъ много видно признаковъ фатальнаго увлеченія на тѣ дороги, которыя прнесли такъ много бѣдствій другимъ европейскимъ странамъ. Какъ еще ни тѣсны предѣлы дѣятельности русскихъ политическихъ революціонеровъ, но на нихъ уже видна справедливость замѣчанія, что „во всякой странѣ оппозиція прежде всего складывается по типу того правительства, съ которымъ она борется“.

Сложившееся въ послѣднее время активное революціонное движение въ Россіи проявилось себя прежде всего убийствами, которымъ и соціалисты считаютъ возможнымъ придавать имя *казней!* (И это послѣ Р. Оуена и другихъ отцевъ соціализма и ученія о *невмънляемости!*) Затѣмъ, когда въ русскихъ революціонныхъ кругахъ явился опытъ прочной организаціи, то она, выбравши себѣ спеціальностью эти казни, приняла имя „исполнительнаго комитета соціально-революціонной партіи“, — между тѣмъ какъ условія жизни въ Россіи отнимали всякую возможность организаціи единого

мышленниковъ какого бы то ни было направлениа, выбора ихъ представителей, совмѣстнаго опредѣленія цѣлей и средствъ дѣятельности, словомъ, всего того, о чёмъ говорять слова: *партия, комитет, исполнительный*. Очевидно, что кружокъ, назвавшійся „исполнителыкомъ р. с. р. партіи“, — былъ просто кружкомъ волонтеровъ, члены котораго могли представлять только самихъ себя. Даже для самаго успѣха дѣла, и въ интересахъ партіи онъ и долженъ бы быть выступить, какъ такой кружокъ волонтеровъ, дѣйствующихъ на свой страхъ, берущихъ на свои личныя совѣсти дѣйствія, по всякой человѣческой логикѣ, а особенно по соціалистической, — явно ненормальныя, объясняемыя только аномальностью же и системы русскаго правительства. Но такъ поступила только одна карательница агентовъ этого правительства, — Вѣра Засуличъ. Непосредственная ея послѣдователи сочли за лучшее назвать себя „исполнителями“ воли цѣлой партіи, — и приняли на себя видъ своего рода правительеннаго трибунала, а по томъ и своего рода правительства; они дошли даже до употребленія въ своихъ изданіяхъ словъ „*агенты исполнительного ко-*

митета“! Больше года не только исполнялись имъ отъимени партіи разные судебные приговоры, оснований которыхъ никто, кроме самихъ исполнителей, не могъ провѣрить, но и заявлялись разныя общія мнѣнія: о европейскомъ соціализмѣ и русскомъ народничествѣ, (о необходимости снять съ соціализма въ Россіи нѣмецкую его одежду и одѣть его въ русскую сермягу и взять себѣ въ примѣръ даже раскольническихъ пророковъ и пророчицъ), обѣ отношеніяхъ соціалистовъ къ буржуазіи, либерализму и монархіи (съ которою думала мириться прокламація „Смерть за смерть“, а особенно г. Мирскій) и т. п., — мнѣнія, весьма и весьма спорныя, и часто противорѣчивыя,— но всегда заявляемыя торжественно отъ имени цѣлой русской соціально-революціонной партіи.

Между тѣмъ въ этой „партіи“ существовали крупныя разногласія, — которыя наконецъ вышли и въ печать, именно тогда, когда „террористы“ стали выбираться изъ противорѣчій и тумана руссофильского народничества первыхъ номеровъ „Земли и Воли“ къ болѣе опредѣленной постановкѣ вопроса о политической свободѣ на обще-

европейскихъ основаніяхъ. „Народники“ рѣшились отдѣлиться, — и такимъ образомъ въ 1880 г. вмѣсто одного органа р. с. р. партіи оказалось два: „Народная Воля“ и „Черный Передѣлъ“, — при чёмъ первая, органъ „исполн. комитета р. с. р. партіи“ должна была объявить, что „исполн. комитетъ“ вовсе не представляетъ собою всю партію, а есть „совершенно самостоятельное тайное общество“, т. е., другими словами, что это и не „исполнительный“, и не „комитетъ“. А между тѣмъ имя это за нимъ осталось; — почему? — Потому что уже оно имѣло за себя известную традицію! Соображеніе чисто династического, а не революціоннаго характера.

На этомъ дѣло не окончилось. Органъ исполнительного комитета принялъ название „Народная Воля“. Мы помнимъ смущеніе, какое обнаружилось въ иѣкоторыхъ кругахъ русской эмиграціи, болѣе образованныхъ политически и сохранившихъ память объ анархическихъ идеяхъ, — когда телеграммы въ заграничныхъ газетахъ возвѣстили о выходѣ въ Петербургъ „Народной Воли“ и перевели это имя словами: „La volonté du peuple“, „Der Volkswille“. Эмигранты находили переводъ неправильнымъ и съ своей

стороны понимали слово „*Воля*“, какъ Вольность, Свобода,— почему и въ нѣсколькихъ печатныхъ заявленіяхъ около того времени и въ „*Revolté*“ (1 г., № 25) переводили имя новой газеты „*La liberté du peuple*“. Скоро однакожъ подтвердилось, что издатели „Народной Воли“ разумѣютъ послѣднее слово дѣйствительно въ смыслѣ „желанія“, „рѣшенія“, — „*la volonté du peuple*“, какъ началъ переводить даже анархической „*Le Revolté*“.

„Народная Воля“ и прокламаціи исполнительного комитета не разъ объявляли, то что они провозглашаютъ „волю народа“, то что они имѣютъ цѣлью добиться для народа возможности провозгласить свою волю, — передъ которой сами заявляли (и за себя, и даже за партію) готовность преклониться. И при этомъ „партия Народной Воли“ заявляла, что она стремится къ установлению въ Россіи „политической свободы“.

Но вѣдь понятіе о „народной волѣ“ почти противоположно понятію о „политической свободѣ“!

Политическая свобода это прежде всего совокупность извѣстныхъ правъ личныхъ, неотъемлемыхъ ни для кого, ни даже для воли народа,—потомъ, правъ группъ,—само-

управлениe общинъ и областей. Союзъ общинъ и областей, въ предѣлахъ одного народа (націи) или иѣсколькихъ, только и необходимъ (кромѣ достиженія извѣстныхъ цѣлей, нравственныхъ и экономическихъ, требующихъ большихъ материальныхъ средствъ) для охраны названныхъ выше видовъ свободы,—каковая цѣль лучше всего достигается, если и этотъ союзъ, обыкновенно называемый государствомъ, будетъ основанъ на началѣ выборнаго, народнаго, представительства. Но уже изъ сейчасъ сказанаго видно, что въ такимъ образомъ построенному (снизу вверхъ) политически свободномъ государствѣ сама „народная воля“ получаетъ весьма ограниченную роль, — но за то народная свобода, или лучше свобода всѣхъ живыхъ составныхъ частей народа, сохраняетъ самое широкое значеніе. Совсѣмъ иное получается, если мы начнемъ построеніе государства сверху внизъ: отъ народа и его воли. Эта послѣдняя на практикѣ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только волею большинства,—а въ государствахъ большихъ,—столь отличныхъ отъ древнихъ государствъ общинныхъ или кантональныхъ, — ничѣмъ инымъ, какъ волею большинства представи-

телей большинства народонаселенія. Очевидно, что самодержавіе такой „воли“ тѣмъ болѣе часто можетъ идти совершенно въ разрѣзъ съ интересами значительной части населенія и существеннѣйшими правами лицъ, группъ, областей и даже націй. Прибавимъ, что самодержавіе народное, — прямое (въ общинахъ и кантонахъ), и представительное, — не исключаетъ учрежденія диктатуры, на которую переносятся права народнаго самодержавія, какъ это понималось и въ древнихъ общинно-кантональныхъ республикахъ, и въ римской имперіи, и во французской якобинской республикѣ съ ея коллегіальной диктатурой *Comité du salut public*, и въ бонапартовскихъ имперіяхъ, какъ это понимается и легитимистами новой Европы, и въ Россіи напр. великороссійскими славянофилами,— и мы тѣмъ яснѣе увидимъ все различіе понятій „народная воля“ и „политическая свобода“.

Впрочемъ, все это весьма обстоятельно разъяснено цѣлою литературою, которая образовалась послѣ якобинской революціи въ XVIII вѣкѣ, — трудами европейскихъ политическихъ писателей разныхъ направленій, консервативнаго, либерального и

соціалистического, — писавшихъ о „государствѣ и его предѣлахъ“. Но эта литература, кажется, столь же мало известна революционерамъ, какъ и правителямъ въ Россіи, которые, каждый по своему, говорятъ во имя народа, его блага, воли и т. п. Только этимъ незнаніемъ, да недостаточнымъ анализомъ настроенія дѣйствительного „народа“ въ Россіи, въ томъ числѣ и народа ея господствующей національности, можно объяснить то, что „исполнительный комитетъ“ обѣщаетъ за себя и, можно сказать, за своихъ наследниковъ подчиниться „народной волѣ“, какова бы она ни была, лишь бы она была свободно (?) выражена.

Въ частности, для лицъ, произносящихъ подобныя обѣщанія, опасность отъ необходимости исполнять ихъ еще не очень близка. Практическій вредъ подобныхъ обѣщаній, какъ и всѣхъ политическихъ доктринъ и государственныхъ приемовъ „русскихъ террористовъ“, заключается въ томъ, что они вовсе не колеблятъ идеи государственно-централистического самодержавія, а только переносятъ его въ другія руки. Отсюда происходитъ и та робость покуситься на радикальное отрицаніе существующихъ по-

литическихъ отношеній, какая видна и въ письмѣ Желябова, — въ слабомъ развитіи идеи областной свободы въ „программѣ исполнительного комитета“, въ совершенномъ умолчаніи ею вопроса о правахъ національностей и въ сокрытіи разнообразнаго населенія Россіи подъ именемъ русскаго народа*). Можно бы было подумать, что русскіе террористы желаютъ сохранить централизован-

*) Въ „Программѣ исполнительного комитета“ находимъ, правда, въ раздѣлѣ **В** замѣчаніе, что въ народѣ (?) существуетъ, въ числѣ „старыхъ, традиціонныхъ принциповъ... зачатки Федеративнаго устройства“, — а въ раздѣлѣ **Г** желаніе „широкаго областнаго самоуправлениія, обеспеченнаго выборностью всѣхъ должностей, самостоятельностью міра и экономической независимостью народа“, — но тутъ „область“ какъ то ємьшана съ „міромъ“ (общиною), къ вопросу о которомъ любятъ сводить всѣ разговоры о самоуправлениіи великорусскіе революціонеры, — а передъ этимъ пунктомъ поставленъ другой, по которому „постоянному народному представительству“ (т. е. центральному парламенту) предоставляетъся „полная власть во всѣхъ общегосударственныхъ (?) вопросахъ“. Во всей программѣ нѣтъ ни слова о разноціональности областей Россіи и о правахъ національныхъ, — а цѣлью теперешней революціонной дѣятельности поставлено: „отнять власть у существующаго правительства и передать ее Учредительному Собранию“.

ную машину русской имперіи для того, чтобы „на другой день переворота“ ею воспользоваться для своихъ цѣлей, какъ это было столько разъ съ революціонерами другихъ европейскихъ странъ. Но самое худшее, это то, что не подорванная даже въ теоріи эта машина,—даже въ случаѣ созыва Учредительного Собрания или просто всероссійскаго Земскаго Собора,—можетъ послужить совсѣмъ не революціонерамъ, — болѣе или менѣе соціалистамъ, — а кому нибудь другому, напр. консервативно-бюрократической диктатурѣ съ легкими починками, какъ это стало въ Австріи послѣ 1849 г. Вотъ почему и желательно было бы, чтобы въ числѣ другихъ общественныхъ элементовъ и „русскіе террористы“ передумали болѣе систематически надѣяться на вопросомъ о дѣйствительной политической свободѣ, которой нѣтъ безъ децентрализаціи—общинной, областной, национальной. Вопросы о национальностяхъ имѣютъ ту полезную сторону, что они разлагаютъ представление объ единобразіи состава населенія государства, противодѣйствуютъ стремленію къ смѣшенію идей о народѣ (нациі) и государствѣ и такимъ образомъ наглядно ставятъ вопросъ

о децентрализациі и о предѣлахъ власти вообще.

Въ самое послѣднее время „исполнительный комитетъ“ показалъ, что и онъ не совсѣмъ глухъ и слѣпъ къ вопросу о национальномъ и областномъ разнообразіи населенія Россіи. Крупный фактъ антиевройскаго движения среди украинскаго населенія подѣйствовалъ и на него, — а съ другой стороны, и до него проникла идея, которая начинаетъ ходить и среди русскихъ революціонеровъ, — исходя преимущественно изъ южныхъ кружковъ,—о необходимости воспользоваться для борьбы противъ монархического строя всѣми остатками свободныхъ учрежденій и воспоминаній въ населеніи различныхъ областей Россіи. Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній и соображеній исполнительный комитетъ въ послѣдніе дни сдѣлалъ два шага въ сторону признанія национального и областного разнообразія того, что онъ называлъ безразлично „народомъ русскимъ“, но, къ сожалѣнію, эти шаги отличаются все таки отрывочнымъ, несистематическимъ характеромъ и не показываютъ должнаго знанія даже

тѣхъ населеній, къ которымъ обращается „исполнительный комитетъ“ *).

Мы разумѣемъ двѣ прокламаціи „исполнительного комитета“, — одну къ украинцамъ по поводу противуеврейскаго движенія, другую къ „славному войску казацкому“. Первая замѣчательна главнымъ образомъ по своему языку: это первый опытъ обращенія „исполнительного комитета русской с. р. партии“ къ части населенія Россіи на языкѣ неофиціальномъ. Но, по своему содержанію, прокламація эта представляетъ или увлеченіе народничествомъ за предѣлы, дозволительные для соціалистовъ интернаціонального направленія или показываетъ въ

*.) Со временемъ извѣстнаго „упраздненія наукъ“, а особенно наукъ, которыя казались великорусскимъ революціонерамъ „националистическими“, всѣ ихъ заявленія и дѣйствія отличаются болѣе эмпирическимъ характеромъ,—„на ощупь“, —нежели систематическимъ, основаннымъ на синтезѣ. Пополнить этотъ недостатокъ лежитъ на тѣхъ поколѣніяхъ, которые еще не застигнуты активнымъ движенiemъ и находятся въ школахъ, если только эти поколѣнія употребятъ время зеленої молодости на изученіе хода политическо-соціальной жизни въ передовыхъ странахъ Европы и мѣстныхъ условій разныхъ красъ Россіи.

авторахъ незнаномство съ условіями жизни всѣхъ частей Україны: прокламація не знаетъ вовсе евреевъ не-эксплуататоровъ, а рабочихъ, которыхъ точно очень мало въ львобочнй и степной Українѣ, но которыхъ довольно много въ Українѣ правобочной. Далѣе прокламація эта не предлагаетъ украйинскому народу вмѣсто теперешняго правленія „московскаго царя“ ничего кромѣ правленія всероссійской „Палаты Депутатовъ“, которая будетъ „управлять (всероссійскимъ) народомъ по его „Народной Волѣ“: перспектива столь же мало соблазнительная для украинцевъ сознательныхъ, сколько и мало вразумительная для украинцевъ необразованныхъ. И тѣмъ, и другимъ слѣдовало показать возможность органовъ самоуправленія помельче и вмѣстѣ съ тѣмъ поближе къ ихъ странѣ, чѣмъ всероссійская Палата депутатовъ, которая будетъ „управлять“ Україной и въ которой представители хотя бы и народной воли 16—17 миллионовъ украинцевъ будутъ въ меньшинствѣ сравнительно съ представителями „народной воли“ 40 миллионовъ великоруссовъ. Какъ бы украинскому народу не пришлось сказать вмѣстѣ съ Прудономъ: „La forme

change, la tyrannie est immuable!“ Въ прокламації къ козакамъ памъ бросилось въ глаза незнаніе того, что большая часть кубанскихъ козаковъ — недавніе Черноморцы, наследники Запорожцевъ, — которымъ совсѣмъ ничего не говорятъ имена Разина и Пугачева, какими только и довольствуется прокламація, ни слова не говорящая о Сѣчи Запорожской!

Конечно, и въ Петербургѣ обязательно знать прошлое разныхъ областей, если уже признано за нужное къ нимъ обращаться съ напоминаніемъ ихъ прошлаго,— но вообще приспособиться надлежащимъ образомъ къ условіямъ каждой области могутъ только мѣстныя организаціи, которые поставятъ себѣ цѣлью организацію широкаго политico-соціального движенія, а не одни только политическая убийства. Но о такихъ организаціяхъ, которые могутъ надлежащимъ образомъ сформироваться только снизу вверхъ,— органы великорусскихъ террористовъ еще не говорили,— а потому и мы должны оставить эту фракцію великорусскихъ революціонеровъ на слабыхъ попыткахъ дифференціаціи ея дѣятельности, которая сейчасъ упомянуты и которая не

измѣняютъ сущности ея узко-великорусского и якобинского характера. *)

XIV.

О необходимости мѣстныхъ организаций говорилъ органъ другой фракціи великорусскихъ соціалистовъ,—,,Черный Передѣлъ“, называвшій себя „органомъ соціалистовъ-федералистовъ“. Но и съ его федеральными стремленіями произошло то же самое, что происходитъ обыкновенно съ вопросомъ фе-

*) Слѣдуетъ замѣтить, что ограничение революціонной борьбы (практическое, если не теоритическое) на т. наз. „террористическихъ“ предпріятіяхъ способствуютъ развитію централистическихъ наклонностей, а дальше и теорій. Дѣйствительно „террористическая“ предпріятія требуютъ своего рода централизаціи и даже диктатуры, особенно предпріятія, направленныя противъ главы государства. Затѣмъ, при извѣстной кружковой близорукости, сначала кажется, что и все дѣло революціонное сосредоточивается въ томъ дѣлѣ, которымъ занять кружокъ, а потому у него и является желаніе подчинить себѣ всѣ остальные революціонные кружки,— а дальше является и мысль о томъ, что если признать федративную теорію и въ принципіи, то это можетъ повлечь за собою разложение той централизаціи, которая установилась уже для данныхъ „террористическихъ“ предпріятій.

дерализма во всѣхъ россійскихъ партіяхъ,— къ которымъ въ данномъ случаѣ невольно прикладывается пословица: „далъ богъ копѣчку, а чортъ дырочку,— и пошла божья копѣчка въ чортову дырочку!“

Въ первомъ номерѣ „Чернаго Передѣла“ мы прочитали слѣдующія слова, которые заставляли ожидать многаго:

„Что касается названія нашего изданія органомъ соціалистовъ - федералистовъ, то оно объясняется нашимъ убѣжденіемъ, что лишь федеративный принципъ въ политической организаціи освободившагося народа *), только полное устраненіе принудительного начала, на котроромъ основаны современныя государства, и свободная организація снизу вверхъ могутъ гарантировать нормальный ходъ развитія народной жизни. На сколько торжество федеративнаго принципа можетъ быть достигнуто однимъ ударомъ, однимъ побѣдоноснымъ революціон-

*) Мы бы сказали и „освобождающаюся“ народа (а въ Россіи народовъ), такъ какъ исторические примѣры (Швейцарія, Голландія, С. А. Соед. Штаты) показали, что только тамъ установилась федерація, гдѣ самый процессъ освобожденія велся по федеративному способу.

нымъ движениемъ, невозможно, конечно, сказать въ настоящее время. Но партія должна направить всѣ свои усилия къ обеспечению его торжества, и соціально-революціонные изданія не могутъ обходить молчаніемъ этого важнаго вопроса. Этнографический составъ населенія русскаго государства постоянно заставляетъ считаться съ нимъ и въ современной намъ практикѣ. Малороссія, Бѣлоруссія, Польша, Кавказъ, Финляндія, Бессарабія,—каждая изъ этихъ составныхъ частей Россійской Имперіи имѣеть свои народныя особенности, требуетъ самобытнаго, автономнаго развитія“.

Но при внимательномъ разсмотрѣніи даже 1 № „Чернаго Передѣла“ открывается уже та „дырочка“, въ которую должны были уйти заключающіяся въ вышеписанныхъ словахъ добрыя намѣренія. Остановившись напр. на заглавіи газеты, мы увидимъ, что имя ея, очевидно, областное даже изъ областныхъ. „Черный Передѣль“—терминъ великорусскій и даже въ Великороссіи преимущественно лѣсной, верхневолжской, — т. е., той полосы, гдѣ существовали до недавняго времени т. наз. „черные“, т. е., вольные крестьяне, какъ противоположность

крестьянамъ владѣльцевъ, освобожденныхъ (обѣленныхъ) отъ повинностей государстvu *). Такимъ образомъ, — оставляя даже въ сторонѣ полное несоответствіе термина „Черный Передѣл“ съ идеей соціализма, которая именно исключаетъ понятіе о передѣлѣ, — имя это могло бы быть названіемъ развѣ популярной газеты и при томъ ультрапароднической въ одной изъ областей Россіи, каковою напр. для Украины могла бы служить газета съ именемъ, напр., „Слушни Час“. А между тѣмъ издатели „Чернаго Передѣла“ предназначили ему бытъ,

*.) Вотъ определеніе понятія о «черномъ передѣлѣ» въ книгѣ г. Якушкина, «Обычное право»: «Можно положительно сказать, что идеалъ ярославскихъ крестьянъ составляетъ не личная собственность, а, такъ называемый, здѣсь черный передѣлъ, по которому вся земля, кому бы она ни принадлежала, должна дѣлиться между всѣми, по числу душъ... Ярославскіе раскольники придаютъ черному передѣлу религіозный характеръ: передѣлъ кончиною мѣра воцарится на землѣ правда, и тогда земля будетъ раздѣлена равномѣрно между всѣми.» Въ б. № „Народной Воли“ корреспондентъ изъ Воронежской губерніи пишетъ, что въ той мѣстности „черный передѣлъ“ название не особенно употребительное и что въ Тамбовской губ. вместо него говорятъ „литургія“. (!!)

во первыхъ, газетой для интеллигенціи и, во вторыхъ, всероссійской.

Послѣ выписанныхъ словъ въ 1 № „Ч. II.“ читаемъ:

„Въ виду этого было бы весьма полезно развитіе мѣстной революціонной литературы; но пока оно составляетъ задачу будущаго, „Черный Передѣлъ“ по необходимости (?) является органомъ всѣхъ *русскихъ соціалистовъ*, раздѣляющихъ основныя положенія его программы. Тѣмъ не менѣе, каждое указаніе на мѣстныя отличія въ постановкѣ соціального вопроса и практическихъ приемахъ партіи всегда найдетъ самый радушный приемъ на страницахъ нашего изданія“.

Но словно чувствуя неловкость своего положенія, несоответствіе имени и языка своей газеты съ ея всероссійскими претензіями, издатели не рѣшились поставить опредѣлительное прилагательное (напр. русскихъ) во второмъ заглавіи изданія и назвали его глухо: „органъ соціалистовъ-федералистовъ“, — тогда какъ имъ слѣдовало бы написать просто и откровенно: „великорусскихъ“, подобно, напр., заглавію: „Der Social-Democrat, Internationales Organ der Socialdemocratie“.

deutscher Zunge“ 1880. Въ 1881 г. — D. Soc. Dem. Zentral-Organ der Deutschen Socialdemocratie).

Подобное заглавіе и соотвѣтственная ему локализація материала и способа изложенія, локализація программы о способахъ дѣятельности придали бы изданию и его фракціи живой областной характеръ, который, кромѣ прямой пользы для данной области, былъ бы полезенъ и косвенно, какъ примѣръ и для дѣятелей другихъ областей. Но неясность ли идей, или боязнь потерять поддержку невеликорусскихъ членовъ кружка (названные въ объявленіи объ изданіи газеты сотрудники большою частью не великоруссы), заставляла группу „Ч. П.“ погнаться въ одно время и за областностью, и за всероссійствомъ. Правда, это всероссійство свое группа хотѣла вначалѣ осуществить на болѣе или менѣе федеральномъ началѣ, объявивъ въ концѣ 1 № подписку на изданія „народныхъ книгъ на великорусскомъ и малорусскомъ языкахъ“. Но кончилось тѣмъ, что группа издала пока четыре №№ „Чернаго Передѣла“ и столько же рабочей газеты „Зерно“ исключительно на великорус-

скомъ языке и ни одного листка на украинскомъ и въ дальнѣйшихъ своихъ заявленіяхъ объ изданіяхъ на этомъ языке уже и не упоминаетъ.

Такая же участъ постигла и заявленія въ одно время съ выходомъ первыхъ номеровъ „Ч. II.“ дифференціаціонныя намѣрнія основателей „Русской Соціально-Революціонной Библіотеки“, въ числѣ которыхъ мы видимъ нѣкоторыхъ лицъ изъ тѣхъ, которые выступали публично, какъ члены редакціи „Ч. II.“. „Объявленіе объ изданіи Русской Соціально-революціонной Библіотеки“ *) признало недостатокъ дифференціації въ прежній дѣятельности „русскихъ“ соціалистовъ, между прочимъ, въ слѣдующихъ словахъ: „До появленія „Паровой машины“ на малорусскомъ языке, мы не имѣли ни одной книжки, которая доказывала бы, что мы помнимъ о разноплеменномъ составѣ Россійской Имперіи **). Предназна-

*) Оно ни кѣмъ не подписано, но въ числѣ объявленныхъ въ немъ сотрудниковъ, которые вполнѣ раздѣляли его идеи, находимъ имена гг. Гартмана, Морозова, Лаврова, Павловскаго, Плеханова и др.

**) Издатели „Паровой Машины“ всегда объ этомъ помнили и напоминали другимъ! М. Др.

чая свои народныя изданія для всего трудящагося люда, отъ одного конца Россіи до другого, мы не приняли во вниманіе того обстоятельства, что русское государство состоитъ изъ различныхъ народностей, вполнѣ сохранившихъ, въ низшихъ слояхъ населенія, свою національную самобытность и свой языкъ. „Сказку о четырехъ братьяхъ“ могли понимать только великоруссы; „Емелька Пугачевъ“ считался годнымъ для оживленія революціонной традиціи какъ въ Поволжье, такъ и въ Малороссіи, воспѣвающей своихъ народныхъ героевъ, имѣвшей свои массовыя движенія. Какъ известно, проповѣдники христіанства были въ этомъ отношеніи практиче, чѣмъ мы, ибо апостолы своевременно позаботились о сошествіи святого духа и о полученіи дара говорить на всѣхъ языкахъ“. Но авторы объявленія хотѣли соединить, по своему, разнообразіе съ единствомъ, предположивъ изданія все таки для всей Россіи, или по крайней мѣрѣ для Россіи славянской, впрочемъ, кажется, безъ польскихъ областей,— по съ раздѣленіемъ на два отдѣла: „1) Для интелигенціи, т. е., для читателей, подготовленныхъ къ чтенію серьезныхъ тру-

довъ и располагающихъ необходимымъ для этого досугомъ, и 2) для народа, т. е., для читателей, не могущихъ воспользоваться трудами первой категории (оригинальное определение народа!). Сюда войдутъ популярные брошюры для рабочихъ, крестьянъ, казачества и т. д. Народныя изданія „Р. С. Р. Б.“ по языку и способу изложения будутъ примѣняться къ важнѣйшимъ экономическимъ и этнографическимъ особенностямъ различныхъ мѣстностей Россіи“.

Мы уже намекали выше, что такое раздѣление народа и интеллигенціи и недемократично, и непрактично. На основаніи всѣхъ видѣнныхъ нами примѣровъ, такое раздѣление, какъ компромиссъ между народно-областностью и государственностью, есть то же одна изъ тѣхъ „дырокочекъ“, въ которыхъ уходятъ „божьи копѣочки“. При всѣхъ такихъ компромиссахъ государственно-национальный элементъ непремѣнно пойдетъ элементы народно - областные. Интересы этихъ послѣднихъ могутъ быть ограждены только такою организаціею, которая признаетъ полную равноправность народно-областныхъ элементовъ (напр., въ области слова, необходимость для нихъ литературы, —

какъ элементарной, такъ и высшей,—развитіе которой должно быть предоставлено на волю самихъ мѣстныхъ дѣятелей, а не быть отмѣриваемо сверху представителями центрального элемента и учрежденія),—такою организаціею, которая будетъ состоять прежде всего изъ народно-областныхъ обществъ, а потомъ уже изъ союза ихъ, такъ или иначе представленнаго.

На основаніи этихъ сображеній мы еще передъ выпусккомъ „Объявленія объ изданіи Р. С. Р. Библіотеки“, которая положила себѣ цѣлью объединеніе дѣятельности „всѣхъ фракцій русскаго соціализма“, считая за фракцію его и украинскихъ соціалистовъ, группы „Громады“, (каковая тѣсно соединена съ галицкою группою „Громадського Друга“),—предлагали и на собраніяхъ эмигрантовъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи, и въ печатныхъ циркулярахъ, разосланныхъ въ разные пункты, стремиться къ „Восточно-европейской интернаціональной федeraціи“, которая бы имѣла въ виду дѣятельность для всѣхъ націй Восточной Европейской равнины, входящихъ въ составъ, какъ русскаго государства, такъ и Пруссіи (литовцы, поляки), Австро-Венгрии (поляки, укра-

инцы, румыны) и Румынії (румыны, украинцы и великоруссы—въ Добруджѣ). Какъ первый приступъ къ такой федераціи, мы предлагали образованіе литературнаго союза для соціалистическихъ публикацій на всѣхъ языкахъ Восточной Европы, — плебейскихъ, какъ и государственню аристократическихъ.

Предполагая, что и замыселъ изданія „Русской Соціально-Революціонной Библіотеки“ можетъ быть все таки полезнымъ дѣломъ, какъ шагъ, хотя и робкій, но все таки въ направленіи народно-областномъ,— мы сочли себя обязанными обѣщать свой литературный вкладъ въ эту библіотеку, хотя и должны были отказаться отъ принятія выбора въ члены ея редакціоннаго комитета и вообще отъ всякаго участія въ ея организаціонной дѣятельности, считая основанія „Библіотеки“ не достаточно федеративными. Для проведенія болѣе радикально-федеративнаго плана, мы изложили его въ новомъ циркулярѣ: „Вниманію соціалистовъ-эмігрантовъ изъ Россіи“. Въ циркулярѣ этомъ мы воспроизвели, между прочимъ, слѣдующія пять положеній, представленныхъ нами весною 1880 г. на разсмотрѣніе со-

бранія эмігрантовъ въ Женевѣ (великороссъ, евреевъ, поляковъ, украинцевъ и др.) послѣ цѣлаго ряда рефератовъ разныхъ лицъ и преній: 1) *объ отношеніи борьбы за политическую свободу къ дѣлу соціализма въ Россіи* и 2) *о федерализмѣ и централизмѣ въ дѣль соціалистической пропаганды въ Восточной Европѣ*. Вотъ эти положенія:

„1) Собрание отдаетъ предпочтеніе соціальнымъ и революціоннымъ организаціямъ равноправно-федеральнымъ передъ централистическими и іерархическими.

„2) Собрание считаетъ болѣе соотвѣтственнымъ интересамъ соціализма на Востокѣ Европы организацію соціальныхъ партій по естественнымъ областямъ: географическимъ, экономическимъ и національнымъ, чѣмъ на основаніи государственныхъ границъ, существующихъ и традиціонныхъ.

„3) Въ интересахъ пропаганды соціализма на Востокѣ Европы собраніе считаетъ существенною необходимостью организацію соціалистической печати на языкахъ народныхъ, а не на однихъ только языкахъ государственныхъ и высшихъ сословій.

„4) Такъ какъ изъ языковъ населеній Восточной Европы соціалистическая печать уже начата на языкахъ русскомъ, украинскомъ, польскомъ и румынскомъ, то собраніе считаетъ теперь очереднымъ дѣломъ организацію такой же печати на языкахъ: эстонскомъ, латышскомъ и литовскомъ, бѣлорусскомъ, на языкахъ евреевъ и кавказцевъ, — а также приспособленіе нѣмецкой соціалистической литературы къ быту нѣмецкихъ рабочихъ на Востокѣ Европы.

„5) Признавая существенно необходимымъ образованіе и сохраненіе въ Восточной Европѣ разнаго рода мѣстныхъ (областныхъ и національныхъ) соціалистическихъ кадровъ, собраніе вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ необходимо возможно болѣе тѣсную связь ихъ и взаимную помощь.“

Изъ этихъ положеній второе стало предметомъ особенно горячихъ преній на нѣсколькихъ собраніяхъ въ Женевѣ и встрѣтило особенную оппозицію именно со стороны представителей „Równo  i“, — „органа польскихъ соціалистовъ“, которыхъ самое имя должно бы говорить въ пользу признанія ими національной основы (базиса, а не принципа) для ихъ дѣятельности, — и

„Чернаго Передѣла“, органа „соціалистовъ·
федералистовъ“, которымъ принадлежать
выписаныя выше слова о необходимости
считаться съ этнографическимъ составомъ на-
селенія и пр. Громаднымъ большинствомъ
наше положеніе было отвергнуто, вмѣстѣ
съ самой идеей существованія какихъ либо
естественныхъ областей, кромѣ государствъ,
— которыя, государства, и признаны были
единственными основами для организаціи
соціалистическихъ партій. Это рѣшеніе имѣ-
етъ въ виду посланіе группы „Przedѣwita“:
„Къ товарищамъ русскимъ соціалистамъ“,
когда говорить о „рѣшеніи бывшей группы
„Równośc““, принятомъ на основаніи пере-
говоровъ съ русскими товарищами въ про-
шедшемъ году, а именно, что

а) на характеръ соціально-революціонной
организаціи вліяютъ *исключительно* обще-
экономические интересы и политическая усло-
вія.

б) что организація соціалистическихъ пар-
тій можетъ совершаться на основаніи усло-
вій экономическихъ, съ одной стороны, и
фактически существующихъ государственно-
политическихъ, съ другой, причемъ этногра-
фическая границы національности никакъ не

могутъ служить базисомъ для организаций и т. п.“ *)

*) Замѣтимъ, при случаѣ, что, какъ оказывается изъ вышеприведенныхъ словъ, группа бывшей «Równosci» прекрасно понимаетъ, что значить слово «базисъ», между тѣмъ какъ еще въ 1880 г., когда мы, обсуждая занимающій теперь и эту группу вопросъ, сказали въ статьѣ «Les nations de l'Europe Orientale et le socialisme international» въ „Revue Socialiste“,—что всѣ государственные основы (bases) польскихъ и русскихъ соціалистовъ находятся въ противорѣчіи съ революціей, а особенно соціальною,—то группа „Równosci“ присада намъ мысль, будто ни у польскихъ, ни у русскихъ соціалистовъ нѣть соціально-революціонныхъ идей (principes), и подчигла противъ насть крестовый походъ, напечатавъ,—вмѣстѣ съ представителемъ „Чери. Перед.“,—противъ нашей статьи протестъ (!) отъ имени „большинства польскихъ и русскихъ соціалистовъ въ Женевѣ“. Протестъ этотъ, давая ложное понятіе о нашихъ мысляхъ и, главное, намѣреніяхъ тѣмъ, кто не могъ прочесть нашихъ статей во французскомъ журналѣ,—подрывалъ въ самомъ началѣ разсужденія о томъ организаціонномъ вопросѣ, которымъ теперь должна была заняться гласно сама группа „Przedѣwita“. — Надѣемся, что читатель извинитъ намъ это и еще нѣсколько сдѣланныхъ въ такомъ родѣ примѣчаній и не сочтетъ ихъ за исключительно личныя. Ихъ всегда непріятно дѣлать, но иногда необходимо, въ цѣляхъ общихъ, такъ сказать, санитарнаго характера: если откуда, то именно изъ революціонныхъ

Даже и изъ выписанныхъ выше положений нашихъ не видно, чтобы мы отрицали значение обще-экономическихъ или политическихъ условій, но только мы не приаемъ этимъ условіямъ (да и никакимъ другимъ) *исключительного* значенія. Нельзя отрицать ни частныхъ экономическихъ условій каждой области,—между прочимъ, родовъ производства, расположенія центровъ его и рынковъ обмѣна, опредѣляющихъ расположение и движение населенія въ фактически существующихъ экономическихъ бассейнахъ, ни нравственныхъ условій, вытекающихъ изъ существованія національностей, которые образуютъ связь между населеніемъ, каковая связь важна въ особенности при пропагандѣ словомъ и письмомъ, пропагандѣ, требующей своей организаціи. Нельзя отрицать также фактически существующихъ осложненій обще-экономическихъ и политическихъ условій, если въ известныхъ областяхъ распластование населенія на аристо-

сфера, слѣдуетъ изгнать неискренность приемовъ и всякое политиканство, дѣйствія инсинуаціями, анаѳемами и т. п. способами „старого міра“,— лучшее средство изгнанія которыхъ гласное на нихъ указаніе.

кратію, буржуазію, бюрократію и рабочіе класи соотвѣтствуетъ его раздѣленію на національности, какъ это, напр., имѣть мѣсто во всей почти странѣ отъ Вислы до Днѣпра.

Между тѣмъ „переговоры бывшей группы „Równoścі“ съ русскими товарищами“ прошли губкою по всѣмъ фактически существующимъ особенностямъ жизни народовъ и областей, — признавъ только условія обще-экономической и государственныя *). Но такъ какъ въ каждомъ почти государствахъ, какъ мы уже не разъ говорили, фактическія условія сложили національный централизмъ,— то отрицательное отношеніе къ инымъ основамъ организації, кроме государственныхъ, оказывается равносильнымъ признанію преміи въ пользу государственно-національного централизма, т. е., въ Россіи великорусского, въ Пруссіи нѣмец-

*.) Почти къ тому же заключенію пришелъ и г. Лавровъ въ примѣчаніи VII къ брошюре Шэфле «Сущность соціализма», — «Национальный вопросъ въ соціализмѣ», изданномъ и въ «Русск. Соц. Рев. Библіотеки» и по польски въ «Biblioteka Równoścі». Мы имѣемъ основаніе считать это примѣчаніе до извѣстной степени за отвѣтъ (отрицательный) на наши предложенія.

каго, въ Галиції (такъ какъ о всей Австрії серьезно и рѣчи быть не можетъ) польскаго. Уже изъ послѣдняго видно, что польская національность вышла не совсѣмъ обдѣленною изъ этихъ „переговоровъ“. А кромѣ того, какъ мы уже показали, — въ третиѣмъ пунктѣ соглашенія „бывшой группы Równosci съ русскими товарищами“, — послѣ рѣшительныхъ словъ: с) „что слѣдовательно польская соціалистическая партія, какъ нѣчто цѣлое, существовать не можетъ, а могутъ быть только польскія соціальная груп-
пы въ Россіи, Австріи и Германіи *), ко-
торыя, сообща съ соц. организаціями иныхъ
національностей въ данномъ государствѣ **),
создаютъ органическій союзъ“, — поставлена
оговорка: „что не можетъ мѣшать имъ (поль-
скимъ группамъ) входить въ связь между
собой ***“) Такимъ образомъ, изъ упомянутыхъ
прошлогоднихъ переговоровъ вышли поби-

*) а *польскія* груп-
пы — это какое же понятіе, этнографическое или обще-экономическое и политиче-
ское? Или только «этнографическая» границы на-
рода польского для польскихъ группъ не могутъ
служить базисомъ для организації??!!

**) Какихъ національностей? — всѣхъ, или только
государственныхъ и аристократическихъ???

***) Въ какихъ границахъ опять?

тыми только національности плебейскія и области, ими населенныя, — что мы напередъ и предсказывали.

Мы говорили, между прочимъ, что безъ признанія необходимости областныхъ и національныхъ организацій даже такое, повидимому, бесспорное дѣло, какъ пропаганда на живыхъ языкахъ всѣхъ народовъ, а не однихъ только привилегированныхъ, не можетъ быть даже начата. И дѣйствительно, не только никто изъ забаллотировавшихъ наше предложеніе польскихъ и великорусскихъ централистическихъ псевдоинтернационалистовъ, но и, въ частности, члены группы „Чернаго Передѣла“ и „Русской Соціально-Революціонной Библіотеки“, не смотря на свои обѣщанія, не издали ни одной не только книжки, но даже странички на какомъ бы то ни было плебейскомъ языкѣ, а теперь даже и не говорятъ о своихъ недавнихъ обѣщаніяхъ. Единственная литературная попытка пропаганды соціализма на плебейскомъ языкѣ, сдѣланная съ тѣхъ поръ, — была бѣлорусская брошюрка „Пробагатство та бѣдносць“, изданная украинскими соціалистами, — которые остались въ такомъ поразительномъ меньшинствѣ на же-

невскихъ „переговорахъ“ и противъ идей которыхъ высказался и г. Лавровъ въ одномъ изъ изданій „Русской Соціально-Революціонной Бібліотеки“.

Побитою оказалась на прошлогоднихъ переговорахъ группы „Równosci“ и „русскихъ ея товарищѣй“ и идея областныхъ организацій вообще. А между тѣмъ въ одной изъ областей Россіи уже показывались признаки крупныхъ народныхъ движеній. Мы говоримъ объ области украинской, въ которой въ послѣдніе 70-ые годы произошли весьма многочисленныя аграрные волненія и нѣсколько городскихъ „безпорядковъ“ и готовилось произойти противоеврейское движение. Это послѣднее было предвидѣно небольшою группою украинскихъ соціалистовъ, которые, стоя на своемъ областномъ базисѣ, видѣли осложненія „общѣ-экономическихъ условій“ національными отношеніями евреевъ и украинцевъ и указывали на необходимость принять во вниманіе эти осложненія. Между прочимъ, какъ разъ передъ тѣмъ, какъ польскіе соціалисты группы „Równosci“ попрѣшили вмѣстѣ съ ихъ „русскими товарищами“, что „на характеръ соціально-революціонной организаціи вліяютъ исключи-

тельно обще-экономические интересы и политическая условия", трое изъ украинскихъ социалистовъ сочли необходимымъ выступить съ поддержкою мысли объ образованіи специальной группы социалистовъ евреевъ, которая бы имѣла цѣлью пропаганду среди еврейскаго населенія въ Восточной Европѣ на живыхъ его языкахъ, и мотивировали эту поддержку слѣдующимъ образомъ:

„В области, заселенной украинским народомъ в Россіи и Австріи, живет теперь болѣе 1 миллиона евреевъ. С другой стороны, вряд ли гдѣ нибудь происходила столь ожесточенная борьба между массами туземнаго населенія и евреями, как въ Украинѣ XVII и XVIII ст., въ которой евреи являлись органами противнаго народу государственного и социального порядка.

„В настоящее время только треть евреевъ украинской области может быть причислена к явно эксплуататорскому классу, другая же треть должна быть отнесена к классу рабочему, и эта треть, равно какъ и значительная часть изъ остальной трети, — помощниковъ и прислуги у первой, — далеко не пользуется выгодами доходовъ, извлекаемыхъ, хотя бы и при помощи ея член-

нов, еврейскими капиталистами, и живет в нищетѣ, часто даже превосходящей нищету „христіанского пролетаріата“. Между тѣм старая соціально-національная борьба между украинцами и евреями оставила по себѣ живую память у потомков обѣих сторон, и память эта удаляет одни от других и такие слои обоих элементов населенія, которые принадлежат к одинаково рабочим и одинаково терпящим от теперешних экономических порядков. При теперешнем отношеніи между украинским народом и евреями можно ожидать, что всякое движение первого против этих порядков будет сопровождаемо кровавыми сценами еврейского избіенія, гораздо болѣе несправедливыми, чѣм сцены XVII и XVIII в. С другой стороны, антагонизм между евреями и нееврейскими массами народа в Украинѣ служит одною из причин солидарности между такими слоями населенія самих евреев, которых интересы в сущности противуположны между собою.

„Вот почему для соціалистов Украинской области представляется дѣлом особенной важности организація пропаганды, которая бы имѣла цѣлью, с одной стороны, отдѣле-

ніє рабочих єврейських мас от єврейських
капіталістів, а с другої,—коєднаніє єврей-
ських рабочих с рабочими інших племен.
Так як одним із найбільш дієствительних
средств для початку цієї пропаганди може
служити соціалістична преса на розго-
ворних языках євреїв, то ми не сомніва-
ємся, що всі наші товарищи в українській
області окажуть підтримку вищезложен-
ному предпріятію товарищів євреїв.“

Встрѣченный враждебно какъ польскими
и russkimi псевдо-интернационалистами, такъ
и украинскими националистами, замыселъ
этотъ не привелъ пока ни къ чему,—если
не считать заявленія къ нему сочувствія
со стороны львовскихъ польско-украинскихъ
рабочихъ кружковъ *). Противоеврейскій

*) Параллельно этой, пока чисто теоретической,
попыткѣ єврейскихъ и украинскихъ соціалистовъ въ
Женевѣ, на самой Українѣ попробовали сблизить-
ся между собою «братьчики-штундисты» українскіе
и єврейское «братьство» въ Елизаветградѣ, обсуждая
съ обѣихъ сторонъ возможность соединенія євреевъ
и украинцевъ въ совмѣстномъ производительномъ,
земледѣльческомъ труде. Это—слабыя теперь зерна
будущаго крупнаго движенія, которое одно въ со-
стоянніи гуманно решить єврейскій вопросъ на
Українѣ.

погромъ на Украинѣ засталъ врасплохъ тамошнихъ соціалистовъ, русскихъ, поляковъ и евреевъ, далеко не малочисленныхъ. Мы далеки отъ мысли, чтобъ принятіе въ самое послѣднее время предложенія небольшихъ женевскихъ группъ, еврейской и украинской, могло оказать существенное вліяніе на ходъ послѣднихъ противоеврейскихъ демонстрацій. Для такого вліянія необходима была долгая и систематическая работа. Но даже небольшія проявленія новаго отношенія къ еврейскому вопросу на Украинѣ,—въ родѣ одной двухъ прокламацій и къ евреямъ, и къ украинцамъ, попыткъ удержанія христіанской массы отъ нанесенія вреда евреямъ-рабочимъ (которые такъ пострадали напр., въ Кіевѣ), участіе хоть нѣсколькихъ евреевъ-рабочихъ въ демонстраціяхъ противъ еврейскихъ эксплуататоровъ,—все это могло бы послужить зерномъ для новаго, рациональнаго направленія движенія, проявившагося въ „разгромахъ евреевъ“. Но ничего подобнаго не случилось на Югѣ Россіи главнымъ образомъ потому, что тамошняя масса русскихъ соціалистовъ, родомъ изъ евреевъ, поляковъ и украинцевъ, отвлекаемая абстрактными формулами и цен-

тралистическими тяготѣніями, оказалась не-
приготовленною къ пониманію мѣстныхъ
соціально-національныхъ отношеній въ ихъ
конкретныхъ формахъ. Во время самого
разгрома соціалистические кружки оказались
совсѣмъ въ сторонѣ отъ дѣйствія, а послѣ
погрома (или, лучше сказать, послѣ первого
акта его) „руssкіе соціалисты“ попробовали
сказать о немъ свое слово,— но, какъ видно
по примѣрамъ прокламацій, между прочимъ,
и „Народной Воли“, не совсѣмъ удачно.
Судя по газетнымъ о нихъ извѣстіямъ,
прокламаціи эти или идутъ совершенно въ
разрѣзъ не только съ народнымъ взглядомъ,
но даже и съ дѣйствительностью, отрицаю-
щие совершенно еврейскій вопросъ, какъ ослож-
неніе общаго вопроса объ эксплуататорахъ
народнаго труда, или же совершенно ста-
новятся на точку зренія тѣхъ, кто „раз-
громлялъ евреевъ“. А между тѣмъ истин-
ная точка зренія заключается не въ этихъ
двухъ отношеніяхъ, а въ третьемъ. Но эта
третья точка можетъ получиться только изъ
детальнаго изслѣдованія дѣла съ его общи-
ми и частными, экономическими и націо-
нальными подробностями. Эти подробности
проскальзываютъ въ послѣднее время и въ

великорусскихъ соціалистическихъ газетахъ, только очень отрывочно. Такъ напр., въ № 4 „Чернаго Передѣла“ находимъ такое, для многихъ, не желающихъ признавать что либо, кроме „общѣ экономическихъ отношеній“, еретическое сообщеніе одного корреспондента съ лѣваго берега Днѣпра. „Когда панъ надъ тобою властвуетъ, это не такъ обидно, а то жидъ, — говорягъ крестьяне. Вообщѣ, противъ пановъ иѣтъ такого сильнаго личнаго озлобленія, какъ противъ евреевъ, хотя, понятно, и первыхъ крестьянишъ далеко не жалуетъ. „Намъ бы только съ жидами справиться, а тамъ и за пановъ примемся“,—говоритъ онъ. Народъ, какъ маѣ кажется, держится извѣстной градациіи по отношенію къ своимъ врагамъ. На первомъ планѣ является у него кулакъ иновѣрецъ, далѣе кулакъ православный, но изъ чужой народу среды, баринъ, и наконецъ уже слѣдуютъ гг. Разуваевъ и Колупаевъ, т. е., свой же братъ мужикъ *). Еврейскій раз-

*) Сравн. въ украинской брошюрѣ «Як наша земля стала не наша», 1876 г., стр. 55. Къ стати, замѣтимъ, что такъ любимое въ русской народнической литературѣ слово „кулакъ“ въ переносномъ смыслѣ, очень мало распространено въ народа и въ

громъ — прелюдія къ болѣе серьезному и цѣлесообразному народному движению⁶. Послѣднія строки наводятъ, между прочимъ, на слѣдующія размышленія. Текущее положеніе Россіи многіе не безъ основанія сравниваютъ съ положеніемъ Франціи передъ Великой Революціей 1789 г. Во время же этой революціи предводителями крестьянской борьбы противъ дворянъ-помѣщиковъ и потомъ противъ королевской администраціи были очень часто сельскіе Разуваевы и Колупаевы, которые же больше всего и воспользовались плодами революціи въ селахъ. Почему не повториться тому же самому и въ Россіи? Даѣ, — если въ народѣ существуетъ градація враговъ,—то не можетъ ли слѣдующій за еврейскимъ народный разгромъ направиться, напр., на правобочной Украинѣ на пановъ-поляковъ, въ другомъ мѣстѣ и т. п. *) Вотъ подмѣтить эту градацію и вообще всѣ мѣстныя вариаціи обще-экономическихъ и политическихъ условій, съ

самой Великороссіи. На Украинѣ никто его не пойметъ.

*) И самые евреи — теперь агенты фиска въ шинкахъ и при взысканіи недоимокъ.

тѣмъ, чтобы не быть вѣчно захватываемы-
ми врасплохъ событиями, — какъ это посто-
янно случается съ русскими революціоне-
рами, которыхъ захватило врасплохъ и
польское восстание 1863 г., и сербско-бол-
гарская война 1875 — 1878, и противоев-
рейское движение 1881 г., — только и мо-
гутъ областныя соціально политическія ор-
ганизаціи, конечно, вооруженные политиче-
скимъ образованіемъ. О такихъ организа-
ціяхъ и слѣдовало бы прежде всего позабо-
титься *).

*). Что незнаніе великокорусскими революціонерами положенія дѣль на Украинѣ было причиною ошибокъ ихъ въ польскомъ вопросѣ и неприготовленности во время еврейского погрома,—это видно съ первого раза. Не такъ ясна связь подобной же неприготовленности во время послѣдней восточной войны съ отсутствиемъ достаточно сильной оппозиціонной организаціи въ украинской области. Дѣло въ томъ, что съ Украины, — которая своимъ при-
соединеніемъ къ Московскіи навязала послѣдней анти-турецкую политику,—видѣвъ жизненные подробно-
сти восточного вопроса, чѣмъ изъ Петербурга, и
подробности эти чувствуются болѣе съ народной,
а не съ православно-государственной точки зренія,
какъ въ Москвѣ. Вотъ почему небольшая группа
сознательныхъ украинцевъ еще съ конца 60-хъ го-
довъ почувствовала близкую неизбѣжность взрыва
на берегахъ Дуная и стала пробовать обратить вни-

Надо сказать, что въ теченіе 1880 г. въ кружкахъ, прикосновенныхъ къ „Черному Передѣлу“, мысль о мѣстныхъ организа-

маниѣ, кого слѣдовало, на связь этого взрыва съ вопросомъ внутренней политики Россіи и убѣждать оппозицію, которою руководили люди петербургскіе, приготовиться къ тому, чтобы воспользоваться въ интересахъ свободы предстоящимъ движеніемъ, обративъ его столько же противъ турокъ константинопольскихъ, сколько и противъ московско-петербургскихъ, изъ которыхъ послѣдніе теряютъ послѣдній свой *raison d'être* послѣ ниспроверженія первыхъ. Изученіе украинскаго народа,—напр. его преданій и политической поэзіи, подтвердило предположеніе о томъ, что противотурецкое движеніе можетъ быть живымъ предлогомъ для освободительной агитациіи и среди украинского населенія. Всѣ попытки направить въ эту сторону вниманіе великорусской и овеликорушенній демократіи оказались напрасными. Даже, когда въ Герцеговинѣ, Босніи и Болгаріи лилась кровь, публицисты и борьбы великорусского соціализма продолжали или игнорировать это кровопролитіе, или даже убѣждать сербовъ и болгартъ, чтобъ они подождали, пока произойдетъ въ Германіи, Австріи и Россіи соціальная революція,—и тогда-де они разомъ получать и соціальную, и национальную свободу. (Впередъ). Нельзя было убѣдить великорусскихъ соціалистовъ даже въ необходимости устроить заблаговременно въ Румыніи складъ публикацій для распространенія въ долженствовавшей вступить туда арміи, не говоря уже о необходимости создать публикаціи,

ціяхъ, очевидно, ставилась на очередь,—но, къ сожалѣнію, опять находились „дырочки“, въ которыхъ уходила эта мысль. Лѣтомъ 1880 г. намъ сообщенъ былъ проектъ программы „Великорусского общества „Земля и Воля“ при письмѣ отъ „украинскихъ“ членовъ этой организаціи, которые, не отказываясь отъ мысли объ основаніи подобнаго же общества для Украины, сочли нужнымъ, по временному нахожденію своему въ Великороссіи, присоединиться къ Великорусскому обществу. Мы не станемъ разбирать здѣсь самой программы въ ея частяхъ. Самое интересное въ ней было ея имя, вполнѣ народно-областное, ясно-національное,— разрывавшее со всякими государственными стремлѣніями и недомолвками. Но программа эта появилась въ печати во 2 № „Чернаго Передѣла“ (вышедшемъ за границей)

которые бы были приспособлены для этой арміи, т. е., такія, которая бы ставили вопросы внутренней политики въ связи съ вопросомъ войны. Сколько нибудь систематическая посылка революціонныхъ публикацій въ Румынію началась только со второй половины военного періода,— а какъ немногія изъ нихъ и какія именно ставили въ вышеписанномъ смыслѣ соціально-политическіе вопросы, это долженъ знать и самъ читатель.

въ измѣненномъ видѣ: вмѣсто „Великорусскаго“ общество названо „Сѣверорусскимъ“, — съ слѣдующимъ, впрочемъ, примѣчаніемъ: „Называя себя Сѣверорусскимъ, общество „Земля и Воля“ относить къ району своей дѣятельности и мѣстности Юго-восточной Россіи, въ которыхъ условія быта сельскаго населения приняли формы, характеристичныя для русскаго Сѣвера“. Въ этомъ примѣчаніи сказано длинно и темно то же самое, что говорило ясно одно слово,— „Великорусское“. Къ чому и почему была сдѣлана замѣна? Почему? — это можно догадываться; — потому, что название „Великорусское“ устрашало многихъ своимъ „национализомъ“ и находилось въ противорѣчіи съ тѣмъ соглашеніемъ, о которомъ говорить посланіе „Przedѣwі“-а „къ русскимъ товарищамъ“. Привести же подобная замѣна не могла ни къ чому, какъ только къ затемненію идеи о необходимости соціально-политическихъ организацій, соотвѣтственно естественнымъ условіямъ областей: географическимъ, экономическимъ и національнымъ.

Помѣщая программу общества „Земля и Воля“, какъ „полученную отъ Петербургско-Московской организаціи“, — заграничная

редакція „Чернаго Передѣла“ предпослала
ей, между прочимъ, слѣдующія слова:

„Остается лишь пожелать скорѣйшаго по-
явленія таких же Обществ и в провинціях.

„Концентрація революціонных сил в сто-
лицах погубила бы движение, и если до сих
пор никакія правительственныея репрессалії
не в силах были его задушить, то един-
ственno благодаря децентрализаціонному его
характеру.

„Провинціи должны явиться такими же
революціонными пунктами, как и столицы.
Название общества „Земля и Воля“ Сѣвер-
но-русским доказывает, что товарищи наши
не упускают из виду этой необходимости.
Неизбѣжным дополненіем Сѣверно-русской
организаціи должна явиться организація
Южно-русская. При условіи тѣсной связи
и взаимной помощи между ними, такое раз-
дѣленіе революціонных групп окажет им
несомнѣнную пользу в смыслѣ большаго
знания экономических особенностей и быто-
вых привычек различных мѣстностей Рос-
сіи“. („Ч. П.“ II, 4 — 5).

Но никакихъ ожидаемыхъ „провинціаль-
ныхъ“ организацій не воспостѣдовало, ис-
ключая „Южнорусского Рабочаго Союза“.

Такъ какъ программа этого „Союза“ не обнародована, и ни мы сами, ни кто либо изъ лицъ, намъ знакомыхъ, не видѣлъ даже ни одной изъ тѣхъ частныхъ прокламацій, которая, по словамъ газетъ, выпускались отъ имени этого „Союза“, то мы и не можемъ судить ни о его характерѣ, ни о его отношеніяхъ къ разнымъ направленіямъ, заявившимъ себя въ послѣднее время въ соціально-революціонныхъ кругахъ въ Россіи. Мы не имѣемъ ровно никакихъ матерьяловъ для того чтобы судить о практической сторонѣ дѣятельности „Южнорусскаго Рабочаго Союза“; что же касается до теоретической его стороны, то на нее даетъ нѣкоторое указаніе его имя: „Южно-русскій“, — имя безцвѣтно-географическое, а не народное, ясно національное. Центромъ дѣятельности „Союза“ былъ, кажется, Кіевъ, — одинъ изъ центровъ среди населенія украинскаго. Прими союзъ название „Украинскаго“, тогда понятно было бы, на какое живое населеніе онъ предполагаетъ дѣйствовать. Но „Союзъ“ или не отдалъ себѣ яснаго отчета объ этомъ населеніи и его особенностяхъ, — которая главнымъ образомъ и обусловливаютъ необходимость и особой организаціи, — или тоже убрался показать-

ся националистическимъ, — а потому выбралъ себѣ блѣдное географическое имя, подобно тому, какъ выбираетъ для областей имена правительство, желающее затереть все, что противорѣчить идеѣ „единства и нераздѣльности“ государства: „Привислянскій край“, „Х-й военный округъ“ и т. п. Такъ какъ украинское населеніе не механическая совокупность двуногихъ существъ, живущихъ въ извѣстныхъ провинціяхъ извѣстнаго государства, а столько же органическое цѣлое, сколько можетъ быть имъ населеніе извѣстной націи, то никакая нравственная работа среди него не можетъ быть успешна и глубока безъ яснаго признанія этой его органичности. А потому и кіевскій „Южнорусскій Рабочій Союзъ“ врядъ-ли можетъ быть призванъ зародышемъ для развитія такой успешной и глубокой работы на пользу украинскаго народа. Мы должны только упомянуть о немъ, какъ объ одной изъ, все таки, почтенныхъ первичныхъ мѣстныхъ организаций, на ряду съ „Южнорусскимъ рабочимъ союзомъ“, пробовавшимъ не безъ успѣха организоваться въ 70-е годы въ городахъ побережья Чернаго моря, и съ петербургскимъ „Сѣверно-руssкимъ рабо-

чимъ союзомъ“ 1879 г., — по вовсе не въ числѣ такихъ, которыя бы показали примѣръ новой организаціи областныхъ политическихъ партій, радикально разорвавшихъ съ идеями національно-государственного централизма.

Уже изъ сказаннаго выше видно, что на такой разрывъ не рѣшились и учредители „Великорусскаго Общества Земля и Воля“, превратившагося въ Сѣверно-Юго-Восточно-Русское. Послѣ напечатанія программы этого общества уже ничего не слышно о немъ, а вмѣсто того мы видимъ печатныя проявленія „Общества Земля и Воля“, уже какъ учрежденія всероссійскаго. Съ девизомъ этого общества издаются въ 1881 г. прокламаціи, газеты („Черный Передѣл“ и „Зерно“), и хотя въ нѣкоторыхъ изъ этихъ публикацій и продолжаются заявленія о необходимости децентрализаціи, но заявленія эти не идутъ дальше общихъ словъ, а многія частности въ этихъ публикаціяхъ прямо свидѣтельствуютъ о крѣпости совершенно централизаторскихъ, національно-государственныхъ,— если не идей, то, говоря англійскимъ терминомъ, „привычекъ мысли“ дѣятелей этого всероссійскаго общества.

Въ № 3 „Чернаго Передѣла“ находимъ заявленіе отъ имени „прежнихъ издателей „Ч. П.“ съ слѣдующими весьма радикальными словами:

..... „Предостерегая партію отъ излишняго увлеченія вопросами чисто политическаго свойства, „Черный Передѣлъ“, думаѣмъ мы, лишился бы значительной доли практичесаго значенія, оставаясь вполнѣ безучастнымъ къ политическому вопросу, столь жгучему теперь въ Россіи. Въ этой области, по нашему мнѣнію, органъ долженъ оставаться вѣрнымъ принципу федерализма. Поэтому, распаденіе Россійской имперіи на самостоятельные организмы по естественнымъ областямъ, будетъ откликомъ на зовъ, раздающейся съ другой стороны — „Всероссійскій Земскій Соборъ“. („Ч. П.“, 1881. № 3).

Какъ видить читатель, это заявленіе повторяетъ по своему тотъ пунктъ нашихъ предложеній, который такъ рѣшительно былъ отвергнутъ во время тѣхъ „переговоровъ“, о которыхъ говоритъ посланіе „Przedѣwita“ къ „русскимъ товарищамъ“,—отвергнутъ при дѣятельномъ участіи нѣкоторыхъ изъ „прежнихъ издателей“ „Ч. П.—ла“ за границей. Во всякомъ случаѣ это заявленіе можно

было бы привѣтствовать, если бы оно по-
вело за собою сознательно-послѣдовательные
практическіе шаги. Но дѣло въ томъ, что
такихъ шаговъ не только совсѣмъ не видно,
покрайней мѣрѣ въ публикаціяхъ всероссий-
скаго общества „Земли и Воли“, но даже
видны шаги совсѣмъ въ противоположномъ
направленіи.

Начать съ того, что всѣ подобныя заяв-
ленія слишкомъ абстрактны, а потому уже
и неясны. Иногда же они редактированы
до того сбивчиво, что со стороны совсѣмъ
трудно уловить ихъ реальный смыслъ. Та-
ковы напр. редакція „Программы Народной
Партіи“, перепечатанной между прочимъ и
въ „Вольномъ Словѣ“. Въ программѣ этой
между прочимъ читаемъ слѣдующія, съ пер-
ваго раза очень радикальныя въ федератив-
номъ направленіи, слова:

„Въ виду того, что разрушение идеи ца-
ризма въ народѣ еще не привело его къ вы-
работкѣ новаго опредѣленнаго политическаго
идеала, Народная партія выставляетъ слѣ-
дующіе основные принципы общественнаго
порядка, логически вытекающаго изъ куль-
туры, характера и будущихъ экономичес-
кихъ отношеній русскаго народа, которые

и считаетъ необходимымъ усиленно пропагандировать:

„а) независимость национальностей, механически связанныхъ въ настоящее время въ единую Всероссійскую имперію, б) автономія общинъ, с) свободная федерація общинъ“^{4*)}.

Но прежде всего желательно было бы встрѣтить въ этой программѣ (вообще, далеко не сжатой) перечисленіе хоть главнѣйшихъ изъ тѣхъ национальностей, какія теперь связаны во Всероссійскую имперію, — на манеръ того, напр., какъ это сдѣлалъ Бакунинъ, когда писалъ свою программу „Народнаго Дѣла“. Это перечисленіе было бы тѣмъ болѣе необходимо, что въ самой программѣ мы встрѣчаемъ слѣды представлениія о *Rossiâ* (что въ обыкновенной рѣчи и равнозначно *Всероссійской имперіи*), какъ о чёмъ то, если не единообразномъ, то органическомъ („Въ *Rossiâ* только одно крестьянство обла-

^{4*)} Автономія и федерація болѣе крупныхъ мѣстныхъ единицъ, — уѣздовъ, областей, — пропущена и въ этой программѣ. Конечно, можно сказать, что она сама собою подразумѣвается, но о ней надо бы говорить постоянно, такъ какъ одна она можетъ охранять автономію общинъ отъ слишкомъ большого давленія на нихъ центрального представительства.

даетъ вполнѣ опредѣленнымъ идеаломъ „Земли и Воли“, расходящимся съ принципами современного государственного и общественного порядка“), — а также потому, что программа ставить свои „основные принципы общественного порядка“ — не во имя общечеловѣческихъ, выясненныхъ практикою и наукою образованныхъ народовъ, „правъ человѣка“, „основныхъ правъ“ и т. п., — а какъ „логически вытекающіе изъ культуры, характера и даже будущихъ (!) экономическихъ отношеній (?) *русского народа*“, — хотя при этомъ и считаетъ еще „необходимымъ усиленно ихъ пропагандировать“ (кому?). Что же такое эта *Rossia* „Народной Партиї“, что такое ея *русскій* народъ, какія національности должны получить независимость, какъ слѣдствіе, между прочимъ, и будущихъ отношеній русского народа?? — все это требуетъ болѣе точнаго опредѣленія, для того чтобы федеративная программа „Народной Партиї“ получила какое нибудь реальное значеніе *). Покамѣстъ же, даже

* *) Не желая повторяться, мы не будемъ говорить ни о слѣдахъ руссофильскаго народническаго мессианизма въ этой программѣ, ни о ея классическо-якобинскомъ преклоненіи передъ „народомъ“ и его

такъ не ясно изложенные анти-всероссийскія федеративныя стремленія не нашли себѣ приложенія даже въ такой неширокой области, какъ печать, находящаяся въ рукахъ кружковъ „Земли и Воли“.

Передовая статья № 4 „Чернаго Пере-дѣла“ посвящена доказательствамъ необходимости „единенія, сосредоточенія главнаго контингента революціонныхъ силъ на самой насущной, цѣлесообразной и плодотворной практической работе“. Забота иѣсколько странная для „органа соціалистовъ-федералистовъ“! Изъ двухъ крайностей федералистамъ было бы естественнѣе увлечься рѣшительнымъ „раздѣленіемъ революціонныхъ группъ Россіи“, — говоря словами примѣчанія редакціи № 2 „Ч. II.“ къ программѣ „Земли и Воли“, — нежели „сосредоточеніемъ“. Раздѣленные группы, если только они состоятъ изъ искреннихъ и дѣловыхъ людей, по мѣрѣ естественного расширения круга работы, непремѣн-

„идеалами“, — не смотря на то, что программа полагаетъ нужнымъ поставлять народу временные правительства и признается, что изрѣдѣ еще не выработалъ, напр., ни политического идеала, ни „широкаго коллективизма“ и т. п. О „самодержавіи народа“ хлопочетъ и „Зерно“ (перед. статья, № 4).

по придутъ между собою къ резонному соглашению, — между тѣмъ какъ „сосредоточенная“ организація имѣеть свойство сопротивляться разчлененію, особенно, если въ нее допущена мысль о томъ, что она сама можетъ опредѣлять не только для себя, но и для другихъ, что такое „самая насущная, цѣлесообразная и плодотворная практическая работа“. Необходимости, если не сосредоточенія, то объединенія разныхъ соціально революціонныхъ группъ въ Россіи (или лучше, группъ русской соц. рев. партіи), посвящена между прочимъ и статья г. Лаврова въ № 3 „Чернаго Передѣла“: „Нѣсколько словъ объ организаціи партій“. Но, напр., группа „Громады“, — которую желаетъ г. Лавровъ привлечь въ соглашеніе, какъ одну изъ „русскихъ“ группъ, — считается, что украинцамъ, какъ соціалистамъ, „насущная работа“ въ настоящее время открывается въ Австро-Венгріи, — хотя при этомъ признается, что украинцамъ, какъ людямъ, дорожащимъ національной свободой своего народа, — въ Россіи самая насущная работа — борьба съ абсолютизмомъ и централизацией политической. Всякое сосредоточеніе работы, да еще только въ предѣлахъ Россіи, какъ ставить

вопросъ и редакція „Чернаго Передѣла“, и даже г. Лавровъ, который, впрочемъ, говоритъ болѣе о соглашеніи, чѣмъ о сосредоточеніи, но все таки только въ предѣлахъ Россіи, — для украинскихъ, напр., дѣятелей равносильно связыванію, если не обѣихъ, то одной руки. Тоже слѣдуетъ сказать и о тѣхъ полякахъ, которые станутъ на почвѣ реальныхъ условій жизни польской, о румынахъ и т. п. Даже среди самыхъ великоруссовъ проповѣдь „сосредоточенія“ не можетъ привести къ полезнымъ результатамъ, ибо, напр., средоточники — „террористы“ будутъ считать „насущной работой“ политическія убийства, — тогда какъ другіе революціонеры, политические и соціально-экономические, особенно въ провинціяхъ, найдутъ себѣ свои насущныя работы. Не лучше ли и не говорить о „средоточенії“, — а предоставить каждой группѣ выбрать себѣ „насущную работу“, по ея усмотрѣнію, лишь бы направление этой работы было полезно для дѣла освобожденія человѣка отъ ига умственнаго, національнаго, политическаго, экономическаго? Въ дѣлѣ же федерализма самое „плодотворное“ будетъ прежде всего образованіе областныхъ и національныхъ организацій, которыя однѣ

могутъ положить основу и для „независимости национальностей, механически связанныхъ въ настоящее время въ единую Всероссийскую имперію“, и для пропаганды среди различныхъ элементовъ ея населенія общечеловѣческихъ освободительныхъ идей.

Всероссийское общество „Земля и Воля“ рѣшительно для этого не годится, какъ показываютъ его же публикаціи, — „Черный Передѣлъ“ и „Зерно“. Судя по всѣмъ видимостямъ, сотрудники ихъ, — великоруссы и украинцы, — не составили себѣ ясного понятія ни о публикѣ, для которой они пишутъ, ни о населеніяхъ, о которыхъ они пишутъ. Судя по языку, „Зерно, рабочая газета“ должна издаваться для великороссовъ; особенно хроника, озаглавленная — „русская жизнь“ пишется вполнѣ простонароднымъ, — и даже простонародничающимъ, великорусскимъ языкомъ (передовыя статьи писаны смѣсью этого языка съ студентскимъ жаргономъ). Но этимъ же языкомъ написана статья о еврейскихъ погромахъ, обращенная прямо къ дѣйствующимъ лицамъ, къ украинскому населенію, — и такимъ образомъ не годится ни для петербургскихъ рабочихъ, которые сами евреевъ не громи-

ли, ни для украинцевъ, о которыхъ въ добавокъ „Зерно“ даетъ петербургскимъ рабочимъ превратное понятіе, такъ какъ оно называетъ украинское населеніе безразлично „русскимъ“ народомъ, какъ и населеніе петербургское. Въ „Черномъ Передѣлѣ“ говорится, что мысль о „чernomъ передѣлѣ“ сильно распространяется въ украинской области, между тѣмъ какъ тамъ никто изъ крестьянъ и не пойметъ, что это такое „чernый“ передѣлъ и почему это какой нибудь передѣлъ можетъ называться по цвѣту. Словомъ сказать, безразличное смыщеніе областей украинскихъ и великорусскихъ мѣшаетъ всероссийскимъ землевольцамъ не только говорить съ населеніемъ разныхъ областей доступнымъ имъ способомъ, но даже наблюдать жизнь этихъ областей.

Впрочемъ, въ З и 4 №№, Чернаго Передѣла“ есть нѣсколько прелюбопытныхъ корреспонденцій изъ Украины, преимущественно тѣхъ согрѣдниковъ, которые не пускаются ни въ какія обобщенія, а просто, даже анекдотически, передаютъ свои наблюденія. И эти наблюденія показываютъ, что среди украинского населенія происходитъ чрезвычайно сильное броженіе, что это населеніе

усиливается понять условия и явления окружающей его социально политической жизни и что ему немногого не достаетъ, чтобы понять эти условия вполнѣ вѣрно, что оно поняло бы ихъ до конца и поднялось бы для ихъ измѣненія, если бы на помощь ему явились организованные и умѣлые люди изъ интеллигентіи. Но именно всероссійство и мѣшаетъ организаціи такихъ людей, и отнимаетъ у нихъ возможность явиться умѣлыми пропагандистами здоровыхъ социально-политическихъ идеаловъ, отнимаетъ даже у тѣхъ, кто берется быть такимъ пропагандистомъ. Изъ нѣсколькихъ примѣровъ въ подтвержденіе сейчасъ сказанного, которые находимъ въ „Ч. П.“, остановимся на одномъ изъ № 3-го. Корреспондентъ разсказываетъ о томъ, какъ одинъ молодой отставной солдатъ, изъ сословія „малороссійскихъ козаковъ“, додумался до мысли о томъ, что „не нужно ни паинъ, ни поинъ, ни царя“, — только все таки смущался, какъ же это можно жить безъ царя (какъ нравителя). „Я слыхалъ, говоритъ онъ, какъ былъ въ солдатахъ (у москаляхъ), что есть такая *расублика*, гдѣ царя нѣть; только не знаю, какъ тамъ живутъ“. — Я объяснилъ ему,

— говорить корреспондентъ, — какъ можно обойтись безъ царя. — „Да, такъ... оно выходитъ: какъ мы вотъ старшину выбираемъ, такъ и тогда, — вмѣсто цари, начальство; какъ плохо будетъ, то перемѣнить можно и выбрать другое.“ Такъ говорить мужикъ изъ „малороссійскихъ козаковъ“; — и корреспондентъ народнической газеты не догадывается сказать ему, что еще 120-ти лѣть не прошло съ тѣхъ поръ, какъ и въ Полтавской губерніи была республика, — конечно, со своими несовершенствами, — по въ которой по принципу волость (козацкая сотня) выбирала свое правительство (старшинъ), уѣздъ (полкъ) — свое, — а вся федерація (козацкая рада) выбирала президента и министерство (гетмана и генеральныхъ старшинъ). Такая республика существовала даже до $\frac{1}{2}$ XVIII в. на лѣвомъ берегу Днѣпра и уничтожена царицей, которую помнить вся Украина, какъ панскую покровительницу, только въ 1764 г.; въ харьковской и прилегающихъ частяхъ курской и воронежской губерній полковыя республики отмѣнены тою же царицею только въ 1765 г., а республика Запорожская только въ 1775 году. Напомнимъ, что однихъ „малороссійскихъ

козаковъ“ въ черниговской и полтавской губерніяхъ около 1.000.000 душъ; государственныхъ крестьянъ изъ бывшихъ слободскихъ украинскихъ полковъ до 700.000 душъ, да во всей Українѣ помнятъ о запорожскихъ козакахъ *). Вотъ вамъ превосходная основа для пропаганды республиканскихъ идей, да еще съ аграрно-демократическимъ оттенкомъ! Но корреспонденты „Черного Передѣла“ словно не знаютъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло на Українѣ, и думаютъ, что и здѣсь противоцарскія или безцарскія идеи такая же новость, какъ въ какой нибудь центральной губерніи въ Великороссіи! Вотъ до че-

*) Другой корреспондентъ „Ч. П.“ разсказываетъ, какъ въ одной хатѣ старикъ и жена его говорили съ нимъ о Запорожье, припоминали пѣсни запорожскія; наконецъ старуха говоритъ: „а слышно, вновь будетъ Запорожье“ — „За чѣмъ же?“ — „Да, говорятъ, чтобы землю отъ пановъ отбирать!“ — Прибавимъ отъ себя, что въ началѣ 1870-хъ годовъ, когда объявлена была общая воинская повинность, — то во многихъ мѣстахъ на Українѣ крестьяне поняли ее такъ, что теперь всѣ будутъ козаками и будутъ имѣть землю, — а въ екатеринославской губ говорили, что Катерина на 100 лѣтъ уничтожила Запорожье, а теперь оно должно быть восстановлено: всѣ будутъ козаками и получатъ назадъ розданныя панамъ запорожскія земли.

го довело ихъ удаление отъ украинского народа, произведенное сначала официальной обрусительной школою, а потомъ псевдо-интернациональнымъ всероссийствомъ.

Рѣшительное раздѣленіе политico-соціальной оппозиціи въ Россіи по областнымъ организациямъ повело бы за собою сначала изученіе областныхъ и національныхъ особенностей жизни, преданій и настроенія разныхъ населеній, а потомъ и опредѣленіе наиболѣшихъ способовъ проведения въ эти населенія идей свободомыслящей интеллигенціи. Что касается украинского населенія, тоъ немъ послѣднее было бы и не трудно, такъ какъ и теперь многіе среди него говорятъ, что „не надо ни пановъ, ни поповъ, ни царей“ и что „вѣрно не обойдется безъ того, чтобы не взяться за дубье, да взбунтоваться“. А потому украинские члены всероссийской „Земли и Воли“, поддерживающіе „Черный Передѣлъ“ и „Зерно“, сдѣлали бы самое лучшее, если бы образовали спеціальное украинское общество и начали издавать специальные листки или газету на украинскомъ языке, — и это косвенно имѣло бы полезное влияніе, напр. и на самое „Зерно“, которое, ставъ тоже спеціально великорусскимъ

листкомъ, выиграло бы въ опредѣлениости и материала, и изложенія.

Эти слова пусть примутъ украинскіе члены „Земли и Воли“, обратившіеся къ намъ съ письмомъ въ публичномъ дѣлѣ, — за отвѣтъ нашъ. Этими же словами мы можемъ заключить и нашу критику государственно-централистичесчаго всероссійства въ стремленияхъ русскихъ народниковъ или „соціалистовъ-федералистовъ“.

Намъ остается только сказать нѣсколько словъ объ ихъ отношеніяхъ къ Польшѣ. Специально и сколько нибудь основательно о польскомъ вопросѣ не высказалась и эта фракція, какъ и фракція политическихъ террористовъ. Отдѣльныя же замѣчанія, въ родѣ напр. рѣчи на женевскомъ митингѣ 29 ноября 1880 г. (г-жи В. Засуличъ и разныхъ представителей „Чернаго Передѣла“), отличались довольно общимъ выраженіемъ сочувствія полякамъ соціалистамъ съ полнымъ игнорированіемъ вопроса о границахъ Польши, т. е., по отношенію къ полякамъ соціалистамъ, о естественной области для приложения ихъ труда. Въ одномъ случаѣ „Черный Передѣлъ“ явно склонился къ польскимъ историческимъ стремлениямъ. Мы ра-

зумъемъ помѣщеніе, безъ всякихъ оговорокъ, въ 1 № „Ч. П.“ статьи, которая трактовала, подобно „Równosci“, соціалистическое движение въ Галиціи, какъ „польское соц. движение“, и признавала Галицію за „австрійскую часть Польши“. Послѣднее есть прежде всего ошибка противъ школьной географіи, хотя довольно распространенная среди великорусскихъ публицистовъ, по иѣсколько удивительная у тѣхъ лицъ, которые въ томъ же № „Ч. П.“ заявили желаніе издавать книги и на украинскомъ языкѣ. До извѣстной степени помѣщеніе „Ч. П.—омъ“ вышеупомянутой статьи въ духѣ „Równosci“ объясняется тогдашними дипломатическими отношеніями двухъ заграничныхъ редакцій, которыхъ подписи фигурировали рядомъ въ разныхъ манифестаціяхъ,—и не можетъ быть поставлено за счетъ всей группы. Въ какое отношеніе станутъ различныя фракціи этой группы, когда практическое приложеніе ихъ труда въ областяхъ на западѣ отъ Днѣпра приведетъ ихъ въ реальное соприкосновеніе съ разными польскими элементами, покажетъ будущее. Покамѣстъ же характеристично, что то соглашеніе заграничныхъ представителей группы „Чернаго Передѣла“ съ

группою „Równości“, о которомъ говорить посланіе „Przedświta“ „Къ русскимъ товарищамъ“, слѣдуетъ считать разорваннымъ заявленіями въ З № „Чернаго Передѣла“ и въ Программѣ „Народной Партии“, которыя высказываются противъ государственныхъ основъ соціальныхъ организацій и за „распаденіе Всероссійской Имперіи на естественные области и за независимость ея національностей“. Впрочемъ, судя по посланію „Przedświta“, можно думать, что тѣперь группа его обращается съ предложеніемъ союза больше къ „русскимъ террористамъ“, чѣмъ къ „народникамъ“, — хотя, съ другой стороны, въ послѣднее время въ печать проникли извѣстія о томъ, что сами русскіе „народники“ теперь соединились съ „террористами“. На чёмъ состоялось это соединеніе, пока еще неизвѣстно документально или официально, — по крайней мѣрѣ памъ, у которыхъ иѣть подъ рукою всѣхъ публикацій петербургскихъ вольныхъ типографій. Равнымъ образомъ, неизвѣстно пока, какого рода отвѣтъ дали соединенныя фракціи „русскихъ соціальныхъ революціонеровъ“ или каждия порознь, на предложеніе польской группы „Przedświta“. Вполнѣ обстоятельный

отвѣтъ на это и подобныя предложенія, какъ мы уже не разъ говорили, можетъ быть данъ только въ связи съ рѣшеніемъ общаго вопроса объ областной свободѣ и самоуправлій негосударственныхъ народовъ. Въ частности же когда дѣло идетъ о полякахъ, то всякия „руссія группы могутъ дать не только справедливое мнѣніе, но даже сколько нибудь логическое, — только тогда, когда бы они высказались ясно о вопросахъ плебейскихъ народовъ бывшей Польши и теперешней Россіи: латышей, литовцевъ, белоруссовъ и украинцевъ. До сихъ поръ мы не видимъ ясной постановки этихъ вопросовъ ни въ одной изъ недавно обнародованныхъ программъ ни польскихъ, ни великорусскихъ революціонеровъ.

Такимъ образомъ, мы въ концѣ обзора отношеній между польскими и великокорусскими революціонерами за послѣдніе двадцать лѣтъ наталкиваемся на цѣлый рядъ неясностей, недомолвокъ и неизвѣстностей. Читатель припомнить, что мы и начали настоящія статьи съ указанія на существованіе этихъ неясностей, недомолвокъ и неизвѣстностей.

XV.

Мы окончили исторический обзоръ отношеній между польскими и великорусскими революціонерами, изъ котораго читатель можетъ видѣть, на сколько тѣми и другими руководили и руководятъ гораздо болѣе фикціи былого и теперешняго государствъ и государственныхъ національностей, нежели представлѣнія о реально-существующихъ народахъ, которые представляютъ и реальныя національности, а равно и то, — на сколько эти фикціи вредятъ дѣлу освобожденія всѣхъ народовъ бывшей Польши и теперешней Россіи. Уже изъ самой критики этихъ фикцій и основаній на нихъ политики не трудно сдѣлать и выводы относительно другой политики, которая бы была основана на идеѣ о дѣйствительныхъ народахъ-націяхъ. Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ этимъ выводамъ, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать одну оговорку относительно самой вышеизложенной критики.

Читателю могло показаться, что критика эта исходила изъ односторонняго и, во всякомъ случаѣ, частнаго основанія. Мы дѣйствительно постоянно примѣривали теоріи и

дѣйствія разныхъ польскихъ и великорусскихъ партій и круговъ къ народу украинскому и занимались этимъ народомъ гораздо больше, чѣмъ другими плебейскими народами бывшей Польши и теперешней Россіи. Такъ поступали мы не только потому, что для насъ, какъ для украинца, положеніе этого народа всего ближе и извѣстнѣе, но и потому, что отношенія разныхъ польскихъ и великорусскихъ элементовъ къ этому народу представляютъ на себѣ наиболѣе типическихъ сторонъ отношенія разныхъ элементовъ націй привилегированныхъ къ націямъ плебейскимъ, а также и потому, что изъ всѣхъ плебейскихъ націй Востока Европы украинская нація и самая многочисленная, и самая энергическая, и по своему географическому положенію, равно какъ и по самой своей родственности съ важнѣйшими изъ тамошнихъ привилегированныхъ націй, обречена играть особенно видную роль не только какъ важнѣйшій изъ объектовъ захвата для центростремительныхъ элементовъ въ національностяхъ привилегированныхъ, но и какъ важнѣйшій изъ центробѣжныхъ элементовъ на Востокѣ Европы. Въ свое время украинцы, отчасти

организованные въ политическомъ отношении, потрясли существование польского государства; въ XIX ст. украинцамъ же, организованнымъ пока только на научно-литературномъ полѣ (и то не очень еще сильно) принадлежитъ самая видная роль въ поднятіи общаго федеративнаго вопроса въ Восточной Европѣ, который, конечно, приведетъ за собою потрясеніе основъ Россіи, какъ централизованнаго государства. Наконецъ, если нельзя согласиться безусловно съ тѣми истолкователями теперешняго революціоннаго броженія въ Россіи, которые, какъ напр. проф. Иловайскій, видятъ въ немъ преимущественно „украинскую интригу“, — то огромное процентное отношение украинцевъ (хотя бы и не сознающихъ себя таковыми) въ русскихъ революціонныхъ кругахъ есть явление во всякомъ случаѣ весьма характерное и обѣщающее важныя послѣдствія, — тѣмъ болѣе, что изъ всѣхъ народныхъ массъ Россіи въ настоящее время едва ли не болѣе другихъ взволнованы текущими событиями массы народа украинскаго. Вотъ почему, думается намъ, что примѣриваніе стремленій, программъ и способовъ дѣйствія разныхъ польскихъ и великорусс-

скихъ партій къ положенію народа украинскаго имѣеть интересъ и теоретической, и практической, не только частный, но и общий для мыслящихъ людей всѣхъ націй Восточной Европы.

Съ точки зрењія общихъ интересовъ этихъ націй мы разсматривали и польский вопросъ, къ которому мы и подошли, исходя именно изъ этихъ интересовъ. Напомнимъ читателямъ нашъ намекъ въ самомъ началѣ настоящей статьи о томъ, что настоящее революционное и вообще сколько нибудь активно-оппозиціонное движение въ Россіи не имѣеть должной силы, между прочимъ, потому, что въ немъ не принимаютъ достаточнаго участія поляки, — что польский вопросъ не поставленъ въ настоящее время никакъ съ достаточной энергией. Если бы теперь среди поляковъ проявилось движение хоть въ такой же степени сильное, какъ въ началѣ 1860-хъ годовъ, — тоборьба съ существующимъ порядкомъ въ Россіи вообще была бы облегчена въ значительной степени, конечно, если бы при этомъ не были повторены тогдашнія ошибки.

Признаемся откровенно, что, говоря о польскомъ движениі, мы разумѣемъ преимущест-

венно движение национально-политическое. Какъ ни рады мы появлению среди поляковъ зачатковъ соціалистического движения, мы не можемъ же не видѣть, что это послѣднее не только теперь не имѣтъ значительного количества послѣдователей, но и не можетъ имѣть ихъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Сколько бы ни говорили, что соціальный вопросъ есть „вопросъ желудка“, а потому будто бы легко понятный для всѣхъ,— но вопросъ не самаго непосредственного ощущенія голода, а организациіи постояннаго спасенія людей отъ этого голода, есть одинъ изъ самыхъ сложныхъ вопросовъ, а потому и одинъ изъ тѣхъ, которые требуютъ много времени для уясненія и разрѣшенія, даже теоретическаго. Вотъ почему придется еще долго ждать, пока польское соціалистическое движение станетъ значительною политическою силою. Мы думаемъ, что на извѣстное время это движение гораздо болѣе имѣтъ шансовъ развитія въ Познани и въ Галиціи, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ. Другое дѣло польское национально-политическое движение, которое и теперь можетъ имѣть за себя, такъ или иначе, сотни тысячъ, если не миллионы, народа, —

такъ какъ трудно себѣ представить маломальски нравственно развитого поляка, который бы не хотѣлъ извѣстной независимости и свободы для своего племени. Вотъ почему мы оставляемъ здѣсь рѣчь о чисто соціалистическомъ, — экономическомъ, — движении въ Польшѣ, о которомъ поведемъ рѣчь въ особой статьѣ — „Польскія соціалистическая программы и принципъ государственности“, — и остановимся исключительно на вопросѣ обѣ участіи поляковъ въ предстоящемъ политическомъ переворотѣ въ Россіи, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, и двѣ, заявившія себя въ печати, фракціи польскихъ соціалистовъ подошли въ послѣднее время къ этому вопросу.

Кто говоритъ, какъ группа „Przedѣwita“: — „политическая свобода“, тотъ уже тѣмъ самимъ говоритъ: и областная, и национальная независимость; иначе онъ не понимаетъ произносимыхъ имъ словъ. Независимость извѣстной области и націи можетъ быть достигнута или полнымъ отдѣленіемъ ея въ особенное государство (сепаратизмъ), или огражденіемъ ея самоуправлія безъ этого отдѣленія (федерализмъ). Когда идетъ дѣло о такой или иной автономіи Польши, то

прежде всего является вопросъ: какой Польши? Исторической, или этнографической? Примѣръ 1863 г. доказалъ, что всякое заявление въ пользу возстановлія независимости исторической Польши можетъ быть только вредно для свободы и поляковъ, и всѣхъ другихъ народовъ, подвластныхъ россійской деспотіи. *Теперь для здравомыслящихъ людей можетъ быть только рѣчь о независимости Польши этнографической*, — т. е., когда идетъ рѣчь о польскихъ земляхъ въ Россіи, то даже не о всей Конгрес-сувкѣ, такъ какъ и въ ней Холмско-Сѣдлецкій край населенъ не поляками, а украинцами, а Августовскій населенъ литовцами и даже до раздѣловъ Польского государства входилъ въ составъ Литвы *). Края, лежащіе за границами этнографической Поль-

*) Считаемъ нужнымъ оговориться, что послѣдня мѣры русскаго правительства къ овеликоруженію холмско-сѣдлецкихъ русиновъ и насилиственное ихъ обращеніе изъ уніятовъ въ православіе вызвали у нихъ наклонъ въ польскую сторону, который, еще не известно, къ чemu приведетъ. Во всякомъ случаѣ, только прекращеніе религіозныхъ гоненій и возбужденіе среди забужданъ украинскаго самосознанія можетъ остановить католическую и польскую реакцію среди этого населенія.

ши, должны получить свою автономію, и польскій вопросъ въ этихъ краяхъ можетъ быть только вопросомъ о правахъ польскихъ лицъ и обществъ или, мѣстами, общинъ, колоній.

Какой путь рациональнѣ для полученія автономіи Польши и поляковъ: сепаратистической или федералистической? Мы думаемъ, что экономическая исторія привислянской Польши показала, что государственное ея отдѣление отъ днѣпровскаго бассейна было бы для нея невыгодно. Кромѣ того оно и практически неосуществимо, такъ какъ поляки одни безсильны побѣдить Россійскую имперію, а на иностранную помочь теперь разсчитывать не на кого, такъ какъ даже Австрія одна не станетъ вести наступательной войны съ Россіей за обладаніе Варшавой, а Пруссія, если бы и захотѣла отдѣлить Варшаву отъ Россіи, то для германизаціи отторженной области, чего не желаютъ сами поляки. Остается слѣдовательно—путь федераціи. Варшавскій край можетъ получить известную автономію или непосредственно отъ теперешняго русскаго правительства, какъ было стать онъ получать ее при марк. Вѣлѣпольскомъ, или при общемъ преобразованіи Россіи. По некоторымъ

признакамъ, можно думать, что теперь между поляками есть круги, которые склонны вѣрить въ осуществимость первой возможности. Въ этомъ увѣряютъ насъ панегирики марк. Вѣлѣпольскому, которые теперь исходятъ даже отъ людей, причисляемыхъ къ лагерю либерально-демократическому, а также заявленія польскихъ газетъ и корпорацій о легальности поведенія поляковъ въ виду происходящей теперь „смуты“ въ Россіи. Несомнѣнно, что среди поляковъ есть люди, которые думаютъ, что, если не прямыми заявленіями легального и даже консервативнаго направленія, то просто выживательнымъ сохраненіемъ спокойствія,— можно наконецъ дождаться момента, когда царское правительство согласится возвратиться къ системѣ марк. Вѣлѣпольского. Къ такой политикѣ должны обнаруживать особенную склонность именно исторические патріоты польские, такъ какъ она ни къ чему не обязываетъ по отношенію къ населеніямъ непольскихъ областей, а между тѣмъ административная автономія Конгрес-сувки (все таки своего рода исторической, а не этнографической, Польши),— мечтается, — послужить первымъ камнемъ для от-

стройки всего зданія Польши 1772 г. *).

Но дѣло въ томъ, что всякие расчеты на уступчивость петербургскаго правительства теперь мало-основательны, не только потому, что никакое правительство не уступаетъ, если у него не требуютъ уступокъ (и самое управлениe марк. Вѣлѣпольского было результатомъ агитациіи противъ системы кн. Паскевича), но и потому, что петербургское правительство перестало быть въ полномъ смыслѣ самодержавнымъ по отношенію къ полякамъ: оно уже давно зависитъ отъ указаний великорусско-немецкихъ централизаторско-обрусительныхъ круговъ, которыя, указанія, еще вдобавокъ пользуются поддержкою и берлинскаго кабинета **). Такимъ образомъ, *польскій край*

*) Характерно, что недавно одинъ изъ бiографовъ марк. Вѣлѣпольского, — при всемъ сочувствiи къ идеѣ демократiи и нацiональности, — счелъ нужнымъ бросить несколько намековъ противъ „разчинителей“ Конгрессувки, сообразно принципу нацiональностей же.

**) Еще въ 1863 г., говоря о противникахъ уступокъ полякамъ, „Times“ очень вѣрно замѣтилъ, что неуступчивая „старорусская партiя“ въ правительственныхъ кругахъ Россiи есть собственно „немецкая партiя“. Съ тѣхъ поръ къ пруссофильскимъ

въ Россіи можетъ получить автономію, равно какъ и всю сумму правъ, составляющихъ сущность политической свободы, только вмѣсть съ другими краями этого государства. А получить все это могутъ разные края въ Россіи только посредствомъ дружескаго натиска на правительство, произведеннаю съ ясно-сознанною программою. Программа эта должна быть федеральная, съ признаніемъ полной равноправности всѣхъ областей и національностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по особенному положенію Россіи, какъ государства преимущественно мужицкаго, а также вслѣдствіе того, что между собственною Польшею и Великороссіей лежать цѣлые націи болѣе или менѣе плебейскія, Федеральная программа должна принять въ себя непремѣнно демократическія

дипломатамъ, оѣзжимъ генераламъ и русскимъ бюрократамъ съ катковскими теоріями присоединились и московские славянофилы, которые еще въ 1863—64 гг. совѣтовали рѣшать польский вопросъ не по прусски, а по славянски, но которыхъ православіе загнало въ лагерь катковской обрусительной бюрократіи въ дѣлахъ западной половины имперіи, какъ теперь ненависть къ революціи пригнала ихъ къ помѣщичьимъ теоріямъ въ дѣлахъ остальной Россіи.

стремлениія, какъ политическія, такъ и экономическія. Если и въ Австріи аристократической федерализмъ не имѣеть большой силы и встрѣчаетъ могучаго врага въ германизаторскомъ централизмѣ, который усиливаетъ себя хоть относительнымъ, буржуазнымъ, демократизмомъ, — то въ Россіи аристократической федерализмъ совершиенная невозможность. Онъ не только не встрѣтить къ себѣ сочувствія въ населеніяхъ краевъ, лежащихъ между Польшой и Великороссіей, особенно въ населеніи украинскомъ, но найдеть себѣ открытыхъ враговъ, какъ въ этихъ населеніяхъ, такъ и въ Великороссіи, въ которой вдобавокъ всѣ централистические элементы, не только бюрократические, но и помѣщицкие, ухватятся за демократическое знамя (конечно, съ разсчетомъ не показывать его на Востокъ отъ Днѣпра), чтобы только подорвать автономныя движенія въ западной половинѣ имперіи.

Конечно, логически проведенный демократической принципъ приводитъ къ соціализму, но мы совершенно понимаемъ, что такой логичности нельзя требовать въ настоящее время отъ всѣхъ не только въ практикѣ, но и въ теоріи. Такая логичность

есть теперь не только дѣло извѣстной искренности натуры и способности къ самоотверженію, но также, и даже гораздо больше, дѣло дальновидности и извѣстнаго политического образования, — т. е., въ суммѣ, качествъ, еще довольно рѣдкихъ въ теперешнихъ обществахъ. Но въ наше время всякому, имѣющему какія либо общія политическія идеи и стремленія, обязательно уже отрѣшиться отъ всякихъ предразсудковъ бѣлой кости и понять истину, высказанную еще Аристотелемъ, о томъ, что общество (государство) не можетъ быть спокойнымъ при экономическомъ неравенствѣ, а потому и понять, что всякая умная политика, въ томъ числѣ и консервативная, — должна имѣть въ виду всячески уменьшать это неравенство. Польскимъ же политикамъ исторія поставила дилемму: или принять искренно демократическую программу (хотя бы на первыхъ порахъ и не соціалистическую) въ вопросахъ экономическихъ, при программѣ федеральной въ вопросахъ политическихъ, — или терпѣть надъ своимъ краемъ и племенемъ и, значитъ, надъ самими собою, чужую диктатуру, въ большей или меньшей степени грубую и деспотическую.

Казалось бы, колебаться въ выборѣ не слѣдовало бы. А потому можно думать, что сколько нибудь реальное размышленіе о своемъ положеніи приведетъ политически образованныхъ поляковъ къ необходимости принять дѣятельное участіе въ *образованіи въ Россіи федерально-демократической партії*. Первымъ приступомъ къ образованію такой партіи должно быть основаніе по *всѣмъ областямъ Россіи и среди всѣхъ ея национальностей политическихъ обществъ*. Уже этотъ приступъ налагаетъ на теперешнихъ образованныхъ поляковъ довольно нелегкую обязанность: тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ непольскихъ областяхъ, должны выдѣлить изъ себя по крайней мѣрѣ известную часть для образования или для усиленія кадровъ национальныхъ партій среди народовъ пле-бейскихъ въ этихъ областяхъ: латышскихъ, литовскихъ, бѣлорусскихъ и украинскихъ. Идея эта не совсѣмъ нова для польского общества, въ которомъ уже были пробы литовскаго, украинскаго и даже бѣлорусскаго направлений и научно-литера-турнаго, и даже политического характе-

ра *), — только эти пробы были сравнительно слабы и ложно направлены, все къ цѣли возстановленія Польши 1772 г. Польское общество, въ дѣятельности для этой цѣли обнаружило богатство энергіи до такой степени, что давало отъ себя силы на поддержку всякаго врага русскаго деспотизма, даже далеко за предѣлами старой Польши: не только, напр., черкесовъ и другихъ кавказцевъ, но даже хивинцевъ и турецкаго султана, — къ которому поступали на службу вовсе не одни авантюристы, но и убѣжденные польскіе патріоты. Почему то, что дѣлалъ ограниченный и даже ошибочный патріотизмъ, не можетъ сдѣлать широкая идея общаго освобожденія всѣхъ народовъ Востока Европы, тѣмъ болѣе, что въ рамкахъ этой идеи помѣщается и нормальный патріотизмъ реальной польской націи, которая иначе не можетъ быть освобождена, какъ въ общемъ процессѣ освобожденія этихъ народовъ?

До извѣстной степени, тоже выдѣление

*) Среди старой эмиграціи 30-хъ годовъ было общество, назвавшее себя даже „Нимай“ въ память „уманьской рѣзни“, произведенной украинскими гайдамаками въ 1768 г.

изъ себя кадровъ для дѣятельности въ пользу плебейскихъ національностей придется произвести и овеликорушенной интеллигенціи невеликорусскихъ областей, на Украинѣ, въ Бессарабіи и др. Затѣмъ, сама великорусская страна слишкомъ велика, чтобы ее могла представлять одна, „единая и нераздѣльная“, политическая организація.*)

Когда такимъ образомъ въ каждой изъ областей и національностей Россіи организуются политическія общества, — тогда они образуютъ изъ себя настоящую федерально - демократическую партію, которая и возьмется за дѣло преобразованія Россіи въ дѣйствительно свободную въ политическомъ отношеніи страну, т. е., въ федерацію.

Преобразованіе это не можетъ быть дѣломъ очень короткаго промежутка времени. Еще самая идея имѣнио о федеративномъ устройствѣ Россіи, какъ мы видѣли, сознается далеко не многими. Разъ же сознанная, идея эта должна собрать около себя кружки, которые затѣмъ рѣшатся при-

*) Мы думаемъ, впрочемъ, что слишкомъ велика для этого и украинская область.

ступить къ организації правильныхъ политическихъ обществъ, а эти постѣдніе уже предпримутъ рядъ дѣйствій, отъ болѣе или менѣе мирныхъ до революціонныхъ, для достиженія своихъ цѣлей. Щѣли эти могутъ быть достигнуты не безъ борьбы не только съ теперешнимъ правительственнымъ элементомъ, но и съ другими, которые могутъ выступить на сцену изъ самаго теперешняго общества, воспитанного въ идеяхъ государственно-національной централизациі. Дѣйствующія въ настоящее время поколѣнія были бы счастливы, если бы имъ довелось увидѣть по крайней мѣрѣ заложеніе первыхъ основъ превращенія Россіи въ федеральное государство. Эти первыя основы, по нашему мнѣнію, могли бы быть и не очень радикальны, лишь бы онъ были твердо положены и искренно усвоены обществомъ, такъ чтоъ стали безповоротными, какъ, напр., безповоротны реформы, какія дѣлаются въ Англіи.

Самымъ прочнымъ залогомъ развитія Россіи въ направленіи федеральному и вмѣстѣ съ тѣмъ наибольшей экономіи ея силъ, которая иначе должны будуть затрачиваться на періодическія революціи и

реакції, было бы направлениe исхода настоящаго кризиса Россіи къ закладкѣ прочнаго мѣстнаго самоуправлениe, а не къ одному только установлениe центральнаго представительнаго собранія, по примѣру французскихъ конституцій. Франція, въ которой съ 1789 г. составлено семнадцать конституцій, испробовала съ тѣхъ поръ четыре революціи,— и все таки она вытерпѣла три солдатскихъ переворота, и едва съ недавнаго времени имѣеть слабые и неупроченные зачатки муниципальнаго самоуправлениe, все еще не полную свободу печати и сходокъ и не имѣетъ свободы ассоціацій: во Франціи даже синдикальныя камеры рабочихъ не признаны закономъ и, что всего характернѣе, *существование* этихъ ассоціацій рабочихъ, какъ и многихъ другихъ свобод, противно именно законамъ,— изданнымъ во время великой революціи (1791 — 1796) въ тѣхъ видахъ, чтобы воспрепятствовать возстановлениe старыхъ и установлениe контр-революціонныхъ ассоціацій! Вотъ что значитъ заботиться о замѣнѣ самодержавія монарха самодержавіемъ народа, не входя въ анализъ того,

что такое собственно составляетъ политическую свободу!

Такъ какъ общество состоитъ прежде всего изъ лицъ, а народъ (нація) изъ обществъ, а государство (которое часто называютъ народомъ въ политическомъ смыслѣ) часто изъ разныхъ народовъ, то политическая свобода должна прежде всего состоять изъ разныхъ круговъ учрежденій, которыя бы, не закрывая одинъ другого, обеспечивали свободу лицъ, обществъ, народовъ. Очень можетъ быть, что дѣло установленія политической свободы въ Россіи начнется съ созыва центрального *Земскаго Собора* — который, каковъ бы онъ ни былъ, даже какъ делегація существующихъ земствъ, все таки будетъ лучшимъ инициаторомъ реформъ, чѣмъ царскіе чиновники съ свѣдущими людьми или безъ оныхъ. Съ своей стороны мы думаемъ, что дѣло политической свободы, — которую мы, вслѣдъ за Прудономъ (*qui dit: liberté, dit fédération, ou ne dit rien*) считаемъ невозможною безъ федераціи, — тогда только вышло бы на вѣрную дорогу, когда бы оно было начато превинціальными движеніями и, если нужно, восстаніями. Но какъ бы ни началось это

дѣло, желательно было бы, чтобы устранинія царско-чиновническаго самодержавія не ограничились устройствомъ всероссійскаго Земскаго Собора, а чтобы тотчасъ же было обращено особенное внимание на установление законовъ и учрежденій, которые бы обеспечивали: а) свободу личную (неприкосновенность безъ суда, свободу вѣры и безвѣрія, свободу слова и печати, свободу сходокъ, безоружныхъ манифестаций; прошений, — свободу ношенія оружія и военно-гимнастическихъ упражненій,— право иска передъ судомъ противъ всякаго чиновника и учрежденія, нарушающаго личную свободу и законные интересы лица) б) свободу товариществъ,—частныхъ, культурно-национальныхъ и политическихъ, с) самоуправліеніе общинъ, сельскихъ и городскихъ, д) самоуправліеніе областныхъ единицъ, — начиная отъ менѣе крупныхъ, волостныхъ и уѣздныхъ, до болѣе крупныхъ, провинціальныхъ.

Организація самоуправліенія провинціального самое трудное теперь дѣло въ Россіи, такъ какъ въ періодъ московско-петербургской централизаціи, которая прибѣгала даже къ приемамъ ассирийской деспотіи,—умышленно-

му опустошенню областей и переселенію ихъ жителей, — естественная группировка населенія въ областяхъ разорвана и замѣнена часто совершенно произвольною группировкою ихъ въ уѣзда, губерніи и генераль - губернаторства, военные, учебные, судебные округа и проч. Изъ всѣхъ этихъ единицъ наиболѣе естественныя — уѣзды, хотя бы только потому, что онѣ наименьшія по объему, а слѣдовательно уѣзды и должны быть приняты за основу построенія провинціального самоуправлениія въ Россіи. Конечно, избирательные законы объ уѣздныхъ земствахъ должны быть измѣнены въ направлении какъ можно болѣе демократическому и затѣмъ выборными должны стать не только теперешнія земскія учрежденія, но и вся уѣздная администрація и полиція (что не представляетъ большой новости, такъ какъ при крѣпостномъ правѣ земскіе исправники были выбиралась дворянами). Губернскія учрежденія, вообще, должны быть организованы такъ, чтобы они только дополняли дѣятельность уѣздныхъ, а не являлись надъ ними начальствующею инстанціей. Что касается до губернского управлениія собственно, то мы думаемъ, что

Россії долго еще не удастся избавиться отъ „помпадуровъ“, называемыхъ губернаторами, которыхъ, по всей вѣроятности, сохранило бы, въ своихъ разсчетахъ, самое радикальное Учредительное Собраніе, какое только можетъ выставить теперешняя Россія. Но необходимо по крайней мѣрѣ совершенно оградить земскія учрежденія отъ давленія и теперешней почти кассаціонной власти губернаторовъ, сохранивъ за ними только одно административно-полицейское значеніе, обставивъ ихъ коллегіями съ участіемъ избираемыхъ членовъ и огравивъ выборныхъ уѣздныхъ чиновниковъ администраціи и полиції отъ производа губернаторовъ несмѣняемостью на срокъ выбора иначе, какъ по суду.*). Затѣмъ, уѣзднымъ земскимъ собраніямъ разныхъ губерній должно быть предоставлено право входить между собою въ соглашеніе касательно общихъ имъ нуждъ, равно какъ и земствамъ губернскимъ.

*.) Право иска передъ судомъ противъ всѣхъ чиновниковъ со стороны лицъ, корпораций и мѣстныхъ представительствъ за дѣйствія незаконныя и за исполненіе незаконныхъ предписаній высшаго начальства, (подобно праву существующему въ Англіи), помогло бы огражденію столько же мѣстнаго самоуправланія, сколько и личныхъ правъ.

Такимъ образомъ постепенно сложится естественная группировка уѣздовъ во вторичныя группы, которые могутъ со временемъ стать болѣе естественными, чѣмъ теперешнія губерніи, и въ естественныя же третичныя группы, — области въ собственномъ смыслѣ слова, для которыхъ жизнь опредѣлить и формы представительства, и кругъ дѣйствій послѣдняго. Возможно (и даже желательно), что нормальная организація уѣздовъ поведеть къ совершенной атрофіи губерній и къ установлению только двухъ автономныхъ единицъ: уѣзда и области собственно, съ ихъ двойнымъ представительствомъ. Во всякомъ случаѣ, двойственное ли, или тройственное, областное представительство послужить прочною гарантіей не только противъ произвола *центральной администраціи* и ея агентовъ, но и противъ стремленій *центрального представительства* къ господству надъ областями, при твердомъ установлении принципа, по которому никакое болѣе широкое представительство не имѣть власти надъ болѣе тѣснымъ въ извѣстномъ *кругѣ* дѣлъ, *завѣдываніе которыми всецѣло принадлежитъ извѣстнымъ мѣстнымъ учрежденіямъ*. Вмѣстѣ съ

тѣмъ только опираясь на свободныя областнія учрежденія, *всероссійскій Земскій Собор* получитъ прочное существованіе и избѣгнетъ опасности быть игралищемъ дворцовыхъ реакцій, партіонныхъ революцій и контрь-революцій и солдатскихъ переворотовъ,—какимъ игралищемъ служили съ 1789г. да служать отчасти и до сихъ поръ Национальныя, Учредительныя, Законодательныя и т. п. собранія централизованныхъ государствъ Западной Европы.

Обезпеченіе личныхъ правъ и общиннаго и мѣстнаго самоуправленія служить лучшую гарантіей и *правъ національныхъ*, которая, въ сущности, суть ни что иное, какъ права личныя: неприкосновенность извѣстныхъ особенностей лицъ и обеспеченіе для этихъ лицъ наиболѣе естественныхъ способовъ и путей развитія до общечеловѣческаго идеала. При нормальномъ ходѣ вещей, каждая національность придетъ къ организаціи своего, необходимаго въ особенности для достиженія цѣлей нравственнаго развитія, союза въ предѣлахъ всей области, ею населаемой, такъ что въ государствахъ разнонациональнѣхъ національные бассейны, — особенно,

когда они не слишкомъ велики (а это имѣть мѣсто почти во всей западной половинѣ Россіи), и представляютъ наиболѣе естественные области, которыя мы назвали третичными. Но въ настоящее время мы признаемъ, что априорное раздѣление Россіи, по этнографической картѣ на области, съ созданиемъ для каждой изъ нихъ своего рода центрального представительства, было бы дѣломъ слишкомъ доктринерскимъ, — особенно, принимая во вниманіе, что и національные границы теперь не вездѣ совпадаютъ съ границами экономическихъ бассейновъ. Априорное же вырѣзываніе провинцій по преобладающимъ численно національностямъ, — могло бы теперь создать въ каждой своего рода національные централизмы, въ родѣ тѣхъ, какие замѣчаемъ въ коронныхъ областяхъ Австро-Венгріи. А потому мы думаемъ, что и въ этомъ вопросѣ лучше всего начать построеніе зданія снизу вверхъ. Фундаментомъ для огражденія пеоприкосновенности національностей и свободнаго развитія ихъ должна быть прежде всего широта личныхъ правъ, свобода частныхъ ассоціацій, а также широта правъ общинъ и уѣздовъ устраивать свои дѣла, въ томъ

числѣ и дѣла народнаго образованія, въ которомъ национальность играетъ особенно важную роль. Право уѣздныхъ и губернскихъ земствъ входить между собою въ соглашеніе по общимъ для нихъ дѣламъ постепенно выработаетъ формы солидарности между землями, населенными каждою націей, и организуетъ завѣдываніе дѣлами каждой, въ томъ числѣ и дѣлами народнаго образованія, наиболѣе удовлетворительно.*)

Необходимо признать, что въ настоящее время осуществленіе на практикѣ совершенно безспорного въ теоріи права каждой націи на всѣ виды народнаго образованія на своемъ языкѣ обставлено немалыми трудностями. Трудности эти есть единствен-но результатъ прежней завоевательной, аристократической и бюрократической полити-

*.) Напомнимъ, что Швейцарія, въ которой пользуются неприкосновенностью не только три крупнѣйшія национальныя разновидности — нѣмецкая, французская и итальянская, но и мелкія: т. наз. ладинская и романская (въ Граубюнденѣ) — не только не разрѣзана на силошныя национальныя области, но даже имѣетъ кантоны съ смѣшаннымъ населеніемъ. Въ Швейцаріи национальная равноправность гарантирована неприкосновенностью личныхъ правъ во всей Федерации и общинахъ въ каждомъ кантонѣ.

ки, которой слѣдовали государства извѣстныхъ національностей, успѣвшихъ, по разнымъ причинамъ, естественнымъ и относительно-случайнымъ, занять привилегированное положеніе. Послѣдствіемъ старой политики было: раздѣленіе населеній извѣстныхъ областей на классовыя націи, задержаніе націй плебейскихъ на низшей степени литературнаго развитія и т. п. Дѣло вѣковъ приходится теперь поправлять съ извѣстнымъ вниманіемъ къ сложившимся жизненнымъ условіямъ, а не доктринерски, хотя бы и съ самыми благими цѣлями. И здѣсь самое лучшее начать работу снизу вверхъ,—отъ *образованія элементарного, которое и теперь вездѣ можетъ быть производимо на народныхъ языкахъ. Затѣмъ, высшее образование на національныхъ языкахъ должно быть вводимо, по мѣрѣ ихъ литературнаю развитія.*

Сообразно этому, напр., польскій языкъ долженъ теперь же стать языкомъ средняго и высшаго образования въ границахъ этнографической Польши и въ тѣхъ общинахъ за этими границами, которыхъ того пожелаютъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о языкахъ нѣмецкомъ въ городахъ прибалтійскихъ про-

винцій, который, впрочемъ, и теперь занимаетъ вполнѣ обезпеченнное положеніе. Мы полагаемъ, что въ этихъ провинціяхъ теперь же возможно учрежденіе среднихъ учебныхъ заведеній и съ преподаваніемъ на языкахъ эстонскомъ и латышскомъ, которые могутъ постепенно войти и въ университетское образованіе. Языкъ румынскій имѣть всѣ виды учебныхъ заведеній въ королевствѣ Румыніи, а потому учрежденіе румынскихъ гимназій не составить большої трудности для Бессарабіи, тѣмъ болѣе, что южная часть ея уже имѣла румынскія гимназіи (вмѣстѣ съ болгарскою) во время недавняго соединенія своего съ запрутскою Румыніей. Языкъ украинскій имѣть въ Австріи свои гимназіи (въ Львовѣ полную, въ другихъ мѣстахъ рел. и укр. лит.) и университетскія каѳедры (въ Львовѣ 4, въ Черновцахъ 1), но мы признаемъ, что обязательное введеніе этого языка даже въ гимназіи Южной Россіи теперь было бы сопряжено съ большими трудностями,— а потому это введеніе должно быть предложено естественному ходу жизни. Тоже слѣдуетъ сказать и о языкахъ литовскомъ и кавказскихъ съ тою только разницею,

что введеніе этихъ языковъ по крайней мѣрѣ въ гимназіи представляетъ тѣмъ болѣе настоятельную нужду, чѣмъ болѣе эти языки отличны отъ теперешняго государственнаго языка, великорусскаго. *Вообщѣ же вѣ тѣхъ случаѣахъ, ідѣ, вѣ уваженіе теперешняго положенія вещей, языкомъ средняго и высшаго образованія* нужно будетъ оставить языкъ великорусскій, до большаго развитія языковъ мѣстныхъ, необходимо: предоставить полную свободу преподаванія на этихъ языкахъ вѣ заведеніяхъ частныхъ и общихъ, а также ввести во всѣхъ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ особыя кафедры для мѣстныхъ языковъ, сознательное употребленіе и основательное знаніе которыхъ необходимо для всѣхъ мѣстныхъ дѣятелей. Кромѣ того, вѣ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ должно быть дано право какъ приват-доцентамъ, такъ и штатнымъ профессорамъ открывать курсы на какомъ и мѣ угодно языке (штатнымъ, конечно, за исключениемъ общеобязательного курса). Затѣмъ, областныя земскія собранія (разныхъ степеней) постепенно будутъ рѣшать вопросъ о степени широты обязательнаго

употреблениі того или другого языка въ среднемъ и высшемъ образованіи. На нашихъ глазахъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ съ аналогическою съ проектируемою нами постепенностью рѣшенъ былъ вопросъ объ уравненіи плебейскаго финскаго языка съ языкомъ шведскимъ, бывшимъ прежде единственно официальнымъ языкомъ въ Финляндіи,—и никто не пострадалъ ни отъ этого уравненія, ни отъ его постепенности, а всѣ жизненные интересы края выиграли.

По такому же способу можетъ быть рѣшенъ и вопросъ объ употреблениі разныхъ языковъ въ учрежденіяхъ судебныхъ и административныхъ, о чемъ мы не считаемъ нужнымъ распространяться дѣле, такъ какъ этотъ вопросъ не имѣть такого общаго значенія, какъ вопросъ о языкахъ въ школахъ. Вопросъ же о языке, на которомъ будутъ переписываться между собою разныя присутственныя мѣста, есть болѣе дѣло канцеляристовъ, чѣмъ населенія собственно.

Какъ видитъ читатель, набросанныя сейчасъ соображенія не представляютъ че-го нибудь неудобоисполнимаго и даже отличаются значительною уступчивостью сло-

жившимся уже условіямъ жизни. Въ дѣлѣ реформы, главное, чѣмъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ дорожить,—это не столько попытками сразу осуществить всецѣло то, чего требуетъ теорія,—что по большей части не удается и ведетъ за собою сначала реакцію, а потомъ вредный оппортунизмъ, т. е., уступчивость качественную, а не количественную,—сколько яснымъ опредѣленіемъ направления, въ какомъ безповоротно должны быть дѣлаемы реформы, сообразно росту общественнаго сознанія. Въ данныхъ, занимающихъ нась, вопросахъ для нась важно, чтобы различные политические дѣятели въ Россіи искренно признали несоответствіе централистически-национальныхъ идей, польскихъ и великорусскихъ, съ интересами общей свободы и жизни различныхъ народовъ и областей бывшей Польши и теперешней Россіи. Сознаніе это, по закону вещей, должно отразиться на ихъ политическихъ идеалахъ, на способахъ ихъ дѣятельности и, наконецъ, на плодахъ этой дѣятельности. Мы не позволяемъ себѣ пускаться въ частныя опредѣленія какъ спо: обовъ, такъ и плодовъ этой дѣятельности. Равнымъ образомъ мы не считаемъ для себя возможнымъ пускаться въ

соображенія и о томъ, кто собственно теперь можетъ взяться за осуществленіе желаемаго нами преобразованія Россіи, тѣмъ болѣе, что, правду говоря, всѣ, заявивши себя въ послѣднее время общественные элементы, — правительственные, революціонные и земскіе, очень мало возбуждаютъ въ наਸь оптимистическихъ ожиданій. Правительство, — даже послѣ того какъ всяческие громы, отъ плевненскаго до взрыва бомбы надъ Екатерининскимъ каналомъ и еврейскихъ погромовъ, — пробили его толстокожіе, очевидно, старается только „время провести“. Степень его реформаторской искренности видна уже изъ того, что даже въ то время, когда оно подбираетъ всевѣдущихъ людей на помощь своему невѣденію, оно не только не думаетъ снять уздечку съ печати, которая одна теперь могла бы послужить голосомъ новыхъ людей изъ общества, но даже давить и существующія покушающіяся быть независимыми изданія. Революціонеры, пока останутся при теперешнемъ своемъ составѣ, — преимущественно юношескомъ и безпрофессиональномъ, — и на теперешней степени своего политического образования, безсилны произвести что либо,

кромѣ „террористическихъ“ опытовъ и смутнаго броженія въ странѣ,—которые, конечно, колеблютъ существующее устройство государства, но не валятъ его окончательно и не замѣняютъ его новымъ; теперешніе революціонеры въ Россіи не въ состояніи даже организовать сколько нибудь широкое движеніе ни въ т. наз. интеллигентіи, ни въ т. наз. народѣ. „Земцы“ въ массѣ своей слишкомъ пассивны и даже тѣ изъ нихъ, которые до сихъ поръ дѣлали правительству замѣчанія о недостаткахъ теперешняго управленія, не только не возвысились до систематической его критики, съ противопоставленіемъ ей также систематического идеала,—но даже унижались до постановки всего вопроса о реформахъ въ Россіи такъ, что якобы самостоятельное земство лучше будетъ бороться съ „крамолою“, чѣмъ полиція.

Очевидно, что для проведенія сколько нибудь дѣйствительной реформы политического строя Россіи, нужны совсѣмъ новые люди. Слѣдуетъ надѣяться, что, если страна способна дать ихъ, то они появятся въ областныхъ и национальныхъ *политическихъ обществахъ*, составленныхъ изъ лицъ зреѣлыхъ, разныхъ профессій. Но гадать

не только о способахъ дѣйствія, но даже о составѣ этихъ обществъ, да еще изъ „прекраснаго далека“, было бы дѣломъ напраснымъ. Съ своей стороны, мы считаемъ задачу свою законченную, если намъ удались критикою политики и стремлений до сихъ порь заявившихъ себя дѣятелей—изъ обществъ, отъ которыхъ до сихъ порь наиболѣе зависѣлъ ходъ дѣлъ на Востокѣ Европы, — указать на то, что, по нашему мнѣнію, было и есть въ нихъ ошибочнаго, и если намъ удастся, наброскомъ въ общихъ чертахъ нашихъ соображеній относительно болѣе цѣлесообразнаго направлениія усилий къ установлению хотя бы элементарной свободы для населеній обширной страны,—возбудить въ читателяхъ охоту къ самостоятельному пересмотру затронутыхъ нами вопросовъ. Только послѣ всесторонняго разсмотрѣнія сложныхъ политико-соціальныхъ отношеній, какія установились теперь на Востокѣ Европы, и въ частности въ Россіи, могутъ выработаться и правильные принципы политики въ этой странѣ. Правильные же принципы эти, — будучи разъ въ мысляхъ общественныхъ дѣятелей и перешедши въ ихъ горячія

желанія, всегда найдутъ себѣ виѣшнюю форму выраженія и средства для исполненія, — какъ и наоборотъ, самая горячая преданность извѣстному дѣлу, доходящая даже до героизма, но не вооруженная сознаніемъ надлежащаго его направленія и дѣйствительной его обстановки, почти всегда приводить только къ болѣе или менѣе бесплодной тратѣ силъ личныхъ и общественныхъ.

М. Драгомановъ.

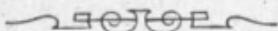
ПОПРАВКИ И ДОБАВКИ.

На стр.355, „Imprimerie Polonaise“ Chemin Neuf, заявила въ письмѣ въ редакцію „Вольного Слова“, что измѣненіе заглавія „Program socjalistów polskich i ruskich wschodniej Galicji“ на „Program socjalistów Galicyjskich“ сдѣлано не типографіей. Но оно все таки сдѣлано не авторами. — (См. „Вольное Слово“, № 18).

Къ стр. 388. Г. Лимановскій заявилъ въ письмѣ въ „Общее Дѣло“ (№ 46) что онъ не предъявлялъ „мандата“ отъ „Люду Польскаго“. (См. „Вольное Слово“, № 23).

На стр. 415, въ строкѣ 3 сверху передъ словомъ *никто* пропущено *и* *но* *да*.

Къ стр. 447, Послѣ проявленія аитиеврѣйскаго движенія и въ Польшѣ, все, сказанное о необходимости пропаганды солидарности между еврейскимъ и христіанскимъ пролетаріатомъ на Украинѣ, получаетъ значеніе и для Польши.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. *Вступление*: Отношениe поляковъ къ русско-му революционному движению въ 1860—1863 гг. и теперь. Настоящее русское революционное движение и иеруссакіе народы въ Россіи. (3—14).

II. *Географо-этнографическая условия Восточной Европы и польская и великорусская централизация*: Естественные области Восточной Европы, условія ихъ автономіи и союза и пертурбациі въ союзныхъ-отношенихъ; централизація польская въ XV—XVII ст. и реакція ей: стремленіе Диїпровско-Двинскихъ областей къ сепаратизму отъ Польши и къ союзу съ Московіей; неумѣлость и централизмъ московскихъ политиковъ въ Українѣ и Бѣлоруссіи съ 1654 г.: поддержка, оказанная московскимъ централизмомъ польскому; перевѣсь военно-дипломатической политики въ Московіи надъ политикою общественною, какъ причина медленного разширенія московско-петербургскаго государства до к. XVIII в. и развитія въ немъ бюрократического строя; торжество системы администраціонной централизаціи въ Россіи съ к. XVIII ст. (14—48).

III. Совпадение взглядовъ польской аристократіи и великокорусской бюрократіи и общества на т. наз. Западный Край и самостоятельное начало возрождения плебейскихъ наций этого края въ XIX ст.: Политика правительства въ „губерніяхъ“ отъ Польши возвращенныхъ“, миѳнія Карамзина; польское украинофильство и литвофильство; Декабристы и польскія тайныя общества въ 20-е годы; упадокъ польского украинофильства и литвофильства послѣ 1831 г.; Николай I и Устрицовъ; львовережное украинофильство: харьковскій романтизмъ, козацкій либерализмъ и демократизмъ въ „Исторіи Русовъ“, демократизмъ и славянствъ федерализмъ въ кievскомъ кружкѣ Шевченка и Костомарова; его подавление въ 1847 г.; незнакомство великокоруссовъ съ украинскимъ движениемъ и вообще съ Западнымъ Краемъ въ 40-е и 50-е годы: примѣры Бѣлинского, Хомякова, гр. Каткова и И. Аксакова. (48—70).

IV. „Колоколъ“ и польский вопросъ до к. 1862 и: московскій гегеліанизмъ и славянство у Герцена; критическое отношеніе Герцена къ исторической Польшѣ и великокорусскій мессіанизмъ; сильные и слабые стороны статей Герцена „Россія и Польша“ въ „Колоколѣ“ 1860—1861 гг.; статья украинского федералиста въ „Колоколѣ“ 1860 г. (70—113).

V. Герценъ и польские революционеры въ 1862—1863 и.: Переговоры Герцена съ делегатами варшавского центрального комитета; вопросъ крестьянской и плебейскихъ народовъ истори-

ческой Польши въ этихъ переговорахъ и въ прокламаціяхъ „народнаго правительства“; колебанія Герцена и его незнаніе настроенія украинцевъ; откровенія въ посмертныхъ сочиненіяхъ“ Герцена. (113—146),

VІ. Федерально-народныя идеи и ихъ непрочность въ великорусскомъ обществѣ въ 1860-е годы: Бакунинъ и польскій вопросъ до польского взрыва и во время его; великорусские революціонеры-практики того времени; „Великоруссъ“, „Земля и Воля“; профессорскій федерализмъ въ Россіи: Павловъ, Щаповъ; Костомаровъ и представленія великоруссовъ объ украинскомъ сепаратизмѣ. (146—169).

VII. „Современникъ“ и „Земля и Воля“ въ польскомъ вопросѣ: вѣрныя теоретическія основы и незнаніе подробностей польского вопроса у Чернышевскаго; великорусская субъективность въ юнкѣ явленій жизни западныхъ славянъ: субъективность восточническая и западническая; положеніе дѣлъ въ Галиціи и украинская „хлопоманія“, ускользнувшія отъ вниманія Чернышевскаго и великорусскихъ демократовъ вообще. „Комитетъ русскихъ офицеровъ“ въ Польшѣ. (169—214).

VIII. Польскій вопросъ у великорусской эмиграціи съ $\frac{1}{2}$ 1863 по 1872 г.: крушеніе идеи исторической Польши въ З. Европѣ; политическая реакція и демократической цезаризмъ въ Польшѣ и Западномъ Краѣ; отношеніе къ нему Герцена; Бакунинъ и польские соціалисты; ученіе объ анархіи и польское историческое государство; Бакунинъ

и г. Мрочковский въ „Союзъ Мира и Свободы“; Alliance de la démocratie socialiste и Towarzystwo socjalistyczne polskie; разногласія Бакунина съ поляками и его попытки пропаганды среди украинцевъ и славянъ вообще. (214—251).

IX. Государственный национализмъ у великорусскихъ интернационалистовъ 70-хъ годовъ: вліяніе обрусительной школы на молодыя поколѣнія и литературу съ 1866 г.; упадокъ самостоятельной мысли и подражаніе парижскимъ и берлинскимъ образамъ въ столичной русской интеллигенції; вліяніе нѣмецкой соціал-демократіи на русскихъ соціалистовъ; отношение нѣмецкихъ соціалистовъ къ польскому вопросу и ихъ антипатія къ славянству; смыщеніе въ Россії ідеи интернационализма съ идеей безнаціонализма и обращеніе послѣдней въ государственный национализмъ; „Набатъ“ и русские „якобинцы“ о національностяхъ и Польши. (251—289).

X. (Продолженіе) „Впередъ“ и русские соціал-демократы о русскомъ отечествѣ, его единству, славинахъ и польскомъ вопросѣ; теорія „Впереда“ о двухъ центрахъ: Россіи и Польши; „Впередъ“ о перескихъ народахъ и русскихъ интересахъ; нѣмецкіе и русские соціал-демократы на лондонскихъ банкетахъ 1875 г. въ память польскихъ восстаний 1863 и 1830 гг.; отношение польской національной печати къ русскимъ соціалистамъ до обнаружения соціализма въ Галиції въ 1877 г. и послѣ; великоруссы на банкетѣ „Równosci“ въ память 50 л. польского восстания 1830 г. — Попытки федерально-народного направленія въ

великорусской соціалистической печати 70-хъ годовъ: „Работникъ“, „Община“ и реакція негосударственному федерализму въ „Общинѣ“ же и въ статьѣ г. П. Л. въ *Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. — Мысль о дифференцированіи русскаго соціально-революціоннаго движения,—ея слабость у русскихъ и выступленіе самостоятельныхъ иерусскихъ соціалистическихъ группъ въ Восточной Европѣ. Украинскіе соціалисты и ихъ неизбѣжный федеральный, виѣгосударственный интернализмъ. (285—345).

XI. Политическое направление въ соціалистическомъ движении въ Россіи: Естественность идеи о политической свободѣ у соціалистовъ негосударственныхъ народовъ вообще и украинцевъ въ частности; отрицательное отношение къ политическому вопросу великорусскихъ и обрусьскихъ „народниковъ“; эмпирическое увлеченіе послѣднихъ въ политическую борьбу: терроризмъ и надежды „Народной Воли“ на торжество соціализма во всероссійскомъ Учредительномъ Собраниі; слабость шансовъ чистаго соціализма въ Россіи и возможность установленія въ ией начальной политической свободы и аграрно-фабричныхъ реформъ, при поддержкѣ со стороны народныхъ массъ; условія и возможность народнаго движения въ разныхъ областяхъ Россіи; необходимость федеральной программы для освободительнаго движения въ Россіи. (345—372).

XII. Польский государственный вопросъ въ польской печати послѣдняго времени: крѣпость историческихъ идей въ польской печати и отступлений

отъ нихъ: „Glos z Koronу“ и познанскіе голоса въ противуположность галицкимъ; анти-историческіе голоса польскихъ соціалистовъ съ 1877 г.: процессъ во Львовѣ, голосъ „изъ подъ русскаго захвата“; „программа польскихъ и украинскихъ соціалистовъ Восточной Галиції“; „историческая“ и государственныя стремления среди польскихъ соціал-демократовъ: г. Лимановскій, „Людъ Польский“; программа „Rѣwnoścі“; посланіе „Przed-świta“ къ русскимъ соціалистамъ. (372—401).

XIII. Великорусскія революціонная печать послѣдняго времени по отношенію къ федерализму и негосударственнымъ народамъ: слабость теоретической и литературной стороны въ великорусскомъ революціонномъ движениі послѣдняго времени; якобинское теченіе въ этомъ движениі; федеральный вопросъ среди русскихъ террористовъ; ихъ государственно-централистическая стремления; „народная воля“ и „политическая свобода“; опыты обращенія „исполнительнаго комитета“ къ областнымъ населеніямъ: къ украинскому народу и козакамъ; примѣчаніе о связи терроризма и централизма. (401—425).

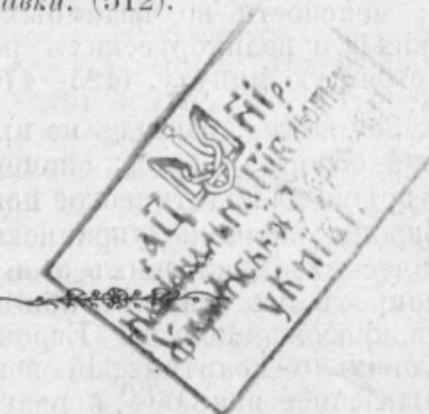
XIV. (Продолженіе) Попытки федеративныхъ стремлений среди „русскихъ народниковъ“ и несогласимость ихъ съ желаніемъ удержать российскій характеръ и единство всероссийской организации: „Черный Шердѣль“, „Русская Соціально-Революціонная Библіотека“; украинское предложеніе о Федеральной, виѣгосударственной организации пропаганды соціализма въ Восточной Европѣ и оппозиція ему „русской“ и польской эмигра-

ції; національно-государственныя ідеи въ посланні „Przedświta“ къ „рускимъ товарищамъ“; необхідимость областныхъ федерально-народныхъ організацій, доказанная недавними событіями въ українській області; предложеніе єврейскихъ и українскихъ соціалістовъ въ еміграції передъ взрывомъ анти-єврейского движіння на Українѣ; отрицательное отношение къ этому предложению „Równosci“ и „Черного Передѣла“; отношение этихъ органовъ къ русинамъ въ Галичині; неясноти во взаимныхъ отношеніяхъ польскихъ и великорусскихъ революціонеровъ въ настоящую минуту. (425—476).

XV. *Заключеніе*: взглядъ на предидущій исторический обзоръ; общее значение украинской точки зреінія на политическое положеніе Восточной Европы; значение украинского элемента въ политическихъ движеніяхъ этой страны; польский вопросъ въ связи съ общимъ политическимъ вопросомъ Востока Европы; соціализмъ и національно-политической вопросъ въ Польши; нынѣшнее значение первого преимущественно въ Прусской и Австрійской Польши и втораго въ Россіи; возможность свободы и автономіи Российской Польши въ границахъ этнографическихъ; путь сепаратизма и федерализма для поляковъ; невѣроятность добровольныхъ уступокъ русского правительства полякамъ и необходимость польской агитациі, сообща съ другими элементами населенія Россіи для политического ея преобразованія; необходимость федерально-демократической программы; вѣроятные и желательныя ближайшія реформы въ по-

литическомъ строѣ Россіи: огражденіе личныхъ правъ и мѣстное самоуправліе; тоже, какъ единственная прочная основа всероссийскаго представительства; основы неприкосновенности національностей и ихъ самоуправліе, особенно въ дѣлахъ народнаго образованія; необходимость областныхъ политическихъ обществъ для проведения программы политического преобразованія Россіи. (477—511).

Поправки и добавки. (512).

КОЛЕКЦІЯ
дорогол. нелегальн.
ВИДАНЬ